

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

**THE BELARUSIAN
ARCHEOGRAPHICAL
YEAR-BOOK**

Founded in 2000

Volume 15

Minsk
2014

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 15

Мінск
2014

УДК 930.25(476)(058)

У пятнаццатым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» друкуюцца матэрыялы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, кадыкалогіі, тэксталогіі і гісторыі дзяржаўных устаноў. Публікуюцца дакументы па сярэдневяковай, новай і найноўшай гісторыі Беларусі, агляды архіўных фондаў і іншыя матэрыялы.

Прызначаны для архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДІДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), У. І. АДАМУШКА,
Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА, В. А. ГАПАНОВІЧ, С. У. ЖУМАР, Д. У. КАРАЎ,
У. К. КОРШУК, В. А. КОСМАЧ, У. П. КРУК, М. В. ЛАРЫН (Расія),
І. Б. МАЦЯШ (Украіна), В. Л. НАСЕВІЧ, Ю. У. НЕСЦЯРОВІЧ,
В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, А. М. САРОКІН, В. Д. СЕЛЯМЕНЕЎ,
М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках

© БелНДІДАС, 2014

АРТКУЛЫ

К. И. Козак,*доцент кафедры источниковедения БГУ,**кандидат исторических наук;*

e-mail: kozak@ibb.by

**БЕЛАРУСЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ЕЕ ПУТЬ К ОСВОБОЖДЕНИЮ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Характер войны, образ оккупации. Наиболее значимым явлением в системе координат мирового развития по своей масштабности, людским и материальным потерям, идеологическому противоборству мировых общественных систем является Вторая мировая война. В нее было втянуто 61 государство с населением в 1 млрд 700 млн человек, а военные действия охватили 40 стран мира. В ходе войн и конфликтов на ее фронтах, в тыловой части и зонах оккупации погибло свыше 55 млн человек [92]. И это только одна из причин столь пристального внимания к итогам прошлого со стороны общественности и историков.

Прошло около 70 лет со времени окончания Второй мировой войны. Тем не менее послевоенный опыт сосуществования мирового сообщества свидетельствует о наличии различных концептуальных подходов, оценок и освещения ее исторических итогов и уроков. С одной стороны, народы Советского Союза, имевшие наибольшие человеческие и материальные потери, но в итоге внесшие наибольший вклад в победу, представили свой чисто советский характер понимания военных событий. Всенародная героическая борьба против фашистской Германии и ее союзников на фронтах и в тылу всецело зависела от руководства КПСС, а освободительная миссия Красной Армии для Европы и мирового сообщества приобретает в оценках глобальную или даже планетарную значимость [124; 125]. С другой, не без влияния политизации образа войны, особенно в кругу историков ведущих стран Европы и Америки — США, Великобритании, Франции, других стран — фронтовые события, как и участие в оккупационной политике военных и других формирований, в большей степени представлены с учетом особых национальных интересов [318—319; 329; 331; 340; 363; 372; 377; 394; 398; 414; 417—418; 429]. Даже немецкие историки в такой ситуации не стали исключением [332; 343; 348; 351—352; 386—388; 392; 425]. В итоге — Победа представлена как результат деятельности прежде всего западных союзников антигитлеровской коалиции, где роль и значение усилий СССР малозначительны.

По представлению советских историков для европейской исторической литературы характерна одна общая черта — почти ничего или недостаточно говорить о жертвенной миссии народов Советского Союза и его значимом вкладе в победу [50, с. 6]. Такой подход определялся тем, что территория Советского Союза в завоевательных планах Германии на востоке занимала особое место.

Практически 70 млн человек соприкасались с находящимися там от 190 до 270 дивизий германского блока [44, с. 52; 77, с. 163, 168—169; 175, с. 55—56].

Что касается Беларуси, то она одной из первых в СССР подверглась военной и политической агрессии со стороны Германии. С 22 июня 1941 г. по 28 июля 1944 г. на оккупированной территории Беларуси проживало около 8 млн человек. Практически все они были вовлечены в систему экономического порабощения, преступной деятельности военных и политических органов национал-социалистической Германии по уничтожению еврейского населения, военнопленных, участников сопротивления и представителей советской интеллигенции. Тем не менее сотни тысяч жителей Беларуси были вовлечены в вооруженную борьбу, миллионы становились их помощниками, а в итоге количество жертв возрастало. При этом большинство населения стремилось выжить в условиях жестокого оккупационного режима, где голод, разруха, нужда толкали к радикальным действиям. Применение к ним наиболее эффективных, с точки зрения германского политического командования, методов управления, имело катастрофические последствия. Невосполнимые людские и материальные потери составили около 3 млн человек, в т. ч. 810 тыс. военнопленных, около 400 тыс. вывезенных на принудительные работы в Германию и другие страны Третьего рейха. Более 140 карательных операций стали составной частью оккупационного режима. В их ходе было уничтожено 5454 населенных пункта, в т. ч. 630 были сожжены вместе с жителями (325 населенных пунктов не восстановлены), 4824 населенных пункта — с частью населения (337 не восстановлены). Следует учесть и тот факт, что созданная германскими органами тыловая система укреплений по линии фронта затрудняла продвижение Красной Армии на территории Беларуси. Это сказалось на ее общих потерях во время освобождения Беларуси в период 1943—1944 гг. (216,6 тыс. чел.) [9, с. 32; 140, с. 121; 162, с. 14, 80—81].

С другой стороны, в республике действовало массовое антифашистское вооруженное сопротивление: 374 тыс. партизан, около 400 тыс. резерва из состава местного населения, более 70 тыс. подпольщиков, около 12 тыс. антифашистов, а также миллионы обычных граждан, оказывавших посильную помощь частям Красной Армии и партизанам в организации различных способов противодействия политике германских органов. Немалая часть населения, как подростки, престарелые люди, наблюдая за противоправным поведением оккупантов, с неприязнью относились к их политике и при возможности оказывали посильную помощь слабым [27, с. 10, 14—15].

Этапы разработки истории войны. Практически к 1941—1942 гг. относится начало разработки истории борьбы в тылу оккупантов. В первых публицистических и научных статьях, в брошюрах о партизанской войне рассматривались важнейшие методологические вопросы: о народном характере борьбы, источниках партизанского движения, формах и методах борьбы в тылу германской армии. При этом, в период 1941—1945 гг. разработка вопросов истории

войны не могла осуществляться успешно по причине специфики военных условий, ограниченности средств, узости источниковой базы, малочисленности подготовленных кадров исследователей. Однако были определены пути организации научных исследований по накоплению и систематизации материалов, заложены основы советской истории Великой Отечественной войны. Началось издание сборников, в которых содержались важные исторические документы и материалы. Всего было издано около 30 сборников документов и материалов, в которых разоблачались преступления германских органов на оккупированной советской территории. В этих и других работах авторы стремились дать определение характера войны, ее цели и задачи, установить основные этапы, действия Вооруженных сил [86; 138; 195; 225, с. 524—526; 240; 271].

Второй этап характеризуется массовой подготовкой партийных специалистов, концентрацией материалов о войне в архивах, систематизацией накопленных фактов, более глубоким, всесторонним изучением и обобщением их, началом разработки важнейших методологических проблем. Деятельность Института истории АН СССР и создание в 1946 г. Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) определяли главные исследования. Этому в некоторой степени послужило создание ряда структурных организаций: комиссии по истории Великой Отечественной войны (ликвидирована в 1945 г.), комиссии по сбору материалов при ЦК ВЛКСМ, в том числе при республиканских комитетах. Кадры партийных историков, призванных определить роль партийных органов, концентрировались вокруг Института марксизма-ленинизма при ЦК КП(б) и его филиалах. Развернули работу по сбору и хранению материалов архивные учреждения страны. В июне 1943 г. на Всесоюзной конференции историков-архивистов, посвященной 25-летию архивного строительства СССР, был заслушан важный для понимания процесса комплектования доклад В. В. Максакова «Задачи государственных органов СССР по собиранию и хранению документальных материалов Великой Отечественной войны» [127, с. 75—81; 225, с. 526—527].

Таким образом, опираясь на марксистско-ленинское учение о войне, исходя из единых методологических принципов, историки приступили к разработке ряда методологических проблем. Предметом научного осмысления, научных обсуждений и дискуссий стали вопросы периодизации, анализа характера и особенностей, оценка периодов войны, характер и особенности борьбы в тылу. Так, первые воспоминания о белорусском партизанском движении были подготовлены спустя 4 года [158; 177]. Наиболее активно эти проблемы стали обсуждаться в первой половине 1950-х гг. В 1953—1955 гг. появляются обобщающие труды, которые, однако, носили обзорный характер. При этом многие аспекты не получили в них необходимого освещения и должной оценки. Практически за 10 послевоенных лет по истории Второй мировой войны было опубликовано около 1200 книг, брошюр и журнальных статей [224; 225, с. 529—530, 533].

Третьим этапом принято считать период 1956—1965 гг., который характеризуется усилением партийно-государственного контроля за разработкой основных направлений исторических исследований Великой Отечественной войны. Так, усилению традиционных подходов способствовали решения ЦК КПСС от 12 сентября 1957 г. об издании многотомного труда по истории Великой Отечественной войны Советского Союза, который, по представлению организаторов, должен охватывать все стороны военной истории 1941—1945 гг. Уже через год данные вопросы рассматривались в созданном «Военно-историческом журнале», военно-мемуарной редакции Воениздата. Была осуществлена попытка представить Советский Союз в системе хода событий Второй мировой войны [63; 225, с. 536, 538; 245].

В этот период существенно активизировалась разработка истории войны на оккупированных территориях. Исследование шло по нескольким направлениям: детальное изучение событий на местах и написание работ локального характера (действия отдельных отрядов в районах и областях), а также создание обобщающих работ республиканского масштаба. Таким образом, представлена общая концепция сопротивления германскому оккупационному режиму [167; 186; 261]. Некоторые вопросы стали предметом обсуждения на юбилейных научных конференциях [65].

В этот же период значительно пополнился фонд военно-мемуарной литературы. Примерно 500 книг, сборников и статей стали важным историческим источником специфического жанра литературы о войне. В результате за 20 лет послевоенного времени в Советском Союзе было опубликовано более 20 тыс. книг и статей, посвященных истории Великой Отечественной войны, из них 4,5 тыс. — военно-исторические работы, среди которых было около 400 крупных монографических исследований [55, с. 6, 96; 225, с. 551; 226, с. 354]. Их анализ представлен в первом обобщающем труде «Краткая историография Великой Отечественной войны и Второй мировой войны», опубликованном в 6 томах «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945» [129]. Это издание построено на национально-исторических и идеологических принципах, полностью отражает официальную историческую доктрину и несет в себе печать «холодной войны». Но данное издание больше приблизилось к интеграционному методу рассмотрения темы, чем западные проекты. Наряду с преобладающим комплексом военно-политических проблем в нем рассматриваются экономические, общественные, идеологические, культурные и технические аспекты. Этот труд не стал взвешенным исследованием конфликта 1939—1945 гг.

Четвертый этап (1966—1990 гг.) можно охарактеризовать появлением значительного числа работ по героизации советского народа, прославлению его политического руководства. Подготовленная «История Второй мировой войны» в двенадцати томах, перед которой стояла задача активно вмешиваться в идеологическую борьбу между социализмом и капитализмом, не смогла

послужить объективной историографической науке. В основном фронтовые действия и партизанская борьба против германских агрессоров стали основой работ. В них только фрагментарные сведения характеризовали германский режим на оккупированных территориях [59; 73; 130; 191; 298; 316].

Пятый этап можно определить с конца 1991 г. Этому способствовало изменение политической карты, стремление стран Восточной Европы, бывших республик СССР, освободившихся от диктата политического руководства Москвы, представить свои взгляды на историю и события в стране с национально-государственных позиций [336; 342]. Учитывая перманентный, массовый характер такого процесса, когда за короткий период времени появилось немало противоречивых, а по ряду вопросов комплементарных работ, связанных с историей, организацией и структурой различных ведомств германского рейха, то достаточно сложно представить всю палитру и полноту современной историографии [75; 115; 116; 157; 165; 203; 265]. Тем не менее можно отметить преемственность советской школы российских историков [131; 168; 209; 244; 257; 267], которые не стали концентрировать внимание на процессах в бывших республиках, в том числе Беларуси. Данный пробел с большим творческим энтузиазмом восполнили представители независимых республик бывшего Советского Союза. В разнообразии их материалов содержится немало характерных такому времени противоречий и неоднозначных суждений [135; 159; 266; 268].

Следует особо выделить усиливающееся влияние на состояние военной советской и постсоветской исторической школы представителей германской историографии. Так, в определении основных направлений научной деятельности по проблемам Второй мировой войны прежде всего усилиями Военно-исторического научно-исследовательского института Германии в дополнение к 10-томной серии монографий «Германский рейх и Вторая мировая война» издан сборник работ, насыщенных проблемными вопросами международно-го, идейно-политического, социально-экономического, оперативно-стратегического характера [66]. В рамках данного исследования вызывают интерес разделы об экономических и социально-политических проблемах, а именно: насколько экономические тенденции доминировали в осуществлении оккупационной политики. Выявленная авторами взаимосвязь между нацистской политикой и методами ведения войны, расовой доктриной и войной, представлена как страшные, но типичные элементы национал-социалистической идеологии и политики.

Пожалуй, исследователи войн не имели столь законченной концепции войны, столь конкретных и категорических социальных установок по поводу того, как надо писать историю войны и как оценивать и понимать ее важнейшие события, какую имели советские историки [166, с. 280; 311, с. 476—489].

Что касается определения концепции войны и ее характеристик, то сложность исследования данной проблемы в первые послевоенные десятилетия была обусловлена идеологическим противоборством бывших государств

победителей и побежденных, а затем противостоянием СССР и Западом и США. Учитывая, что Советский Союз представлял государственно-политическую монополию на прошлое, особенно в изучении вооруженной борьбы, то созданная им концепция соответствовала героической войне с классовым врагом. Перемены обновляющегося мирового сообщества 1990-х гг. XX ст. положили начало новому осмыслению итогов Второй мировой войны. Среди таких значимых проблем, в частности, — оккупационный режим на территории СССР. В отличие от прошлого, когда акцент делался на преступлениях оккупантов против местного населения, прослеживалось невнимание к коллаборационистскому движению, повседневности и др., в фокусе современного историка поиски новых подходов и ценностное восприятие событий, преодоление навязанных советской идеологией стереотипов и мифов, выход на новые, ранее не изучавшиеся темы, в исследовании которых отсутствует сложившаяся историографическая традиция. Немаловажным стало и введение в научный оборот документального материала по истории Великой Отечественной войны, более дифференцированного подхода к проблеме оккупационного режима [209, с. 177—192; 212, с. 40—50].

В современных условиях процесс приобрел черты конструктивной научной доминанты, направленной на мирное сосуществование народов и государств. Историческая память, которая лежит в их основе, способствует установлению осознания общечеловеческих ценностей уважения прав и достоинства народов, личности, ориентирует на примирение и взаимопонимание. Историографическая традиция войны, сформированная личной заинтересованностью руководителей страны в оценках ее основных событий и деятелей, в последние годы переходит на путь иных требований — научности, стремящейся на основе беспристрастного логического анализа к постижению истины.

Советский и белорусский образ германской оккупации Беларуси. В силу политических и, прежде всего, идеологических причин такая важная социальная значимость среди стран Европы, как наличие массовых и разнообразных форм сопротивления в СССР, способствовало обособленному анализу событий Великой Отечественной войны как отдельной части Второй мировой [48; 56; 129; 318, с. 165—167]. В результате, учитывая весомый фактор победы в войне против Германии, достигнутой СССР совместно с другими государствами антигитлеровской коалиции, прежде всего организация всенародной борьбы в Беларуси под руководством Коммунистической партии, наряду с фронтовой темой, стала основной в художественно-публицистической, а затем и научной литературе. Так, первые публикации о характере войны были представлены статьями и интервью с партийными и советскими руководителями П. К. Пономаренко, Т. С. Горбуновым, М. В. Зимяниным и другими в средствах массовой печати и брошюрах. Некоторые элементы государственной идеологии в концепцию войны были внесены Комиссией по истории Отечественной войны при ЦК КП(б)Б, созданной летом 1942 г., и Чрезвычайной Государственной Комис-

сией по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков [72; 123; 182, с. 256]. Практически творцом данной концепции стал руководитель НКВД БССР Л. Ф. Цанав. Его направленность соответствовала социалистическим идеалам борьбы, «организованной и направленной партией Ленина—Сталина, именем великого вождя, учителя и полководца любимого Сталина». Такой необходимый элемент политической культуры, несмотря на смену партийных и советских руководителей, для историков и исследователей истории войны оставался практическим путеводителем [305].

Так, не меняя направленности исследовательского объекта, появились научные работы П. П. Липило, И. С. Кравченко, Р. Т. Абловой, А. И. Залеского, А. Ф. Хацкевича, Р. Р. Крючка, Я. С. Павлова и других [1; 114; 160; 178; 228; 302]. Основными темами данных работ стали формы антифашистской борьбы, антигуманные проявления национал-социализма и величие коммунистических идей защиты социалистического отечества. Поэтому материалы о деятельности Красной Армии, партизанских формирований, партийного, комсомольского и антифашистского подполья на территории Беларуси отражались лишь в соразмерности их героико-патриотической деятельности советских и партийных органов при некоторых характеристиках оккупационного режима. Региональный аспект руководства всенародной борьбой оставался главным, а другие исследовательские направления находились в тени общесоюзного видения проблем войны [275].

Тематика и характер исследований российских и украинских историков. В новых условиях с 1990-х гг., как российские, так и украинские историки в незначительной степени касались белорусской тематики. В работах О. И. Бэйдзы прозвучало справедливое замечание о необходимости дальнейшего изучения и введения в научный оборот документов из белорусских архивов о деятельности французских батальонов [42, с. 299]. Украинским историком О. В. Романько в двух монографиях рассмотрен комплекс вопросов, связанных с историей создания и деятельности белорусских коллаборационистских формирований в военных структурах гитлеровской Германии. На базе обширного исторического материала из архивов Украины, Беларуси, России, Германии и США прослеживается процесс организации, подготовки и боевого участия белорусских частей и подразделений в составе полиции, вермахта и войск СС. Как отдельное направление им представлены белорусские коллаборационистские формирования в антипартизанских структурах [254; 255]. Партизанское движение и оккупационная политика по умиротворению населения на территории Беларуси — по-прежнему главный исследовательский объект российских историков [12; 39; 104; 105; 231; 241; 242; 243; 317]. В незначительной степени уделено внимание повседневности и быту населения на территории Беларуси [235].

Зарубежная историография о германской оккупационной политике. Необходимо отметить, что наряду с военно-оперативным представлением фронтовых действий, осуществления оккупационной политики со стороны

Германии и ее союзников, с середины 1960-х гг. стало заметным стремление историков Германии, США, Англии, Франции, Польши, России и других стран на основе более современных методов исследования представить ход Второй мировой войны с учетом различных интересов [371; 428]. Определенный вклад в разработку внесли восточно-германские историки. Подчеркнем, что до начала 1990-х гг. они анализировали события Второй мировой войны, опираясь на основополагающие принципы марксизма-ленинизма. В обобщающих трудах, монографических работах немецкие исследователи во многом копировали опыт советской исторической школы [84; 205].

В результате объединительного процесса и использования опыта и нарратива на протяжении последующих двух десятилетий стало возможным более глубокое освещение военной политики Германии, ее союзников, а также государств антигитлеровской коалиции, системное и предметное определение организационных основ оккупационной власти, определение роли и значимости военных, военно-экономических и политических сил [324; 401; 405; 417].

Опыт свидетельствует, что исследователи, представляющие свои исторические школы, имели различные концептуальные подходы в освещении событий войны. С одной стороны — народы Советского Союза, понесшие большие человеческие и материальные потери, но одержавшие победу [129; 130]. С другой — в большинстве изданий, особенно западных историков — Германии, Франции, Великобритании и других — политические события, фронтовые действия, а также степень участия военных, военно-экономических, гражданских формирований и органов в оккупационной политике представлены с учетом в основном национальных интересов и традиций. По представлению советских историков, для европейской исторической литературы характерна одна общая черта: она более подробным образом освещает политические, военные и экономические аспекты войны между Германией и западными державами — Англией, США, Францией и другими — и почти ничего не говорится о том, что решило исход мирового конфликта, — о великой миссии Советского Союза [51].

К началу XXI столетия исследователям удалось представить унифицированный образ германского национал-социалистического порядка на оккупированных территориях, определить агрессивную доминанту Германии и ее союзников, существование глубоких противоречий между европейскими государствами, вследствие чего взаимоотношения СССР и Германии приобрели направленный характер при попытке последней осуществить политическое разрешение на главном восточном направлении. Эта проблема полнее отражена в работах Р. Холлека, Дитриха Айхлотца, В. Шумана, Герхарда Хасса и других [339; 346; 351; 364; 414; 418]. Тем не менее отмеченное направление не разрабатывалось, а политические события, фронтовые действия, а также степень участия военных, военно-экономических, гражданских формирований и органов в оккупационной политике были представлены в большей степени национальными интересами и традициями поработанных Германией стран Европы [368; 375; 388].

Тем не менее, широкое участие историков в разработке проблемы и создание в ходе заданного исследовательского процесса различных научных школ позволило углубить представление и значимость эпицентрального фактора, придать военным событиям социализацию, обозначить аспекты войны на примерах отдельных стран Восточной Европы, в том числе Норвегии, Дании, протекторатах Богемии и Моравии. Итальянский институт истории итальянской армии, наряду с многочисленными изданиями документов и специальных военно-исторических исследований, опубликовал свыше 30 монографий, посвященных войне в регионе Средиземного моря и в Советском Союзе. Однако там отсутствуют характеристики деятельности итальянской армии на территории Беларуси. Работы японских историков «Путь Японии в тихоокеанскую войну», «Великая восточноазиатская война» в 102 томах слишком отдалены от понимания процессов, происходящих на территории Советского Союза [66, с. 10; 396]. Близка к данному формату и деятельность Исторического управления американской армии, которое представило в 1947 г. первый том из запланированных 92 книг по истории армии США в период Второй мировой войны. В настоящее время издано 78 томов практически по всем аспектам ведения оперативных действий, но без учета советского вклада [66, с. 10—11; 329, s. 81—89; 397].

Положительным моментом с середины 1950-х годов в силу его государственно-культурной и научной значимости для широкого круга исследователей стал перевод на русский язык части документального наследия, хранящегося в Германии, США, Великобритании и др. Это характеристики национал-социалистической идеологии, ее практическое осуществление руководителями германского рейха. В немалой степени доминировали образы противостояния, а также формы коммунистического и партизанского сопротивления оккупационным силам в Европе. Их иллюстративная часть, при сопровождении текстовыми сведениями энциклопедического характера о немецкой армии, ее союзниках, а также стран антифашистского лагеря более полно и образовательно была представлена в результате совместных усилий историков [64; 70; 85; 132; 141; 190; 193; 204; 210]. Как результат, немало дискуссионных вопросов о природе и сущности военных действий стало предметом их внимания. Так, основу работы немецкого историка Вольфганга Штрауса «План «Барбаросса» и русские исторические споры» составили внутренние, в большей части теоретические предпосылки уничтожительной войны. При этом затрагивалась и политика предвоенных лет Сталина, которая выглядела достаточно агрессивной и не устраивала Гитлера. В основе такого подхода содержится вывод: между коммунизмом и фашизмом существует диалектическая связь [421, s. 13—15, 17—18, 28].

Английскими и американскими историками была создана широкомащштабная панорама американо-английских побед на фронтах войны. В их работах нашло отражение проведение германской политики на востоке, особенно значимые сражения под Москвой, Курском, Сталинградом. Работа американского историка Александра Далина была нацелена на одно из формиру-

ющихся в ходе длительной деятельности германских военных и политических структур понятий карательного оккупационного режима на востоке [346]. Представленные им в середине 50-х гг. основные положения военных действий Германии против СССР стали в некотором роде аксиомой. Значимость данных определений была основана на анализе материалов основных структур Германии — СС, вермахта, военного и политического руководства. В рамках проблемы было сконцентрировано внимание на деятельности гражданской администрации, осуществлении военными органами массового уничтожения населения и евреев, в том числе на территории Беларуси. Такой подход оставался для западных историков наиболее рациональным при его некотором фактологическом расширении.

Нельзя забывать и некоторые направления оккупационной политики, еще ранее отмеченные зарубежными авторами. Среди них работа Джеральда Рейтлинджера «Дом, построенный на песке. Противоречия германской политики в России 1939—1945 гг.», где определены оккупационные зоны полного, частичного и критического (партизанские зоны) контроля. В ряде примеров дано практическое осуществление директив в отношении военнопленных, гражданского населения, евреев [408—411]. Историк Николай Вакар представил формы взаимосвязи оккупационных органов с населением: активная, пассивно-ожидательная, карательная [416, p. 487—497; 427, p. 184]. Существование так называемой «третьей силы», которая в условиях оккупации представляла прежде всего антисоветскую направленность, показали Д. Каров и другие [141]. В 1950—1990-е гг. свое представление о проблемах коллаборационизма показали О. Бройтигам, Д. Литтлджон, Т. Мюллиган, Д. Риди, Ю. Торвальд и Р. Херцог. В своих работах авторы пришли к выводу о значительном военно-политическом потенциале коллаборации. И только неразумная политика Гитлера и пресловутая «борьба полномочий» между структурами Третьего рейха не позволили использовать этот потенциал в полной мере. В частности, некоторые из них рассматривают позицию оккупантов по отношению к белорусскому коллаборационизму, подавлению партизанского движения на примере оккупированной Беларуси. Наряду с этим, американские историки с присущим им обобщением материала при отражении характеристик строили свои материалы. Своим решением к пониманию сложного явления коллаборации, в том числе на территории Беларуси, стала коллективная монография европейских и американских авторов «Оккупация и коллаборационизм (1938—1944)», опубликованная в Берлине в 1994 г. [321; 331; 343; 365; 366; 369; 392; 407].

Некоторые авторы, при исследовании немецкого оккупационного режима прежде всего обращают внимание на его силовые структуры и их функции. Так, общим вопросам деятельности белорусской полиции, созданной под эгидой этих структур, системе ее организации, численности личного состава посвящены публикации американских историков Р. Брейтмана, Ф. МакЛина и А. Муньоса, Е. Б. Весстермана, Ф. В. Блуда. На примере брига-

ды СС «Беларусь» Джон Лофтус представил участие отдельных ее представителей в политике уничтожения евреев и мирного населения в годы оккупации территории Беларуси. Р. Бройнинг исследовал деятельность 101-го резервного полицейского полка [332—333; 383; 386; 393; 430]. Детально обозначен процесс Холокоста при проведении карательных действий в книгах американских историков Мартина Дина и Барбары Эпштейн и других [94, с. 234—272; 196, с. 86—96; 347; 352].

Небольшие материалы об участии германских формирований в Холокосте на территории Беларуси представлены канадскими историками. Публикации Эрика Габерера о германской жандармерии и белорусских партизанах в 1941—1944 гг. фактически определили начало исследовательского проекта [71, с. 202—233; 361].

В Великобритании Институт ее Величества опубликовал с начала 1950-х гг. 47 томов официального изложения истории Второй мировой войны, где освещались общая стратегия, внешняя политика, война на суше, в воздухе и на море, разведка, а также различные темы, касающиеся частных аспектов ведения войны. Кроме того, издано 49 томов, в которых детально рассматриваются британская военная экономика, вооружение, финансовая политика и система здравоохранения [66, с. 11; 367]. В кругу многочисленных изданий только некоторые из них затрагивали военную и политическую сторону взаимоотношений Германии и СССР [416, р. 487—497; 417]. Акцентуация на коллаборирующие с германскими органами местные военные формирования на территории Беларуси, в том числе их взаимоотношения с партизанами, была обозначена в работах Робина Ламсдена, Джонатана (Jonathan) Стейнберга и Нигеля Томаса. Монография Бена Шепхерда «Война на диком Востоке» определена как наиболее подробное описание антипартизанских акций на территории Беларуси. В ней представлены немецкие военные дневники, где в противостоянии немецким органам говорится о большом количестве жертв среди партизан и других категорий населения [360; 385; 419; 420, р. 620—651; 423]. Работа Дэвида М. Гланца и Харольда С. Оренштайна повествует о ближцриге на территории Беларуси в 1944 г., а картографический материал помогает увидеть динамику событий всех фронтов [325].

Для французской историографии характерна попытка представить общий процесс хода войны, системы национал-социализма, анализ социально-экономического положения населения, военной и политической коллаборации, последствия оккупационного режима и других явлений, которые нашли широкое распространение в стране. В ряде работ также представлены некоторые материалы о проводимой политике Германии на Востоке. Для доказательства преступной деятельности германского политического руководства использовано небольшое количество директивных документов руководства Третьего рейха в отношении к военнопленным Красной Армии, населению Советского Союза, в том числе Беларуси. Обращено внимание на сконцентрированную деятельность

служб, формирований полиции, вермахта и СС [322; 340; 341; 373; 376; 377]. Незначительная часть литературы посвящена деятельности французских формирований (638-го полка) на территории Беларуси [370; 379; 413; 415].

В целом для западной школы историков характерно использование широкой источниковедческой основы, ее представление через деятельность оккупационных органов. По ряду направлений военных и гражданских служб и ведомств — обстоятельная обработка и глубокая интерпретация различных документальных материалов.

Особое положение в историографии проблемы занимает Польша. В определенной степени это связано с политической историей довоенного времени. В частности, до 1939 г. почти половина территории Беларуси входила в ее состав. Начало анализу достаточно глубоких военных и социально-экономических последствий оккупации Польши положили еще в советское время исследования Чеслава Лучека и Чеслава Мадайчика [384; 387]. Несколько был изменен традиционный дискурс исследования оккупационного режима в работах польского историка Юрия Туронка. Им представлены параллели военных структур (армейских, фронтовых, тыловых) в системе социально-политических процессов на территории Беларуси в 1918 г. и 1941—1944 гг. В них отражены структура, деятельность значимых германских военных и гражданских органов и формирований. В схожем направлении, но при усилении характеристик карательной деятельности органами ГКБ отмечены процессы оккупационной политики еще одним исследователем Евгением Мирановичем. Частично отдельные вопросы оккупационной политики представлены в работах Ежи Карликовского «Оккупационная политика в III Рейхе в Белостокском округе (1941—1944)» и Михала Гнатовского «Белостокское партизанское соединение». Новая генерация исследователей, опирающихся на документы немецких, польских, российских и белорусских архивов, представлена работами Богдана Мусяла. В документальных материалах о советских партизанах в Беларуси как одну из важных характеристик он показывает боевую направленность бригад, отрядов и групп, в том числе польских и еврейских. Богдан Мусял практически первым из польских историков открыто определил некоторые случаи сотрудничества немецкой и польской стороны — как факт коллаборационизма [202, с. 435; 206; 293; 358; 359; 372; 394]. Тем не менее, работ по данной проблематике явно недостаточно, а отсутствие белорусского сегмента борьбы в значительной степени сузило комплексный и системный характер, предопределило односторонность взглядов на характер оккупации и войны [320; 403; 431].

Немецкие историки о военном характере и образе. Учитывая, что немецкими историками было подготовлено наибольшее количество научных работ по проблемам Второй мировой войны, можно отметить, что им удалось отразить масштабный ход восточной кампании. В ее основе содержатся три основные направления деятельности вооруженных сил Германии [193; 312; 435]: формирование их организационно-правовых основ, борьба германских

войск против Красной Армии и партизанского движения, политика геноцида по отношению к населению. Это позволило определить 7 аспектов [362; 378; 402; 409; 424; 425; 426]:

1. Нападение на СССР — классическая форма агрессии.
2. Война против СССР — захват «жизненного пространства на Востоке».
3. Руководство немецкого рейха планировало войну против СССР с целью политического господства, идеологического расового геноцида в отношении к советскому населению.
4. Проведение войны предусматривалось задолго до нападения путем разработки преступных приказов и их осуществления в отношении к комиссарам и коммунистической интеллигенции.
5. Одной из составных частей расовой и идеологической войны на уничтожение против Советского Союза была идея массового убийства советских евреев.
6. Отдельные намерения приобрело массовое убийство советских военнопленных.
7. Война на Востоке приобрела размеры чудовищной поработительской политики.

Одним из первых, кто начал изучать оккупационный режим в Беларуси как систему военных и гражданских форм, стал Бернхард Къяры. В работе «Немецкое гражданское правление в Беларуси 1941—1944: работа окружных комиссариатов с учетом особого значения сельскохозяйственных руководителей» автор на основании различных источников приходит к выводу, что в ГКБ центральными сферами деятельности являлись пропаганда, местная интеллигенция, гражданское население, новая аграрная реформа [338]. В отношении последней ведущая роль принадлежала немецким руководителям в области сельскохозяйственного производства. Немногим ранее спектр карательных взаимоотношений германских представителей с местным населением был отражен в работе немецкого исследователя Хармунда Ленхарда «Жизненное пространство на Востоке. Немцы в Белоруссии» [175, с. 128; 380].

Значимым для изучения планомерной экономической политики стал обобщающий капитальный труд Кристиана Герлаха «Запланированные смерти. Немецкая экономическая политика, политика уничтожения Беларуси 1941—1944» [355]. Здесь представлена структура военно-экономических органов, их планомерная деятельность по эксплуатации людских и природных ресурсов. Направленность темы не позволила автору представить взаимосвязь данных структур с другими военными и гражданскими органами Беларуси, определить место экономической политики в системе высших и местных органов управления. При этом введение в научный оборот материалов о деятельности отдельных хозяйственных команд, таких как Бунцлау — Бобруйск, Белград — Минск, многочисленных ауссенштеле значительно усиливает освещение деятельности военно-экономических структур на территории

Беларуси. Региональные вопросы состояния оккупационных структур в ряде городов Беларуси отражены Александром Бракелем, Уве Гартеншлягером, Петрой Рентроп, Штефаном Ленштэдтом и др. [330; 354; 412].

В немецкой историографии немало работ, которые в той или иной мере касаются вопроса потерь Германии в годы Второй мировой войны. Наибольший вклад в ее разработку, как и определение в ней германских потерь, внес германский историк статистики Ф. Бургдоргер [335]. Немногим позднее свод данных о потерях был приведен в книге «Итоги Второй мировой войны», в «Мировом альманахе» и в ряде других изданий. Особо следует выделить итоговую монографическую работу Рюдигера Оверманса «Немецкие военные потери во Второй мировой войне». Но лишь в ряде работ можно найти углубленные характеристики деятельности подразделений вермахта и их служб и потерь, понесенных ими [400]. Так, монография Кристофа Расса «Человеческий материал» дает достаточно широкое представление о характере потерь вермахта, в том числе о потерях 253-й Рейн-Вестфальской ПД, действовавшей на территории Беларуси [404]. Также пристальное внимание немецкие историки стали уделять военной операции по освобождению Беларуси. По их представлениям она соответствует блицкригу 1944 г., но уже Красной Армии [399]. Некоторые данные о потерях службы полиции в Беларуси и Прибалтике представил в объемном справочном труде Вольфганг Курилла [344].

Новационные подходы понимания природы национал-социализма, его правовых основ, интерпретация комплекса источников представляют несомненный интерес, который важен для понимания природы и сути оккупационного режима. На наш взгляд, ряд работ отечественных и зарубежных авторов — Ганса-Кристиана Хартена, Михеля Коринмана, Дитера Поля и других — представляют методологическую основу понимания этого явления. Выход в свет их работ способствовал началу междисциплинарных исследований, компаративному анализу событий, расширению полноты научных определений, их детализации, введению в научный оборот ранее неизвестных источников. Более того, в основе большинства современных исследований достаточно широко использованы психологические аспекты восприятия такого явления, как нацизм, национал-социализм.

Следует заметить, что обзор германской историографии, представленный в монографии С. Е. Новикова, значим не только введением в научный оборот нового материала, но и попыткой воссоздания на его основе концепции истории оккупации Беларуси, парадигм военной истории [213].

Научный вклад белорусских историков. Анализируя работы белорусских историков, следует отметить, что за послевоенный период ими подготовлено комплексное научное исследование в русле традиционных партийно-государственных подходов к историческому источнику и его объекту исследования. Это 3-томная монография о всенародной борьбе против немецко-фашистских оккупантов в Беларуси, которая создавалась на протяжении

более 20 лет усилиями партийных, советских органов, а также ряда научных учреждений [59]. В ней определенная заданность — широкая патриотическая деятельность подпольных партийных, комсомольских, антифашистских органов и партизанских формирований на фоне достаточной, но однообразной демонстрации фактуры оккупационного режима. Этому фактору на первом этапе соответствовала апробация партийно-государственного подхода к проблемам войны авторским коллективом под руководством председателя НКВД БССР Лаврентия Цанавы. Научному усилению выводов в значительной мере способствует исследовательская работа В. Ф. Романовского, который вводит в оборот некоторые количественные и структурные данные о тыле группы армий «Центр», о крупных гарнизонах и опорных пунктах. Развивая тезис о преступлениях немецко-фашистского режима, автор представляет документальные материалы о массовых расстрелах, карательных операциях различных родов войск, некоторых итогах экономической и сельскохозяйственной политики, а также характеристики на некоторых руководителей военной и гражданской администрации [149, с. 57; 253, с. 5, 41—75, 143—154].

С другой стороны, привлечение к работе историков — ветеранов войны А. Т. Короткевича, П. П. Липило, А. А. Филимонова, а также использование более совершенных методов научно-исследовательской работы в деятельности талантливых белорусских историков В. И. Лемешонка, А. Н. Мацко, В. П. Павлова, Я. С. Павлова, А. А. Тозика, А. М. Литвина и других позволило на протяжении 1960—80-х гг. сформировать представление об оккупационном режиме на территории Беларуси и его основных формах.

В ряде других работ можно выделить монографию бывшего секретаря ЦК КП(б)Б, руководителя ЦШПД П. К. Пономаренко о всенародной борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Несмотря на то, что анализ оккупационной системы в ней отсутствует, однако видение данной проблемы эмпирически представлено противостоянием сил. Им определена тактика наиболее значимых форм деятельности партизанских сил: нападение на объекты и уничтожение живой силы противника (указана типология объектов, количественный и качественный состав подразделений или отдельных формирований); борьба на коммуникациях; террористические акты по отношению к военному и политическому руководящему составу, предателям, помогавшим оккупантам; срыв экономических мероприятий, организации военно-промышленного производства; разведывательная деятельность для нужд Красной Армии; обеспечение безопасности населения от угона, освобождение из мест принудительного содержания военнослужащих и мирных граждан; пропагандистская работа среди солдат германской армии и ее союзников [238, с. 36—37]. В данных формах присутствуют основные показатели военно-экономической деятельности германских органов. Монография А. А. Факторовича — одна из лучших работ для понимания полноты осуществления силами военно-хозяйственных формирований аграрной политики [110; 300]. Некоторые теоретические дополнения в

области экономической политики даны в научных работах А. А. Ковалени, С. Е. Новикова и других [150, с. 104—116; 215, с. 111].

Полезные сведения для анализа структуры военных и гражданских оккупационных органов, ее разведывательных структур на фоне противодействия им партизанской, армейской разведок и антифашистского подполья показаны в работах К. И. Домарада, В. К. Киселева, А. К. Соловьева, Н. И. Смирнова, Э. Г. Иоффе [90; 124; 125; 143; 144; 264; 276].

Таким образом, можно сделать вывод о существовании разных школ и подходов к определению основ оккупационного режима в Беларуси со стороны историков Германии и Беларуси. Если для немецких авторов главными направлениями исследований были германские военно-экономические объекты, влияние их на повседневность оккупированного общества, то для белорусских историков приоритет оставался за формами взаимодействия немецких и советских антифашистских органов, вовлечение населения в борьбу против национал-социализма. Однако полной картины о германском оккупационном режиме и его составляющих так и не было представлено.

Важным аспектом представляется взаимодействие германских органов с различными учреждениями и организациями других стран для привлечения сил союзников в широкомасштабной деятельности 1939—1945 гг., направленной на усиление военно-экономического потенциала Германии. Ведь более 17% от общей численности призванных на военную службу в ряды вермахта в годы войны составили иностранные «добровольцы», не считая фольксдойче и этнических немцев, проживавших до войны за пределами Германии. Дополнительную категорию граждан составили представители военно-экономических формирований, гражданских органов, которые не входили в статистику вермахта. В результате только на восточном фронте в составе германских сил в 1943 г. из 232 дивизий действовали 22 румынские, 17 финских, 10 венгерских, 10 итальянских, по одной испанской и словацкой [189, с. 87; 401, с. 356]. На территории Беларуси действовали 5 литовских, 5 украинских, 2 латышских, 1 польский полицейский батальон (всего до 60 тыс.) [144, с. 76—77]. В белорусской историографии данная проблематика представлена лишь небольшими статьями об участии некоторых иностранных представителей в антифашистской борьбе, подполье. Несомненно, важным моментом является разработка данных вопросов докторами исторических наук А. М. Литвиным, который изучал природу антисоветских полицейских формирований, их участие в оккупационной политике, и А. А. Коваленей, исследовавшим идеологические постулаты германской оккупационной политики [137; 181].

Некоторую неопределенность в типологии направленности действий имела Армия Крайова в Западной Беларуси [52; 102; 286; 328]. Сложный характер ее деятельности, взаимодействие с советскими партизанскими формированиями и оккупационными органами потребовали проведения специальных научных конференций, в том числе белорусско-польских [14; 294]. В данном

направлений нельзя не учитывать и формирования Украинской повстанческой армии (УПА), Организации украинских националистов (ОУН), которые широко действовали в южных районах Беларуси [41; 81—83]. Для осмысления данного вопроса с конца 1990-х гг. молодыми историками И. Ю. Сервачинским, Ю. В. Зверевым и другими были предприняты попытки представить военную и политическую коллаборацию в системе германской оккупационной политики, противостояния ей партизанских сил и частей Красной Армии [118; 270]. По ряду таких сложных в научном понимании вопросов по истории оккупационного режима в годы Великой Отечественной войны были даны определения в работах А. А. Ковалени, А. М. Литвина [137; 181], ряда молодых историков [35; 98; 108; 119; 197; 269]. Коллаборация была определена как совокупность военных, политических, экономических и социальных явлений, усиливающих структуру оккупационного режима в Беларуси.

Военный фактор в жизни населения. В отражении всенародной борьбы на территории Беларуси историк А. И. Залеский выделил как положительный момент сотрудничество населения с партизанскими формированиями и тылом [112—113]. На такую форму борьбы против германского оккупационного режима обратили внимание лишь в 1990-х годах. Отдельные регионы Беларуси стали объектами исследования в работах И. Ю. Воронковой, Э. С. Ермустика, Г. Д. Кнатько, Н. П. Галимовой, И. Э. Еленской и других [58; 91; 145; 147].

Заметным явлением явилась разработка военной эвристики в публикациях, статьях и материалах Э. Г. Иоффе, Е. С. Розенблата, И. Э. Еленской, Р. А. Черноглазовой, И. П. Герасимовой, Б. П. Шермана, М. Б. Ботвинника, К. И. Козака и других [38; 62; 96; 126; 148; 199; 250]. Через показ истории Минского, Витебского, Барановичского гетто в работах панорамно отражены формы и методы оккупационных органов, вовлеченность отдельной части населения в подпольную или партизанскую деятельность [258; 303; 308; 348]. Появились и оригинальные направления о духовности, борьбе за выживание в местах проживания или местах принудительного содержания [15—16; 36—37; 67; 156], поднимается проблема положения женщин, детей в годы войны [164; 187—188; 272—273; 319].

Информационные и документальные формы об освобождении Беларуси — одной из наиболее крупных операций Великой Отечественной и Второй мировой войн. В литературе описание процесса освобождения территории Беларуси, как правило, фокусировалось на фронтовых событиях, мужестве и героизме его отдельных представителей. От событийности глазами организаторов победы до научных представлений. К примеру, в брошюре П. К. Пономаренко (1944 г.) показаны общие тенденции, коллективные формы сопротивления. Другие, как, например, книга Н. М. Акаловича, персонализируют героев [7; 239]. Более широкий спектр темы освобождения Беларуси заметен в работах 1990-х гг. Так, в книге И. В. Тимоховича «Битва за Белоруссию, 1941—1944», подготовленной Институтом военной истории Министерства обороны Россий-

ской Федерации, в разделе «В пламени партизанской войны», подразделе «Роль партизанского фронта» обозначена роль и значение внутреннего фактора быстрого освобождения территории Беларуси [288, с. 71—112, 234—241]. В книге А. И. Зевелева, Ф. Л. Курлата, С. А. Казизкого на примере Отдельной мотострелковой бригады даются представления о характере боевых действий на территории Беларуси, которые изобилуют фактологическими данными о формированиях особого назначения и спецгруппах [121]. В итоге, выявлена тенденция с периода Курской битвы о партизанском факторе — массовом и управляемом процессе, благодаря которому удалось значительно изменить положение в свою пользу на оккупированной территории Беларуси. Борьба на коммуникациях, «рельсовая война» как спланированные акты действий политического и военного руководства страны привели к нарушению регулярного снабжения фронтовых армий. Немалая заслуга в освещении данного вопроса принадлежит известному военному историку В. И. Лемешонку [172; 174]. Один из разработчиков темы оккупационного режима на территории Беларуси В. Ф. Романовский показал некоторые характеристики его природы на всей части тыла группы армий «Центр». Особенность еще и в том, что некоторая часть потерь германским органам была нанесена партизанами украинского соединения. Также нередко случалось, что партизаны белорусских соединений действовали за пределами республики — в Черниговской, Житомирской, Ровенской и Волынской областях [252—253]. Среди диссертационных исследований можно выделить ряд публикаций Анатолия Кривороты, где автором обращено внимание на малоизвестные факты взаимодействия белорусских и российских партизан на территории Беларуси [163, с. 5]. В немалой степени нашли отражение вопросы одной из наиболее значимых операций Второй мировой войны по освобождению Беларуси в мемуарах главнокомандующих К. К. Рокоссовского, Г. К. Жукова, П. И. Батова, А. И. Еременко, А. М. Василевского, Н. А. Антипенко и других [13; 17—18; 44; 100; 103; 251].

На фоне показа наиболее значимой проблемы геноцида населения и уничтожения военнопленных на территории Беларуси [171; 260; 283—284] практически остались без внимания историков действия оккупационных органов по отношению к жителям Витебской области, которых из партизанских зон вывозили сначала по разным лагерям Беларуси, а затем в лагерь смерти Освенцим [169]. К сожалению, только несколько мест принудительного содержания разработаны в исторических и документальных описаниях [117; 170; 221; 308—309]. В контексте событий описание повседневности освобожденных территорий Беларуси весьма ограничено показом военной проблематики [222].

Категории и формы, критерии и суждения. Критически оценивая опубликованные материалы, необходимо признать, что, несмотря на отсутствие целого ряда разработок по научным проблемам историографического и источниковедческого характера, раскрывающих природу явлений оккупационного порядка в их взаимосвязи, в совокупности они являются определен-

ным вкладом в создании методологической основы исследования деятельности оккупационных органов на территории Беларуси. При этом наряду с описанными выше основными категориями оккупационного режима важными являются его статистические формы: количественный состав, потери, динамика структурного и качественного изменения.

Потери как научная категория. Важность научного подхода к вопросу потерь определялась особым местом территорий Советского Союза в завоевательных планах Германии на востоке. Практически там проживало не менее 70 млн человек, ставших объектом политики оккупационных органов [211, с. 22]. Положение усугублялось решающей ролью советско-германского фронта по поддержанию союзников по антигитлеровской коалиции. Поэтому более половины из более 50 млн человек в смертельном противостоянии потерял Советский Союз. Об этом пытались рассказать российские историки [162; 180, с. 1—2; 189]. По ряду вопросов Беларусь, как одна из наиболее пострадавших республик и как партизанская зона боевых действий на центральном направлении фронта Красной Армии была также представлена [149; 263]. Попытка обобщения материалов по итоговой деятельности партизанских формирований и подпольных организаций против оккупационных органов в Беларуси отражена в монографии К. И. Козака «Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941—1944): анализ и итоги». В ней представлены основные направления военной карательной и хозяйственной деятельности, итоги потерь как среди военных, так и коллаборационистских формирований и служб. В приложении содержатся данные о нападении и разгроме 1272 военных полицейских гарнизонов, охранных пунктов, блок-постов и застав [152]. Определенную значимость по выявлению «качественного состава» немецких военнопленных или их союзников в советском плену имеют монографии А. В. Шаркова, да еще ряд небольших материалов [277; 291; 306—307]. В исследованиях Б. Д. Долготовича приведены примеры о ликвидированных гарнизонах, защите партизанских зон, «рельсовой войне», совместной деятельности партизан с частями Красной Армии в период освобождения территории Беларуси [89, с. 86; 259]. В данном положении, тем не менее, остаются недостаточно разработанными категории основных понятий Второй мировой войны, научный аппарат о германском оккупационном режиме. Фронтная лексика военного периода к 1990-м гг. закрепились в различного рода публикациях без определенных дефиниций, унификации и соответствующего научного комментария.

Следует учесть, что в современных условиях необходимость применения этических и правовых норм в отношении лиц или государств вызвано стремлением сообщества определить широкие и узкие рамки международной ответственности за прошлое и выработать всеобъемлющие формы ответственности за будущее. Поэтому совместная разработка или использование

принятых стандартов понятийного аппарата углубит понимание всего сложного процесса военных событий.

Определенная тематическая систематизация работ в библиографических указателях за 1944—1995 гг. позволила установить более 10,1 тыс. научных и иных видов изданий по проблеме Великой Отечественной войны [19—21; 25—26]. Однако можно соотнести только 365 работ с характеристиками оккупационных органов Беларуси. В то же время большая часть, или 3,5 тыс., относится к деятельности партийных, комсомольских и антифашистских органов, 4,8 тыс. исследуют партизанские формирования. По общим вопросам Великой Отечественной войны имеется 2,3 тыс. работ, книг, монографий. При этом общий библиографический указатель работ по оккупационному режиму, составленный в Германии, включает более 500 наименований. В них дается перечень главных исполнителей политических, военных, экономических и других директив, приказов, распоряжений военного руководства Третьего рейха, поднимаются проблемы тех, кто исполнял преступные приказы Гитлера, вермахта, полиции и т. д.

Документальный и информационный ресурсы. Советское источниковедение по истории Великой Отечественной войны развивалось в общем русле определения приоритетных для исследователя тем. Следствием этого явилась разработка только тех комплексов материалов по истории войны, которые отражали события, происходящие на фронте, а также партизанское движение и советское подполье в контексте оккупационного режима [88; 99; 153; 160]. Определяя свое положение в уже сформировавшейся комплексной системе представлений, стремясь найти ответы на собственную историю побед и поражений, историки обратили внимание на места концентрации документальных или архивных материалов вне пределов республики. Отсюда полнота и оперативность разработок наиболее актуальных проблем стала зависеть от наличия технических и материальных ресурсов.

Военные и историко-документальные издания. Данное направление как один из исторических источников по проблемам войны было обозначено прежде всего в работах начальников Центрального и Белорусского штабов партизанского движения П. К. Пономаренко, П. З. Калинина, Л. И. Брюханова, руководителей партизанских соединений В. И. Козлова, Р. Н. Мочульского, В. Е. Лобанка, Д. В. Тябута, А. Н. Сабурова и других руководителей партийных, советских органов, руководителей партизанских формирований [40; 53; 139; 142; 154; 176; 184—185; 200—201; 237; 295—296]. В системе характеристик оккупационного режима его научное определение заметно лишь с начала 1990-х гг. [227]. Определенный интерес представляют работы источниковеда и документалиста Г. Д. Князько, талантливого исследователя печатных источников оккупационных органов С. В. Жумаря [106—107; 146; 248]. Тем не менее, традиционное отражение событий в контексте с партизанским движением и советским подпольем оставалось преобладающим [101; 256; 304].

Определенную значимость для выявления полноты представлений об оккупационных органах имеют документальные сборники по истории партизанского движения Беларуси, подготовленные в период 1960—80-х гг. [23; 61; 155; 246]. Их основу составили документы советских органов. Имеется незначительная часть документов информационного плана о представительстве оккупационной власти. Нашли свое отражение и некоторые вопросы взаимоотношений в зонах деятельности партизанских формирований частей вермахта, немецко-полицейских гарнизонов, военно-экономических подразделений. Вторую часть составили документальные издания о политике геноцида [208; 211; 219]. Данный этап завершился выпуском энциклопедического издания «Беларусь в годы Великой Отечественной войны» [27].

Значимым явлением для военной исторической науки стало издание с 1988 г. 145 историко-документальных хроник «Память» районов и городов Беларуси [47, с. 333—337; 173, с. 100—105; 262, с. 397]. В книгах достаточно системно изложены материалы об оккупационном режиме, партизанском движении и партийно-комсомольском подполье. Оригинальные документы и материалы, апробированные историками данные представляют более широкие возможности для правильного сопоставления потерь германских военных формирований в рамках районов, отдельных населенных пунктов. При этом общее представление может быть составлено на основе вводимых в научный оборот архивных, особенно трофейных, документов и материалов личного происхождения, воспоминаний.

Тем не менее, указанные документальные сборники остаются основными источниками по истории партизанского движения в Беларуси. Дополнением могут служить архивные сборники, подготовленные рядом организаций с помощью Национального архива Республики Беларусь [32—33; 117; 170—171; 192; 221; 278; 283—284]. В итоге расширена не только информационная часть по данной проблеме, но и введены или уточнены научные понятия мест принудительного содержания: концентрационный лагерь, гетто, тюрьма, лагеря у переднего края немецкой обороны, лагерь гражданского населения, трудовые, пересылочные, детские, смешанные лагеря, рабочие колонны, рабочие роты и рабочие батальоны, различного рода арестные помещения (дома), сборные пункты для отправки мирного населения на принудительные работы в Германию, камеры предварительного содержания и др. Особое место в исследовательском плане заняли публикации о взаимодействии партизан с центральными армейскими и политическими органами [2; 29; 232].

Такой подход был усилен рядом регионов и общественных организаций. В 2010 г. предпринята попытка Гомельского областного исполнительного комитета через организацию выпуска «Гомельщина партизанская» представить новые и более полные документальные материалы по истории партизанского движения на территории Гомельской и Полесской областей [76; 78]. В них немало особенностей и специфических сторон оккупационного режима

на территории Беларуси, динамика взаимоотношений сил вермахта, полицейских подразделений с партизанскими формированиями, местным населением и коллаборационистами. Такими же характеристиками обладает и сборник документов «История 4-й белорусской партизанской бригады». В нем подробно описаны формы и методы разгрома ряда военных и полицейских гарнизонов, опорных пунктов, блок-постов, застав [128]. Также представлены характеристики по Минской области, составителями которых стали работники Государственного архива Минской области и НАРБ [194; 282].

В немалой степени интересен материал в сборнике «Трагедия белорусских деревень», который посвящен одной из форм нацистской политики геноцида — уничтожению деревень на территории Беларуси в 1941—1944 гг. [290; 301]. Здесь стоит отметить и публикации о карательных операциях на территории Беларуси и сопредельных государств [122; 299]. Так, в сборник «Зимнее волшебство» было включено 226 документов из семи архивов трех стран, в том числе 167 документов из НАРБ, 7 — из ГАВО, 12 — из РГАСПИ, 14 — из ГАРФ, 8 — из Тверского центра документации новейшей истории (ТЦДНИ), 14 — из Государственного исторического архива Латвии и 3 — из Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ). Многие из документов опубликованы впервые. Здесь интерес к документалистике связан не только с историями партизанских формирований. К примеру, показаны история формирований Гиль-Радинова, сформированных на основе «1-й Русской национальной бригады» от создания германскими органами «Боевого союза русских националистов» до массового перехода на сторону белорусских партизан [111], деятельность на территории Беларуси ОУН-УПА [223]. Также исследуются судебные процессы над австрийскими и немецкими военными преступниками [3].

Следует обратить внимание на целый ряд небольших работ, подготовленных на основе широких исследовательских программ по проблемам оккупационного режима в Беларуси и представленных в материалах республиканских научных, научно-практических и теоретических конференций [28—30; 50; 68; 74; 233; 281]. Как правило, в Минске ежегодно проводилась одна республиканская конференция, да на базе одного из региональных образовательных учреждений одна в течение двух лет. Изменению положения послужил ряд проводимых мероприятий на базе БГПУ им. М. Танка, Минского государственного лингвистического университета, БГУ, а также Минского международного образовательного центра имени Йоханнеса Пау. В архивных изданиях, как правило, малоформатный материал публикуется в виде оригинальных документальных тематических подборок, что находит применение в образовательных и культурных программах [313—315].

Зарубежный информационный ресурс. В силу специфики комплектования Единого государственного фонда СССР многочисленные архивные фонды по истории Великой Отечественной войны были перемещены в главные союзные архивные учреждения (прим. — российские). К ним относятся

материалы о взаимоотношениях Красной Армии с германской по фронтам действий, трофейные документы о германской армии, ее руководителях и командирах.

Крупные документальные комплексы по истории войны оказались разделенными друг от друга. Собственно военную документацию хранят пять ведомственных архивов: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, Центральный архив военно-морского флота Министерства обороны Российской Федерации, Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации, Центральный архив пограничных войск Российской Федерации, Центральный архив внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации. Но наиболее значительный по объему и содержанию массив документов по истории войны находится в системе государственных архивов России. На федеральном уровне они сосредоточены в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном военном архиве, Российском государственном архиве экономики, Российском государственном архиве военно-морского флота, Российском государственном архиве научно-технической документации, трех бывших партийных архивах — Центре хранения современной документации, Центре хранения историко-документальных коллекций (бывшем тайном Особом архиве), Российском госархиве звукозаписей, Российском государственном архиве литературы и искусства, Российском государственном архиве кинофотофонодокументов [54, с. 67—68].

Для исследователей деятельности вооруженных сил Германии, а также созданных на оккупированных ими территориях различных органов наиболее значимым научным центром является Бундесархив, документы которого размещены в Берлине и Фрайбурге [215, с. 25—73]. В международной службе поиска в г. Арользене имеются сведения о находившихся в концентрационных лагерях в Германии и на оккупированной территории Западной Европы лицах, которые работали на бауэров, а также на предприятиях Германии. Всего там имеется 25 погонных км различных документов с картотекой на 46 млн карточек на граждан, которые попали в немецкое рабство [192; 207; 345].

Вызывает интерес и документальный материал в архиве Яд Вашем (Иерусалим), где представлены характеристики военных формирований, которые осуществляли карательные операции против евреев, в том числе и на территории Беларуси. Там же сконцентрированы своеобразные персонализированные материалы на жертв, организаторов и исполнителей массовых убийств периода Второй мировой войны.

Что касается Беларуси, то следует отметить, что в 1990-е гг. расширение проблематики исследований в рамках марксистской идеологии привело к некоторому расширению источниковедческой базы. Только с 1992 г. силами НАРБ было подготовлено и издано 7 документальных сборников, ряд доку-

ментальных публикаций в средствах массовой печати, что позволило ввести в научный оборот новые виды и типы исторических источников.

Таким образом, для понимания проблемы деятельности оккупационных структур на территории Беларуси источниковая база требует дальнейшего компаративного анализа, критического осмысления, апробации научных выводов опубликованных статей, книг, материалов за рубежом. К тому же зарубежная историография, при уточнении выводов с учетом специфики, полноты источниковой базы, усиливает глубину и объективность выводов по некоторым проблемам. На этой основе должно состояться расширение научных выводов предшественников, использование новейших методов исследования и включение ранее не включаемых в сферу изучения объектов. В ряде других изданий сравнительно-исторический характер исследования предопределяет необходимость сопоставления событий по целому ряду параметров и факторов, с учетом различных исторических, геополитических и социально-политических условий.

Культура памяти. Появление в 1961 г. первой коллективной работы о других формах деятельности, кроме антифашистского подполья, не меняло исследовательского дискурса [220]. Тем не менее, в книге «Подвиги их бессмертны» один из подразделов посвящен боевой деятельности подпольщиков [236]*. Несколько активизировалась работа после присвоения Минску в ознаменование 30-летия освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков, за выдающиеся заслуги перед Родиной, мужество и героизм, проявленные трудящимися города в борьбе против гитлеровских оккупантов, большую роль в развертывании всенародного партизанского движения в Белоруссии в годы войны почетного звания «Город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [49, с. 274]. При этом мемориализация сопровождается и документальным информированием о событиях, связанных с около 4,5 тыс. захоронений советских солдат, в которых покоятся 1,5 млн человек. Кроме этого, в 78 местах погребений захоронено свыше 20 тыс. немецких военнопленных, погибших и умерших в лагерях НКВД во время Второй мировой войны и после нее. В незначительной степени это относится к Минскому городскому подполью [57, с. 86; 198].

С середины 1960-х гг. кинематографисты и литераторы также стали фиксировать с помощью кинокамеры и магнитофона рассказы очевидцев об уничтожении множества белорусских деревень. В 1972 г. появилась «Хатынская повесть» Алеся Адамовича. В 1974 г. Адамович вместе с Янкой Брылем и Владимиром Колесником опубликовал книгу рассказов очевидцев под названием «Я из огненной деревни». Главным для этой «документальной литературы», представляющей собой особый жанр, автор считал то, что она «дает слово (а

* В перечне официальных публикаций (исторических справок) о подпольных организациях, действовавших на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, значится 11 публикаций за 1960—1977 гг. См.: Там же. С. 374, 375.

если точнее — дает микрофон) самой народной памяти», что она должна сознательно отбирать из этой памяти «эстетически значимое, самое полновесное». На деле писатели взяли здесь на себя функцию *oral history*, устной, т. е. рассказанной, истории, которой в западноевропейских странах и в США занимаются историки. Данная литературная форма осталась специфически белорусской. В этом заслуга принадлежит и Светлане Алексиевич, которая начиная с 1980-х гг. продолжила этот жанр и развила его своими книгами «У войны не женское лицо», «Последние свидетели» и др. [4—6; 10—11].

Расширению научных дискурсов исследовательской работы способствовали международные научно-практические конференции. За 15 лет их было проведено 17, издано 11 сборников материалов [8; 24; 30—31; 68; 92; 96; 230; 234; 292]. Выявленные документы находили применение в научных работах [87; 285]. В них кроме общего исследовательского направления можно найти попытки представить новый материал по ряду тем, мало изученных в истории партизанского и антифашистского движения. Проведение международных конференций в Минске о партизанском движении на территории Беларуси обозначено как новое исследовательское направление в истории Второй мировой войны. В региональном контексте осуществлена попытка историков и архивистов комплексно проанализировать события войны на территории Гомельской области [78—79]. Однако исследовательский формат такого важного направления пока не нашел воплощения.

Среди нового круга вопросов по истории Великой Отечественной войны обращено внимание на культуру увековечивания памяти защитников Отечества и жертв войн [297]. Начат этап от коллективного авторства к представлению отдельными историками историографических проблем оккупации территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны [28—29; 120].

Документальная память и ее уникальность. Таким образом, память о нацизме в советской, а затем белорусской историографии претерпела двойную метаморфозу. Сначала она была сведена к памяти об экзальтации победы советского народа, руководимого гениальным командующим. Видоизменение под влиянием перемен конца 1980-х — начала 1990-х гг. и ознакомления с документальными пактами Молотова—Рибентропа и другими материалами составили суть новых взглядов. Однако практический материал о Беларуси с его спецификой и знанием фронтовой, оккупационной военной и гражданской системы остается за пределами общих положений и выводов. Вопросы об уникальности и особенностях такого объекта исследования так и не были разрешены историками [93, с. 1, 8—9; 97, с. 145—151; 133, с. 199—212; 134; 151, с. 93; 216, с. 114—120].

Л и т е р а т у р а

1. Аблова, Р. Т. Это было в Белоруссии: Из истории борьбы молодежи в партизанских отрядах и подполье. — М., 1957.

2. Авиация — партизанам. 1941—1944 гг. Документы и воспоминания / сост.: Кнатычко Г. Д., Селеменов В. Д. — Минск, 2005. — 368 с.
3. Австрийские и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси, 1945—1950 гг. / сост.: С. Карнер, В. Селеменов. — Грац; Минск, 2007. — 727 с.
4. Адамович, А. Каратели, или Жизнеописание гипербореев. — Минск, 1980.
5. Адамович, А. Хатынская повесть. Каратели. — Минск, 1971.
6. Адамович, А., Брыль, Я., Калеснік, У. Я з вогненнай вёскі. — Минск, 1975. — 448 с.
7. Акалович, Н. М. Освобождение Беларуси: люди, подвиги. — Минск, 1985.
8. Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы). Материалы V Международной летней школы молодых ученых-историков стран СНГ (Минск, 14—23 июня 2010 г.) / сост.: А. А. Коваленя, В. В. Данилович, М. Г. Жилинский. — Минск, 2010.
9. Акупацыйны рэжым // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945. — Минск, 1990. — С. 32.
10. Алексиевич, С. Последние свидетели (сто детских рассказов). — Минск, 2004.
11. Алексиевич, С. У войны не женское лицо. — Минск, 1985.
12. Андрианов, В. Н. Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. — М., 1990.
13. Антипенко, Н. А. На главном направлении. — Минск, 1982. — 275 с.
14. Армия Крайова: военные, политические и правовые аспекты на Белоруссии: Материалы научной конференции, Минск, 14 апреля 1996 г. — Минск, 1996.
15. Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии / сост. З. А. Никодимова. — Минск, 2010. — 135 с.
16. Архив Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии / сост. З. А. Никодимова. — Минск, 2014. — 170 с.
17. Баграмян, И. X. Так шли мы к победе. — М., 1988. — 632 с.
18. Батов, П. И. В походах и боях. — М., 1978. — 450 с.
19. Белорусская ССР у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941—1945 гг.): Бібліягр. паказ. (1941—1971 гг.). — Минск, 1970—1982.
20. Белорусская ССР у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941—1945 гг.): Бібліягр. паказ. Ч. 1—2. — Минск, 1980.
21. Белорусская ССР у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941—1945 гг.): Бібліягр. паказ. (1941—1971 гг.) — Минск, 1990.
22. Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность: Материалы междунар. научн. конф. (Минск, 29—30 июня 2004 г.) — Минск, 2004.
23. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня — август 1941 г.): док. и материалы / сост.: В. И. Адамшук [и др.]. — Минск, 2006. — 458 с.
24. Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы навук. канф., Мінск, 23 мая 2002 г. — Мінск, 2002.
25. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне (1941—1945): Бібл. паказ.: Дадат. вып. — Мінск, 1996.
26. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне (1941—1945): Бібл. паказ. — Мінск, 1995.
27. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945. Энцыкл. — Мінск, 1990.
28. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства: [зб. арт.] / навук. рэд. Я. С. Паўлаў, А. М. Літвін. — Мінск: Беларус. навука, 1999.

29. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы: матэрыялы «круглага стала», Мінск, 22 лістап. 2002 г.) / рэдкал.: [А. М. Літвін (адк. рэд.) і інш.]. — Мінск, 2005.
30. Беларусь у гады Другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць: Матэрыялы рэспублік. навук. канфер., прысвечанай 50-годдзю Перамогі (Мінск, 26—27 красавіка 1995 г.). — Мінск, 1995.
31. Беларусь, 22 іюня 1941 года: Говораць архівы...: Матэрыялы к засяданню «круглага стала», посвящ. 60-летію пачатку Вялікай Отчеств. войны (іюнь 2001 г.). — Мінск, 2001.
32. Белорусские оstarбайтеры. Репатриация (1944—1951): Документы и материалы. В 2 ч. Кн. 3. — Мінск, 1998.
33. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941—1944): Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1 (1941—1942). — Мінск, 1996; Кн. 2. (1943—1944). — Мінск, 1997.
34. Библиография оккупационных периодических изданий, выходивших на территории Белоруссии. — Мінск, 1995.
35. Болсуун, Г. А. Противостояние немецкой и советской пропаганды на оккупированной территории Беларуси (1941—1944 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Мінск, 1999.
36. Борисова, А. В., Козак, К. И., Стучинская, Г. Л. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. — Мінск, 2009. — 380 с.
37. Борисова, А. В., Козак, К. И., Стучинская, Г. Л. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. — Мінск, 2010. — 444 с.
38. Ботвинник, М. Памятники геноцида евреев в Белоруссии. — Мінск, 2000.
39. Боярский, В. И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. — Мінск; Москва, 2001.
40. Брюханов, Л. И. В штабе партизанского движения. — Мінск, 1980.
41. Бульба-Боровець, Т. Армія без держави. Спогади. — Вінніпег, 1981.
42. Бэйда, О. И. Французский легион на службе Гитлеру. 1941—1944 гг. — М., 2013. — 336 с.
43. В боях за Белоруссию. — Мінск, 1974.
44. Василевский, А. М. Дело всей жизни. — М., 1973. — 626 с.
45. Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2 т. Кн. 1. — М., 2010.
46. Великая Отечественная война в оценке молодых. — М., 1997.
47. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие / под ред. А. А. Ковалени, Н. С. Шашкевича. — Мінск, 2004.
48. Великая Отечественная война Советского Союза, 1941—1945: Краткая история. 2-е изд. — М., 1970.
49. Великая Отечественная война: Вопросы и ответы. — М., 1985.
50. Великая победа: итоги и уроки. Тезисы межвузовской научно-теоретической конференции, посвященной 45-летию освобождения Белоруссии от гитлеровских захватчиков. 28 июня 1989 года. — Мінск, 1989.
51. Верт, А. Россия в войне 1941—1945. — М., 2003.
52. Весялкоўскі, Ю. Што прывяло Армію Краёву на Беларусь. — Лондон, 1995.
53. Ветров, И. Братья по оружию. — Мінск, 1965.

54. Вновь открытые документы по истории Великой Отечественной войны в российских архивах // Козлов, В. П. Российское архивное дело. Архивно-источниковедческое исследование. — М., 1995.
55. Военно-исторический журнал. — 1965. — № 7.
56. Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Вып. II. — М., 1974.
57. Войтович, А. Увековечение памяти о событиях Второй мировой войны в Белоруссии // Преступники, жертвы, герои: Вторая мировая война в белорусской и немецкой памяти.
58. Воронкова, И. Ю. Минск: лето 1941, лето 1944. — Мінск, 2014. — 334 с.
59. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3 т. — Мінск, 1983—1985.
60. Всенародная партизанская война в тылу врага. — Л.; М., 1941.
61. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): Документы и материалы. В 3 т. — Мінск, 1967—1982.
62. Встали мы плечом к плечу...: Евреи в партизанском движении Белоруссии. 1941—1944 гг. / сост. И. П. Герасимова. — Мінск, 2005. — 188 с.
63. Вторая мировая война 1939—1945 гг.: Воен.-ист. очерк. — М., 1958.
64. Вторая мировая война 1939—1945: Великобритания — Германия — Франция — Италия — Финляндия — Норвегия — Хорватия — Словакия — Богемия и Моравия — Русские легионы 1939—1943: Пехота — Кавалерия — Бронетанковые войска — Авиация — Флот. Пер. с фр. — М., 2002.
65. Вторая мировая война: Материалы научн. конф., посвященной 20-й годовщине победы над фашистской Германией. Кн. 1—3. — М., 1966.
66. Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. — М., 1996.
67. Выжить — подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто / сост.: И. П. Герасимова, В. Д. Селеменов. — Мінск, 2008. — 166 с.
68. Вызваленне Беларусі ад германскіх акупантаў (восень 1943 — лета 1944 гг.): Матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 29 крас. 2004 г. — Мінск, 2004.
69. Высшее партизанское командование Белоруссии, 1941—1944: справочник / Э. Г. Иоффе и др.; под общ. ред. д-ра ист. наук проф. Э. Г. Иоффе. — Мінск, 2009. — 271 с.
70. Высшие немецкие командиры во Второй мировой войне. Пер. с англ. — М., 2003.
71. Габерэр, Э. Немецкая жандармерья і беларускія партызаны ў 1941—1944 гг. // Arche 1. 2013. — С. 202—233.
72. Гарбуноў, Ц. С. Беларусь жыве, Беларусь змагаецца! — М., 1943.
73. Гитлеровская оккупация в Литве. — Вильнюс, 1966.
74. Гістарычныя каштоўнасці Перамогі над фашызмам і сучаснасць. — Мінск, 2000.
75. Гогун, А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. — СПб., 2004.
76. Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны: документы и материалы / сост. В. Д. Селеменов [и др.]. — Мінск, 2010. — 272 с.
77. Гомельщина в 1941 году: Материалы науч.-практ. конф. — Гомель, 2006.
78. Гомельщина партизанская. Сборник документов и материалов. Вып. 1. Начало. Июнь—май 1942 г. / сост. В. Д. Селеменов [и др.]. — Мінск, 2010.
79. Гомельщина ў Вялікай Айчыннай вайне: навук.-практ. канф. — Гомель, 2005.

80. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. — М., 1993.
81. Гуленка, У. І. Арганізацыя ўкраінскіх нацыяналістаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — Т. 1. — С. 149—150.
82. Гуленко, В. И. ОУН—УПА и Армия Крайова в Беларуси. К вопросу о деятельности и взаимоотношениях // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. — Вып. I. — Мінск, 1992. — С. 174—182.
83. Гуленка У. Палеская сеч украінскай паўстанцкай арміі // Энцыкл. гісторыі Беларусі. — Т. 5. — Мінск, 1999. — С. 385.
84. Датнер, Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. — М., 1963.
85. Диксон, Ч. О., Гейльбрунн, О. Коммунистические партизанские действия. Пер. с англ. — М., 1957.
86. Документы обвиняют: сб. док. о чудовищных зверствах германских оккупационных властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1. — М., 1943—1945.
87. Документы по истории Беларуси в «Особой папке» И. В. Сталина. Сост.: С. В. Жумарь, С. В. Мироненко, В. Д. Селеменев. — Минск, 2004.
88. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь (1941—1945) = Dokumente zur Geschichte des Zweiten Weltkrieges in den Staatsarchiven der Republik Belarus (1941—1945): справочник / редкол.: В. Селеменев [и др.]. — Дрезден; Минск; Грац, 2003.
89. Долготович, Б. Д. В одном строю — к единой цели. — Минск, 1985.
90. Домарад, К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941—1944 гг. — Минск, 1995.
91. Домарад, К. И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941—1944. — Минск, 1992.
92. Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў. Матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 1 верасня 2003 г. — Мінск, 2004.
93. Дубавец, С. З гледзішча нацыянальных інтэрэсаў // Наша ніва. — 9 (106). — 11 траўня. — 1998.
94. Дын, М. Мікракосм: Халакост, калабарацыя і супраціў у Мірскім раёне, 1941—1944 гг. // Arche 1. — 2013. — С. 234—272.
95. Дюпон, Р. Э., Дюпон, Г. Н. Всемирная история войн. С XXXV века до рождения Христа и до наших дней: В 4 т. — Кн. II. 1400—1800. — М., 1997; Кн. IV. 1925—1998. — М., 1998.
96. Еврейское сопротивление нацизму на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны 1941—1944 гг. / сост. К. И. Козак. — Минск, 2011. — 192 с.
97. Екадомов, А. Великая Отечественная война: миф плюс история // ARCHE. Вялікая Айчынная вайна. 2. — Мінск, 1999.
98. Еленская, И. Э. Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник (по материалам Госархива Брестской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Минск, 1999.
99. Еленская, И. Э. Историография источниковедения истории Беларуси периода Великой Отечественной войны // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця. — С. 270—273.
100. Еременко, А. И. Годы возмездия. 1943—1945. 2 изд. — М., 1985. — 424 с.

101. Ермолович, В. И. Листовки партизан и подпольщиков Беларуси периода Великой Отечественной войны как исторический источник (1941—1944 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Минск, 1993.
102. Ермолович, В. И., Жумарь, С. В. Огнем и мечом. — Минск, 1994.
103. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления. — В 2 т. — 13-е изд. — М., 2002. — Т. 1. — 468 с.; Т. 2. — 514 с.
104. Жуков, Д. А., Ковтун, И. И. 1-я Русская бригада СС «Дружина». — М., 2009. — 368 с.
105. Жуков, Д. А., Ковтун, И. И. Охотники за партизанами. Бригада Дирлевангера. — М., 2013. — 448 с.
106. Жумарь, С. В. К вопросу об изучении белорусской антисоветской периодической печати периода Великой Отечественной (1941—1944 гг.) // 1941 год: Трагическое и героическое. — Минск, 1991. — С. 215—218.
107. Жумарь, С. В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. — Минск, 1996.
108. Жыліньскі, М. Г. Адукацыя на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчынай вайны (чэрвень — ліпень 1944 г.). Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. — Мінск, 2002.
109. Жыліньскі, М. Г. Вільгельм Кубэ і беларуская калабарацыя // Весці БДПУ імя М. Танка. — № 3. — Мінск, 2001.
110. Загорюлько, М. М., Юденков, А. Ф. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. — М., 1970.
111. Заерко, А. Л. Правда о Гиль-Радионово. — Смоленск, 2012. — В 2 кн. — Кн. 1. — 496 с.; Кн. 2. — Смоленск, 2011. — 353 с.
112. Залеский, А. И. Героический подвиг миллионов в тылу врага. (Помощь населения партизанских зон народным мстителям). — Минск, 1970.
113. Залеский, А. И. В тылу врага. Борьба крестьянства Белоруссии против социально-экономических мероприятий немецко-фашистских оккупантов. — Минск, 1969.
114. Залескі, А. І. Дарогамі партызанскай Беларусі. — Мінск, 1974.
115. Залесский, К. А. Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. — М., 2002.
116. Залеский, К. РСХА. — М., 2004.
117. Заложники вермахта (Озаричи — лагерь смерти). Док. и материалы. — Минск, 1999.
118. Зверев, Ю. В. «Русские» формирования в структуре вооруженных сил нацистской Германии // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. — Мінск, 2002. — С. 29—42.
119. Зверев, Ю. В. «Русские» формирования вермахта и войск СС на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Минск, 2002.
120. Здановіч, У. В. Беларусь у гады Вялікай Айчынай вайны (1941—1944 гг.) у адлюстраванні айчынай гістарыяграфіі: манаграфія / навук. рэд. А. А. Каваленя. — Брэст, 2008.
121. Зевелев, А. И., Курлат, Ф. Л., Казицкий, А. С. Ненависть, спрессованная в тол. — М., 1991.
122. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль — март 1943 г.: Документы и материалы. — М., 2013. — 512 с.
123. Зімянін, М. І. Моладзь Беларусі змагаецца. — М., 1942.

124. Иоффе, Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Востоку» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945. — М., 2007. — 384 с.
125. Иоффе, Э. Г. Когда и зачем Гитлер и другие высшие чины нацистской Германии приезжали в СССР? — Минск, 2010.
126. Иоффе, Э. Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941—1945. — Минск, 2003. — 428 с.
127. Исторический журнал. — 1943. — № 8/9.
128. История 4-й Белорусской партизанской бригады / сост. И. Ю. Воронкова [и др.]. — Минск, 2010. — 162 с.
129. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945: В 6 т. — М., 1960—1965.
130. История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. — М., 1973—1982.
131. История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. — М., 2001.
132. Итоги Второй мировой войны. Пер. с нем. — М., 1957.
133. К'яры, Б. Гісторыя як паслядоўнасць катастроф. Беларускі рэгіён як акупаванае грамадства 1939—1944/47 // Беларускі гістарычны агляд. — Т. 3. — Сшытак 2. — Мінск, 1997. — С. 199—212.
134. Каваленя, А. Сакрэтныя матэрыялы. Ісціна дзесьці побач. Савецка-германскія дагаворы ў кантэксце крызісу міжнародных адносін у Еўропе. 1938—1939 гады // Рэспубліка. — 24 жніўня 1999. — С. 7; 25 жніўня 1999. — С. 11.
135. Каваленя, А. А. Беларусь у гады Другой сусветнай вайны (1939—1945 гг.) — Мінск, 1996.
136. Каваленя, А. А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі 1941—1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. — Мінск, 1999. — 235 с.
137. Каваленя, А. А. Прагерманскія саюзы моладзі: вытокі, структура, дзейнасць. Аўтарэф. дыс. ... докт. гіст. навук. — Мінск, 2000.
138. Калинин, М. И. О партизанской борьбе // Партийное строительство. — 1942. — № 9—10.
139. Калинин, П. Партизанская республика. — Минск, 1968.
140. Карняя аперацыі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. — Т. 4. — Мінск, 2000.
141. Каров, Д. Партизанское движение в СССР в 1941—1945 гг. — Мюнхен, 1954.
142. Кирилл Мазуров. Воспоминания, выступления, интервью. — Минск, 1999.
143. Киселев, В. К. Особый фронт партизан Белоруссии: Июнь 1941 — июль 1944. — Минск, 2011. — 296 с.
144. Киселев, В. К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944. — Минск, 1980.
145. Климов, И., Граков, Н. Партизаны Вилейщины. Изд. 2-е, доп. и пер. — Минск, 1970.
146. Князько, Г. Д. Рукописные издания партизан Белоруссии. — Минск, 1979.
147. Князько, Г. Д. Ведомство полиции безопасности и СД в Минске: новые факты о структуре и деятельности. — Минск, 2003.
148. Князько, Г. Д. Гибель Минского гетто. — Минск, 1999.
149. Коваленя, А. А. Беларусь 1939—1945 гг.: Война и политика. — Минск, 2001. — 204 с.
150. Коваленя, А. А. Нацистская политика военно-экономического хозяйствования и умиротворения населения // Беларусь у гады Другой сусветнай вайны 1939—1945 гг. — С. 104—116.

151. Козак, К. Змаганне за беларускую дзяржаўнасць у XX ст. // Беларускі гістарычны часопіс. — № 4. — 2000.
152. Козак, К. И. Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941—1944): анализ и итоги. — Минск, 2012. — 374 с.
153. Козак, К. И. Германский оккупационный режим на территории Беларуси 1941—1944: историография и источники. — Минск, 2006. — 268 с.
154. Козлов, В. И. Верен до конца. 2-е изд. — М., 1973.
155. Комсомол Белоруссии в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. — Минск, 1988.
156. Концентрационный лагерь Озаричи: живые свидетельства Беларуси / сост.: Шкуран А. П., Козак К. И., Верас Ф. А., Синькевич М. И. — Минск, 2014. — 324 с.
157. Кормилишин, С. В. Третий Рейх. Гитлер-Югенд. — СПб., 2004.
158. Королев, Н. Ф. Сыновья народа. — Минск, 1955.
159. Косик, В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. — Париж, Нью-Йорк, Львів, 1993.
160. Краўчанка, І. С. Падпольны бальшавіцкі друк у Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. — Мінск, 1950.
161. Краўчанка, І. С. Работа Кампартыі Беларусі ў тыле ворага (1941—1944). — Мінск, 1959.
162. Кривошеев, Г. Ф. Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне // Людские потери в СССР в период Второй мировой войны. — СПб., 1995.
163. Крыварот, А. А. Узаемадзеянне беларускіх і расійскіх партызанскіх фарміраванняў у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941—1944 гг.). Аўт. дыс. ... канд. гіст. навук. — Мінск, 2011.
164. Крывашэй, Д. А. Нацыянальны супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 — ліпень 1944 гг.). — Мінск, 2009. — 200 с.
165. Крысин, М. Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. 1939—1945. — М., 2004.
166. Кулиш, В. М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. — М., 1996. — С. 280.
167. Курносов, А. А. Борьба советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов (историография вопроса) // История и историки: историография СССР. — М., 1965.
168. Лавренов, С. Я., Попов, И. М. Крах Третьего Рейха. — М., 2000.
169. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / сост.: А. В. Борисова, К. И. Козак, Г. Л. Стучинская. — Минск, 2010. — 400 с.
170. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы. — Минск, 2003.
171. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941—1944: справочник. — Минск, 2004.
172. Лемешонок, В. И. Идеино-политическая работа Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. — Минск, 1988.
173. Лемяшонак, У. І. Другая сусветная вайна ў Беларусі на старонках гісторыка-дакументальных хронік «Памяць» // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. — С. 100—105.
174. Лемяшонак, У. І. Вызваленне — без грыфа «сакрэтна!». — Мінск, 1996.
175. Ленхард, Х. «Жизненное пространство на Востоке». Немцы в Белоруссии в 1941—1944 // Неман. — 1993. — № 5.

176. Ливенцев, В. Партизанский край. — М., 1951.
177. Линьков, Г. М. Война в тылу врага. — М., 1949.
178. Липило, П. П. КПБ — организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. — Минск, 1959.
179. Литвин, А. М. В боях за Восточную Беларусь // Беларусь. 1941—1945: Подвиг. Трагедия. Память. — В 2 кн. — Кн. 1. — Минск, 2010. — С. 55—56.
180. Литовкин, В. В годы войны наша армия потеряла 11 944 100 человек // Известия. — 25 июня 1998. — С. 1—2.
181. Літвін, А. М. Антысавецкія ваенна-паліцэйскія фарміраванні на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941—1944 гг. Вытокі. Структура. Дзейнасць. Аўтарэф. дыс. ... докт. гіст. навук. — Мінск, 2000.
182. Літвін, А. М. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця. — Мінск, 2000.
183. Літвін, А. М. Сучасная гістарыяграфія ваеннай гісторыі Беларусі перыяду Другой сусветнай вайны: асаблівасці навуковага вывучэння // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. — Мінск, 2002.
184. Лобанок, В. Е. Всенародная борьба в тылу врага. — Минск, 1985.
185. Лобанок, В. Е. Партизаны принимают бой. — Минск, 1976.
186. Логунова, Т. А. Советская историография партийного подполья и партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941—1945 гг.) // Очерки по историографии советского общества. — М., 1965.
187. Лыч, Л. Магільнае ў часы нямецкае акупацыі (чэрвень 1941 — ліпень 1944 г.): успаміны. — Мінск, 2011.
188. Лыч, Л. Нацыянальна-культурнае жыццё Беларусі на тэрыторыі функцыянавання нямецкага акупацыйнага рэжыму (чэрвень 1941 — ліпень 1944). — Львоў, 2011. — 288 с.
189. Людские потери в СССР в период Второй мировой войны. Сборник статей. — Санкт-Петербург, 1995.
190. Макдоннелл, Л. Знаки различия и боевые награды Второй мировой. — М., 2003.
191. Мерцалов, А. Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ / отв. ред. В. И. Дашичев. — М., 1989.
192. Месцы прымусовага ўтрымання грамадскага насельніцтва на часова акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны. Даведнік. — Мінск, 1996.
193. Миддельдорф, Э. Тактика в русской кампании. — М., 1958.
194. Минская область в документах и материалах: сборник / сост.: Е. А. Гребень, В. М. Матох. — Минск, 2013. — 143 с.
195. Минц, И. И. Партизанская война против фашистских лодоедов: Примеры первых месяцев. — М., 1941.
196. Міган, М. Дапаможная паліцыя ў акупаваным Савецкім Саюзе (1941—1943 гг.) і Халакост у Гомелі // Arche 1. — 2013.
197. Мігунова, А. А. Прапагандысцкая і культурна-асветніцкая дзейнасць нямецкай акупацыйнай улады ў генеральнай акрузе Беларусь (1941—1944): Аўтарэф. дыс. канд. гіст. навук. — Мінск, 1999.
198. Мінскае антыфашысцкае падполле / Аўт.-укл.: Я. І. Бараноўскі, Г. Д. Кнацько, Т. М. Антановіч і інш. — Мінск, 1995. — 256 с.

199. Мінскае гета 1941—1943 гг.: Памяць. Трагедія. Гераізм / пад рэд. К. І. Козака. — Мінск, 2004.
200. Мочульский, Р. Н. Люди высокого долга. — Минск, 1975.
201. Мочульский, Р. Н. Вечный огонь. 2-е изд. — Минск, 1978.
202. Мусял, Б. Польска-нямецкае «замірэнне» на «крэсах» // Arche. Як Гітлер мог перамагчы. — № 5. — 2010.
203. Мухин, Ю. Крестовый поход на Восток. «Жертвы» Второй мировой 1941—1945. — М., 2004.
204. Мы обвиняем в геноциде. Пер. с англ. — М., 1952.
205. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация 1941—1944. О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. Пер. с нем. — М., 1974.
206. Мірановіч, Я. Ямецкая акупацыя Беларусі // Навейшая гісторыя Беларусі. — Беласток, 1999. — С. 128—160.
207. Национал-социалистические преследования в документах Международной службы розыска. — Арользен, 1998.
208. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941—1944). — Минск, 1984.
209. Неvejeин, В. А. СССР во Второй мировой войне: новейшая российская историография проблемы // Война 1941—1945 годов: современные подходы. — М., 2005. — С. 177—192.
210. Немецкая армия на восточном фронте, 1941—1943. Пер. с англ. — М., 2002.
211. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944): Сб. статей. — М., 1965.
212. Никифоров, Ю. А. Некоторые вопросы современной российской историографии Великой Отечественной войны // Великая Победа: героизм и подвиг народов. В 2 т. Т. 1. — Минск, 2006. — С. 40—50.
213. Новікаў, С. Акупацыйны рэжым на тэрыторыі Беларусі ў адлюстраванні сучаснай германскай гістарыяграфіі // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы. — У 2 ч. — Ч. II. — Мінск, 2010.
214. Новікаў, С. Я. Беларусь у кантэксце германскай гістарыяграфіі гісторыі Другой сусветнай вайны. — Мінск, 2004.
215. Новікаў, С. Я. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941—1944 гг.: агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў. — Мінск, 2002.
216. Новікаў, С. Я. Архівы Германіі як крыніца новых ведаў і навуковага пошуку па гісторыі Беларусі перыяду Другой сусветнай вайны // Архівы і справаводства. — 2000. — № 5. — С. 114—120.
217. Новікаў, С. Я. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941—1944): спроба кампаратывнага аналізу айчыннай і германскай гістарыяграфіі // 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне. Ч. II. — Мінск, 2010.
218. Новікаў, С. Я. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941—1944 гг. — Мінск, 2000.
219. Немецко-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941—1944). — Мінск, 1995.
220. О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944 гг.). — Минск, 1961.
221. Озаричи — лагерь смерти. Документы и материалы. — Минск, 1997.
222. Освобожденная Беларусь: док. и материалы. В 2 кн. Кн. 2. Январь 1945 — декабрь 1945 / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск, 2005. — 506 с.

223. ОУН-УПА в Беларуси. 1939—1953 гг. Документы и материалы / сост.: В. И. Адамшко, И. А. Валаханович, В. И. Гуленко [и др.]. — Минск, 2011. — 527 с.
224. Очерки истории Великой Отечественной войны, 1941—1945. — М., 1955.
225. Очерки по истории исторической науки в СССР. Т. 5. — М., 1985.
226. Очерки советской военной историографии. — М., 1974.
227. Павлов, Я. С. «Болевые точки» истории Беларуси: (Из научного наследия). — Минск, 1997. — 252 с.
228. Павлов, Я. С. В. И. Ленин и партизанское движение. — Минск, 1975.
229. Панамарэнка, П. К. Партызанскі рух у Вялікую Айчынную вайну. — М., 1943.
230. Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941—1944 годах: материалы Междунар. научно-практ. конф. (Минск, 25—26 июня 2009 г.). — Минск, 2009.
231. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы и материалы. — М., 1999.
232. Партизаны в операции «Багратион»: док. и материалы / под ред. В. Д. Селеменова. — Минск, 2014. — 412 с.
233. Партия. Народ. Победа. Тезисы научно-теоретической конф., посвященной 45-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Ч. 1. — Минск, 1990; Ч. 2. — Минск, 1990.
234. Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы на Беларусі. Матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 5 мая 2005 г. — Мінск, 2006.
235. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / сост. К. М. Александров. — СПб., 2011. — 608 с.
236. Подвиги их бессмертны. — Минск, 1978.
237. Пономаренко, П. К. Непокоренные: (Всенародная борьба в тылу фашист. захватчиков в Великую Отечественную войну). — М., 1975.
238. Пономаренко, П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941—1944. — М., 1986.
239. Пономаренко, П. К. Освобождение Белоруссии. — Минск, 1944.
240. Пономаренко, П. К. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. — М., 1943.
241. Попов, А. Диверсанты Сталина. НКВД в тылу врага. — М., 2008.
242. Попов, А. НКВД и партизанское движение. — М., 2003.
243. Попов, А. Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. — М., 2004.
244. Потери Вооруженных Сил. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. — М., 2001.
245. Правда. — 1957. — 12 сент.
246. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941—1944. 2-е изд. — Минск, 1965.
247. Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944 гг.). 3-е изд. — М., 1985.
248. Пропаганда в Беларуси 1941—1944. Конфронтация между пропагандой и действительностью. Выставки в Берлине, Минске и Москве. — Берлин, 1997.
249. Раманоўскі, В. Ф. Саўдзельнікі ў злачынствах. — Мінск, 1964.
250. Розенблат, Е., Еленская, И. Пинские евреи. 1939—1944 гг. — Брест, 1997.

251. Рокоссовский, К. К. Солдатский долг. — М., 1968. — 356 с.
252. Романовский, В. Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941—1944): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. — Минск, 1974.
253. Романовский, В. Ф. Против фальсификации истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны. — Минск, 1975.
254. Романько, О. В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941—1945. — М., 2013. — 479 с.
255. Романько, О. В. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941—1945). — Симферополь, 2008. — 304 с.
256. Руденкова, С. С. Комсомольско-молодежная печать Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 — июль 1944 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Минск, 1988.
257. Рыбаковский, Л. Л. Людские потери СССР и России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940—1959. — М., 2001.
258. Рывкин, М., Шульман, А. Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто. — Витебск, 2004.
259. Савецкая Беларусь. — 1944. — 9 крас.
260. Савоньяко, М. Я. Немецко-фашистские лагеря на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941—1944 гг. — Минск, 1993.
261. Самсонов, А. М., Курносоев, А. А. К изучению истории борьбы советских людей на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории СССР // Вопросы истории. — 1964. — № 12.
262. Самуэль, С. Памяць // Энцикл. гісторыі Беларусі. Т. 5.
263. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. — М., 1946.
264. Селеменов, В. Д., Шимолин, В. Охота на гауляйтера. — Минск, 2006. — 246 с.
265. Семенов, К. К. Войска СС. — М., 2004.
266. Семиряго, М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М., 2000.
267. Сениянская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М., 1999.
268. Сениянская, Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. — М., 1997.
269. Сервачинский, И. Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июнь 1941—август 1944): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Минск, 1999.
270. Сервачинскі, І. Ю. Калабарачыянiзм на акупiраванай тэрыторыі Беларусі (1941—1945) // Весті БДПУ. — Сер. 3. — 1997. — № 3.
271. Сидельский, Р. Борьба советских партизан против фашистских захватчиков. — М., 1944.
272. Сидорцов, В. Н., Латышева, В. А. Народ во Второй мировой и Великой Отечественной войне: синергетический взгляд на историю: к 60-летию Великой Победы. — СПб, 2005.
273. Силова, С. В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). — Гродно, 2003.
274. Ситкевич, С. А. Польское подполье на территории западных областей Беларуси 1939—1954 гг.) / С. А. Ситкевич, С. А. Сильванович, В. В. Барабаш, Н. А. Рыбак. — Гродно, 2004. — 345 с.

275. Скопцов, С. Г., Мельцер, Д. В. Белорусская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. — Минск, 1968.
276. Смирнов, Н. И. Секретный узел. Тайная война в Беларуси (1939—1944). — Минск, 2010. — 248 с.
277. Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. — Минск, 2003. — 438 с.
278. Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны. — Дрезден; Минск, 2004.
279. Соловьев, А. К. Они действовали под разными псевдонимами. — Минск, 1994.
280. Сообщения Советского информационного бюро. — М., 1944—1945. — Кн. 1—8.
281. 45 лет Великой Победы: итоги и уроки. Тезисы докладов и сообщений межвузовской науч.-теоретич. конф. 17 апреля 1990. — Гродно, 1990.
282. Список погибших партизан, подпольщиков, связанных партизанских формирований и подпольных организаций, действовавших на территории Минской области в годы Великой Отечественной войны. — Минск, 1995.
283. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941—1944. — Минск, 2001.
284. Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. — Минск, 1998.
285. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8—10 апр. 1943 г.) / авт.-сост.: С. В. Жумарь, С. Е. Новиков, Р. А. Черноглазова. — Минск, 2006.
286. Сямашка, Я. Армія Краёва на Беларусі. — Мінск, 1994.
287. Теске, Х. Партизаны против железной дороги // Военно-научное обозрение. — 1953. — № 3.
288. Тимохович, И. В. Битва за Белоруссию: 1941—1944. — Минск, 1994.
289. Титов, А. Дорога дружбы. — Минск, 1957.
290. Трагедия белорусских деревень, 1941—1944: Документы и материалы / сост.: Н. В. Кирилова, В. Д. Селеменев и др.; редкол. В. И. Адамушко и др. — М., 2011. — 535 с.
291. Трагедия войны. Фронт и плен: Сб. материалов науч. конф., посв. 50-летию окончания Второй мировой войны, 4—8 июня 1995. — Минск, 1995.
292. Трагічнае лета 1941: напамін гісторыі: Матэрыялы міжнар. навуц.-гэарэ. канф., Мінск, 22 чэрвеня 2001 г. У 2 ч. — Мінск, 2003.
293. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. — Мінск, 1993.
294. Тэзісы чацвёртай навуковай канферэнцыі беларускіх і польскіх гісторыкаў «Армія Краёва на тэрыторыі Заходняй Беларусі (чэрвень 1941 — ліпень 1944 гг.)» 6—7 кастрычніка 1994 г. — Гродна, 1994.
295. Тябут, Д. В. Путь к победе. — Минск, 1959.
296. Тябут, Д. В. Сквозь огонь. 3-е изд. доп. — Минск, 1979.
297. Увековечивание памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941—2008 гг.: док. и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск, 2008. — 304 с.
298. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941—1945 гг. В 3 т. — Киев, 1975.

299. «Уничтожить как можно больше...» Латвийские коллаборационистские формирования на территории Беларуси, 1941—1944 гг. Сборник документов. — М., 2009. — 360 с.
300. Факторович, А. А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. — Минск, 1979.
301. Хатынь. Трагедия и память: док. и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. — Минск, 2009. — 272 с.
302. Хацкевич, А. Ф., Крючок, Р. Р. Становление партизанского движения в Белоруссии и дружба народов СССР. — Минск, 1980.
303. Холокост в Беларуси. 1941—1944. Док. и материалы / сост.: Э. Г. Иоффе, Г. Д. Кнатько, В. Д. Селеменев. — Минск, 2002. — 276 с.
304. Хухлындина, Л. М. Роль печати подпольных партийных комитетов и партизанских формирований в мобилизации трудящихся Белоруссии на борьбу против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Минск, 1987.
305. Цанав, Л. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков. — Ч. I. — Минск, 1949; Ч. II. — Минск, 1951.
306. Шарков, А. В. Архипелаг ГУПВИ на территории Беларуси 1944—1951 гг. — Минск, 2003.
307. Шарков, А. В. Военнопленные и интернированные на территории Беларуси: Роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании (1944—1951 гг.) — Минск, 1997.
308. Шерман, Б. П. Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти. Справка-характеристика крупных преступлений фашистов в гор. Барановичи и районе в 1941—1944 гг. — Барановичи, 1997.
309. Шерман, Б. П. И ужаснулась земля: Факты, документы, свидетельства. — Барановичи, 1990.
310. Шорац, В. М. Калабарыянісцкі друк на Віцебшчыне ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941—1944) // Война известная и неизвестная. — Витебск, 1995.
311. Шрёдер, Г. -Х. Уроки 1942 г. Дискуссия по поводу пересмотра в Советском Союзе традиционных представлений о Великой Отечественной войне // Вторая мировая война. Дискуссия. — С. 476—489.
312. Штрайт, Х. «Без... товарищей». Вермахт и советские военнопленные 1941—1945 гг. Изучение истории времени, проводимое институтом истории. — 2-е изд. — Штутгарт, 1980.
313. Шумейко, М. Ф. Делопроизводство в партизанских отрядах Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Архивы и делопроизводство. — 2005. — № 2. — С. 60—66.
314. Шумейко, М. Ф. Публикация документов по истории Великой Отечественной войны в Белоруссии (1947—2004) // Археографический ежегодник. — Москва, 2007. — С. 56—71.
315. Шумейко, М. Ф. События начального периода Великой Отечественной войны в документах Национального архива Республики Беларусь // Архивы и делопроизводство. — 2011. — № 3. — С. 106—113; № 4. — С. 102—112.
316. Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза. 1941—1945. — Таллинн, 1973.
317. Юрьев, А. В немецком тылу. Диверсанты НКВД в годы войны. — М., 2005.

318. Языкович, Э. Ф. Гістарыяграфія // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945. — С. 165—167.
319. Ярмусик, Э. С. Католический Костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939—1945). — Гродно, 2002. — 240 с.
320. Armia Krajowa na Nowogródzczyźnie i Wileńszczyźnie (1942—1944) w świetle dokumentów sowieckich. — Warszawa, 1997.
321. Armstrong, J. A. Soviet Partisans in World War II. — Madison, 1964.
322. Aycoberry, P. La société allemande sous la IIIe Reich 1933—1945. — Paris, 1998.
323. Bartov, O. The Eastern Front 1941—1945. German Troops and the Barbarization of Warfare. — London, 1985.
324. Beitzell, R. The Uneasy Alliance. America, Britain and Russia, 1941—1943. — New York, 1972.
325. Belorussia 1944. The Soviet General Staff Study. Translated and edited by David M. Glantz and Harold S. Orenstein. — London, 2001.
326. Benz, W. Der Rußlandfeldzug des Dritten Reiches: Ursachen, Ziele, Wirkungen. Zur Bewältigung eines Völkermordes unter Berücksichtigung des Geschichtsunterrichts. — Frankfurt am Main, 1986.
327. Blood, Ph. W. Hitler's Bandit Hunters: The SS and the Nazi Occupation of Europe. — Washington, 2006.
328. Borodyn, Z. Niemen rzeka niezgody. Polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródzczyźnie 1943—1944. — Warszawa, 1999.
329. Bovio, O. L'Ufficio Storico dell'Esercito. Un secolo di storiografia militare. — Roma, 1978.
330. Brakel, A. Unter Rotem Stern und Hakenkreuz: Baranowicze 1939 bis 1944. Das westliche Weißrussland unter sowjetischer und deutscher Besatzung. — Paderborn, 2009.
331. Bräutigam, O. Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. — Tübingen, 1954.
332. Browning, Ch. R. Ganz normal Männer. Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die «Endlösung» in Polen. — Reinbek, 1993.
333. Browning, Ch. R. Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the final Solution in Poland. — New York, 1998.
334. Buchanan, A. R. The United States World War II. — New York, 1954.
335. Burgdörger, F. Bevölkerungsdynamik und Bevölkerungsbilanz. — München, 1951.
336. Bystrický, V. Slovensko v rokoch druhej svetovej vojny. — Bratislava, 1991.
337. Cecil, R. Hitlers Griff nach Rußland. — Graz, 1977.
338. Chiari, B. Deutsche Zivilverwaltung in Weisrussland 1941—1944. Die Arbeit der Gebiets-Kommissariate unter besonderer Berücksichtigung der Landwirtschaftsführer. — Frankfurt am Main, 1991.
339. Chollek, R. Faschismus und Okkupation. — Berlin, 1974.
340. Cochet, F. Soldats sans armes. La captivité de guerre: une approche culturelle. — Bruxelles, 1998.
341. Colin, A. Le gouvernement de Vichy 1940—1942: Institution et politique. — Paris, 1972.
342. Constantiniu, F. Duțu, A., Retegan, M. România în război 1941—1945. Undestin în istorie. — București, 1995.
343. Cooper, M. The Nazi War against Soviets partisans, 1941—1944. — New York, 1979.
344. Curilla, W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrussland 1941—1944. — Paderborn, 2006.

345. «Dann Kam die deutsche Macht»: Weißrussische Kinderhäftlinge in deutschen Konzentrationslagern 1941—1945: Eine Dokumentation / Projektgruppe Belarus im Jugendclub Courage Köln e.V. (Hg.). — Köln, 1999.
346. Dallin, A. German rule in Russia, 1941—1945: A Study of Occupation Policies. — London, 1957.
347. Dean, M. Collaboration in the Holocaust: crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941—44. — New York, 1999.
348. Der vernichtungsort Trostenez in der Europäischen Erinnerung. Materialien zur internationalen Konferenz vom 21.—24. März 2013 in Minsk. — Dortmund, 2013.
349. Deutschland im zweiten Weltkrieg. T. 2. Berlin, 1976; T. 4. — Berlin, 1984.
350. Die «Neuordnung» Europas. NS-Wirtschaftspolitik in den besetzten Gebieten. — Berlin, 1997.
351. Eichholtz, D., Schumann, W. Anatomie des Krieges. — Berlin, 1969.
352. Epstein, B. The Minsk ghetto: 1941—1943; Jewish resistance and Soviet internationalism. — Berkeley, 2008.
353. Europa unterm Hakenkreuz. Die Okkupationspolitik des deutschen Faschismus (1938—1945). Urs. von Bundesarchiv. Berlin, Heidelberg 1988—1996. Band 7 (zugleich Ergänzungsband 1) Okkupation und Kollaboration (1938—1945). Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik. Zusammengefasst und eingeleitet von Werner Röhr. — Heideberg, 1994.
354. Gartenschlaeger, U. Die Stadt Minsk während der deutschen Besetzung (1941—1944). Magisterarbeit. — Köln, 1989.
355. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. — Hamburg, 1999.
356. Gens, D. Hitlers Wehrmacht in der Sowjetunion. — Frankfurt am Main, 1985.
357. Giodano, R. Wenn Hitler den Krieg gewonnen hätte: die Pläne der Nazis nach dem Endsieg. — Hamburg, 1989.
358. Gnatowski, M. Białostockie Zgrupowanie Partyzanckie. — Białystok, 1994.
359. Gnatowski, M. Za Wspólną sprawę. Z dziejów partyzantki radzieckiej w okręgu Białostockim. — Lublin, 1970.
360. Grenkevich, L. The Soviet Partisan Movement, 1941—1944: a critical Historiographical analysis. — London, 2006.
361. Haberer, E. German police and genocide in Belorussia, 1941—1944 // Journal of Genocide Research. — 2001. — Vol. 3. — Issue 1.
362. Handrack H.-D. Das Reichskommissariat Ostland. Die Kulturpolitik der deutschen Verwaltung Zwischen Verwsltung und Gleichschaltung 1941—1944. — München, 1981.
363. Harten, H.-Ch. De-Kulturation und Germanisierung. Die nationalistische Rassen und Erziehungspolitik in Polen 1939—1945. — Frankfurt am Main; New York, 1996.
364. Hass, G., Schumann W. Anatomie der Aggression. — Berlin, 1972.
365. Heaton, C. D. German anti-partisan warfare in Europe, 1939—1945. — Atglen, 2001.
366. Herzog, R. Besatzungsverwaltung in den besetzten Ostgebieten — Abteilung Jugend. — Tübingen, 1960.
367. History of the Second World War (United Kingdom Military Series, Civil Series, Medical Series). — London, 1952.
368. Hitlerine okupacija Lietuvoje. — Vilnius, 1961.
369. Howell, E. M. The Soviet Partisan Movement: 1941—1944. — Washington, 1956.
370. Ingrao, Ch. Les chasseurs noirs. La brigade Dirlewanger. — Paris, 2006.

371. Jacobsen, H.-A. Zur Konzeption einer Geschichte des Zweiten Weltkrieges 1939—1945. — Frankfurt am Main, 1964.
372. Karlikowski, J. Polityka okupacyjna III Rzeszy w okręgu białostockim (1941—1944). — Białystok, 1966.
373. Kedward, H. R. A la recherche du Maquis. Roderick Kedward H. A la recherche du Maquis. La Résistance dans la France du Sud, 1942—1944. — Paris, 1999.
374. Korinman, M. Quand l'Allemagne pensait le monde. Grandeur et décadence d'une géopolitique. — Paris, 1990.
375. L'emploi de la main d'oeuvre Belge sous l'occupation 1940. — Bruxelles, 1970.
376. La Seconde Guerre mondiale. Compagne et batailles. Sous la direction de Philippe Masson. — Paris, 1992.
377. Lacroix—Riz, A. Industriels et banquier sous l'Occupation. La Collaboration économique avec le Reich et Vichy. — Paris, 1999.
378. Langenheim, H. Mordfelder. Orte der Vernichtung im Krieg gegen die Sowjetunion. — Berlin, 1999.
379. Lefèvre, E., Mabire, J. La légion perdue face aux partisans 1942. — Paris, 1995.
380. Lenhard, H. «Lebensraum im Ostendeutsche in Belorußland 1941—1944. Quellen— und Materialmappe für Unterricht und Erwachsenebildungsarbeit. Hrsg. von Internationales Bildungs- und Begegnungswerk Dortmund. — Düsseldorf, 1991.
381. Liddell, H. B. History of the Second World War. — London, 1978.
382. Littlejohn, D. The Patriotic traitors: The History of Collaboration in German Occupied Europe, 1940—1945. — New York, 1972.
383. Loftus, J. The Belarus Secret. — New York, 1982 (1995).
384. Luczak, Cz. Polska i polacy u drugiej wojnie swiatowej. Tom V. — Poznań, 1993.
385. Lumsden, R. The Allgemeine SS. — London, 1994.
386. MacLean, F. L. The Cruel Hunters. SS Sonderkommando Dirlewanger. Hitler's Most Notorious Anti-Partisan Unit. — Atglen, 1999.
387. Madajczyk, Cz. Faszizm i okupacje 1938—1945. Wykonywanie okupacji przez panstwa Osi w Europie. 2 Bde. — Poznań, 1983, 1984.
388. Mammarella, G. L'Italia dopo il fascismo. 1943—1968. — Bologna, 1972.
389. Messerschmidt, M. Die Wehrmacht im NS-Staat. Zeit der Indoktrination. — Hamburg, 1969.
390. Müller, N. Wehrmacht und Okkupation 1941—1944. Zur Rolle der Wehrmacht und Ihrer Führungsorgane im Okkupationsregime des faschistischen deutschen Imperialismus auf sowjetischen Territorium. — Berlin, 1971.
391. Müller, R.-D. / Ueberschär, G. R. Hitlers Krieg im Osten 1941—1945. Ein Forschungsbericht. — Darmstadt, 2000.
392. Mulligan, T. The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942—1943. — New York, 1988.
393. Munoz, A. J. Hitler's Eastern Legions: In 2 vols. — New York, 1996—1997.
394. Musial, B. Sowjetische Partisanen 1941—1944. Mythos und Wirklichkeit. — Paderborn, 2009.
395. Neumann, F. B. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus 1933—1944. — Frankfurt am Main, 1977.
396. Nihon Kokusai Seiji Gakkai, Taiheiyō Sensō Gen'in kenkyūbu (Hrsg.), Taiheiyō senso e no michi. — Tokyo, 1962—1963 (англ. изд. в 5 т.).

397. Office of the Chief of Military History Dept. of the Army (ed.), United States Army in World War II. — Washington, 1947.
398. Okkupation und Kollaboration (1938—1945): Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik. — Berlin, 1994.
399. Operation Bagration. Schlachten der Entscheidung. — Historische Verlag, 2012.
400. Overmans, R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. — München, 1999.
401. Peterson, E. N. An Analytical History of World War II. Volume I. — New York, 1995.
402. Pohl, D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941—1944. Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. — München, 1996.
403. Prawdzic-Szlaski. Nowogródzyna w walce 1940—1945. — London, 1976.
404. Rass, Ch. «Menschenmaterial»: Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939—1945. — Paderborn, 2003.
405. Rauch, M. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941—1945. — Berlin, 1998.
406. Ready, J. L. The Forgotten Axis: Germany's Partners and Foreign Volunteers in World War II. — Jefferson, 1987.
407. Redelis, V. Partisanenkrieg. Entstehung und Bekämpfung der Partisanen- und Untergrundbewegung im Mittelabschnitt der Ostfront, 1941 bis 1943. — Heidelberg, 1958.
408. Reitlinger, G. Die Endloesung. Hitlers Versuch der Ausrottung der Juden Europas 1939—1945. 2. Auflage. — Berlin, 1957.
409. Reitlinger, G. Ein Haus auf Sand gebaut: Hitlers Gewaltpolitik in Russland, 1941—1944. — Hamburg, 1962.
410. Reitlinger, G. The Final Solution: The Attempt to Exterminate the Jews of Europe 1939—1945. — New York, 1953.
411. Reitlinger, G. The House Built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia 1939—1945. — New York, 1960.
412. Rentrop, P. Tatorte der «Endlösung». — Berlin, 2011.
413. Rusco, P. Stoï. Quarante mois de combat sur le front russe. — Paris, 1988.
414. Russia in the Age of Wars, 1914—1945 / Ed. by S. Pons and A. Romano. — Milano, 2000.
415. Sain-Loup. Les volontiers. — Paris, 1963.
416. Schapiro, L. The Communist Party of Soviet Union. — London, 1960. — P. 487—497.
417. Schulte, T. The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia. — Oxford, 1989.
418. Seaton, A. Russo-German War, 1941—1945. — New York, 1971.
419. Shepherd, B. H. War in the Wild East: The German Army and Soviet Partisans. — Cambridge, 2004.
420. Steinberg, J. The Third Reich Reflected: German Civil Administration in the Occupied Soviet Union, 1941—1944 // The English Historical Review. — 1995. — June. — Vol. 110. — Issue 437. — P. 620—651.
421. Strauss, W. Unternehmen Barbarossa und der russische Historikerstreit. — München, 2001.
422. Streit, Ch. Keine Kamaraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. — Bonn, 1991.
423. Thomas, N. Partisan Warfare 1941—1945. — London, 1996.
424. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. — Hamburg, 1999.
425. Ueberschär G. R., Wette W., Hrsg. «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. — Paderborn, 1984.

426. Unsere Ehre heißt Treue. Kriegstagebuch des Kommandostabes Reichsführer SS. Tätigkeitsberichte der 1. und 2. SS-Inf.-Brigade, der 1 SS- Kav. -Brigade und von Sonderkommandos der SS. hrsg. v. Fritz Baade u. a. — Wien; Frankfurt am Main, 1965.
427. Vakar, N. Belorussia. The Making of Nation. — Cambridge; Massachusetts, 1956.
428. Weinberg, G. L. Eine Welt in Waffen. Die globale Geschichte des Zweiten Weltkriegs. — Stuttgart, 1995.
429. Werth, A. Russia at War, 1941—45. — New York, 1964.
430. Westerman, E. B. Hitler's Police Battalion; Enforcing Racial War in the East. — Lawrence, 2005.
431. Ze wspomnień żołnierzy AK, Okręgu Nowogródek. — Warszawa, 1988.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 18.08.2014

Е. И. Третьяк,
*ведущий архивист отдела использования документов
и информации Белорусского государственного архива
кинофотофонодокументов;
e-mail: akfid@tut.by*

ДОКУМЕНТЫ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КИНОФОТОФОНОДОКУМЕНТОВ О ПЕРВОМ ЭТАПЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ БССР ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Историческая память, запечатленная в аудиовизуальных документах, обладает одним уникальным свойством — она позволяет исследователям не просто оценивать те или иные события, но и увидеть их в движении, услышать голоса минувшего, как бы пережить, прочувствовать происходящее. Особенно ярко это проявляется в кинодокументах.

В данной статье будет уделено внимание киносюжетам, запечатлевшим продвижение частей Красной Армии к границам Белорусской ССР и начало освобождения Беларуси осенью 1943 г. и зимой 1944 г. В настоящий момент в фондах Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов хранится 9 ед. хр. кинодокументов, связанных с этой темой. Это хроникально-документальный материал, отснятый советскими кинооператорами в частях Красной Армии и партизанских отрядах в обозначенный выше период. Кинотека включает в себя: киножурналы «Савецкая Беларусь» — 6 ед. хр. (из них 3 киножурнала содержат кадры, связанные с продвижением войск Красной Армии к границам БССР) и кинолетописи — 3 ед. хр. [1, с. 46—56].

Еще до начала непосредственного вступления регулярных войск Красной Армии на территорию БССР в киножурналах «Савецкая Беларусь» стали появляться киносюжеты с красноречивыми названиями «Уперадзе — Беларусь!», «На подступах да Беларусі», свидетельствующие о том, что освобождение белорусского народа от немецко-фашистской оккупации произойдет скоро. Доказательством тому служит содержание киножурналов «Савецкая Беларусь» № 2—3 за февраль—март, № 6 за июнь и № 8 за август 1943 г. Кинокадры этих сюжетов, снятые фронтовыми операторами Западного, Калининского и Брянского фронтов А. Кричевским, Е. Лозовским, И. Сокольниковым, Р. Карменом, В. Комаровым, К. Пискаревым, М. Шнейдеровым, запечатлели Ржевско-Вяземскую наступательную операцию. Просматривая этот киноматериал, мы становимся очевидцами освобождения городов Ржева, Гжатска, Вязьмы войсками Западного и Калининского фронтов в марте 1943 г. [3, с. 207], видим продвижение советских войск на запад к границам Беларуси. Помимо этого, киносюжеты также запечатлели закрепление танковых частей Калининского фронта в ходе летнего наступления на границе БССР по Западной Двине недалеко от г. Вельж, воззвание воинов-белорусов к партизанам и всему белорусскому народу,

освобождения г. Карачева Брянской области и выход регулярных войск Брянского фронта на линию Брянск—Гомель.

Непосредственно сам первый этап освобождения территории БССР от немецко-фашистских оккупантов войсками Красной Армии начался в сентябре 1943 г. и продолжался по февраль 1944 г. Он отметился рядом крупных фронтовых операций. Начало ему положила Смоленская наступательная операция, проходившая с 7 августа по 2 октября 1943 г. В результате успешных боевых действий войскам Калининского, Западного и Брянского фронтов при поддержке партизанских соединений Брянской и Смоленской областей РСФСР удалось прорвать оборону противника, освободить города Духовщина, Брянск, Смоленск и, продвигаясь далее в западном и юго-западном направлении, выйти к границам Беларуси.

23 сентября 1943 г. войска Центрального фронта во время проведения Черниговско-Припятской операции освободили первый белорусский районный центр Комарин [6, с. 225—226]. 26 сентября войска Брянского фронта освободили г. Хотимск [3, с. 244]. В дальнейшем до конца сентября войсками Западного фронта были освобождены такие белорусские города, как Климовичи, Костюковичи, Мстиславль, Кричев, а 1 октября 1943 г. совместно войсками Брянского и Западного фронтов — Чериков и Краснополье [8, с. 113—114]. 7 октября 1943 г. войсками Калининского фронта был освобожден г. Невель [3, с. 244]. Итогом успешных боевых действий стало соединение трех фронтов в начале октября 1943 г. по линии Усвяты—Рудня—Ленино и далее по рекам Проня и Сож до Гомеля. В результате этого в Ставке Верховного Главнокомандования было принято решение преобразовать Брянский фронт в Центральный [3, с. 245]. Во время начала освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских оккупантов активную поддержку регулярным частям Красной Армии оказали партизанские формирования Гомельской и Полесской областей БССР.

Вместе с регулярными частями Красной Армии вступили на белорусскую землю и фронтовые кинооператоры: М. Беров, Д. Ибрагимов, Н. Лыткин, К. Пискарев, В. Цеслюк, А. Семин, С. Школьников и другие. Первоначально снятые ими кинокадры были представлены в киножурналах «Савецкая Беларусь» № 9—10 и № 11 за 1943 г., а также в кинохронике «Встреча партизан с частями Красной Армии» 1943 г. Так, некоторые сюжеты киножурнала «Савецкая Беларусь» № 9—10 за сентябрь—октябрь 1943 г. были посвящены освобождению Кричева войсками Западного фронта и местечка Ляды Дубровенского района Витебской области войсками Калининского фронта. Глядя на экран, мы видим огромный экономический ущерб, причиненный экономике БССР в ходе Великой Отечественной войны (например, операторами были сняты разрушенные улицы Кричева, Кричевский цементный завод, железнодорожная станция). Этот хроникально-документальный материал стал первым свидетельством о геноциде, проводимом оккупантами на территории БССР. Так, на кино-

пленку было зафиксировано, как после освобождения местечка Ляды Витебской области военврачи проводят эксгумацию тел погибших на месте массовых расстрелов мирного населения. Отдельный сюжет журнала, снятый оператором М. Беровым, посвящен передаче солдатам Красной Армии знамени 24-й стрелковой Самаро-Ульяновской железнодорожной дивизии. Это знамя было найдено Д. Н. Тяпиным, жителем д. Анютино Чериковского района Могилевской области, летом 1941 г. в вещмешке убитого командира дивизии. Что касается сюжетов киножурнала «Савецкая Беларусь» № 11 за 1943 г., то они сохранили до наших дней хронику освобождения городов Мстиславля и Добруша войсками Центрального фронта при содействии партизан, а также части Лиозненского района Витебской области войсками Калининского фронта. Одним из героев сюжетов киножурнала стал капитан М. З. Галенчик, ушедший на фронт в 1941 г. из Лиозненского района Витебской области. Перед зрителями предстает долгожданная встреча офицера Красной Армии со своими сестрами, бывшими учителями М. Зубакиной и Л. Машер. Но радость встречи омрачена. Школа, в которой работали сестры, разрушена, родной дом капитана сожжен. Местная жительница Х. Я. Бортенкова рассказала красноармейцам о карательной акции, проведенной захватчиками в селе Мальково Витебской области. Здесь каратели сожгли заживо сто двадцать жителей — женщин, детей, стариков. Свидетельства массовых расстрелов мирных жителей также были обнаружены военными судмедэкспертами и под г. Мстиславлем. После освобождения Добруша кинооператорами была снята встреча красноармейцев с комсомольцами-подпольщиками города и партизанами местных соединений Верой Вырвич (псевдоним Катя), Василием Бондаренко, Алексеем Башмаковым, Михаилом Никитиным, Евгением Дудкиным и другими. Здесь же кинохроника зафиксировала первые на белорусской земле колонны немецких военнопленных и разбитую военную технику противника. Заканчивается сюжет киножурнала кадрами установления красноармейцами на границе БССР и РСФСР символического пограничного столба.

В годы Великой Отечественной войны особую роль в борьбе с войсками вермахта сыграли партизанские формирования Беларуси. Действия белорусских партизан в тылу врага снимали кинооператоры И. Вейнерович, О. Рейзман, М. Сухова. Как уже отмечалось ранее, при продвижении линии фронта к границам БССР происходило соединение партизанских формирований с частями регулярных войск. В кинотеке БГАКФФД эти события представлены в киноленте «Встреча партизан с частями Красной Армии» [1, с. 49]. В частности, кадры документа показывают встречу партизан Речицкой бригады им. К. Е. Ворошилова [7, с. 383—384] с регулярными частями Брянского фронта. Данная бригада принимала участие в освобождении Комарина.

Дальнейшее освобождение территории БССР на первом этапе происходило в результате Гомельско-Речицкой операции с 10 по 30 ноября 1943 г. Основной удар по врагу наносился в районе Лоева силами Белорусского фронта, соз-

данного 20 октября на базе Центрального фронта. В ходе этой наступательной операции 26 ноября 1943 г. был освобожден первый областной центр Беларуси г. Гомель [4, с. 4]. В настоящий момент в фондах БГАКФФД кадры, связанные с освобождением Гомеля, представлены в двух кинодокументах. Это кинолетопись «Сражение за Гомель» 1943 г. и киножурнал «Савецкая Беларусь» № 12—13 за 1943 г. Первый кинодокумент объединил кадры, сделанные фронтовыми кинооператорами И. Вихиревым, И. Вейнеровичем, Д. Ибрагимовым, Н. Казаковым, И. Маловым, Е. Мухиным, Г. Островским, М. Посельским, А. Софьиным во время наступательной операции и освобождения города. Черно-белая немая кинолетопись, состоящая из двух частей, позволяет нам, современникам, стать свидетелями тех давних событий. В первой части киноленты перед нами разворачивается наступление войск Белорусского фронта в направлении Новобелицы, соединение регулярных войск с партизанами, освобождение Новобелицы и закрепление на этом огневом рубеже. Во второй части кинолетописи на экране предстают командующий артиллерией Белорусского фронта генерал-полковник В. И. Казаков и командующий 65-й армией Белорусского фронта генерал-лейтенант П. И. Батов. Далее кинокамера фронтового оператора зафиксировала артобстрел позиций противника и начало атаки советских войск, бои на улицах города, радостную встречу мирных жителей со своими освободителями, а также разрушенные здания, памятники архитектуры, промышленные объекты Гомеля, разминирование саперами городских улиц. Оканчивается кинолетопись съемками продвижения войск Красной Армии в направлении Речицы. Что касается киножурнала «Савецкая Беларусь» № 12—13 за 1943 г., то он фактически полностью повторяет кадры кинолетописи. Правда, киножурнал озвучен, что способствует лучшему восприятию отснятого материала, а в последних его сюжетах зрителям показан салют, данный на Красной площади в Москве в честь освобождения Гомеля.

С декабря 1943 г. по февраль 1944 г. регулярные войска провели еще три наступательные операции. Так, силами 1-го Прибалтийского фронта, созданного в октябре 1943 г. на основе Калининского фронта, с 13 по 31 декабря 1943 г. проводилась Городокская операция, в результате которой были окружены и уничтожены 4 пехотные дивизии противника, а 24 декабря 1943 г. освобожден г. Городок Витебской области. С 8 января по 8 февраля 1944 г. силами 61-й армии и 65-й армии при поддержке 16-й воздушной армии Белорусского фронта была проведена Калининковско-Мозырская операция с целью создания плацдарма для наступления в направлении Бобруйск—Минск и вдоль р. Припять на Лунинец. В ходе операции 14 января 1944 г. были освобождены г. Мозырь и Калининичи. Их освобождение отражает фронтовая кинолетопись. Глядя на ее кинокадры, мы становимся очевидцами наступления танковых колонн на позиции противника, уличных боев и освобождения городов Мозыря и Калининичей, видим разбитую немецкую технику. Замечу, что с 21 по 26 февраля 1944 г. войска Белорусского фронта

успешно провели Рогачевско-Жлобинскую наступательную операцию и 24 февраля 1944 г. освободили г. Рогачев [4, с. 4—5].

В дальнейшем в 1944 г. кинокадры, отснятые фронтовыми операторами на первом этапе освобождения Беларуси, были использованы режиссером В. Корш-Саблиным и сценаристом М. Садковичем при создании документального фильма «Освобождение Советской Белоруссии».

В настоящий момент отснятый на первом этапе освобождения Беларуси хроникально-документальный материал является уникальным свидетельством тех трагических, но и героических событий и позволяет нам, современникам, стать их очевидцами. Следует отметить, что работа фронтовых кинооператоров была невероятно сложна. Чтобы сделать законченный сюжет о тех или иных военных операциях, необходимо было снимать не только общие планы, но и с риском для жизни приблизиться к объекту съемки, чтобы снять детали [5, с. 216—217]. Тем не менее, 243 фронтовых кинооператора принимали участие в создании кинолетописи Великой Отечественной войны [5, с. 251], более 30 из них вели съемки в воинских частях во время освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Среди них особо можно выделить таких кинооператоров, как М. Беров, И. Вейнерович, Д. Ибрагимов, К. Пискарев, В. Цеслюк, С. Школьников и многих других. Так, отснятый М. Беровым фронтовой материал измеряется 3,5 млн метров киноплёнки [2, с. 146], а И. Вейнерович десять раз проводил киносъемки непосредственно на передовой и трижды вылетал в тыл врага к партизанам [2, с. 174]. К сожалению, киноплёнки времен Великой Отечественной войны подвержены временным изменениям, негативно сказывающимся на качестве изображения, поэтому главной задачей работников архива является сохранение этого уникального аудиовизуального материала для потомков.

Л и т е р а т у р а

1. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов: Справочник. Ч. 1. Кинодокументы / Авт.-сост. С. В. Жумарь. — Молодечно: Тип. «Победа», 2002. — 718 с.
2. Бондарева, Е. Л. В кадре и за кадром. — Минск: Изд-во БГУ, 1973. — 208 с.
3. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945: Краткая история. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Воениздат, 1984. — 560 с., ил.
4. Емельянов, С. Г. Освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков (сентябрь 1943 г. — июль 1944 г.) / С. Г. Емельянов. — Минск: ЧИП и П., 2007. — 20 с.
5. Кинокамера пишет историю. — М.: Искусство, 1971. — 287 с.
6. Памяць: Брагін: Гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / Уклад. І. Ф. Ганжараў; Маст. Э. Э. Жакевіч. — Мінск: Мастацкая літаратура, 2003. — 750 с.: іл.
7. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — июль 1944 г.): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / [Манаенков А. Л., Горелик Е. П., Марков А. Ф. и др.]. — Минск: Беларусь, 1983. — 765 с.
8. Тимонович, И. В. Битва за Белоруссию 1941—1944 гг. / Ин-т воен. истории М-ва обороны Рос. Федерации. — Минск: Беларусь, 1994. — 254 с., 12 л.: ил.

0-34017. Передовые части Красной Армии преодолевают оборонительную полосу противника во время начала освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. 1943 г., Гомельская область

БГАКФФД

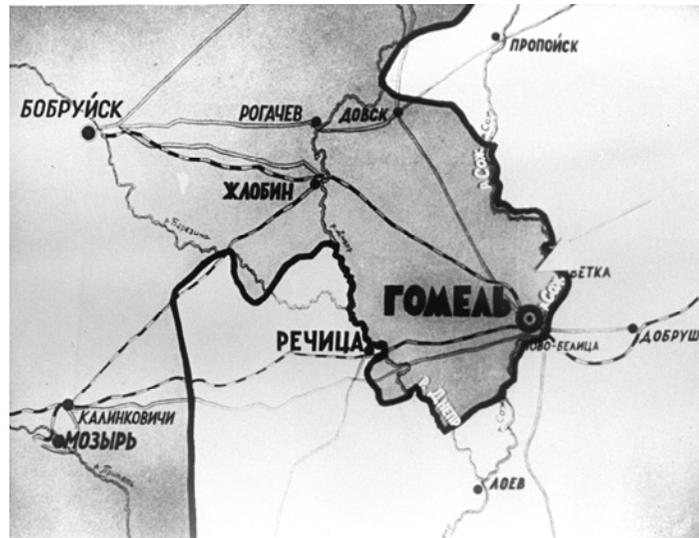
0-127202. Жители Кричева после освобождения города войсками Красной Армии достают из ям зерно, спрятанное от немецко-фашистских оккупантов. 1943 г., Могилевская область

БГАКФФД

0-120547. Командующий Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский во время проведения Гомельско-Речицкой операции. 10 ноября 1943 г., Гомельская область

БГАКФФД

0-120560. Карта расположения войск Белорусского фронта во время проведения Гомельско-Речицкой операции. 1943 г.

БГАКФФД

0-120549. Расположение артиллерийской батареи войск Белорусского фронта в р-не Речицы. [декабрь 1943 г. — январь—февраль 1944 г.], Гомельская область

БГАКФФД

0-133030. Вид на оборонительные сооружения немецко-фашистских войск на подступах к г. Мозырю. [1944 г.], Гомельская область

НАРБ

0Т-235. Возвращение гражданского населения в родные места после освобождения Рогачева от немецко-фашистских захватчиков. Январь 1944 г.

БГАКФФД

Артыкул паступіў у рэдакцыю 23.05.2014

С. В. Кулинок,
начальник отдела информации
и использования документов
Белорусского государственного архива
научно-технической документации;
e-mail: svkulinok@tut.by

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ И ШПИОНСКИХ ШКОЛ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Деятельность немецких спецслужб во время Великой Отечественной войны в последние годы все больше привлекает внимание как белорусских историков, так и исследователей из ближнего зарубежья (России, Украины). Одним из ключевых и малоизученных аспектов этой деятельности является работа по созданию на оккупированной территории Советского Союза разветвленной сети специальных учебных заведений и курсов широкого профиля, которые готовили разведчиков, шпионов и диверсантов для действий в тылу Красной Армии и партизанских отрядах, а также пропагандистов, младший командный состав для полиции и казачьих формирований и других пособников немецких оккупационных властей.

В исторической науке Беларуси эта проблема до сих пор не оформилась в самостоятельную тему со своим понятийным аппаратом, разработанной и изученной историографией, подробным источниковедческим анализом и конкретными выводами, основанными на новых объективных количественных данных.

Причины «забвения» данной темы видятся в следующем:

во-первых, деятельность шпионских школ и курсов, созданных немецкими спецслужбами, непосредственно связана с такими понятиями, как «коллорабонализм», «предательство» и «измена Родине», а в советское время это автоматически делало данную тему нежелательной и запрещенной;

во-вторых, проблема создания немецкими разведывательными службами специальных школ и курсов на протяжении всего советского периода истории не рассматривалась как самостоятельная тема, а исследовалась в контексте изучения деятельности органов государственной безопасности и партизанской разведки и контрразведки. Это было связано с тем, что именно чекисты и разведчики «народных мстителей» вели борьбу с немецкими секретными органами и их агентурой;

в-третьих, долгое время в советской печати были запрещены любые упоминания о сотрудниках государственной безопасности и тех функциях, которые они выполняли. То, чем занимались особые отделы воинских частей и партизанских формирований, по определению считалось государственной

тайной. Периодизация историографии данной темы до конца еще не определена, однако представляется корректным и возможным использовать периодизацию, предложенную военным историком В. Христофоровым. Несмотря на то, что она относится к теме «историография отечественных органов госбезопасности», основные ее этапы в целом соответствуют вышеозначенной проблеме: первый — июль 1941 г. — 1955 г.; второй — 1956 г. — середина 1980-х гг.; третий — середина 1980-х гг. — настоящее время [43, с. 11].

Первый период характеризуется общим идеологизированным состоянием советской историографии, ограниченностью доступа к материалам, хранящимся в архивах, в том числе к документам о работе советской разведки и контрразведки. В это время подавляющее большинство работ по данной проблеме носило закрытый характер. Они предназначались для слушателей ведомственных учебных заведений, работников органов НКВД/НКГБ, курсов повышения квалификации руководящего и оперативного состава и касались вопросов ведения партизанской разведки, противоборства и методов ведения войны советскими и немецкими спецслужбами.

В качестве примера можно привести работу «Партизанская агентурная разведка», подготовленную в 1944 г. старшим помощником начальника разведывательного отдела Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) капитаном В. С. Куровым. Данное исследование не было опубликовано, так как предназначалось для внутреннего использования. Работа состояла из предисловия, трех глав и заключения. В предисловии автор указывал, что «занимаясь подготовкой партизанской агентуры в период деятельности ЦШПД, мне хочется поделиться своим опытом с одной стороны и высказать перспективную точку зрения по этому вопросу с другой» [24, л. 12]. Интерес, прежде всего, представляет первая глава «Агентурная разведка противника», которая состояла из разделов «Введение», «Подборка, методы вербовки и подготовка агентуры, забрасываемой противником в партизанские отряды», «Экипировка агентуры», «Переброска и связь с агентурой». Автор справедливо указывает, что «для разведки партизанских формирований немцам пришлось применить главным образом агентурную разведку, так как другие виды разведки благодаря маневренности партизан не дали требуемого эффекта» [24, л. 14].

Приводя данные о деятельности на территории Беларуси немецких спецшкол, В. Куров пишет, что «программа обучения в школах и курсах была весьма различна, это диктовалось спецификой школы», однако наметился «определенный комплекс дисциплин, являющийся как бы общеобразовательным». К таким дисциплинам относятся: организация, комплектование и вооружение Красной Армии; политико-моральное состояние личного состава Красной Армии; транспорт Советского Союза; промышленные и военные объекты СССР; военная топография; организация и деятельность советской контрразведки; способы переброски агентуры в тыл Красной Армии и методы легализации; добыча и передача разведанных; методы конспирации [24, л. 17].

Во второй период возможности исследователей расширились. 7 февраля 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств», положившее начало массовому рассекречиванию архивных документов. Для первых двух периодов характерен отход историографии от принципов объективности и историзма. Сложилась традиция рассматривать только положительные аспекты в деятельности советских органов внутренних дел и партизанской разведки и контрразведки.

Третий период, начавшийся в середине 1980-х гг., продолжается до настоящего времени. Он характеризуется активным изданием мемуаров и научно-популярных работ, снятием ограничительных грифов с документов, рассекречиванием и изданием документов НКВД/НКГБ [4; 31], органов контрразведки «Смерш» [1; 29; 38], особых отделов партизанских соединений. Значительно расширяется тематика исследований, которые прямо или косвенно связаны с деятельностью шпионских школ: история немецких спецслужб [10; 14; 45], белорусского коллаборационизма [2; 9; 17; 30; 37], разведывательная и контрразведывательная работа партизан [12; 15; 36], появляется переводная литература и воспоминания по истории немецких разведывательных служб [3; 6; 21].

В 1960—1980-е гг. начали выходить в свет исследования, в которых затрагивались некоторые вопросы работы спецшкол на оккупированной территории Беларуси. Сведения о них встречаются в публикуемых документах, воспоминаниях участников партизанского движения и исследованиях, посвященных деятельности советских органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны [7; 8].

В 1979 г. вышел сборник материалов и воспоминаний, посвященный шестидесятилетию со дня образования особых отделов ВЧК—КГБ, в котором приводятся отдельные сюжеты успешных действий сотрудников органов внутренних дел по разоблачению немецких агентов, в том числе закончивших разведшколу фашистской контрразведки в Слуцке [8, с. 322].

Этой же проблеме посвящена монография С. Острякова «Военные чекисты». Автор справедливо отмечает, что работа немецкой разведки по засылке своей агентуры на территорию Советского Союза началась задолго до начала Великой Отечественной войны и «только в 1940 и в начале 1941 органами НКВД было вскрыто и ликвидировано 66 резидентур германской разведки, разоблачено свыше 1600 фашистских агентов, из них около 1400 — в западных районах СССР» [32, с. 142].

В работе приводится общая информация об организации, функциях и методах работы немецких органов, созданных для ведения разведывательно-диверсионной борьбы с Советским Союзом (штаб «Валли», «Зондерштаб Россия», ГФП, отделы 1-Ц). Встречаются сведения о деятельности Борисовской, Смоленской, Полтавской, Орловской, Катынской, Брантенбургской, Гроссраумской спецшкол и школы в Кейла-Юа.

Подводя итог, автор сообщает, что «всего на советско-германском фронте в годы войны действовало свыше 130 военно-разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов противника, а также около 60 различных школ для подготовки агентуры» [32, с. 155].

С. Остряков условно выделяет несколько периодов противоборства немецкой и советской разведок. До 1942 г. советские военные разведчики исповедовали «защитную» тактику, то есть лишь боролись с вражескими шпионами и диверсантами, выявляли трусов и паникеров, поддерживали строгий порядок в прифронтовой полосе. По мнению историка, уже в начале 1942 г. фронтовые особые отделы располагали сведениями о своем противнике, а это «давало возможность для перехода от тактики обороны к тактике активного наступления на врага» [32, с. 169]. Одним из действенных способов такого наступления было проникновение квалифицированных разведчиков в аппарат абвера и в его школы. Это давало возможность своевременно разгадывать планы немецких спецслужб, помогало вовремя выявлять изменения в тактике подрывной деятельности противника, получать точные сведения о вражеской агентуре.

Работу по внедрению и разложению спецслужб Германии и их органов проводили и партизанские соединения. Удачная разведывательная работа партизан во многом определялась уровнем агентурной разведки. В этой связи интересными представляются воспоминания В. Ф. Золотаря — разведчика в партизанской бригаде «Дядя Коля» — о его работе против разведывательных служб Германии в Борисове весной—летом 1943 г. Автор пишет: «Недалеко от Борисова в расположении военного городка Печи обосновались филиал вражеской разведки «АК-3 Цепеллин» и разведывательная школа. Мы задались целью выкрасть кого-нибудь из курсантов разведывательной школы, чтобы узнать имена и личные приметы как можно большего количества будущих лазутчиков, засылаемых в тыл наших войск и партизанские отряды» [13, с. 9].

О деятельности немецкой разведки против партизан вспоминает в своей книге комиссар партизанской бригады «Смерть фашизму» И. Дедюля: «... кроме вооруженных сил, оккупанты активно использовали против борющегося советского народа свою агентуру и провокаторов... Контрразведке отряда приходилось иметь дело с вражескими лазутчиками, диверсантами, террористами и целыми лжепартизанскими бандами, созданными абвером, гестапо или СД... В это тревожное время из подпольного обкома партии на основании данных, получаемых от советской разведки, проникшей в Ново-Борисовскую диверсионно-разведывательную школу абвера, нам сообщили точные приметы одного из гитлеровских лазутчиков, посланного в наш отряд... И действительно, чуть ли не на следующий день к нам пожаловал под видом советского военнопленного новоиспеченный диверсант» [11, с. 167].

Использование немецкими разведывательными службами агентов, легендированных как бежавших из плена красноармейцев, разоблачал в своих воспоминаниях и В. Яковенко: «... мы уже давно знали, что фашисты под видом

советских военнопленных засылали в партизанские отряды своих шпионов» [47, с. 163].

В 1980 г. вышла в свет монография белорусского историка В. К. Киселева «Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944». В работе автор приводит данные о том, что органы НКВД/НКГБ совместно с партизанами и подпольщиками выявили на территории Беларуси 22 разведшколы [16, с. 115]. Данная цифра прочно вошла в историческую науку и до сих пор используется в исторических исследованиях как отечественными историками [17, с. 170; 39, № 2, с. 34], так и российскими [19, с. 170].

В середине 1990-х гг. появилось несколько важных и интересных работ, написанных белорусскими исследователями. В 1994 г. вышла в свет монография бывшего разведчика И. С. Борисова [5], посвященная работе советских спецслужб по разложению немецкой абвершколы в г. Борисове. Успешные действия разведчиков, описанные в данной работе, являются неотъемлемой сюжетной частью практически любого исследования по данной теме [35, с. 10—11]. В 1995 г. была опубликована статья А. Соловьева «Три года за линией фронта», посвященная системе подготовки и обучения агентов абвера и операциям с их участием [41].

В этом же году увидела свет монография бывшего участника партизанского движения К. И. Доморада «Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941—1944». Отдельная глава исследования полностью посвящена борьбе партизанской разведки и контрразведки с агентурой немецких спецслужб. Автор дает общую характеристику деятельности немецких разведывательных служб на территории оккупированной Беларуси, описывает процесс становления и деятельности органов партизанской контрразведки, трудности и успехи в ее работе. В монографии показаны многочисленные сюжеты борьбы партизан с немецкими спецслужбами, лжепартизанскими отрядами и провокаторами. К. Доморад приводит некоторые данные и о работе Минской, Бобруйской, Борисовской, Могилевской школ разведки [12, с. 194, 198, 221—223]. Подводя итог, автор указывает, что «всего разведка и контрразведка белорусских партизан совместно со спецгруппами и спецотрядами органов государственной безопасности и армейской разведки выявили 25 разведывательных и разведывательно-диверсионных школ фашистских спецслужб. Наиболее крупные из них были выявлены в городах Минск, Борисов, Могилев, Гомель, Брест, Белосток, Бобруйск, Полоцк, Слуцк, Новогрудок, Волковыск, Калинковичи, Петриков, Лунинец, Чернигов, на территории Германии в лагерях для советских военнопленных Хаммельбург, Волау, Штаргарт и др.» [12, с. 222].

В 1995 г. была опубликована статья военного историка В. Коровина «Поединок с абвером», посвященная борьбе советских органов внутренних дел с немецкой разведкой в годы Великой Отечественной войны. Основная часть исследования посвящена описаниям и разбору успешных операций чекистов в работе с агентами абвера. Автором рассматриваются основные методы поимки

и разоблачения немецких шпионов, а также работа органов внутренних дел СССР по выявлению и внедрению в разведывательные школы противника. В. Коровин отмечает, что уже с начала 1942 г. начали планироваться и осуществляться операции по проникновению советских разведчиков в разведорганы и школы спецслужб противника и их агентурную сеть. В результате этой работы «наши разведчики действовали в ряде абвергрупп (103, 107 и др.), были «своими» в Борисовской, Гомельской, Каунасской, Полтавской, Смоленской, Тростнецкой и многих других разведывательных школах противника» [18, с. 35—36].

Значительное увеличение исследований по данной проблеме наблюдается с начала 2000-х гг. В это время плодотворно работали как белорусские историки [14; 40], так и исследователи из России [33; 34; 45] и Украины [37].

Среди публикаций на эту тему вызывают интерес работы полковника в отставке Н. Смирнова. Так, в серии публикаций «СМЕРШ против абвера» автор, характеризуя деятельность советских контрразведчиков в тылу врага, указывает, что «контрразведывательная работа была нацелена на установление мест дислокации разведывательно-диверсионных органов и школ фашистов, их структуры, численного состава, системы обучения агентов, путей их проникновения в соединения и части действующей армии и в тыл, а также в партизанские отряды» [39, № 1, с. 39]. Рассматривает Н. Смирнов и деятельность отдельных отрядов и групп военной контрразведки. Так, автор описывает деятельность чекистского отряда В. Жукова по разведке и внедрению в разведывательные школы противника. В частности, приводятся сведения о том, что в результате поддерживаемой тесной связи с местным населением отряд получил информацию о местах отдыха курсантов Борисовской диверсионной школы на реке Плиса. В результате организованной засады был захвачен один из курсантов, который был завербован и предоставил сведения о 22 агентах, проходивших обучение в школе [39, № 1, с. 40].

В работах Н. Смирнова приводятся данные о работе советских контрразведчиков по разложению Борисовской школы, упоминаются школы в д. Курганы под Минском и Вану-Нурси (Эстония), а также описываются отдельные сюжеты борьбы чекистов с немецкими агентами [39, № 2, с. 33—35].

Некоторое сомнение вызывает утверждение Н. Смирнова о том, что «немецкие спецслужбы в начале 1942 года увеличили количественный и качественный состав обучающихся в разведывательно-диверсионных школах, которые стали осуществлять шестимесячное специальное обучение» [39, № 2, с. 33; 40, с. 10]. Действительно, после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой были расширены действующие разведорганы военной разведки, и к 13 ранее существовавшим разведывательно-диверсионным школам на оккупированной территории СССР было дополнительно создано еще 16 школ [4, с. 27—28]. Однако увеличение количества школ повлекло за собой ухудшение качества обучения и подготовки агентов. Активное развитие партизанского движения привело к тому, что постепенно происходила

переориентация спецшкол с подготовки агентов для работы в советском тылу на обучение шпионов для борьбы с партизанским движением. В этой ситуации немецкие спецслужбы сделали ставку не на качество подготовки, а на количество агентов. Сроки обучения в школах были сокращены от нескольких месяцев до нескольких недель, стали открываться краткосрочные курсы. Шестимесячная подготовка осталась только в наиболее крупных школах (Минская, Борисовская) и осуществлялась не для каждого набора курсантов.

Н. Смирнов выделяет несколько этапов в работе немецких спецслужб по созданию спецшкол и подготовке агентов. В частности, он пишет, что «в начале войны спецслужбы врага, в частности, абвер, использовали большое количество плохо подготовленных агентов из числа военнопленных» [40, с. 9].

С ноября 1942 г. наступил новый период в деятельности спецслужб Германии, который продолжился до декабря 1943 г. Основное внимание уделялось сбору данных не только про дислокацию войск, но и про стратегические планы командования [40, с. 10]. На наш взгляд, последнее утверждение автора представляется спорным. После создания в 1942 г. Центрального и Белорусского штабов партизанского движения (БШПД) начался стремительный рост партизанской борьбы. Деятельность партизан стала более централизованной и эффективной, а их количество быстро увеличилось. В этой связи немецкие спецслужбы значительную часть своих усилий направляли на борьбу с вооруженным сопротивлением советских патриотов. Практически все вновь созданные школы специализировались на обучении агентов для работы в партизанских соединениях (Слущкая, Гомельская, Бобруйская школы, курсы ГФП в Любани и Старых Дорогах и др.).

Отдельно следует выделить работы российского военного историка С. Г. Чуева, который в 2002—2003 гг. подготовил ряд публикаций [44; 46] и монографию [45] по данной проблеме. Автор на основе многочисленных документов собрал и проанализировал информацию о деятельности немецких разведывательных органов (абверкоманд, абвергрупп) и специальных служб (гестапо, тайная полевая полиция, специальные штабы и др.), занимающихся организацией и созданием спецшкол. В работах историка приводятся данные о деятельности более чем 40 разведывательно-диверсионных школ как на территории Германии и Польши, так и на оккупированной территории СССР. Автор собрал подробную информацию о деятельности Борисовской, Минской и Витебской абвершкол: руководящий состав, изучаемые дисциплины, методы вербовки и засылки агентов. Вместе с тем, непонятной остается причина исследования только этих трех школ, несмотря на то, что на территории Беларуси действовали другие крупные спецшколы противника.

В публикациях российского историка А. Ю. Попова нашли свое отражение деятельность немецких спецслужб по засылке в партизанские отряды шпионов и диверсантов, окончивших соответствующие школы, способы их разоблачения и выявления органами партизанской контрразведки [33; 34].

В 2003 г. вышел сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», подготовленный историками и сотрудниками Академии ФСБ. Большое количество документов и комментариев к ним содержит информацию о деятельности немецких спецслужб и созданных ими разведывательно-диверсионных школ, в том числе и на территории БССР [31, т. 3, с. 18, 63—64, 142, 143, 149, 185, 238].

Из белорусских исследователей данной проблемы касался в своих исследованиях Э. Г. Иоффе. В 2007 г. вышла его монография «Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг.». Данная работа представляется скорее обобщающей по проблеме деятельности на территории Беларуси немецких спецслужб. Автор дает характеристику основным немецким разведывательным и оккупационным органам, анализирует методы их работы. Э. Иоффе систематизировал и обобщил значительный объем информации по данной проблеме, изданный ранее, в том числе и российским историком С. Чуевым. Вместе с тем, монография содержит новую информацию, которая касается непосредственно оккупированной территории Беларуси. Автор, хоть и поверхностно, но затронул новые аспекты данной темы: деятельность немецких спецслужб по использованию женщин и детей в антипартизанской борьбе, работа разведывательных органов противника по созданию не только разведывательно-диверсионных школ, но и «казачьих», а также разного рода шпионских курсов [14, с. 128—129, 218—219]. Монография содержит большое количество малоизвестных примеров противостояния немецких спецслужб с советскими, а также борьбы с партизанским движением. Автор упоминает в своей работе школы в Минске, Борисове, Могилеве, Гомеле, Бресте, Белостоке, Бобруйске, Полоцке, Слущке, Новогрудке, Волковыске, Калинковичах, Петрикове, Лунинце [14, с. 219—220].

Справедливым представляется разделение Э. Иоффе деятельности немецких спецслужб на борьбу с партизанским движением и работу в частях Красной Армии и советском тылу. К недостаткам работы следует отнести некоторые неточности в использовании автором терминологии. Так, в разделе «Тайная полевая полиция и ее школы против партизан Белоруссии» автор приводит сведения о деятельности тайной полевой полиции (ГФП) в Беларуси, однако уже во втором абзаце называет ГФП гестапо: «в функции гестапо входили...», «в задачи агентов гестапо входили...» [14, с. 218]. Это не совсем корректно. ГФП и гестапо — это совершенно разные организации, каждая со своими задачами и функциями. Кроме того, вызывают сомнения и некоторые утверждения автора. Так, Э. Иоффе пишет: «Партизанской разведкой и контрразведкой установлены школы гестапо, готовившие кадры шпионов и террористов для действий в партизанских отрядах Белоруссии в 1942—1943 годах: в Гомеле, подготовившая 150 человек, Могилеве (25 человек), в Горках (40 человек), в Минске (300 человек), Петрикове (25 человек), Бобруйске (140 человек), Борисове (150 человек),

Слущке (200 человек), Бресте (80 человек), Витебске (17 человек), Вилейке (70 человек), Мозыре (25 человек), Барановичах (45 человек), в Белостоке (31 человек), Смоленске (180 человек), Спас-Деменске (60 человек). Таким образом, для борьбы с белорусскими партизанами школы гестапо подготовили 1538 шпионов и террористов» [14, с. 219—220].

Данное утверждение в корне неверно. По документам БШПД одна только Минская школа за 1942—1943 гг. произвела следующие выпуски: ноябрь 1942 г. — 250—300 человек [26, л. 18—19], март—апрель 1943 г. — около 400 человек [26, л. 4], конец октября 1943 г. — 150 [23, л. 98], декабрь 1943 г. — 1600 человек (1400 мужчин и 200 женщин) [23, л. 539]. Кроме того, известно еще несколько выпусков данной школы, но без точного количества окончивших ее агентов. Таким образом, общее количество выпускников только Минской школы по неполным данным составляло около 2500 человек.

Несомненно, что и остальные вышеперечисленные школы за указанный период произвели как минимум 2-3 выпуска агентов.

Наиболее полной работой по истории немецких разведывательных служб на сегодняшний день является исследование «Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны» [42]. По «традиции» из разведывательно-диверсионных школ, действовавших на территории Беларуси, приводятся данные только по Минской, Борисовской и Витебской.

Подводя итог, следует отметить положительные аспекты в изучении данной темы в исторической науке:

подробно исследована история деятельности немецких разведывательно-диверсионных и контрразведывательных органов, штабов и служб, которые вели свою работу на территории Беларуси;

достаточно полно освещены методы работы советских органов внутренних дел по выявлению и разоблачению вражеских агентов. Собран богатый фактологический материал по работе партизанской разведки и контрразведки;

накоплен некоторый материал о деятельности наиболее крупных шпионских школ и курсов. Однако эти данные требуют критического анализа.

К малоизученным и перспективным аспектам изучения данной темы можно отнести следующие вопросы:

разработка терминологического аппарата для корректного определения принадлежности и направленности деятельности спецшкол противника. Так, например, применительно только к Минской школе используются следующие понятия: «школа разведчиков СД» [2, л. 282; 28, л. 42], «спецшкола» [14, с. 130], «разведывательная школа» [24, л. 58—59], «разведывательно-диверсионная школа» [14, с. 129—130], «школа гестапо» [26, л. 18—19; 28, л. 119, 125—125 об.], «школа шпионов» [25, л. 48; 26, л. 4; 27, л. 192—193], «школа шпионов-террористов» [28, л. 203];

изучение новых аспектов деятельности немецких спецслужб, в том числе по созданию женских и детских спецшкол, а также «казачьих», полицейских и пропагандистских курсов и школ;

более глубокое изучение истории самих школ: расположение, преподавательский состав, дисциплины, специализация, категории вербуемых агентов и их судьбы;

дополнительное изучение документального материала (архивные документы), его критический анализ и ввод в научный оборот. На сегодняшний день значительная часть информации доступна для исследователей, однако ее поиск, анализ и использование проводятся медленно.

Источники и литература

1. Абрамов, В. Смерш. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха / В. Абрамов. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 576 с.
2. Антысавецкія рухі на Беларусі: 1944—1956 / Даведнік. — Менск: АНГ, 1999. — 194 с.
3. Бартц, К. Трагедия абвера, 1935—1944 гг. — М.: Центрполиграф, 2002. — 267 с.
4. Белик, И. К. Немецкая разведка является довольно сильным противником / И. К. Белик // Исторический архив. — 2000. — № 5. — С. 27—63.
5. Борисов, И. С. «Сатурн» на ладони / И. С. Борисов. — Минск: Беларусь, 1994. — 270 с.
6. Бухгайт, Г. Абвер — щит и меч III Рейха / Г. Бухгайт. — М.: Яуза: Эксмо, 2003. — 477 с.
7. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — М.: Юридическая литература, 1975. — 726 с.
8. Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК-КГБ 60 лет. — М.: Воениздат, 1979. — С. 310—322.
9. Гелагаеў, А. Беларускія нацыянальныя вайсковыя фармацыі ў часе Другой сусветнай вайны / А. Гелагаеў. — Менск: Голас Краю, 2002. — 70 с.
10. Гладков, Т. Тайны спецслужб III Рейха / Т. Гладков. — М.: Яуза: Эксмо, 2004. — 413 с.
11. Дедюля, И. П. Партизанский фронт / И. П. Дедюля. — М.: Молодая гвардия, 1975. — 315 с.
12. Доморад, К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941—1944 гг. / К. И. Доморад. — Минск: Навука і тэхніка, 1995. — 256 с.
13. Золотарь, И. Ф. Под маской бургомистра // Партизанские дни. — М., 1971.
14. Иоффе, Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Востоку» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг. / Э. Г. Иоффе. — Минск: Харвест, 2007. — 384 с.
15. Киселев, В. К. Об этом молчали сводки / В. К. Киселев. — Минск: «УП Технопринт», 2003. — 148 с.
16. Киселев, В. К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944 / В. К. Киселев. — Минск: Изд-во БГУ, 1980. — 128 с.
17. Козак, К. И. Германские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941—1944): анализ и итоги / К. И. Козак. — Минск: Логинов И. П., 2012. — 373 с.
18. Коровин, В. В. Поединок с абвером // Военно-исторический журнал. — 1995. — № 1. — С. 31—36.

19. Коровин, В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / В. В. Коровин. — М.: Русь, 2003. — 310 с.
20. Кривицкий, Д. С. Женщины в структуре органов государственной безопасности Германии / Д. С. Кривицкий // Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання. — Мінск: Гістарычная майстэрня, 2006. — С. 85—90.
21. Леверкюн, П. Германская военная разведка / П. Леверкюн. — М.: Центрполиграф, 2011. — 221 с.
22. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 4.
23. Там же. — Оп. 2. — Д. 30.
24. Там же. — Д. 36.
25. Там же. — Д. 38.
26. Там же. — Д. 53.
27. Там же. — Д. 55.
28. Там же. — Д. 56.
29. Надчатаев, В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... / В. Н. Надчатаев. — Минск: Кавалер, 2008. — 416 с.
30. Окороков, А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны / А. В. Окороков. — М.: ВУ, 2000. — 173 с.
31. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2: Начало, кн. 1, 2: 22 июня — 31 декабря 1941 г. — М.: Русь, 2000. — 717, 699 с.; Т. 3: Крушение «Блицкрига», кн. 1: 1 января — 30 июня 1942 г. — М.: Русь, 2003. — 691 с.
32. Остряков, С. З. Военные чекисты / С. З. Остряков. — М.: Воениздат, 1979. — 320 с.
33. Попов, А. Ю. Борьба гитлеровцев против партизан в годы Великой Отечественной войны / А. Ю. Попов // Военно-исторический архив. — 2002. — № 9. — С. 125—145.
34. Попов, А. Ю. Борьба с гитлеровской агентурой в партизанском движении / А. Ю. Попов // Военно-исторический архив. — 2002. — № 12. — С. 158—177.
35. Попов, А. Ю. Деятельность «Смерша» в годы Великой Отечественной войны / А. Ю. Попов // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2006. — № 6. — С. 8—12.
36. Попов, А. НКВД и партизанское движение / А. Попов. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003. — 380 с.
37. Романько, О. В. Легионы под знаком погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941—1945) / О. В. Романько. — Симферополь: Антиква, 2008. — 304 с.
38. «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. — М.: Издательство Глав-архива Москвы, 2003. — 343 с.
39. Смирнов, Н. СМЕРШ против абвера / Н. Смирнов // Армия. — 2000. — № 1—3.
40. Смірноў, М. І. Дзейнасць савецкай разведкі і контрразведкі супраць нямецкіх спец-службаў на тэрыторыі Беларусі ў 1941—1944 гг. / Н. Смірноў // Беларускі гістарычны часопіс. — 2000. — № 2. — С. 8—13.
41. Соловьев, А. Три года за линией фронта / А. Соловьев // Кэмпо. — 1995. — № 3. — С. 7—12.
42. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. — Симферополь: Н. Орианда, 2011. — 656 с.
43. Христофоров, В. С. Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. / В. С. Христофоров. — М.: Издательство Главного архивного управления г. Москвы, 2011. — 430 с.

44. Чуев, С. Г. Разведывательные и диверсионные школы абвера / С. Г. Чуев // Военно-исторический архив. — 2002. — № 9. — С. 94—124; № 11. — С. 122—146.
45. Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха / С. Г. Чуев. Кн. 1. — Спб.: Издательский дом «Нева», 2003. — 383 с.
46. Чуев, С. Г. Школы и курсы подготовки пропагандистов / С. Г. Чуев // Военно-исторический архив. — 2003. — № 1. — С. 54—79.
47. Яковенко, В. На оккупированной земле / В. Яковенко. — 2-е переработанное и дополненное изд. — Минск: Беларусь, 1969. — 318 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 29.05.2014

У. Г. Кулажанка,
намеснік дырэктара БДАМЛМ;
e-mail: bdamlim@tut.by

РЭГІСТРАЦЫЙНЫЯ СПРАВЫ ПРАВАСЛАЎНЫХ ПРЫХОДАЎ У ФОНДАХ УПАЎНАВАЖАННЫХ САВЕТА ПА СПРАВАХ РУСКАЙ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ (1944—1965 гг.): КРЫНІЦАЗНАЎЧЫ АСПЕКТ

У рэчышчы даследаванняў па гісторыі Праваслаўнай царквы ў Беларусі разам з распрацоўкамі маштабных праблемных тэм назіраецца цікавасць гісторыкаў, краязнаўцаў, багасловаў да вывучэння тэм на мікраўзроўні, дзе аб'екты даследавання абмежаваны асобнымі епархіямі, благачыннямі, прыходамі, манастырамі і духоўнымі навучальнымі ўстановамі. Адначасова з'явілася нямала генеалагічных і біяграфічных прац, прысвечаных духоўнаму саслоўю, асобным прадстаўнікам святарскіх родаў і манаству.

Найбольшая колькасць сучасных даследаванняў прысвечана царкоўна-гістарычным падзеям XVIII— пач. XX ст. Як вядома, гэты перыяд доволі грунтоўна распрацаваны яшчэ ў канцы XIX— пач. XX ст. прадстаўнікамі т. зв. школы «заходнерусізма», па гэтым перыядзе маецца шырокае кола апублікаваных і ўведзеных у навуковы ўжытак архіўных дакументальных крыніц. Комплекс масавых царкоўных гістарычных крыніц гэтага перыяду — метрычныя кнігі, кліравыя ведамасці, шлюбныя вобыскі, спавядальныя роспісы на сённяшні дзень маюць дастаткова распрацаваны навукова-даведачны апарат і даступны даследчыкам. Разам з тым можна канстатаваць, што гісторыя Праваслаўнай царквы і дзяржаўна-царкоўных адносін XX ст., у тым ліку пасляваенны перыяд, у многіх даследаваннях распрацаваны фрагментарна, некаторыя старонкі застаюцца цалкам невядомымі.

Адной з прычын «нераспрацаванасці» гэтага перыяду гісторыі Праваслаўнай царквы і яе адносін з дзяржавай з'яўляецца недастаткова вывучанасць асноўных комплексаў архіўных крыніц. На наш погляд, тут недастаткова выкарыстоўваецца інфармацыйны патэнцыял фондаў упаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы (ССРПЦ) пры Савеце Міністраў (да 1946 г. СНК) СССР, якія дзейнічалі ў складзе апарата Савета Міністраў БССР, а таксама пры аблвыканкамах рэспублікі ў 1944—1965 гг.

Неабходнасць стварэння ў СССР падобнага дзяржаўнага органа для наладжвання кантактаў з царквой наспела разам з пераломам у ходзе Вялікай Айчыннай вайны і пачаткам вызвалення акупаваных тэрыторый. Актыўная патрыятычная дзейнасць Праваслаўнай царквы, жаданне ўрада стварыць спрыяльнае ўражанне аб унутранай палітыцы СССР сярод саюзнікаў, а таксама намеры выкарыстаць міжнародны аўтарытэт царквы пры пасляваенным уладкаванні Еўропы вымусілі пачаць выпрацоўку новых падыходаў у адносінах з Рускай праваслаўнай царквой (РПЦ).

Ініцыятарам урэгулявання адносін з РПЦ быў І. В. Сталін. На сустрэчы 4 верасня 1943 г. з Г. М. Малянковым, Л. П. Берыя і палкоўнікам НКУС Г. Р. Карпавым, які курыраваў царкоўныя пытанні, Сталін прапанаваў стварыць пры СНК СССР орган — Савет па справах Рускай праваслаўнай царквы і наступным чынам вызначыў яго задачы — «Савет павінен ажыццяўляць сувязь паміж патрыярхам і ўрадам, Савет сам рашэнняў не прымае, а дакладвае аб усім ураду, і ад яго перадае дзяржаўныя рашэнні царкве...» [1, с. 283].

Савет быў утвораны пастановай СНК СССР ад 14 верасня 1943 г., а пастановай ад 7 кастрычніка 1943 г. было зацверджана «Палажэнне аб дзейнасці ССРПЦ пры СНК СССР», на пост старшыні савета быў прызначаны Г. Р. Карпаў.

Згодна з прынятым «Палажэннем» савет павінен быў ажыццяўляць «назіранне за правільным і своєчасовым правядзеннем у жыццё на ўсёй тэрыторыі СССР законаў і пастанаў, якія адносяцца да РПЦ» [1, с. 284, 285].

Фармальна на тэрыторыі СССР дзейнічала пастанова УЦВК і СНК РСФСР ад 8 красавіка 1929 г. «Аб рэлігійных аб'яднаннях». Па справядлівым меркаванні савета, гэтая пастанова не адпавядала новай рэлігійнай палітыцы і мела сілу толькі на тэрыторыі РСФСР. Напрыклад, у БССР асобнага рэлігійнага заканадаўства не існавала.

Праект новага заканадаўчага акта быў распрацаваны саветам і прапанаваў у студзені 1944 г. В. М. Молатаву. Аднак урад яго не падтрымаў. Новыя адносіны да РПЦ у кожным канкрэтным выпадку рэалізаваліся ў асобных пастанавах, распараджэннях і інструкцыйных пісьмах. Пастановы СНК у адносінах да царквы, як правіла, былі сакрэтнымі і нярэдка супярэчылі закону 1929 г.

У 1943—1945 гг. СНК СССР было прынята каля дваццаці пастанаў і распараджэнняў, якія датычылі рэгулявання дзейнасці рэлігійных аб'яднанняў і з'яўляліся заканадаўчай асновай дзейнасці савета. Сярод іх: «Аб парадку адкрыцця цэркваў» (1943, 1944); «Аб адкрыцці цэркваў і малітоўных дамоў» (1943—1945); «Аб прадастаўленні рэлігійным абшчынам, уключачы манастыры, права юрыдычнай асобы...» (1945) і інш.

Для арганізацыі дзейнасці на месцах пры СНК саюзных рэспублік, краёў і абласцей быў створаны інстытут упаўнаважаных ССРПЦ. Былі вызначаны напрамкі дзейнасці ўпаўнаважаных: ажыццяўленне сувязі з епархіяльнымі епіскапамі, разгляд пытанняў і спраў аб адкрыцці і закрыцці цэркваў і іншых рэлігійных аб'яднанняў, улік і статыстыка, падрыхтоўка інфармацыі ў Савет пры СНК СССР, практычнае прымяненне (інструкцыйных указанняў і распараджэнняў савета), рэгістрацыя духавенства, храмаў, заключэнне дамоў і інш. Планавалася арганізаваць улік цэркваў і іншых рэлігійных арганізацый шляхам атрымання з месцаў штомесячнай справаздачнасці па форме, распрацаванай саветам [2, с. 74].

Сёння фонды ўпаўнаважаных па справах РПЦ захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (ф. 951), Брэсцкім (ф. 1482), Віцебскім

(ф. 4131), Гомельскім (ф. 3441), Гродзенскім (ф. 481), Магілёўскім (ф. 765), Мінскім (ф. 3196) абласных дзяржаўных архівах, а таксама ў Баранавіцкім (ф. 477), Бабруйскім (ф. 1094), Маладзечненскім (ф. 896), Пінскім (ф. 679), Полацкім (ф. 1221) занальных дзяржаўных архівах.

Сярод дакументаў фондаў упаўнаважаных ССРПЦ значную цікавасць уяўляюць справы аб рэгістрацыі царкоўных абшчын. Матэрыялы па канкрэтных царкоўных прыходах пачалі фарміравацца ў агульным аб'ёме справаводнай дакументацыі абласных ўпаўнаважаных амаль з пачатку іх дзейнасці на тэрыторыі Беларусі ў 1944—1945 гг. У гэты перыяд пачала разгортвацца кампанія па юрыдычнай рэгістрацыі царкоўных абшчын. Абавязковай рэгістрацыі падлягала і прыходскае духавенства. Згодна з інструкцыяй для ўпаўнаважаных ССРПЦ ад 05.02.1944 на ўсе дзеючыя цэрквы, капліцы і малітоўныя дамы, пры наяўнасці царкоўнай абшчыны, упаўнаважанымі па абласцях заводзіліся асобныя рэгістрацыйныя справы на кожны прыход.

У першыя пасляваенныя гады структура і змест рэгістрацыйных спраў не былі дакладна вызначаны, былі даволі неаднароднымі і канчаткова былі сістэматызаваны толькі інструкцыяй ССРПЦ ад 8 сакавіка 1951 г. [3].

Асноўным дакументам справы, які замацоўваў адносіны царкоўнага прыхода з дзяржаўнымі ўладамі, была дамова аб арэндзе царкоўнага будынка. У адпаведнасці з пастановай СНК ад 23.08.1945 г. «Аб праваслаўных цэрквах і манастырах» царкоўным арганізацыям прадстаўлялася права карыстання (арэнды) і валодання (будуўніцтва і набыцця) царкоўнага будынка. Але абшчына не мела права юрыдычнага распараджэння будынкам у адпаведнасці з палажэннем дэкрэта СНК ад 23.01.1918 г. «Аб аддзяленні цэрквы ад дзяржавы і школы ад дзяржавы», згодна з якім уся царкоўная маёмасць аб'яўлялася нацыяналізаванай і магла перадавацца ў бестэрміновае карыстанне царкоўнаму прыходу.

Царкоўная абшчына магла быць зарэгістравана пасля падачы адпаведнай заявы, падпісанай не менш як дваццацю паўналетнімі членамі прыхода, не пазбаўленымі выбарчых правоў. Акрамя таго, упаўнаважанаму прад'яўляўся ўказ правячага архіерэя аб прызначэнні на прыход святара, зацверджаны старшынёй райвыканкама; запоўненая тыпавая анкета на служачага рэлігійнага культу (на бланку) з фотаздымкам; спіс царкоўнаслужыцеляў, іх аўтабіяграфіі; спіс членаў царкоўнага савета. Названыя дакументы ўтрымліваюць унікальную інфармацыю пра жыццё прыхода, у тым ліку біяграфічныя звесткі аб святарах і царкоўным актыве.

Рэгістрацыйная справа, як правіла, уключае таксама даведку аб тэхнічным стане будынка, акт санітарнай інспекцыі, адбітак царкоўнай пячаткі, даведку аб пажарным стане, план будынка і інвентарны вопіс царкоўнай маёмасці з пералікам царкоўных рэчаў, ікон, званоў, аблачэння і інш. і з указаннем іх колькасці і кошту. Часам прыкладаўся фотаздымак царкоўнага будынка.

Усе даныя ўпаўнаважання правяралі на месцах альбо па запытах у райвыканкамы. Гэтыя даныя ўяўляюць цікавасць для вывучэння стану царкоўных будынкаў, многія з якіх маюць гісторыка-культурную каштоўнасць, а таксама даюць уяўленне аб наяўнасці на той час у прыходах старажытных ікон, кніг, царкоўнага начыння і г. д.

Калі сабраныя дакументы адпавядалі ўсім патрабаванням, з царкоўнай абшчынай заключалася тыпавая дамова на арэнду будынка, падпісвалася яна старшынёй райвыканкама, настаяцелем, членамі царкоўнага савета і прыхаджанамі (царкоўнай двацаткай). Паводле дэкрэта ад 23.01.1918 г. да дамовы прыкладаўся спіс членаў двацаткі з указаннем прозвішча, імя, імя па бацьку, года нараджэння, пасады і месца пражывання, а таксама звестак пра знаходжанне на часова акупаванай тэрыторыі і судзімасці. Можна заўважыць, што ў першыя пасляваенныя гады ўпаўнаважання, як думаецца, яшчэ не мелі дакладных указанняў па зборы персанальнай інфармацыі аб прыхаджанам. Такую работу яны шырока развярнулі толькі ў канцы 1950-х гг.

У сваіх квартальных справаздачах упаўнаважаныя адзначалі, што працэдура рэгістрацыі цэркваў выклікала незадавальненне сярод насельніцтва, асабліва па заходніх абласцях [4]. Найбольшыя пытанні ўзніклі ў сувязі з неабходнасцю прадстаўляць уладам складзеныя па форме спісы вернікаў і інвентарныя вопісы царкоўнай маёмасці. Паводле меркавання некаторых прыхаджан яны маглі быць выкарыстаны ўладамі для адміністрацыйнага ўціску ці нават высылкі, абкладання падаткамі і канфіскацыі царкоўнай маёмасці. У інфармацыйным дакладзе за 1945 г. упаўнаважаны па БССР А. Д. Лабанаў прызнаваў, што распаўсюджванню падобных чутак часткова садзейнічалі выпадкі грубых дзеянняў на месцах з боку прадстаўнікоў райвыканкамаў [4].

У першыя гады дзейнасці ўпаўнаважаных працэс рэгістрацыі ішоў марудна з-за адсутнасці ў многіх святароў указа архіепіскапа аб прызначэнні на прыход. Справа ў тым, што многія святары мелі ўказы, атрыманыя ў даваенны час альбо падчас акупацыі ад некананічных, з пункту гледжання РПЦ, епіскапаў [5].

На 1 ліпеня 1945 г. па БССР было ўзята на ўлік 750 праваслаўных цэркваў, акрамя таго, недейнічаючых цэркваў — 168, манастыроў — 3 [6]. Рэгістрацыя прыходаў ў асноўным была скончана да канца 1946 г.

Многія храмавыя будынкi, якія да вайны выкарыстоўваліся пад культурныя і гаспадарчыя патрэбы, а ў час вайны былі заняты вернікамі, не ставіліся на ўлік і фактычна былі канфіскаваны ў царкоўных абшчын. Так, у дакладзе І. Сталіну 24 лістапада 1949 г. старшыня савета Г. Р. Карпаў адзначаў: «Канфіскацыя прайшла арганізавана і спакойна, аднак у асобных выпадках мелі месца грубасць, паспешнасць і самачынныя дзеянні, у выніку чаго веруючыя збіралі подпісы і звярталіся ў Савет і іншыя цэнтральныя ўрадавыя органы са скаргамі на канфіскацыю будынкаў і грубыя дзеянні. Так, напрыклад, у Гомельскай вобласці за 1948—1949 гады аблвыканкам і райвыканкамы прынялі рашэнні аб кан-

фіскацыі 39 будынкаў, што складае 60% у адносінах да ўсіх дзеючых цэркваў і малітоўных дамоў вобласці. Савет даў сваю згоду толькі ў 16 выпадках...» [7].

Змена характару справаводных матэрыялаў упаўнаважаных з 1948 г. сведчыць пра паступовую змену дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да царквы, гэта можна прасачыць перш за ўсё на прыкладзе прыпынення працэсу рэгістрацыі і адкрыцця новых цэркваў, а таксама ў з'яўленні новых форм абмежавання і кантролю дзейнасці духавенства і вернікаў.

Акрамя рэгістрацыйных дакументаў, у справах прыходаў адкладаліся шматлікія хадайніцвы вернікаў да саюзнага, рэспубліканскага і абласных упаўнаважаных, царкоўных улад з просьбамі аб вяртанні храмавых будынкаў.

Улічваючы, што згодна з распрацаванай ў 1958 г. «Прыкладнай наменклатурай спраў сакрэтнага і несакрэтнага справаводства ўпаўнаважаных ССРПЦ» тэрмін захоўвання скаргаў і перапіскі па скаргах складаў 5 гадоў і такім чынам гэтыя дакументы, якія часткова адклаліся ў рэгістрацыйных справах, прадстаўляюць вялікую цікавасць [8].

Асабліва шмат падобных дакументаў адклалася за 1958—1964 гг., у час так званай хрушчоўскай антырэлігійнай кампаніі. Якраз у гэты перыяд савет паступова трансфармуецца з пасрэднага паміж царквой і дзяржавай у орган кантролю над царквой. Аднак пры гэтым ён сам губляў самастойнасць, становячыся інструментам партыйна-дзяржаўнай палітыкі. Значна знізіўся ўплыў старшыні савета і ўпаўнаважаных на прыняцце рашэнняў.

Шматлікія скаргі сведчаць, што ўлады напачатку стараліся прыдаць сваім дзеянням законную сілу. Найперш былі канфіскаваны прыпісныя цэрквы, якія не мелі пастаяннага святара. Потым пры закрыцці храмаў спецыяльныя камісіі спасылаліся на дрэнны супрацьпажарны стан будынка, малаколькаснасць прыхода, слабое эканамічнае становішча.

У справах закрытых цэркваў захоўваюцца арыгіналы прадстаўленняў райвыканкамаў ад зняцці з рэгістрацыі з указаннем прычын, выпіскі з пратакола пасяджэння ССРПЦ з адпаведнай згодай і рашэння райвыканкама аб зняцці царквы з рэгістрацыі, дзе звычайна ўказвалася, пад якія мэты будзе выкарыстаны будынак, альбо, што ён падлягаў зносу.

Дакументы сведчаць, што нярэдка дзеянні мясцовых начальнікаў насілі бесцярмонны, грубы характар, што абражала рэлігійныя пачуцці вернікаў. Рашэнні аб закрыцці цэркваў і нават разбурэнні, без усякага афармлення прымалі старшыні сельсаветаў ці калгасаў.

Канец «хрушчоўскіх ганенняў» быў адзначаны рэарганізацыяй ССРПЦ. У 1965 г. быў створаны Савет па справах рэлігій пры Савеце Міністраў СССР.

Зразумела, што дакументы ўпаўнаважаных ССРПЦ адлюстроўваюць тагачасныя ідэалагічныя ўстаноўкі, стэрэатыпныя ацэнкі дзейнасці духавенства і вернікаў. Аднак праз крытычны аналіз тэкстаў дакументаў, якія адклаліся ў рэгістрацыйных справах, можна выдзеліць даволі значны аб'ём унікальных даных па гісторыі рэлігійнага жыцця беларускіх гарадоў і вёсак, царкоўных

прыходаў, барацьбы за рэалізацыю права на свабоду веравызнання, а таксама каштоўныя біяграфічныя звесткі пра святарства і актыўных вернікаў за 1940—1960-я гг. Улічваючы значны інфармацыйны патэнцыял дадзенага комплексу крыніц, лічым мэтазгодным падрыхтоўку архіўнага даведніка па дакументах упаўнаважаных ССРПЦ і выданне адпаведнага зборніка дакументаў з мэтай увядзення іх у шырокі навуковы ўжытак.

Літаратура і крыніцы

1. Одинцов, М. И. Русские патриархи XX века. — М.: Изд-во РАГС, 1994. — 334 с.
2. Копылова, О. Н. Отчеты уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви как источник по изучению Русской церкви 2-й пол. XX века. Документ № 1 «Из инструкции Совета по делам Русской православной церкви для уполномоченных Совета при Советах народных комиссаров (СНК) союзных и автономных республик и при областных (краевых) исполкомах — 5 февраля 1944 г.» // Вестник церковной истории. — 2011. — № 4. — С. 64—92.
3. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМнВ). — Ф. 3196. — Воп. 2. — Адз. зах. 6. — Л. 76—80. Инструкция Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров Союза СССР и для уполномоченных Совета при Советах Министров союзных и автономных республик, областных (краевых) исполкомах от 8 марта 1951 г.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 951. — Воп. 2. — Адз. зах. 5. — Л. 60. Информационные отчеты и доклады уполномоченных по БССР и областям, 1946 г.
5. Там жа. — Адз. зах. 2. — Л. 116. Информационные отчеты и доклады уполномоченных по БССР и областям, 1945 г.
6. Там жа. — Л. 9.
7. Там жа. — Адз. зах. 5. — Л. 60.
8. ДАМнВ. — Ф. 3196. — Воп. 1. — Адз. зах. 8. — Л. 56. Переписка Уполномоченного по делам РПЦ по Минской области с ССРПЦ при Совете Министров СССР за 1960 г.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12.07.2014

А. Ф. Вешкий,
ведущий научный сотрудник
Национального архива Республики Беларусь,
кандидат исторических наук, доцент

АРХИВЫ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР В 1939—1941 гг.

Осуществление преобразований на советской основе в западных областях БССР, включенных в состав Беларуси в результате сентябрьских событий 1939 г., самым непосредственным образом затронуло и архивную отрасль, которая являлась составной частью системы НКВД СССР—БССР. Однако проблема архивов Польши, включенных в 1939—1941 гг. в состав архивного фонда БССР, интересовала преимущественно профессиональных архивистов, поэтому и до настоящего времени она является недостаточно разработанной и исследованной. В связи с этим, в статье на основе материалов Национального архива Республики Беларусь анализируется процесс включения документальных материалов польских архивов в архивный фонд БССР. Этот процесс можно разделить на два этапа: первый — сентябрь 1939 г. — февраль 1940 г. (до принятия Указа СНК БССР «Аб арганізацыі архіўнай справы ў Баранавіцкай, Пінскай, Вілейскай, Брэсцкай і Беластоцкай абласцях БССР» [1, с. 240]); второй — февраль 1940 г. — июнь 1941 г.

Отметим, что еще до вступления Красной Армии на территорию Западной Беларуси НКВД СССР—БССР придавало огромное значение взятию под свой контроль всех архивов, которые существовали на территории Западной Беларуси. В этом не было ничего удивительного. С 1938 г. архивы входили в систему НКВД СССР—БССР, и руководство спецслужб понимало ценность архивных материалов с точки зрения проведения оперативно-чекистских «мероприятий» в отношении различных социальных групп бывшего польского государства и, прежде всего, служащих польской государственной администрации, военнослужащих, сотрудников польской разведки, Корпуса охраны пограничья (КОП), полиции, жандармерии, военизированных союзов и обществ, служащих суда и прокуратуры, руководителей воеводской, поветовой, гминной администрации, помещиков, осадников и тех лиц, которые с точки зрения советской власти представляли для нее угрозу.

8 сентября нарком внутренних дел СССР Л. Берия подписал приказ о создании по пять оперативно-чекистских групп (ОЧГ) в Киевском и Белорусском особых военных округах. ОЧГ, действовавшие в западных областях Беларуси, состояли из сотрудников наркомата внутренних дел, а также центрального аппарата НКВД БССР. Для выполнения специальных заданий каждой группе выделялось по 300 военнослужащих пограничных войск. Насколько засекреченным был этот документ, говорит тот факт, что о его содержании первый секретарь ЦК КП(б)Б П. Пономаренко и командующий Белорусским особым военным округом (БОВО) Д. Ковалев узнали от наркома

НКВД Л. Цанавы только накануне вступления войск Красной Армии в Западную Беларусь [2, с. 48].

Одним из важных направлений деятельности ОЧГ являлось взятие под охрану всех без исключения архивов, расположенных на территории Западной Беларуси, а также розыск документальных материалов, прежде всего, польских разведывательных и специальных служб. Белорусские чекисты проверяли «все помещения, склады, дворы, сады и прочее, в которых размещались и с которыми соприкасались бывшие польские разведывательные и карательные органы». Сотрудники оперчекистских групп при обнаружении архивов немедленно выставляли охрану, опечатывали помещения, обеспечив тем самым неприкосновенность и сохранность документальных материалов. Это касалось также помещений и зданий органов местной администрации всех уровней — от воеводского до гминного.

В результате этой работы сотрудники НКВД БССР в начале октября 1939 г. в здании Виленского Корпуса охраны пограничья (КОП) и Виленской разведки обнаружили «секретные документы, в том числе фотоснимки советских паспортов, фотокопии штампов советских учреждений и ряд фотоснимков неизвестных лиц» [3, л. 224]. Архивы размещавшихся в Вильно разведывательных и специальных служб «органы НКВД БССР в начале октября в спешном порядке, не разобранными погрузили в вагоны и перевезли в Вилейку, т. к. Вильно был передан литовцам» [3, л. 225].

Примером работы ОЧГ по поиску и обеспечению сохранности архивных материалов от уничтожения является деятельность начальника оперчекистской группы по бывшему Полесскому воеводству С. Духовича, который в сентябре 1939 г. «[...] обеспечил выявление и изъятие ценных архивных материалов филиалов 1-го отделения Польского главного штаба и других контрреволюционных организаций» [4, л. 204]. Не менее значительные архивные материалы были обнаружены и переданы в архив НКВД БССР оперчекистской группой в г. Каменец-Каширск, возглавляемой П. Родиным, который: «в октябре лично задержал на станции Камень-Каширск два вагона с архивными документами, принадлежавшими министерству иностранных дел бывшего польского правительства» [4, л. 231].

В результате проведенной оперативно-чекистскими группами работы по обнаружению, взятию под охрану и концентрации польских документальных материалов в архивной службе НКВД БССР оказались документы учреждений государственной администрации воеводского, поветового и гминного уровней, учреждений, организаций, промышленных предприятий, документы образовательных, судебных учреждений, почт, телеграфа, различных политических партий, союзов, обществ, а также частных лиц. Частные лица, а также бывшие владельцы частных предприятий должны были провести регистрацию и учет всех имевшихся на тот момент документов и обеспечить их сохранность.

В результате военных действий из поля зрения руководства НКВД и начальников оперативно-чекистских групп «выпали» документальные материалы конфессиональных учреждений. Архивное управление БССР только 6 марта 1941 г. издало приказ о приеме на государственное хранение документальных материалов монастырей, костелов, православных церквей, синагог и других конфессиональных учреждений, которые действовали на территории западных областей БССР [7, с. 29].

Однако даже органы НКВД в отдельных случаях не могли предотвратить уничтожение документальных материалов. Так, заместитель командира по политчасти в/ч 4970 полковой комиссар Костышев 9 мая 1941 г. направил начальнику Управления пропаганды ЗапОВО докладную записку, в которой, в частности, сообщал, что «прибыв в в/ч 4970 для прохождения дальнейшей службы, я узнал, что расположенный в городе Новогрудке Барановичской области арtpолк в помещении, отведенном для его размещения, которое в период властвования польских панов занималось судебными органами, обнаружил частично расхищенный судебный архив. Неизвестно, кем он был, по сути, превращен в свалку бумаг в 2-х больших комнатах, общей толщиной примерно до одного метра. Все попытки внушить необходимость разбора этого архива местным партийным, советским, органам НКВД ни к чему не привели. На основании поверхностного осмотра я считаю, что архив даже в таком состоянии представляет огромную ценность для наших советских ученых и имеет историческое значение. По моему приказанию помещение закрыто, и использование бумаг для различных надобностей прекращено. Прошу Вашего вмешательства в разрешение этого вопроса» [8, л. 3]. Обратим внимание на дату составления этой записки — 9 мая 1941 г. В результате бюрократической переписки между НКВД БССР, Управлением пропаганды ЗапОВО, Архивным Управлением УНКВД по Барановичской области к июню 1941 г. этот вопрос так и не был решен. 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, и дальнейшая судьба этих документов неизвестна, как неизвестно и то, сколько документов бывшего городского суда было уничтожено до мая 1941 г.

Таким образом, на первом этапе (сентябрь—октябрь 1939 г.) органы НКВД сделали главное — взяли под охрану и обеспечили сохранность основной части польских архивных материалов от разграбления и уничтожения.

Второй этап являлся наиболее сложным. Необходимо было обработать и сохранить огромный массив польских документов. В соответствии с постановлением СНК БССР в состав государственного архивного фонда вошли следующие документы: «а) ликвидированных государственных органов и учреждений, всех обществ — политических, сословных и других организаций, органов военного управления воинских частей и учреждений армии и флота; б) государственных и частных предприятий и учреждений, помещичьих владений, дворцов, культурных учреждений; в) частных лиц, у которых архивные материалы были созданы в связи с их работой в государственных,

политических, сословных и других ликвидированных учреждениях, организациях, заведениях; г) все бесхозные архивные материалы» [1, с. 240].

В начале 1940 г. были созданы архивные отделы, которые подчинялись НКВД БССР. Структура состояла из областных, районных и городских архивов. В этих архивах сконцентрировались все польские архивные документы, которые польские архивисты до сентября 1939 г. обработали и передали на хранение. В результате проведенной работы по концентрации польских документальных материалов в областных архивах были собраны документы воеводского и поветового уровней, промышленных предприятий, учреждений, политических партий, общественных организаций, объединений и др., в районных и городских архивах — документы гминного и городского уровней.

Так, например, начальник Архивного отдела НКВД по Брестской области И. Никишин отмечал, что «Архивный отдел управления НКВД по Брестской области свою работу начал с моим приездом в город Брест, т. е. 10 января 1940 г. 10 января 1940 г. следует считать и датой организации Архивного отдела и Государственного архива управления НКВД по Брестской области» [5, л. 6].

В первую очередь архивисты приводили в порядок захваченные документальные материалы польских государственных учреждений. Так, в Брестском архивном отделении УНКВД БССР было сконцентрировано 5 тыс. дел бывшего 2-го Отдела Польского Генерального штаба, 3 тыс. дел концентрационного лагеря в Каргуз-Березе, 2 тыс. дел следственного отдела Брестской городской полиции за 1924—1939 гг., свыше 11 тыс. дел Полесского воеводского управления за 1925—1939 гг., около 27 тыс. дел отдела Пинского окружного суда и т. д. К январю 1940 г. сотрудники архива по документальным материалам фондов составили «историю возникновения и деятельности» 31 политической партии, союзов и организаций, действовавших на территории бывшего Полесского воеводства. Отметим, что эта работа проводилась, как сообщал И. Никишин, «по заданию заместителя начальника Главного Архивного управления НКВД СССР т. Чибрякова». Всего же только в этом архивном отделе было сосредоточено свыше 194 тыс. дел различных государственных органов и учреждений, неправительственных организаций, политических партий, объединений бывшего польского государства [5, л. 6—9].

Там, где не успевали разработать документальный материал, его считали в килограммах. Так, в Пинском областном архиве за первый квартал 1941 г. было принято 15 200 кг документальных материалов, в том числе только из Столина было принято 10 000 кг материалов, которые находились в архивном управлении в россыпи, так как не хватало специалистов, чтобы привести эти дела в порядок [5, л. 67]. Всего же в архивном отделении НКВД по Пинской области находилось около 20 т документальных материалов бывших польских учреждений [5, л. 75].

Отметим, что работа по упорядочению документальных материалов польского происхождения на территории Западной Беларуси имела свою спе-

цифику. Прежде всего, она не была унифицирована, так как в такой короткий срок невозможно было создать какие-либо нормативные документы, которые регулировали бы процесс включения этих документов в советскую архивную систему. Сложность работы заключалась в отсутствии необходимого количества квалифицированных специалистов-архивистов, а также работников, которые хорошо знали польский язык, структуру и систему организации государственных органов польской администрации всех уровней, что не позволяло оперативно и быстро ориентироваться в огромном количестве документов.

Так, например, архивное отделение Белостокского областного архива УНКВД в отчете за 1-й квартал 1941 г. отмечало, что «за отчетный период архивное отделение и архив работали не в полном штатном составе. [...] штат не заполнен (инспектор и переводчик по отделу), нет старших архивно-технических работников и рабочего по архиву» [5, л. 38]. Немного лучше обстояло дело в Пинском областном архиве УНКВД, где над переводами польских документов работали две переводчицы. Кроме этого, практически во всех архивах не хватало помещений, в связи с чем документы хранились в россыпи, приходили в негодность.

Тем не менее, даже в этих условиях архивисты проводили необходимую работу по обработке документов. Так, в Белостокском областном архиве по состоянию на 1-й квартал 1941 г. было сделано следующее: «а) оформлены личные дела сотрудников Белостокского воеводского управления, полицейских, сотрудников окружного суда в Белостоке, сотрудников воеводского управления на 1016 человек; б) сформировано 863 дела; в) упорядочено и уложено в строго алфавитном порядке 56 300 карточек полицейской картотеки [...]; г) составлены указатели на сотрудников Белостокского управления на 341 человека и начали составлять указатели сотрудников окружного суда в Белостоке; д) переброшены из подвального помещения и уложены в архивохранилище 20 фондов, весом 20 тонн» [5, л. 39]. В Пинском областном архиве УНКВД был полностью обработан фонд Пинского окружного суда в количестве 9 тыс. ед. хр., разработана картотека на 6 тыс. польских книг и журналов [5, л. 76].

Отметим, что весь документальный материал был использован, прежде всего, в оперативно-чекистской работе. Так, по состоянию на 1 июня 1941 г. сотрудниками архивного управления НКВД по Брестской области было составлено «57 856 карточек на контрреволюционный элемент, на 9097 агентов и официальных сотрудников агентуры, дефензивы, тайной политической полиции и других разведок, 13 345 конфидентов-информаторов, 4000 конфидентов-провокаторов, 35 000 сотрудников госполиции Полесского и других воеводств (Белостокского, Новогрудского и Виленского) и 27 635 руководителей и членов фашистских и белогвардейских политических партий, союзов и обществ. [...] Все указанные картотеки систематизированы в строгом алфавите. [...] Общее количество всей картотеки, имеющейся в архивном отделе управления НКВД по Брестской области, составляет 22 086 карточек, вклю-

чая сюда же 3500 карточек на агентов и конфидентов, которые проходят только под псевдонимами без установочных данных. Общее количество всех фотокарточек и негативов, выявленных только в разработанной части материалов, составляет 11 000» [5, л. 8—10].

Еще более внушительную работу провели сотрудники архивного отделения Белостокского управления НКВД, которыми была составлена картотека на 350 тыс. карточек, так называемых «подозрительных лиц». В первую очередь для оперативно-справочной работы было взято на оперативный учет 10 033 человека и составлены списки на 10 540 человек [5, л. 47]. Архивным отделением Вилейского УНКВД было взято на алфавитный учет 4369 человек, а на картотечный учет — 2941 человек. В Пинской области было взято на учет 6535 человек [5, л. 76]. Из-за отсутствия штатного количества архивных работников начальник Пинского Управления НКВД предложил проводить работу даже в ночное время [5, л. 85].

Отметим, что вновь созданные архивы находились в непригодных помещениях и значительную часть документов перед войной просто не успели обработать. Так, в отчете Белостокского архивного отделения и Белостокского областного архива НКВД за 1-й квартал 1941 г. отмечалось, что «помещение не оборудовано под архивохранилище, так как не отпущен наряд на стройматериалы, вследствие чего работу развернуть не удалось. [...] Из-за отсутствия оборудованного помещения невозможно приступить к основной систематической разборке фондов для выявления материалов оперативного и научного значения. Таким образом, самые ценнейшие фонды как бывшей польской полиции и Белостокского воеводского управления только в очень небольшой степени использованы, а фонды Прокуратуры и староств (уездного и городского) совершенно не использованы. Находясь на полу, материалы портятся» [5, л. 38—40]. Такое же положение с обеспечением архивов необходимыми площадями наблюдалось практически во всех созданных областных архивах [5, л. 40, 79, 85].

Гораздо худшей ситуация была в районных и городских архивах. Так, в отчете о работе Архивного отделения и Вилейского областного архива УНКВД по Вилейской области за 1-й квартал 1941 г. подчеркивалось, что «в 11 районах именуются заврайархивами (Видзовский, Глубокский, Дисненский, Ильянский, Молодечненский, Плиссский, Постапский, Свирский, Ошмянский, Радощковичский, Браславский), но райархивы в большинстве из них еще не имеют удовлетворительных помещений. [...] В виду тяжелого положения с помещениями в районах, облисполком Вилейской области внес от 5-го марта 1941 г. постановление об организации 4 межрайонных архивов в наиболее крупных городах (Глубокое, Молодечно, Ошмяны, Постапы), так как в большинстве районных центров, вследствие отсутствия помещений, архивные материалы не обеспечены сохранностью» [8, л. 79]. Однако это постановление не удалось реализовать из-за начавшейся Великой Отечественной войны.

Значительная часть (в настоящее время не представляется возможным установить точное количество) польских архивных материалов была просто-напросто уничтожена путем списания на макулатуру. Этот процесс принял такие огромные масштабы, что даже ЦК КП(б)Б вынужден был вмешаться в его ход и попытался запретить уничтожение документов. Так, например, в Пинском архиве УНКВД только за 1-й квартал 1941 г. подготовили к списанию на макулатуру «материалов, не имеющих никакой ценности, около 5 тонн» [5, л. 76]. В январе и марте 1941 г. предприятие «Союзтиль» направило на переработку на бумажную фабрику «Альбертин» в Слониме значительную часть документальных материалов, в частности, документацию гмин Дрогичин и Осовец, материалы кассы взаимопомощи в Бресте и Волковыске, дирекции железнодорожной станции в Бресте, еврейских банков в Глубоком, судебную документацию из Дисненского повета и т. д. [7, с. 30].

В связи с этим инструктор оргинструкторского отдела ЦК КП(б)Б Е. Фельдман в марте 1941 г. направил заместителю заведующего этого же отдела В. Закурдаеву записку «О фактах уничтожения (переработки) на картонной фабрике «Альбертин» как макулатуры архивных документов учреждений бывшего польского государства» [6, л. 18], в которой отмечалось, что «проведенной по вашему поручению проверкой установлено: с сентября месяца 1940 г. советские организации западных областей БССР сдали, как макулатуру, картонной фабрике «Альбертин» дела правительственных учреждений и организаций бывшего польского государства. Всего сдано по западным областям БССР 905 тонн, в том числе: Гродно — 55 т, Белосток — 384 т, Брест — 293 т, Пинск — 40 т, Барановичи — 133 т» [6, л. 19].

Далее в записке отмечалось, что «много из архивных документов, имеющих важное значение, уничтожено, так как ежедневно на фабрике под пресс на переработку пускается 10 тонн [...]». В связи с этим он предложил: «В целях ликвидации такого недопустимого отношения к архивным документам, необходимо принять следующие мероприятия: 1. Прекратить временно пускать в переработку макулатуру, поступившую из западных областей; 2. Направить на фабрику «Альбертин» из Главного Архивного управления БССР бригаду из 10—15 человек на 2—3 месяца для просмотра всего материала, поступившего на фабрику из Западных областей, и изъять нужные архивные документы; 3. Установить такой порядок, что дела и материалы учреждений бывшего польского государства, которые сдаются на переработку как макулатура, должны быть предварительно просмотрены работниками архивного управления, и без их разрешения фабрика не должна принимать этих материалов» [6, л. 20]. Однако выполнение этого решения прервала начавшаяся 22 июня этого же года Великая Отечественная война.

Таким образом, включение документов бывших польских архивов в структуру архивного фонда БССР в 1939—1941 гг. имело свои особенности и специфику. Все документальные материалы упраздненных польских структур

на основе соответствующих указов СНК БССР были включены в систему государственных архивов. Поскольку белорусские архивы являлись частью системы НКВД, то приоритетным направлением по упорядочению польских материалов стала работа по включению их в эту систему. Однако полностью провести обработку, экспертизу ценности документов, их упорядочение не удалось из-за отсутствия необходимого количества специалистов, а также из-за начавшейся Великой Отечественной войны. Главным образом документы использовались спецслужбами в «оперативно-чекистских целях». Значительный урон, который до настоящего времени не удалось установить, был нанесен документам в результате их списания на макулатуру. Тем не менее, значительная часть документальных материалов польского происхождения, которая вошла в архивный фонд БССР в 1939—1941 гг., в настоящее время сконцентрирована в государственных областных архивах Бреста и Гродно и является неотъемлемой частью Национального архивного фонда Республики Беларусь.

Источники и литература

1. Аб арганізацыі архіўнай справы ў Баранавіцкай, Пінскай, Вілейскай, Брэсцкай і Беларускай абласцях БССР // Собрание постановлений и распоряжений правительства Белорусской Советской Социалистической Республики. — № 14. — 1940 г. — С. 240.
2. Зданович, А. А. Западный поход НКВД / А. А. Зданович // Военно-исторический журнал. — № 6. — 2011. — С. 47.
3. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 14616. Оперативные сводки НКВД. Октябрь 1939 г.
4. Там же. — Д. 13587. Протоколы заседаний бюро ЦК КП(б)Б. 1939 г.
5. Там же. — Ф. 249. — Оп. 4. — Д. 48. Отчеты архивных отделений УНКВД Белостокской, Брестской, Пинской областей о работе за 1-й квартал 1941 г., докладные записки и сведения о разработке и использовании документов в оперативно-справочных целях. 1 января 1941 г. — 15 мая 1941 г.
6. Там же. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 15344. Справки, докладные записки, сведения и другие материалы о состоянии работы по Барановичской области. Август 1940 г. — июнь 1941 г.
7. Польша—Беларусь: сумесная гістарычная спадчына. Даведнік па архіўных матэрыялах. 1918—1939. Т. 1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці, Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. — Варшава, 2013. — 360 с.
8. НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 4. — Д. 45. Протокол совещания при ГАУ НКВД СССР от 12 февраля 1941 г. о распределении документов бывшего Виленского архива между госархивами, докладные записки Архивного отдела НКВД БССР и архивного отделения УНКВД Барановичской области о работе государственных архивов и разработке документов для оперативно-чекистских целей, отчет о работе архивного отделения УНКВД по Вилейской области и Вилейского областного архива за 1 квартал 1941 г. 2 января 1941 г. — 15 июня 1941 г.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19.08.2014

М. Ф. Шумейка,
ведущий научный сотрудник БелНИИДАД,
кандидат исторических наук;
e-mail: jesti@inbox.ru

СМОТР ИСТОРИКО-АРХИВНЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ

(к 90-летию Первой всебелорусской конференции архивных работников)*

Состоявшаяся 12—15 мая 1924 г. в Минске архивная конференция, названная всебелорусской, сыграла важную роль не только в деле становления и развития системы архивных органов и учреждений республики; учитывая характер обсуждавшихся на ней вопросов (об архивном праве, архивной терминологии, экспертизе ценности документов и др.), она внесла существенный вклад и в архивоведение. Любопытная деталь, характеризующая понимание руководителями архивной отрасли Беларуси значения этого форума: высылка в марте 1925 г. в адрес комиссии «Наука и научные работники в пределах СССР» сведения о Централхиве БССР для включения их в готовившийся соответствующий справочник, зам. заведующего Централхива БССР М. В. Мелешко внес в графу о времени основания учреждения и его важнейших датах и информацию о майской конференции архивных работников БССР [1, л. 28].

Современный исследователь располагает широким кругом, к счастью, хорошо сохранившихся источников, освещающих предысторию созыва конференции, состав ее участников, обсуждавшиеся вопросы и принятые решения [2], а также появившимися за минувшие девять десятилетий работами преимущественно учебно-справочного характера, в которых рассматривается первый архивный форум белорусских историков-архивистов, созданный в условиях только что произошедшего так называемого первого укрупнения Беларуси [3].

Задачей настоящей статьи является с учетом выявленных и недавно введенных в научный оборот новых источников, а также исследований последних лет обратить внимание на научную составляющую, присутствовавшую в работе конференции, а также рассмотреть ее решения в контексте происходивших в 1920-е гг. в республике процессов в сфере науки и культуры (открытие Белорусского государственного университета, создание и начало деятельности Института белорусской культуры и др.).

О последнем следует сказать особо. На наш взгляд, до сих пор исследователями не уделено должного внимания изучению вклада первого ректора БГУ В. И. Пичеты в становление и развитие архивного дела в Беларуси вообще и выяснению его роли в подготовке и проведении указанной выше конференции в частности. И это при том, что имеется ряд специальных статей о Пичете как архивисте [4].

* Статья подготовлена в рамках ГПНИ «История. Культура. Общество. Государство». Номер госрегистрации 20113049 от 13.10.2011.

Нам представляется, что не было преувеличением утверждение ученого о том, что он, как архивный специалист, вынес на своих плечах «первоархивный съезд Белоруссии» (именно так называл архивную конференцию В. И. Пичета!), прочитав на нем семь (!!!) докладов [5, л. 132].

Говоря о причинах созыва конференции, нельзя не отметить, что в их числе наряду с необходимостью обсуждения и решения вопросов организационного характера, обусловленных изменением как административных границ Беларуси*, так и ее административно-территориального деления, были и иные, носившие сугубо научный характер. Именно на них и акцентировал внимание В. И. Пичета в статье, опубликованной 31 января 1924 г. в центральной республиканской газете и вызвавшей отклик со стороны руководства архивной отрасли республики [6]. Ее, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве своеобразного инициативного информирования профессионального сообщества белорусских, российских, украинских архивистов о целесообразности проведения архивного форума и в Беларуси (к этому времени, как известно, уже состоялась Первая всероссийская конференция архивных деятелей в конце сентября — начале октября 1921 г.; в мае 1926 г. пройдет Первый всеукраинский съезд архивных работников).

Автор статьи отмечал, что в отличие от воссоединяемых с БССР восточных регионов Беларуси (Витебщина и Могилевщина), в которых, по его мнению, успешно проведена архивная реформа, «зусім іначай пайшло развіццё архіўнай справы ў Меншчыне. Арганізацыя архіўнай справы спазнілася тут на тры гады дзеля прычын палітычнага характару. Шмат архіваў загінула, а некаторыя былі знішчаны палякамі. Тэрыторыя Меншчыны не была абследавана ўсебакова ў архіўным сэнсе. Панскія маёнткі, манастыры, валасныя праўленні не маглі быць абследаваны ўсебакова дзеля адсутнасці сродкаў. Загінула шмат матэрыялаў надзвычайнай гістарычнай вартасці» [6].

О том, что В. И. Пичета не сгулал красок, свидетельствует следующее обстоятельство. В ведение Централхива республики при его создании не были включены не то что фонды волостных правлений и монастырей, на что указывал ученый, но даже крупнейшие архивные фонды учреждений губернского уровня, в частности: канцелярии минского губернатора, минского губернского правления, минского управления государственных имуществ, минской губер-

* Заметим, что свой вклад в это внесли и архивисты, в частности, заведовавший Могилевским губернским архивом Д. И. Довгялло, участвовавший в работе комиссии по белорусскому вопросу Гомельского губисполкома, готовившей вопрос о воссоединении бывшей Могилевской губ. с БССР. Так, на первом заседании комиссии 17 августа 1923 г. он выступал с докладом, в котором на основании летописных и других исторических источников доказывал, что «в бывшей Могилевщине лежит белорусское ядро» и «бывшая Могилевская губ. по всем бытовым признакам принадлежала и принадлежит к Белоруссии» (см.: Гомельская губерния. 1919—1926 гг.: документы и материалы / сост.: М. А. Алейникова и др. — Минск: НАРБ, 2009. — С. 163).

ской земской управы, минской дирекции народных училищ и др. Это вытекает из составленного 26 января 1923 г. акта передачи архивных фондов при вступлении в должность назначенного 19 января 1923 г. ЦИК БССР заведующим Центрархива Беларуси Д. Ф. Жилуновича (фонды передавал временно исполнявший обязанности заведующего Центрархива М. А. Вахаев) [1, д. 11, л. 4—4 об.].

Судьба этих фондов оказалась достаточно драматичной, в том числе и по вине архивного руководства Беларуси (до создания в 1922 г. Центрархива). Это относится прежде всего к упомянутым выше архивным фондам губернского уровня, представлявшим собой огромные документальные собрания более чем за сто лет. Так, отвечая на вопросы разосланной в 1873 г. Главной архивной комиссией под руководством Н. В. Калачова анкеты, архивариус архива Минского губернского правления Константинович писал, что располагавшийся с 1795 г. в здании Присутственных мест Минской губ. (Соборная пл., 14) архив занимает половину первого этажа и насчитывает после проведенного в 1861 г. выделения к уничтожению около 140 тыс. дел 950 067 дел и до 170 000 книг. Кроме дел собственно губернского правления, в архиве хранились и документы канцелярий губернатора, губернского прокурора, комиссии народного продовольствия и др. [7, л. 6—9]. Обследовавший в начале 1919 г. минские архивы представитель Петроградской ученой архивной комиссии профессор А. П. Бородин обнаружил часть архива губернского правления весом до 3 тыс. пудов на Шкловской писчебумажной фабрике*. Об этом на заседании коллегии Наркомпроса Беларуси 24 февраля 1919 г. докладывал А. Г. Червяков. На спасение архива Бородину были выделены деньги; архив перевезли в Минск и разместили в здании Святодуховского монастыря [8, л. 16, 32 об, 54]. Однако летом 1921 г. часть его, по данным белорусского Истпарта, «была отпущена на бумагу представителю Борисовской писчебумажной фабрики Клебанову» [9, с. 77].

Излагая в конце 1927 г. историю формирования Минского исторического архива, основу которого составили фонды так называемого «Сосредоточенного архива упраздненных судебных мест Минской губ.» (размещался в здании бывшего костела бернардинцев по Мало-Монастырской ул.), ставший к тому времени сотрудником Исторического архива М. А. Вахаев отмечал, что только «ў 1923 годзе былі перавезены з будынку б. губернскага праўлення (дзе Дом прафсаюзаў) архіўныя матэрыялы канцелярыі менскага губернатара, віцэ-губернатара, Менскага губернскага праўлення» [10]. Заметим, что Вахаев, так же, как и Пичета, весьма критически оценивал архивную работу

* Именно после обследования А. П. Бородиным минских архивов и его доклада об этом в Главархиве России последний принимает решение просить проживавшего в Минске академика Российской АН Е. Ф. Карского быть его уполномоченным в губернии. Главархив выделял в распоряжение Временного комитета по охране штатных архивов 10 тыс. руб. для организации работы по перевозке и разбору минских архивов. Однако воспользоваться этим предложением Главархива России Карский не смог по объективным причинам (см.: ГАРФ. — Ф. 5325. — Оп. 9. — Д. 190. — Л. 3—4).

на Минщине. Так, заканчивая упомянутую выше записку о Минском историческом архиве, он, в частности, писал: «Трэба памятаваць, што Менскі гістарычны архіў — установа новая. У яго няма вопыту ў дарэвалюцыйным мінулым. Да рэвалюцыі на абшары б. Менскай губ. архіўная справа не вялася (у выніку чаго была страта многіх старых фондаў)» [10, л. 10].

Возвращаясь к статье В. И. Пичеты, отметим, что автор ее считал создание Центрархива «эпохой в архивном строительстве Беларуси». В то же время он ставил вопрос о необходимости активизации деятельности Центрархива прежде всего с целью обследования территории Минщины и принятия мер по спасению того, что еще возможно спасти. Он выступил с инициативой созыва архивной конференции, которая, по его мнению, «павінна будзе вырашыць шмат арганізацыйных, практычных і тэарэтычных пытанняў». Среди предлагаемых им для обсуждения на конференции вопросов были следующие:

1. Положение и состав архивных фондов в Витебске, Могилеве и Минске;
2. Архивная политика на местах в 1918—1924 гг.;
3. Результаты обследования уездов и волостей;
4. Архивная работа на местах и ее результаты;
5. Научная работа в архивах в 1918—1924 гг.;
6. Архивное законодательство;
7. Уничтожение ненужных архивов;
8. Статус разборочных и поверочных комиссий;
9. Общий характер реестров и описей документов;
10. Подготовка архивных работников [6].

Особо острой для Беларуси, по мнению В. И. Пичеты, являлась проблема подготовки кадров архивных работников. Для ее решения он предлагал организовать архивные курсы, а также ввести преподавание архивоведения в возглавляемом им университете. Автор статьи обращал также внимание на необходимость правильной постановки делопроизводства в учреждениях, призванных формировать текущие архивы — будущие источники комплектования государственных «архивов Октябрьской революции».

Не обошел своим вниманием В. И. Пичета и проблему использования документов и материалов архивов. «Цэнтрархіўу трэба, — подчеркивал он, — налаdziць выдавецкую працу. У гэтым кірунку яшчэ нічога не зроблена. «Архіўныя весткі», якія трэба будзе выдаваць, павінны будуць знаёміць чытачоў са становішчам архіўнай справы на Беларусі і з новымі праблемамі з тэорыі і практыкі архіўнай справы» [6].

Как увидим далее, эти предложения ученого были учтены руководством белорусского Центрархива при формировании повестки дня работы конференции и в той или иной форме нашли реализацию в ее решениях. Здесь же заметим, что носившая довольно-таки критический характер статья Пичеты вызвала отклик со стороны, очевидно, кого-то из руководящих работников Центрархива республики, укрывшегося под псевдонимом «Булатавец» [11].

Признавая в целом конструктивной, хотя и несколько преждевременной, поднятую Пичетой проблему интеграции Витебского и Могилевского архивов в архивный фонд Беларуси, «Булатавец» уделил далее основное внимание вопросу реорганизации аппарата Центрархива в связи с готовившимся присоединением Витебской и Гомельской губерний к Беларуси. По его мнению Центрархив следовало оставить в том виде, как он был, лишь переименовав в Минский архив, а под названием «Центрархив БССР» создать действительный орган управления архивным делом на всей территории укрупненной республики, освободив его «от тысяч пудов архивных материалов». Именно при таком обновленном Центрархиве можно было, по мнению автора статьи, создать архив Октябрьской революции, наладить научно-издательскую деятельность, организовать рациональное делопроизводство и текущие архивы в учреждениях, вести подготовку кадров архивных работников.

Не был оглашен «Булатавец» и с явно завышенными, по его мнению, Пичетой оценками деятельности архивов в Могилеве и Витебске. Заметим, что такой своего рода «холодок» в отношениях между минскими архивистами и их могилевско-витебскими коллегами, только что интегрировавшимися в архивную систему Беларуси, проявится и в ходе работы конференции. Это заметно по характеру задаваемых хозяевами проведения архивного форума гостям вопросам, репликам и ремаркам первых в ходе и после выступлений последних.

Нельзя не отметить также некоего ревностного отношения руководства белорусского Центрархива к возглавлявшим могилевский и витебский губернские архивы Д. И. Довгялло и Б. Р. Брежго, которых Главное управление архивным делом РСФСР в марте 1919 г. назначило и своими уполномоченными по этим губерниям. Бывший главным инспектором, а с 1923 г. — заведующим научно-теоретическим отделом Главархива В. И. Пичета, конечно же, был более дружных участников белорусской архивной конференции посвящен в их деятельность как своих непосредственных подчиненных и в меньшей степени был знаком с работой белорусского Центрархива, созданного уже в «постнаркомпросовский» период. Отдавая должное В. И. Пичете как защитнику белорусских архивов от чрезмерных посягательств на них со стороны западных и северо-западных соседей (это особенно проявилось в ходе его работы в качестве эксперта при подготовке мирных договоров России с Литвой и Польшей), вместе с тем нельзя не отметить, что его участие в организации и руководстве белорусскими архивами начиная с лета 1921 г. носило скорее номинальный характер ввиду того, что ученый в этот период был занят подготовкой открытия университета.

* Приказом по Академическому центру БССР от 15 августа 1921 г. В. И. Пичета был назначен председателем созданной при центре Архивной комиссии. Как можно предположить фактически обязанности заведующего Белорусского госархива исполнял заместитель Пичеты по комиссии, профессор университета А. А. Савич, у которого не сложились отношения с инспектором научных учреждений Наркомпроса С. М. Некрашевичем. И как следствие — пробыв год в должности заведующего Бело-

Возвращаясь к предыстории созыва конференции, отметим, что вначале ее проведение (в формате совещания) планировалось на первые числа апреля 1924 г. На это указывают информационные письма, разосланные в конце февраля 1924 г. руководством Центрархива в ЦИК БССР, Наркомпрос, Центральное бюро краеведения Инбелкульту, архивные учреждения республики. Так, в письме 25 февраля 1924 г. в адрес высшего законодательного органа республики, в чьем ведении находилась ее архивная служба, говорилось: «Для высъятленья многіх пытаньняў у архіўнай справе ў зьвязку з далучэньнем да Беларусі ўсходніх яе частак, а гэтак сама ў зьвязку з праэтам утварэньня Цэнтрархіву СССР, Цэнтрархівам Беларусі намечана склікаць нараду архіўных працаўнікоў у першых лічбах красавіка г. г.» [1, д. 63, л. 1].

Направляя 28 февраля 1924 г. письмо-приглашение к участию в работе совещания заведующему Могилевским архивным бюро Д. И. Довгялло, Центрархив предлагал ему подготовить доклад об археографической работе в Беларуси, «сделав обзор предшествовавшим археографическим работам, необходимость таких работ, их возможность при современном состоянии архивов и пути для их осуществления», а также доклад об архивных описях [1, д. 63, л. 5]. Отвечая 6 марта на письмо с выражением полной готовности «принять участие в апрельском совещании архивных работников Беларуси и согласием представить для этого совещания намеченные Центрархивом доклады: а) об археографических работах и б) архивных описях», Д. И. Довгялло вместе с тем просил Центрархив взять на себя финансовые расходы по командировке в Минск, «так как Могилевский архив никакими ресурсами пока не располагает». Аналогичные приглашения были высланы в Витебск — Б. Р. Брежго, Э. К. Лейланд и А. П. Сапунову (последнему — персонально, хотя воспользоваться им престарелый ученый, находившийся на грани нищеты и почти ослепший к этому времени, не смог, в отличие от своих коллег) [12, с. 203—204].

Точная дата открытия совещания (конференции) — 12 мая 1924 г., равно как и место его проведения (Дом работников просвещения, по ул. Коммунистической, 19, бывш. Юрьевская*), были определены лишь в конце апреля**.

Свидетельством большого внимания и интереса, проявляемых руководством республики, ее общественности, прежде всего научной, к архивному фору-

русским госархивом, накануне создания Центрархива республики, 24 августа 1922 г. Савич был отчислен от должности и на его место назначен М. А. Вахаев. Назначенный руководителем Центрархива Д. Ф. Жилунович, признавая заслуги Архивной комиссии в деле разработки проекта положения о Центрархиве, вместе с тем обвинял Савича в присвоении принадлежавших архиву вещей и древних актов // НАРБ. — Ф. 42. — Оп. 1. — Д. 65.

* Центрархив располагался по соседству, на этой же улице, в д. 11/16.

** Об окончательном утверждении формата форума белорусских архивистов в виде конференции, а не совещания, мы говорили в предисловии, предпосылаемом публикации ее материалов (см. сн. 2, с. 4).

му может служить не только состав участников конференции, среди которых наряду с руководителями архивных органов и учреждений Беларуси были представители Наркомпроса, Наркомата РКИ, Госплана, Инбелкульты, но и освещение ее работы в республиканских СМИ [13]. Информирова читателей «Савецкай Беларусі» об открывающейся конференции и основных вопросах, которые предполагается обсудить на ней, заместитель руководителя Центрархива М. В. Мелешко в духе побежденных к этому времени оппонентов сторонника политизации архивов М. Н. Покровского декларировал принцип публичности архивов: «Зьмест архіваў не павінен быць «тайнай», усе тое, што захавалася царскай уладай, цяпер павінна стаць вядомым шырокім рабочым і сялянскім колам. У гэтым напрамку яшчэ чакае непачатая праца... Заданьнем нашых архіваў ёсць ня толькі сабраць і паказаць веды мінулага, але і паказаць гэтыя веды шырокім колам грамадзянства, зрабіць архіў жывой установай, неабходнай як для навуковых досьледаў, так і для практычных мэтаў у будаўніцтве Савецкае Беларусі» [13]. (В скобках заметим, что плюрализм мнений при обсуждении вопросов на конференции был ее характерной особенностью; это особенно заметно в сравнении с устанавливающимся единомыслием, присущим для архивных совещаний, созываемых в конце 1920-х и особенно в 1930-е гг.).

Открывая 12 мая конференцию, руководитель Центрархива Д. Ф. Жилунович обратил внимание ее участников на важное значение архивных материалов в деле народнохозяйственного и культурного строительства республики, подчеркнув при этом, что по объективным причинам в Беларуси осталось не так много ценных архивов. «На нашу долю, — продолжал он, — выпала заданье збіраць, звозіць, весці крапатлівую працу над гэтай разрухай, застаўшайся нам пасля Часовага ўраду Кэрэнскага, і будаваць архіўную справу занава» [2, с. 13]. Целью архивной конференции, по его словам, являлось определить состояние архивного дела в Беларуси и «дагаварыцца на будучы час, як кіравацца новымі мэтамі ў галіне архівазнаўства».

Выбранный председателем президиума конференции заместитель председателя Главпрофобра Наркомпроса по вузам и научным учреждениям С. М. Некрашевич огласил затем повестку дня. Она включала следующие вопросы: 1. Деятельность Центрархива РСФСР (докл. В. И. Пичета); 2. Минские архивы с прошлых времен до начала XX в. (докл. В. Г. Краснянский); 3. Положение архивного дела на территории нерасширенной Беларуси (докл. М. В. Мелешко); 4. Архивы и архивное дело на Витебщине (докл. Б. Р. Брежго); 5. Положение архивного дела на Могилевщине (докл. Д. И. Довгялло); 6. Положение архивного дела на Могилевщине в первые годы революции. 1918—1921 гг. (докл. И. А. Сербов); 7. Делопроизводство и текущие архивы в наркоматах и учреждениях Беларуси и способы улучшения их по программе НОГ (докл. Я. Г. Раков); 8. Влияние договоров РСФСР с отделившимися государствами (Польшей, Литвой и Латвией) на положение белорусских архивов (докл. В. И. Пичета); 9. Составление архивных описей (докл. Д. И. Довгялло); 10. Пересмотр архивного

законодательства БССР (докл. В. И. Пичета); 11. Археографические работы в Беларуси (докл. Д. И. Довгялло); 12. Прием, поступление, размещение и сохранение архивных фондов (докл. Б. Р. Брежго); 13—14. Подготовка архивных работников (докл. В. И. Пичета, Б. Р. Брежго); 15. Разборка архивов. Разборочные комиссии и уничтожение архивных материалов (докл. Д. И. Довгялло); 16. Реорганизация архивного дела в Беларуси (докл. М. В. Мелешко); 17. Текущие дела: а) о вывезенных из Беларуси архивах и их возвращении; б) организация Центрархива СССР; в) о церковных и монастырских архивах; г) приветствия.

Не случайно, что работа конференции началась с доклада В. И. Пичеты о деятельности российского Центрархива. Этим самым белорусское архивное руководство выражало признательность российским коллегам, уже в течение шести лет проводившим архивную реформу, результаты которой не могли не сказаться и на белорусских архивах. Кроме того, коллегия российского Центрархива в лице одного из его руководителей — В. В. Адоратского, уполномочивала ректора БГУ, бывшего одновременно и членом коллегии и руководителем научно-теоретического отдела управления Центрархива РСФСР, представлять орган по управлению архивным делом России на архивной конференции Беларуси и выступить на ней с приветствием и соответствующим докладом [1, д. 63, л. 14].

В первой части своего доклада Пичета выразил надежду, что белорусская архивная конференция послужит не только средством укрепления идейных и политических связей между архивистами двух союзных республик, но и подтолкнет архивное руководство России к скорейшему проведению очередного всероссийского съезда архивных деятелей (несмотря на принятое на архивной конференции 1921 г. в Москве решение о ежегодных созывах таких съездов за три года, прошедшие после конференции, съезд так и не был созван).

Вторая часть доклада была призвана привлечь внимание участников конференции на те узловые проблемы, с которыми пришлось столкнуться российским архивистам в ходе начала реализации реформы о реорганизации и централизации архивного дела, основы которой были заложены известным декретом Правительства РСФСР от 1 июня 1918 г. Кстати говоря, о самом декрете и его значении в деле проведения архивной реформы В. И. Пичета даже не упомянул в докладе. Это вряд ли можно объяснить причинами технического характера (не зафиксировано в протокольной записи выступление ученого). Вероятно, докладчик действительно не придавал такого значения названному впоследствии «ленинским» декрету «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР»^{*}.

^{*} Об этом декрете мало что было известно и в провинции. На это, в частности, указывает доклад инспектора Петроградского отделения Главного управления архивным делом В. Т. Георгиевского, обследовавшего в начале марта 1919 г. могилевские и гомельские архивы. В нем он, в частности, писал: «К сожалению, архивное дело, несмотря на декрет от 1 июня 1918 г. об образовании Единого государственного архивного фонда и организации кадра работников для приведения в порядок и возможной научной обработки

Главную заслугу в деле спасения оказавшихся брошенными на произвол судьбы в ходе революционных потрясений архивов центральных учреждений России еще до создания Главархива В. И. Пичета видел в деятельности петроградского академика А. С. Лаппо-Данилевского и возглавляемого им общественного объединения единомышленников («кружок архивистов под руководством Лаппо-Данилевского»). Что же касается правительства, занятого массой вопросов политического характера, то оно, по словам Пичеты, оставило архивное дело республики в стороне: «Ему было не до архивов, когда гражданские войны происходили во всех уголках бывшей Российской империи» [2, с. 16].

Начало же реализации архивной реформы Пичета связывал с деятельностью Д. Б. Рязанова, инициатора создания Главархива, человека, которому по его словам было хорошо знакомо архивное законодательство западноевропейских стран. «Когда он обратился к группе петербургских историков, — отмечал Пичета, — то они во главе с академиком Платоновым отнеслись сочувственно к его идее и начали работу по организации архивного дела в РСФСР*. Приехав в Москву, Рязанов сплотил вокруг себя институт инструкторов. Беспризорных архивов в Петербурге и Москве была масса. Но благодаря институту инструкторов гибель их была пресечена» [2, с. 16].

Разумеется, ответственный представитель Центрархива РСФСР не мог не упомянуть в своем докладе и о «громадной роли» в деле развития архивного дела в РСФСР агитационной брошюры управляющего делами Правитель-

архивов мало популярно в провинции и далеко не все даже знают об этом декрете, даже лица, занимающие административное положение. В Могилеве это неведение в значительной мере объясняется тем, так сказать, пограничным положением этого города и губернии, каким он был в последнее время, переходя их рук в руки от Временного правительства, то в ведение польских легионеров, то немцев, то, наконец, Советской власти» // ГАРФ. — Ф. Р-5325. — Оп. 9. — Д. 191. — Л. 14.

* Это подтверждал и сам С. Ф. Платонов, никогда не скрывавший своих монархических убеждений, писавший 7(20) июля 1918 г. председателю Тверской ученой архивной комиссии И. А. Иванову: «...меня избрали заместителем председателя Главного управления архивным делом, и я стал рядом (и в согласии) с «левым с [оциал]-д [емократом]» и «революционным марксистом» Рязановым-Гольдендахом, к[ото]рый ведает это управление. Это ученый, порядочный и добрый еврей, революционер-теоретик, к которому все члены управления относятся с признанием и расположением. ... Благодаря уму и такту Рязанова все дело попало в ученые руки, руководится коллегиями и руководствуется только интересами дела безо всякой политики. Много архивов спасено и охранено; много работников возвращено к делу и обеспечено. После суеты устроительства чувствуешь себя удовлетворенным и не боишься дальнейших осложнений» (Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С. О. Шмидт. — М.: Наука, 2003. — Т. 1: Письма С. Ф. Платонова, 1883—1930 / Сост. В. Г. Бухерт. — М.: Наука, 2003. — С. 235).

ства России В. Д. Бонч-Бруевича «Сохраняйте архивы»*, по свидетельству ее автора написанной по поручению В. И. Ленина, а также заслуг последнего в деле приостановки «приговоренных» к уничтожению всех архивов, кроме дипломатических и экономических, «дабы удовлетворить насущные потребности бумажного голода» [2, с. 17].

Как бы предостерегая белорусских архивистов от поспешных, необдуманных шагов, докладчик в качестве негативного примера сослался на действия российских коллег, вынужденных передать Главбуму для переработки хранившиеся в архиве военного ведомства такие документы, как послужные списки офицеров и рекрутские списки нижних чинов Российской армии, начиная с петровских времен, которые по мнению В. И. Пичеты представляли «особый интерес при изучении уменьшения или увеличения человеческого роста».

В. И. Пичета не давал собственной оценки произошедшей в 1921 г. передачи архивной отрасли России в подчинение высшего законодательного органа страны, хотя, как можно понять из контекста его доклада, эта реорганизация имела позитивный характер прежде всего для местных архивов: «В 1921 г. Главархивом был созван съезд архивных деятелей РСФСР... На съезде было решено освободить Центрархив от влияния Наркомпроса. Последствием этого решения было постановление ЦИК РСФСР, по которому Главархив стал самостоятельным учреждением. Так было в провинции, и это подняло авторитет губернских архивов» [2, с. 17—18].

В заключение доклада Пичета напомнил участникам конференции о том, что архивная деятельность Главархива (Центрархива) не оставила без внимания и Беларусь; в частности, он указал на свою поездку в 1920 г. в Минск, во время которой ознакомился с положением архивного дела в Беларуси и представил об этом соответствующий доклад в Москве, который, правда, по его словам, «ничего для Белоруссии не сделал»**.

Доклад В. И. Пичеты был единственным, рассмотренным в первый день работы конференции. Утреннее заседание следующего дня открылось выступлением старейшего участника конференции В. Г. Краснянского — о минских архивах, — вызвавшим много вопросов и оживленную дискуссию. К сожалению, текст его, несмотря на зафиксированную в протоколе запись о том, что «доклад пры гэтым прыкладаецца», в деле отсутствует и современному исследователю остается лишь по косвенным признакам (вопросам и замечаниям, поступившим в адрес докладчика) реконструировать основные его по-

* Пичета приводит ее неточное название: «Берегите архивы», что не может не свидетельствовать о его незнакомстве с самой брошюрой.

** Судя по документам личного дела В. И. Пичеты как главного инспектора Главархива РСФСР, он выезжал в Минск в конце ноября 1920 г. для собирания материалов по истории революционного движения и в конце декабря этого же года — по делам об открытии БГУ и одновременно для организации губернского архивного фонда // ГАРФ. — Ф. 5325. — Оп. 12. — Д. 1503. — Л. 52, 58, 62, 63.

ложения. В частности, Д. И. Довгялло, Д. Ф. Жилунович, М. А. Вахаев обратили внимание на его неполноту; В. Д. Дружчиц — на наличие спорного, по его мнению, тезиса докладчика о взаимоотношениях между ВКЛ и Короной Польской в Речи Посполитой.

Вероятно, Краснянский затронул вопрос и о вывозе с территории Беларуси архивов и перспективах их возвращения в места происхождения. Такое предположение можно сделать исходя из содержания ремарки Я. Дыбло по докладу, вызвавшей в свою очередь отклик на нее В. И. Пичеты и заключительного выступления Д. Ф. Жилуновича, в котором последний довел до участников конференции мнение о необходимости обратиться в ЦИК Беларуси с предложением издать постановление о возвращении в Беларусь вывезенных отсюда в разное время архивов.

Пичетовское выступление по докладу Краснянского следует рассматривать в качестве своеобразной прелюдии к его основному заявленному докладу — о влиянии заключенных РСФСР договоров с отделившимися государствами на белорусские архивы. Из него явствовало, что именно он, бывший в начале 1920-х гг. главным инспектором Главархива России, приостановил выдачу литовской стороне находившихся в Ярославле архивных документов, входивших в состав бывшего Виленского архива древних актов книг. По информации Пичеты этому предшествовало обращение к нему бывшего уполномоченного Центрархива РСФСР по Витебской губ. Б. Р. Брежго, который сообщил, что в Ярославле наряду с действительно подлежащими выдаче Литве по условиям Московского договора 1920 г. актовыми книгами находятся и документы, входившие в состав Витебского центрального архива, которые в 1903 г. были влиты в Виленский архив. Благодаря распоряжению Пичеты о приостановке выдачи Литве архивных документов (что вызвало протест со стороны литовского представителя), последние остались в Ярославле и дальнейшая их судьба будет решаться в контексте реализации соответствующих «архивных статей» не только Московского, но и Рижского мирных договоров, заключенных Советской Россией с Литвой и Польшей.

С основным докладом — об архивной реституции — В. И. Пичета выступил на 4-м, утреннем заседании конференции 14 мая. Центральное место в докладе занял вопрос об освещении борьбы за Литовскую метрику, развернувшейся после подписания Советской Россией договоров с Литвой, Латвией и особенно Польшей. Пичета отметил крайне неблагоприятно сформулированные для советских архивов положения XI статьи Рижского договора, принятые, как он говорил, «под шум Кронштадского мятежа». «Если статья на точный смысл выполнения этих договоров, — подчеркивал ученый, — то многие архивы, имеющие ценность для Белоруссии, придется отдать Польше, Литве и Латвии» [2, с. 34]. Тем не менее он заверил участников конференции, что несмотря на наличие в архиве великокняжеской канцелярии множества документов, связанных своим происхождением с Западной Беларусью, и

потому по условиям договора с Польшей подлежащих наряду с территорией западных регионов Беларуси передаче второй Речи Посполитой, «при современных условиях выдача Метрики не произойдет».

В прениях по докладу В. И. Пичеты выступило несколько человек, включая и заместителя руководителя белорусского Центрархива М. В. Мелешко, предложившего вынести благодарность докладчику за отстаивание интересов белорусских архивов. Д. И. Довгялло выступил с инициативой поднять перед высшим законодательным органом республики вопрос «каб выдача архіваў Літоўскай метрыкі Польшчы не рабілася па той прычыне, што пры адсутнасці яе беларускія вучоныя ня змогуць весці даследаванні сваёй краіны». Она была поддержана участниками конференции; для выработки соответствующей резолюции по предложению председательствующего на заседании С. М. Некрашевича создавалась комиссия в составе докладчика, Довгялло и Мелешко. В принятую по докладу Пичеты резолюцию были включены не только положения, связанные с недопущением вывоза Метрики и других архивных фондов белорусского происхождения с территории СССР в Польшу, Литву, Латвию и другие страны, но и требование принять меры по возвращению в Беларусь вывезенных отсюда в «дарэвалюцыйны час і ў часы розных акупацый» архивных материалов. В продолжение и развитие этой резолюции конференция приняла и специальную резолюцию о возвращении архивов, вывезенных из Беларуси, в которой признавалось необходимым «усе архівы, якія вывезены з тэрыторыі этнаграфічнай Беларусі, звярнуць у Цэнтрархіў БССР». Участники конференции, и это важно подчеркнуть в связи с деятельностью созданной в январе 2009 г. в Беларуси межведомственной комиссии по выявлению, возвращению и совместному использованию национальных культурных ценностей, оказавшихся за пределами Беларуси, не ограничились декларацией о необходимости возвращения в республику архивных собраний белорусского происхождения, но и дали конкретное поручение заведующим Витебского, Могилевского и Минского архивов в течение двух недель «зрабіць асьвятленьне гэтага пытаньня аб усіх архівах, якія былі вывезены з Беларусі». Речь, таким образом, шла о создании, применяя современную терминологию, базы данных на архивные материалы белорусского происхождения, оказавшиеся за пределами Беларуси. И как свидетельствуют делопроизводственные документы архивных учреждений республики, такая «база данных» была оперативно создана и позволила перевести работу по возвращению белорусских архивов прежде всего из российских архивохранилищ в практическую плоскость. Как известно, после принятия 18 сентября 1925 г. ЦИК СССР решения о передаче Украине и Беларуси их архивных материалов, находящихся в РСФСР, и создания в начале октября этого года при Наркомпросе Беларуси соответствующей комиссии по эвакуации из России белорусских архивов (ее возглавил руководитель Центрархива Д. Ф. Жилунович) последняя, уже располагая подготовленными белорусскими архивистами справочными материалами, смогла сразу же развернуть работу по

возвращению белорусских архивов в места их происхождения. Можно таким образом констатировать, что именно с инициативы участников архивной конференции 1924 г. берет в республике начало процесс архивной реституции, ставший частью общего процесса возвращения в Беларусь ее культурных ценностей (включая также музейные и книжные собрания), на что указывают решения полутора годами позже состоявшегося в Минске Первого съезда исследователей белорусской археологии и археографии, принявшего наряду с резолюциями «Аб Літоўскай Мэтрыць», «Аб беларускіх архіўных фондах за межамі БССР» і резолюции «Аб музейнай справе» і «Аб звароце бібліотэж» [14, с. 5—7].

Очень важным представлялся и доклад В. И. Пичеты об архивном законодательстве Беларуси, вызвавший оживленную дискуссию участников конференции. В нем докладчик со ссылкой на существующее на Западе и формирующееся в России архивное законодательство обозначил ряд проблем, касающихся обеспечения сохранности уже находящихся на архивном хранении документов, проведения экспертизы ценности документов, предполагаемых к передаче в архивы, установления сроков ведомственного хранения документов, контроля архивных учреждений за ведением текущего делопроизводства, предоставления права публикации архивных документов исключительно Центрархиву или с его разрешения и др. Принявшие участие в обсуждении доклада в целом согласились с предложениями Пичеты, иногда корректируя их с учетом белорусской специфики. Так, Д. И. Довгялло полагал, что предложенный докладчиком по аналогии с Россией в качестве «заповедного» 1819 г. (т. е. ранее этого года архивисты не могли уничтожать какие бы то ни было документы, несмотря на их характер) не подходит для Беларуси. Он предлагал продлить срок до 1861 или даже 1865 гг., «ибо эта эпоха для Белоруссии является очень интересной». Предлагал он также ужесточить ответственность юридических и физических лиц за уничтожение архивных материалов. Его в этом вопросе поддерживал и руководитель Витебского архива Б. Р. Брежго. К сожалению, резолюция по этому, еще раз повторимся, крайне важному докладу В. И. Пичеты, отсутствует, хотя для выработки ее проекта, подлежавшего затем утверждению высшим законодательным органом республики, Д. Ф. Жилунович предложил составить комиссию из докладчика, С. М. Некрашевича и М. В. Мелешко. Однако, учитывая важность поднятых Пичетой в докладе вопросов, Некрашевичем было предложено дать поручение коллегии Центрархива подготовить для ЦИК БССР соответствующий проект решения.

Продолжением упоминавшегося выше доклада В. И. Пичеты можно считать его выступление, касавшееся разборки архивов, разборочных комиссий и уничтожения архивных материалов. Оно было нацелено на прекращение получившего широкое распространение на местах уничтожение архивов. В принятой по этому вопросу резолюции подчеркивалось, что продажа «бумажного хлама» (читай — архивной макулатуры) осуществляется только с разрешения Центрархива; что же касается уничтожения архивных дел, то

оно возможно лишь после их просмотра разборочными комиссиями; акты выделенных к уничтожению архивных материалов подлежали обязательному утверждению проверочной комиссией Центрархива.

Наряду с обсуждением самых животрепещущих вопросов (о возвращении из-за пределов республики белорусских архивов, обеспечении сохранности хранящихся в Беларуси архивных собраний и др.) участники конференции не оставили без внимания и проблемы, носившие сутобо «архивно-технологический» характер: о составлении архивных описей (Д. И. Довгялло), приеме, поступлении, размещении и хранении архивных фондов (Б. Р. Брежго), археографической работе в Беларуси (Д. И. Довгялло) и др. Особого внимания заслуживает обсуждавшийся на конференции вопрос о подготовке кадров архивных работников. От того, насколько успешно он будет решен в республике, зависело дальнейшее развитие ее архивного дела. В процессе обсуждения данного вопроса выяснилось наличие двух точек зрения на возможность решения кадровой проблемы (что само по себе лобопытно, как свидетельство пока еще сохранявшегося плюрализма мнений, на смену которому вскоре придет единомыслие!).

Первым с докладом о подготовке кадров архивных работников выступил В. И. Пичета, ознакомивший коллег с проектом создания при Центрархиве РСФСР Археографического института как высококвалифицированное учреждение по подготовке кадров архивных работников. В нем предполагалось иметь русское, белорусское и украинское отделения. Голод в Поволжье отложил эту идею, на смену которой пришли полугодовые курсы при российском Центрархиве в Москве и Петрограде. Пичета считал, что с учетом реальной ситуации основной формой подготовки кадров архивных работников, в том числе и для провинциальных архивов, могут стать 3-месячные курсы, призванные, по его мнению, знакомить слушателей с «теорией архивоведения, историей Белоруссии, центральных и провинциальных учреждений, текущим делопроизводством, славяно-белорусской и латино-польской палеографией, что должно сопровождаться чтением рукописей».

Кроме подобных курсов, докладчик полагал возможным вести подготовку архивистов и через высшие учебные заведения, где на соответствующих факультетах, по его мнению, должны читаться курсы архивоведения. Квинтэссенцией доклада ректора первого государственного университета Беларуси, одновременно представлявшего Центрархив РСФСР, стали его заключительные слова: «Текущая жизнь требует подготовки архивных работников, а это требует открытия краткосрочных курсов, курсов, не требующих больших затрат. Белоруссия таким способом сумеет подготовить два кадра работников — людей с исторической социальной подготовкой, прошедших курс архивоведения, и архивистов-практиков» [2, с. 43].

Выступавший с докладом Б. Р. Брежго, бывший выпускником Витебского отделения Московского археологического института, а в 1917—1922 гг. возглавлявший его, был приверженцем реанимации прекративших в 1922 г.

свою деятельность археологических институтов, готовивших в том числе и кадры архивистов (они, как известно, были влиты в факультеты общественных наук университетов). Он предлагал по аналогии со своей alma mater, а также ссылаясь на западноевропейский опыт (Школа хартий во Франции, школы палеографии и дипломатики в Риме, Флоренции, Мадриде и Неаполе, архивная школа в Марбурге и др.) открыть при БГУ археологический институт с двумя отделениями — археологическим и археографическим. Последнее он рассматривал в качестве формы подготовки научных кадров архивистов. Он исключал способ подготовки архивистов через курсы при архивах Беларуси, ибо, по его мнению, «личный состав архивов Белоруссии, за малыми исключениями, сам нуждается в архивной подготовке» [2, с. 119]. Создание при университете кафедры архивоведения он также считал малоэффективной формой подготовки высокопрофессиональных специалистов. С учетом того, что предлагаемый содокладчиком археологический институт даст первых выпускников только через 4 года, а архивисты нужны уже сейчас, Брежнево соглашался в качестве альтернативного варианта на открытие краткосрочных курсов, которые бы до первого выпуска института обеспечили кадрами архивные учреждения, особенно в провинции.

Конференция приняла точку зрения первого докладчика в части формы организации подготовки архивистов через курсы, выразив при этом пожелание открыть кафедру архивоведения на педагогическом факультете БГУ. Важно также подчеркнуть, что участвовавшие в обсуждении обоих докладов руководители Центрархива Беларуси Д. Ф. Жилунович и М. В. Мелешко полагали целесообразным не ограничивать планируемые курсы подготовкой на них только работников архивных учреждений; по их мнению, курсы должны готовить музейных и библиотечных работников, а также сотрудников наркоматов, ответственных за постановку в них делопроизводства.

Разумеется, конференция рассмотрела и вопросы, связанные с только что произошедшими укрупнением Беларуси и изменением административно-территориального устройства республики. В создаваемых округах учреждались отделения Центрархива, выполнявшие функции органов управления архивным делом и одновременно архивных учреждений. Выказала конференция и свое мнение относительно настойчиво проталкиваемой руководителем российского Центрархива М. Н. Покровским идеи создания общесоюзного органа по управлению архивным делом в лице Центрального архивного управления СССР. Конференция поддержала мнение Центрархива Беларуси, что «арганізацыя Цэнтрархіву СССР не выклікаецца ніякай патрэбай і толькі шкодзіць інтарэсам Беларусі» [2, с. 55]. Заметим, что подобного рода инициативы о создании общесоюзного архивного органа будут настойчиво повторяться и в последующие годы вплоть до 1929, когда будет наконец создано ЦАУ СССР, просуществовавшее под разными названиями вплоть до конца 1991 г.

В заключение отметим, что Первая всебелорусская конференция архивных работников действительно стала знаковым событием в истории архивно-

го дела Беларуси. Она по праву может считаться первым белорусским архивным съездом исходя не только из состава участников, но и характера вопросов, рассмотренных на этом архивном форуме.

Оценивая ее роль и значение, один из старейших белорусских архивистов Д. И. Довгялло не без оснований говорил, выступая с благодарностью в адрес Д. Ф. Жилуновича при закрытии работы конференции: « Яна дала нам больш бадзёрасыці і энэргіі. І з гэтых часоў праца пойдзе на меісцох весялей і правільнай. Мы спадзяёмся, што Вы зможаце ажыццявіць усе рэзалюцыі, прынятыя на нашай канферэнцыі і начаць працу па выданьню тых цэнных архіўных матэрыялаў, якія захоўваюцца ў архівах» [2, с. 55]. К сожалению, далеко не все оптимистические прогнозы старейшего участника конференции сбылись; многое из того, что обсуждалось на ней, осталось не реализованным. Трагично сложилась судьба многих ее делегатов, необоснованно репрессированных в 1930-е гг. Однако, несмотря ни на что, общественность республики и прежде всего его профессиональное сообщество с благодарностью вспоминает участников Первой всебелорусской конференции архивных работников, стоявших у истоков формирования архивных органов и учреждений Беларуси.

Источники и литература

- НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 1. — Д. 154.
- Первая всебелорусская конференция архивных работников 12—15 мая 1924 г.: Документы и материалы. — Минск: БелНИИДАД, 1999. — 148 с.
- Пичета, В. И. Первая всебелорусская конференция архивных работников // Архивное дело. — 1925. — Вып. 2. — С. 144—146; Шорохов, Е. Ф. Конференция белорусских архивистов в 1924 г. // Неман. — 1965. — № 3. — С. 94—95; Макаревич, А. Ф. Материалы I Всебелорусской конференции архивистов и архивных работников как источник по истории организации архивного дела в республике // Тэзісы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы» 1—2 снежня 1993 г.: У 2 ч. — Ч. 1. — Минск: БелНДЦДАС, 1993. — С. 11; Шумейка, М. Першая Усебеларуская канферэнцыя архіўных работнікаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. — Т. 5. М.—Пуд./Беларус. энцыкл.: Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. — Минск: БелЭН, 1999. — С. 477; Хорхордина, Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. — М.: РГГУ, 2003. — С. 345—347; Архівазнаўства: дапаможнік / А. М. Бяляўскі і інш.; пад рэд. М. Ф. Шумейкі. — Минск: БДУ, 2013. — С. 89—90 и др.
- Каминский, Н. И., Шорохов, Е. Ф. В. И. Пичета и архивное дело в Белоруссии // Советские архивы. — 1968. — № 2. — С. 42—44; Шумейко, М. Ф. Архивно-археографическая деятельность В. И. Пичеты // Российские и славянские исследования: науч. сб. — Вып. 4. — Минск, 2009. — С. 233—247; Он же, В. И. Пичета как эксперт по архивам в 1920—1947 гг. // Отечественные архивы. — 2014. — № 1. — С. 3—14.
- Протокол допроса В. И. Пичеты 26 сентября 1930 г. // Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Арх.-угол. дело № П-65245. — Т. 19. — Л. 132.
- Пічэта, У. І. Чарговыя заданні архіўнай справы на Беларусі // Савецкая Беларусь. — 1924. — 31 студ.
- НИАБ. — Ф. 299. — Оп. 2. — Д. 7390.

8. НАРБ. — Ф. 4-п. — Оп. 1. — Д. 25.
9. Шумейко, М. Ф. Деятельность Истпарта ЦК КП(б)Белоруссии по созданию источниковой базы историко-партийной науки в 1920-е годы // Археографический ежегодник за 1987 год. — М., 1988.
10. Государственный архив Минской обл. — Ф. 342. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 1. Сведения предоставлены зав. отделом публикаций Государственного архива Минской обл. В. М. Магохом.
11. Булатавец. Аб архіўных справах на Беларусі // Савецкая Беларусь. — 1924. — блютага.
12. Хмяльніцкая, Л. Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова). — Мінск: «Энцыклапедыкс», 2001. — 256 с.
13. Мялешка, М. Да I Усебеларускай нарады архівістаў // Савецкая Беларусь. — 1924. — 11 мая; [Барашка], Л. I Усебеларуская нарада архівістаў // Савецкая Беларусь. — 1924. — 20 мая.
14. Працы Першага з'езду дасьледчыкаў беларускае архэалёгіі і архэаграфіі 17—18 студзеня 1926 г. — Мінск, 1926. — С. 5—7.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 01.07.2014

С. Н. Рындын,
ведучы навучны супрацоўнік
отдела публикации документов
Национального исторического архива Беларуси,
магістр історычных навук
e-mail: serzh-ryndin@yandex.by

ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКОВ ГУБЕРНСКИХ ЖАНДАРМСКИХ УПРАВЛЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЯХ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ (1915—1916 гг.)

В 2014 г. человечество поминает трагические события Первой мировой войны. Это глобальное вооруженное противостояние оказало переломное влияние на ход как мировой, так и отечественной истории. Однако история самого конфликта на территории Беларуси до сих пор имеет широкий круг неизученных или малоизученных проблем. Огромным малоисследованным пластом остается тыловая жизнь гражданского населения. Значительный массив документов по этой проблеме хранится в России, в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Полноценное изучение Первой мировой войны невозможно без использования материалов российских архивов.

В данной статье рассматриваются рапорты начальников губернских жандармских управлений (ГЖУ) губернаторам и в Департамент полиции МВД, обнаруженные в фонде 102 «Департамент полиции Министерства внутренних дел» Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ). Правительство Российской империи придавало большое значение отслеживанию настроений среди прифронтового населения. Поэтому жандармские чиновники в своих рапортах старались наиболее достоверно отобразить политическое и социально-экономическое положение в подведомственных губерниях, показывая как положительные, так и отрицательные явления. Последнее было необходимо правительству для принятия адекватных мер по поддержанию порядка в ближайшем тылу российской действующей армии. Чтобы документы не стали достоянием общественности, они помечались грифом «секретно». Сохранившиеся рапорты по Минской, Могилевской, Виленской и Витебской губерниям были составлены в 1914—1916 гг.* Основное внимание в них уделяется отношению населения к органам местной и центральной власти.

Начальник Минского ГЖУ полковник Н. Ф. Бабчинский 24 октября 1915 г. утверждал, что «все классы населения объединены идеей победы во что бы то ни стало» [4, л. 2]. Однако в последующих отчетах по Минской губернии настроения населения зачастую характеризовались как тревожные. Стремительное продвижение фронта летом—осенью 1915 г. на восток вызывало у

* Аналогичных документов по Гродненской губернии на хранении в ГАРФ не выявлено.

населения страх перед оккупацией. Кроме того, непосредственная близость к фронту делала Минскую губернию более подверженной тяготам военного времени. В октябре 1915 г. среди местных крестьян отмечалось глухое возмущение по причине наплыва беженцев из оккупированных уездов [4, л. 2]. В более позднем отчете, составленном 19 октября 1916 г., глава минской губернской жандармерии описал настроения в деревне и городах: «Отношение к центральному правительству в общем среди крестьян сейчас безразличное, но частые смены правительственных лиц, недостижение ими цели к устранению дороговизны, налажению железнодорожных порядков и удобств сообщения, уменьшение и недостаток съестных припасов, порождающие боязнь голода, вызывают среди интеллигентного населения недовольство [...]» [4, л. 16 об.]. Однако, как писал в том же месяце начальник Минского ГЖУ, отношение жителей губернии к войне оставалось «сознательно благонадежным». Люди устали от военного положения, но продолжали верить в победу [4, л. 16]. Настроения среди лиц польского происхождения были охарактеризованы как колеблющиеся. После оккупации Германией Царства Польского сочувствие поляков интересам России в Первой мировой войне стало слабеть [4, л. 4].

Не последнюю роль в социальной напряженности играла атмосфера ксенофобии и шпиномании. После объявления войны германские и австро-венгерские подданные призывного возраста были высланы из Минской губернии. По сообщению губернской жандармерии в октябре 1915 г., вскоре были депортированы и их семьи. Однако руководитель Минского ГЖУ отмечал устойчиво нетерпимое отношение местных жителей ко всем лицам немецкого происхождения, включая и тех, кто состоял в российском подданстве. С особой неприязнью воспринимались чиновники с немецкими фамилиями. Население винило их в саботаже и шпионаже, связывало с ними ухудшение условий жизни. По наблюдению Н. Ф. Бабчинского, служба немцев в государственном аппарате серьезно способствовала его дискредитации: «В общем среди большинства господствует убеждение, что немец продолжает влиять на нашу жизнь и порядки, и назначение лиц с немецкими фамилиями на ответственные посты каждый раз усиливает это мнение и порождает тревогу» [4, л. 16 об.—17]. Вместе с тем начальник Минского ГЖУ констатирует спокойное отношение населения к военнопленным, доставленным в губернию для работ в тыловых учреждениях Военного министерства [4, л. 2 об.]. Возможно, это объяснялось тем, что в западные губернии привозили пленных не немцев, а славян (чехов, словаков, поляков).

Дефицит промышленных и сельскохозяйственных товаров и их сбыт торговцами по завышенным ценам часто фигурируют в рапортах жандармских руководителей как наиболее острые проблемы в социальной сфере. Они также содействовали антисемитским настроениям в среде православного и католического населения. В октябре 1915 г. минская губернская жандармерия докладывала: «Большинство крестьян и рабочих возникновение непомерной дороговизны

объясняют стремлением торговцев к наживе, а так как в здешних краях вся торговля находится в руках евреев, то отсюда и вытекает враждебное настроение крестьян и рабочих к евреям вообще». Однако в этом же отчете дороговизна связывалась и с затруднениями в подвозе товаров по железным дорогам, которые были загружены военными перевозками. Враждебность к евреям, как следует из рапорта, усиливалась также и тем фактом, что евреи не испытывали такой острой нужды, как остальное население. Они быстро сплотились, создали свои организации помощи нуждающимся единоплеменникам, в то время как православное население было разобщено [4, л. 2 об.].

Впрочем, рапорт главы минской губернской жандармерии № 1182 от 30 апреля 1916 г. содержит интересные сведения, указывающие на то, что военное время приносило населению не только лишения: «Крестьянство вследствие запрещения продажи спиртных напитков и интенсивного притока денег от щедрой оплаты труда его по выполнению работ для нужд армии (особенно дорожных и земляных), не только окрепло материально, но и обогатилось. Даже уезды, прилегающие к фронту, разоренные осенью, сильно оправились, и нужды не чувствуется. Обработка и обсеменение полей проходят вполне успешно [...]» [4, л. 12].

В последующем отчете № 2983 от 10 октября 1916 г. сообщается, что «продовольственный вопрос самый тяжелый, хотя не для всех. Крестьяне материально обеспечены, так как кроме получаемых казенных пайков, имеют огромный заработок [...] и даже замечаются их траты на излишнюю роскошь [...] Заработок [...] каждого крестьянина колеблется между 3 и 6 рублями в день [...]». Но далее отмечалось, что «положение служащих весьма тяжелое» [4, л. 16 об.]. Таким образом, от дороговизны в большей степени страдали города и местечки. Высокие цены на продовольствие были выгодны деревне.

За ситуацией в Могилевской губернии следил и регулярно докладывал С. П. Белецкому начальник Могилевского ГЖУ полковник В. И. Еленский. 5 декабря 1915 г. он докладывал в МВД, что большинство жителей губернии составляют крестьяне, которые доверяют центральной власти. На реквизиции реагируют с пониманием, иногда предлагают представителям реквизиционных комиссий брать у них сверх требуемого. Отношение к войне со стороны славянского населения как в этом, так и в следующих отчетах характеризовалось как «самое лучшее» и «высоко-патриотичное». Вместе с тем деятельность чиновников на местах оценивалась обывателями более критично и даже предвзято. Подозрения вызывали госслужащие с немецкими фамилиями. Как видно из жандармских отчетов, сопутствовавшая патриотизму германофобия глубоко въелась в общественное мнение. Жители Могилевщины требовали, чтобы у всех немцев, проживавших в империи, были отобраны все права и вся земля. Неудачи на войне и недостатки в снабжении тыла приписывались немцам. Предателями считались все немцы — как чиновники, так и простые обыватели, как германские, так и российские подданные [5, л. 1 об.—

2]. Следует отметить, что германофобия сеяла семена недоверия и к центральной власти. Начальник Могилевского ГЖУ приводит некоторые из выражений крестьян: «всегда будет несчастье для России, пока Царский Двор окружен немцами» и «у нас много генералов немцев, а потому делают измену» [5, л. 2 об.]. По сообщению главы губернской жандармерии, с начала войны в правоохранительные органы поступило много анонимных доносов на лиц немецкого происхождения. Впрочем, немецких погромов в губернии отмечено не было. Введенное на ее территории военное положение пресекало массовые беспорядки. К тому же власти после объявления войны выселили всех подданных Германии и Австро-Венгрии военнообязанного возраста [5, л. 2]. Конфискация немецких имений в Могилевской губернии не проводилась ввиду их отсутствия [5, л. 24 об.]. Пребывание в ее пределах трудового контингента из 250 военнопленных австрийцев (славян по происхождению) не вызывало со стороны населения возражений [5, л. 2].

Много внимания В. И. Еленский уделял обострившейся в период войны розни между славянскими и еврейскими жителями. В декабре 1915 г. он констатировал: «Крестьяне крайне возмущены взвинченными евреями ценами и в некоторых случаях возбуждение было настолько остро, что только благодаря отсутствию водки не было еврейских погромов» [5, л. 4 об.]. В анонимных доносах евреи обвинялись в симпатиях к Германии, шпионаже и спекуляции. Вместе с тем в рапорте от 22 августа 1916 г. указывалось, что крестьяне также стимулируют дороговизну, повышая цены на сельскохозяйственные товары: «Прогрессивно растущая дороговизна вызывает недовольство среди всех классов населения, в особенности городского. Крестьяне, [...], в особенности выделенные на хутора, получают за их [продукты] очень высокую плату [...]. богатеют [...].» [5, л. 28 об.].

В рапортах из Могилевского ГЖУ часто делался акцент на нелояльности евреев царскому режиму. В первую очередь она проявлялась в нежелании участвовать в войне. Возможно, это могло быть ответом на дискриминацию со стороны властей. В российском обществе периода Первой мировой войны произошла вспышка антисемитизма, поощряемая правительством. Зимой—весной 1915 г. Ставка Верховного главнокомандующего издавала циркуляры о поголовной депортации евреев из прифронтовой местности. 30 июня 1915 г. были опубликованы «Правила о выселке евреев из военных округов Северо-Западного фронта». Документ официально подтверждал право командующих армиями выселять евреев из районов дислокации войск. Прописывалась также процедура взятия заложников из членов еврейских общин. Они подлежали расстрелу, если кто-либо из еврейской общины подозревался в шпионаже. «Правила» были отменены после Февральской революции 1917 г. [6, с. 170].

Разнообразные сведения по Витебской губернии содержатся в рапортах начальника Витебского ГЖУ полковника А. Р. Шульца. 8 ноября 1915 г. он писал, что в губернии преимущественно «чисто славянское сельское население

ние (белоруссы)». К этому времени им принадлежала почти вся обработанная земля. Большинство крупных помещичьих имений было распродано из-за нерентабельности. Глава губернской жандармерии отметил благотворное влияние латышей на местных крестьян. Латышские крестьяне, компактно проживавшие в Двинском, Режицком и Люцинском уездах, принесли с собой из Курляндии культурные приемы обработки земли и интенсивное сельское хозяйство [1, л. 1]. Начавшуюся мировую войну крестьяне восприняли воодушевленно, но, как и в других губерниях, патриотический подъем в военное время легко переходил в шовинизм: «К лицам германского происхождения, оставшимся на местах, отношение населения явно недружелюбно (военнообязанные из порученного моему наблюдению района высланы) [...] Общее отношение христианского населения губернии к евреям отрицательно-злое, особый рост такого настроения наблюдается в расположенных в губернии в большом количестве войсках» [1, л. 2 об., 3 об.].

Дороговизна, как докладывает далее жандармский чиновник, также поразила Витебскую губернию. Она провоцировала недовольство среди населения. В докладе от 2 марта 1916 г. сообщалось, что дороговизну удалось частично преодолеть, подвоз товаров первой необходимости регулируется [1, л. 9]. Однако власти так и не обеспечили регулирование цен на сельскохозяйственные товары, поставляемые крестьянами в города и местечки. 19 октября 1916 г. витебская губернская жандармерия доносила, что деревня, испытывающая нехватку лишь сахара и кожевенного товара на обувь, продолжает сбывать в город свою продукцию в ограниченном объеме и по очень высоким ценам [1, л. 12 об.].

Негативно повлияло на общественное мнение выявленное в рядах местной полиции взяточничество. В ноябре 1915 г. А. Р. Шульц докладывал, что низшие полицейские чины берут взятки от лиц, стремящихся уклониться от окопных работ. Такие случаи подрывали доверие населения к местным властям [1, л. 2 об.]. В этом же рапорте были отмечены злоупотребления служебным положением руководителей государственных и общественных учреждений: «Покупка дорогостоящих автомобилей чуть не всеми уполномоченными и назначение им солидных суточных» [1, л. 3 об.].

По оценке губернской жандармерии в октябре 1916 г., отдельные недостатки в управлении наносили серьезный экономический ущерб: «не всегда экономное и расчетливое расходование народных средств, [...] массовая гибель реквизируемого рогатого скота и лошадей частью вследствие бывших злоупотреблений, а частью по причине недостаточно продуманной организации, содействующей подрыву доверия населения к центральным и местным властям [...]» [1, л. 12 об.].

Тем не менее, указанные выше обстоятельства не привели к взрывоопасному положению в губернии. Как констатировал начальник Витебского ГЖУ в конце 1916 г., население утомилось от войны, но надеется на победу [1, л. 12 об.]. Волнения среди крестьян были отмечены в мае 1916 г. Ввиду

наступления весны и приближения посевного сезона мобилизованные на позиционные работы сельские жители стали проявлять беспокойство. Ситуация была урегулирована распоряжением Главнокомандующего армиями Западного фронта об освобождении крестьян от окопных работ и выделении им в помощь специально организованных рабочих дружин. Оценивая настроения среди городских рабочих, губернская жандармерия пришла к выводу, что популярность социал-демократического движения растет, но от активных серьезных выступлений рабочие воздерживаются [1, л. 11].

В фонде 102 сохранились отчеты начальника Виленского ГЖУ генерал-майора И. И. Гноинского о настроениях населения Виленской губернии. Поляки и литовцы, проживавшие на ее территории, сдержанно относились к России. Кроме того, взаимоотношения польского и литовского населения губернии были очень сложными. В 1915 г. губернская жандармерия докладывала, что поляки с энтузиазмом восприняли идею воссоединения Польши под скипетром российского монарха. Но при этом они выступали за присоединение к Польше Литвы, что задевало национальные чувства литовцев [3, л. 1]. В губернии отмечались конфликты между литовцами и поляками. Как сообщается в отчете, в одном из польских костелов г. Вильно произошла драка, потребовавшая вмешательства полиции. Литовские беженцы настаивали, чтобы в костеле проводились дополнительные службы на литовском языке.

Начальник Виленского ГЖУ обратил внимание и на враждебность между евреями и поляками: «Прежняя вражда между поляками и евреями перешла во взаимную ненависть и передалась в деревню». Согласно отчету, еврейское население было убеждено, что «благодаря проискам и интригам поляков на евреев возведено обвинение в шпионстве» [3, л. 2 об.].

Начальник Виленского ГЖУ охарактеризовал настроения среди православного населения губернии: «Крестьяне ясно сознают всю напряженность и колоссальность войны. Поступают жалобы и заявления от них на разных лиц, позволивших себе высказать недостаточно патриотичные суждения [...] и были случаи задержания крестьянами лиц, заподозренных ими в шпионстве» [3, л. 2 об.].

Таким образом, основываясь на данных рапортах, можно прийти к следующим выводам: начальники ГЖУ констатировали, что православное население Виленской, Витебской, Минской и Могилевской губерний сохраняло свою лояльность режиму, мирилось с войной. Это объяснялось рядом факторов: военное положение, объявленное в белорусских губерниях, финансовые средства, вкладываемые государством в помощь местным жителям и беженцам, обеспечили спокойные настроения населения. Кроме того, большинство в этих губерниях составляли крестьяне-белорусы, и, согласно отчетам, их материальное положение в годы войны не было критическим. Они зарабатывали на дороговизне товаров сельского хозяйства, они же и поднимали цены.

В значительно большей степени от взвинченных цен, в первую очередь на продукты питания, страдали жители городов и местечек.

Как видно из отчетов, германофобские настроения имели место во всех рассмотренных выше губерниях, но немецких погромов не было. Это объясняется и военным положением, и тем, что немцы в белорусских губерниях ввиду их малочисленности не играли в общественной жизни значительной роли, здесь не было в большом количестве земельных владений немецких подданных. В фонде 102 ГАРФ хранится дело «Отражение московских беспорядков в среде общества против немцев». Белорусские населенные пункты в этом деле не фигурируют* [2].

Очень часто упоминается враждебное отношение крестьянского населения к евреям. Их не считали лояльными, патриотичными, в них видели только уклонистов от военной службы, спекулянтов и шпионов. В отчетах указывалось, что евреи действительно нелояльны режиму, но их нелояльность объяснялась дискриминационными мерами правительства по поголовному изгнанию евреев из прифронтовых уездов.

Во всех отчетах сообщается, что война вызвала массовый патриотический подъем среди православного населения, и это занимало не последнее место в росте нетерпимости к евреям. Далее, в связи с дороговизной, неудачами на фронте, коррупцией в органах власти и общественных организациях, патриотический пыл начинает остывать. Но авторитет высшей центральной власти, война до победного конца не вызывали сомнений. Люди были недовольны некомпетентностью и коррумпированностью местных чиновников, тормозивших, по их мнению, осуществление высших целей государства.

Сложнее обстановка была в Виленской губернии. Литовцы и поляки стремились к широкой автономии (или даже к государственности), и вначале связывали свои надежды с Россией, но нерешенность вопроса о границах будущих автономий вызвала серьезные противоречия. Однако неудачи в войне охлаждали их симпатии к России. Постепенно они переставали связывать с ней реализацию своих устремлений.

Источники и литература

1. ГАРФ. — Ф. 102. — Оп. 245. — Д. 167. — Ч. 12. Дело Департамента полиции. Витебская губерния, 1915—1916 гг.
2. Там же. — Д. 247. Отражение московских беспорядков в среде общества против немцев, 1915 г.

* В мае—июне 1915 г. в Москве происходили массовые беспорядки, сопровождавшиеся насилием над «вражескими» подданными, разгромом и грабежом магазинов, фабрик и частных квартир, которые принадлежали немцам. Погромщики убили около восьми и серьезно ранили 40 иностранных подданных и выходцев. В ходе вооруженных столкновений были убиты 7 солдат. Число погибших погромщиков не установлено. Было сожжено более 300 предприятий и магазинов, десятки квартир, частных домов, поместий и дач. Общий ущерб, нанесенный городу, оценивался приблизительно в 40 млн руб.

3. Там же. — Оп. 1915. — Д. 20. — Ч. 11. Сведения по губерниям и областям по беспартийным организациям. Виленская губерния, 1915 г.
4. Там же. — Д. 167. — Ч. 44. Дело Департамента полиции. Минская губерния, 1915—1916 гг.
5. Там же. — Ч. 45. Дело Департамента полиции. Могилевская губерния, 1915—1916 гг.
6. Лор, Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Эрик Лор; перевод с английского В. Макарова. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 304 с.

Артъкул пастуй у рэдакцыю 24.03.2014

М. А. Крыўіцкі,
*ведучыі научныі супрацоўнік
отдела публикации документов
Национального исторического архива Беларуси;
e-mail: michaelkrivitskij@gmail.com*

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ
ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ:
ЛЕТОПИСЬ НЕМЕЦКИХ АВИАНАЛЕТОВ НА МИНСК
(СЕНТЯБРЬ 1915 г. — СЕНТЯБРЬ 1916 г.)**

Первая мировая война — одна из величайших социальных катастроф в истории человечества — оказала судьбоносное влияние на дальнейшее развитие Европы, явилась фатальной для Российской империи и сыграла существенную роль в возникновении белорусской государственности. Однако в советскую эпоху идеологические догмы привели к тому, что на страницах не только учебников, но и специализированных научных изданий событиям этой войны, которую ее современники называли Великой или Европейской, уделялось незначительное внимание — они рассматривались схематично, преимущественно в тесной взаимосвязи с революциями 1917 г. Впрочем, за последние два десятилетия ситуация изменилась в лучшую сторону. В нашей республике различным аспектам истории Первой мировой посвящены десятки научных и научно-популярных изданий, статей в периодической печати, теле и радиопередач. Сотрудниками Национального исторического архива Беларуси подготовлен первый в республике сборник документов, освещающий события, происходившие в 1914—1918 гг. на белорусских землях.

Тем не менее, многие сюжеты из истории Первой мировой войны и поныне остаются практически неизвестными. К их числу относятся налеты немецкой авиации на неоккупированную часть территории Беларуси. В историографии пока отсутствуют специальные работы, посвященные данной проблеме. Между тем, подобное исследование представляется актуальным, что обусловлено следующими факторами. Во-первых, оно позволит ввести в научный оборот совокупность ранее неизвестных исторических источников и будет способствовать обогащению отечественной историографии Первой мировой войны новыми фактами и обобщениями. В этой связи следует отметить следующую особенность исследуемой проблемы. Дело в том, что она является междисциплинарной. С одной стороны, немецкие авианалеты на неоккупированную часть территории Беларуси являются неотъемлемой частью военной истории. Исследователь должен отыскать ответы на следующие вопросы: «Какие объекты бомбили? Почему?», «Как бомбардировки были связаны с военными операциями?» и т. д. С другой, указанная тематика вовсе не является лишь частью военной истории. Исследуя авианалеты на неоккупированную вражескими войсками территорию, историк также пытается максимально полно выявить последствия бомбардировок для местного населения. Работа в подобном ключе относит-

ся уже не только к военной истории, но и к истории социальной, истории военной повседневности. Следует отметить, что исследования такого рода уже имеются в отечественной историографии. Прежде всего имеется в виду монография отечественного историка В. Н. Черепицы «Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности» [11]. Публикация работы, в которой будут охарактеризованы последствия немецких авианалетов для мирного населения Беларуси в годы Первой мировой войны, как мы полагаем, будет способствовать активизации научного поиска в этом направлении.

Во-вторых, подобное исследование представляет интерес не только для специалистов, но и для более широкого круга читателей, что, как уже упоминалось выше, объясняется повышенным вниманием к тематике Первой мировой в современном белорусском обществе. Данной статьей мы начинаем серию публикаций, посвященную немецким авианалетам на неоккупированную часть территории Беларуси в годы Первой мировой войны. Ее цель заключается в максимально более полном восстановлении картины нападений с воздуха на Минск. Хронологически публикация охватывает период с сентября 1915 г. по сентябрь 1916 г.

Анализ историографии приводит к выводу, что отдельные работы содержат лишь отрывочные, фрагментарные сведения о немецких авианалетах на неоккупированную часть территории Беларуси. Так, в публикации главного специалиста Российского государственного военно-исторического архива И. В. Карпеева приводятся данные о серьезной бомбардировке Минска 21 июня 1916 г. [7, с. 89]. Однако указанная статья посвящена роли 2-й армии Западного фронта в наступлении российских войск летом 1916 г., поэтому информация об авианалете здесь приводится в контексте исключительно военной истории — бомбардировка рассматривается как попытка мести немецких военных за неудачное наступление кайзеровской армии на всем молодецненском направлении от реки Вилии и города Сморгони до реки Березины [7, с. 88, 89]. Кроме того, сообщая о последствиях авианалета, автор ссылается на статью в петербургской дореволюционной газете «Биржевые ведомости». Если сравнить данные, приводимые этим периодическим изданием, со сведениями Минского городского полицейского управления, то легко обнаружить существенные неточности в газетной публикации. Так, дата авианалета указана неверно (22 июня вместо 21 июня). В бомбардировке участвовали два аэроплана, а не три, как писал автор статьи. Более того, «Биржевые ведомости» утверждали, что «в общем, налет дал ничтожные результаты, несмотря на большое количество сброшенных бомб. Значительных повреждений нет, лишь во многих домах выбило стекла» [7, с. 89]. Между тем, согласно сведениям Минского городского полицейского управления, в результате авианалета двадцать два человека получили ранения; трое из них впоследствии скончались.

Информация о последствиях отдельных авианалетов на Гродно содержится в монографии В. Н. Черепицы [11, с. 295—296, 300, 307]. В его работе проанализированы мероприятия гражданских и военных властей по укреплению обороноспособности и жизнедеятельности Гродно в годы Первой мировой войны. Соответственно, немецкие авианалеты являются одним из многочисленных вопросов, которые рассматриваются в данной монографии, причем ему не уделяется первоочередное внимание.

Автор научно-популярного очерка «Утерянные победы Российской империи» В. В. Бондаренко упоминает особенно интенсивные бомбардировки Минска летом 1916 г.; отдельные налеты цеппелина (дирижабля) LZ-85 на Минск в ночь с 1 на 2 октября 1915 г. и 6 января 1916 г., Речицу (15 ноября 1915 г.), Двинск (16 ноября 1915 г.); бомбардировки цеппелином Z-12 Столбцов и Лунища в июле 1915 г.; нападение дирижабля LZ-17 на Вильно 9 августа 1915 г.; налеты цеппелинов LZ-79 и LZ-89 на Брест, Пинск и Кобрин в августе 1915 г.; бомбардировки села Нарочь Свенянского уезда Виленской губернии [4, с. 47, 215—216]. Кроме того, в очерке приводятся сведения о дальнейшей «судьбе» цеппелина LZ-85 [4, с. 216]. Вместе с тем, книга В. В. Бондаренко повествует о военных действиях на территории Беларуси в годы Первой мировой войны, в то время как информация о немецких авианалетах является лишь частью одного из ее разделов («Война над крышами»), который посвящен преимущественно подвигам российских авиаторов, воевавших на Западном фронте [4, с. 217—234].

Специфика исследуемой проблемы требует обращения к архивным источникам. В нашей публикации используются документы из фондов Национального исторического архива Беларуси в Минске. Они представляют собой рапорты минского полицмейстера А. А. Скалона* губернаторам А. Г. Черняв-

* Скалон Алексей Александрович (15.06.1861 — после 18.08.1917) — из дворян Могилевской губ., прав. вероисп., выпускник 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии и 2-го военного Константиновского училища, 01.09.1880 поступил на службу юнкером во 2-е военное Константиновское училище, унтер-офицер (13.01.1882), с 07.08.1882 подпоручик 140-го пехотного Зарайского полка, с 15.10.1882 по 01.04.1885 делопроизводитель полкового суда, с 22.04.1883 и. д. батальонного адъютанта, с 11.01.1885 по 10.04.1885 батальонный адъютант, с 07.08.1885 подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка (16.11.1885), с 07.08.1886 поручик (30.08.1886), с 07.01.1892 и. д. делопроизводителя полкового суда, с 17.10.1892 по 08.05.1895 делопроизводитель полкового суда, с 22.10.1892 по 08.05.1895 полковой жалонерный офицер, с 21.05.1893 по 08.05.1895 заведующий артелью нижних чинов, с 08.05.1895 и. д. командира 5-й роты, с 14.02.1896 по 11.09.1896 член полкового суда, штабс-капитан (24.03.1896), с 19.04.1896 командир 5-й роты, с 17.05.1899 по 26.11.1899 и с 09.12.1899 и. д. адъютанта Санкт-Петербургского комендантского управления, с 27.02.1900 по 06.12.1900 заведующий делопроизводством по части хозяйственной и по части отпускных господ офицеров, 22.04.1900 назначен адъютантом Санкт-Петербургского комендантского управления с зачислением по гвардейской пехоте, с 06.05.1900 капитан (21.11.1900), с 02.09.1902 по

скому* и В. А. Друцкому-Соколинскому** о последствиях немецких авианалётов

26.06.1903 заведующий зданием и командами Санкт-Петербургского комендантского управления, 14.03.1904 командирован на театр военных действий в качестве помощника уполномоченного исполнительной комиссии Российского общества Красного Креста, с 22.02.1906 подполковник 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, младший штаб-офицер (06.03.1906), с 07.03.1906 и. д. начальника отделения Управления начальника санитарной части тыла войск Дальнего Востока, с 05.05.1906 и. д. штаб-офицера для поручения, с 09.07.1906 по 13.09.1906 состоял в распоряжении коменданта г. Харбина, с 16.09.1906 по 29.12.1906 командир 3-го батальона Харбинского гарнизона, с 23.11.1906 заведующий хозяйством Николаевской академии Генштаба, полковник (06.12.1908), с 29.07.1909 могилевский полицмейстер, с 17.01.1911 киевский полицмейстер, с 07.06.1914 по 06.10.1914 минский полицмейстер (минский губернатор А. Ф. Гирс охарактеризовал его как «человека честнейшего, тактичного, хорошо знающего службу»), с 06.10.1914 и. о. львовского градоначальника, с 02.11.1914 по 16.07.1915 и. д. градоначальника г. Львова, с 16.07.1915 по 11.12.1916 минский полицмейстер, с 11.12.1916 по 1917 г. одесский полицмейстер, на 18.08.1917 отставной полковник. Дальнейшая судьба неизвестна. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. (14.05.1896), Св. Анны 3-й ст. (22.05.1905), Св. Станислава 2-й ст. (25.08.1905), Св. Анны 2-й ст. (06.12.1910), Св. Владимира 4-й ст. (30.08.1911), черногорского ордена Князя Даниила 14-й ст. (03.06.1883), ордена бухарской золотой звезды 3-й ст. (20.02.1903), гессенского ордена Филиппа Великодушного 2-го класса (25.01.1913), сиамского ордена Белого Слона 3-й ст. (01.02.1913).

* Чернявский Андрей Гаврилович (02.07.1867 — после 22.11.1937, г. Тбилиси?) — из потомственных дворян, окончил Новороссийский университет, с 1893 г. по 1900 г. чиновник особых поручений при Черниговском управлении государственных имуществ, с 1902 г. по 1905 г. правитель Канцелярии тифлисского губернатора, с 21.12.1905 по 10.05.1911 тифлиссский вице-губернатор, с 10.05.1911 по 23.06.1914 тифлиссский губернатор, с 23.06.1914 по 30.10.1915 и. д. вятского губернатора, с 30.10.1915 по 15.08.1916 минский губернатор, действительный статский советник (1915), с 15.08.1916 по 1917 г. екатеринославский губернатор, в 1919 г. киевский губернатор при Деникине. Проживал в г. Тифлисе со своей семьей, зарабатывал на жизнь написанием либретто к операм для оперного театра, в ноябре 1937 г. арестован и осужден Военной комиссией Верховного Суда СССР по Грузинской ССР, приговорен к расстрелу.

** Друцкой-Соколинский (Друцкой-Соколинский) Владимир Андреевич (05.07.1880, г. Санкт-Петербург — 15.04.1943, г. Рим, Италия) — из дворян Смоленской губ., князь, прав. вероисп., выпускник Императорского училища правоведения, 19.05.1901 определен на службу с причислением к Министерству юстиции, с 15.05.1901 титулярный советник (24.05.1901), 12.07.1901 перечислен к МВД, с 01.08.1903 помощник секретаря Переселенческого управления, с 15.05.1904 коллежский ассессор (11.09.1904), с 01.05.1905 чиновник особых поручений 8-го класса при Переселенческом управлении, с 06.04.1905 правитель Канцелярии петроковского губернатора, с 15.05.1906 надворный советник (06.12.1906), с 04.05.1907 советник Костромского губернского правления, с 07.07.1907 непреременный член Костромского губернского по земским и городским делам присутствия, с 15.09.1910 коллежский советник (14.09.1910), камер-юнкер двора Е. И. В. (20.05.1913), с 28.05.1913 по 06.09.1916 могилевский вице-губернатор, с

тов на Минск в годы Первой мировой войны. Наиболее информативным в этом отношении является дело № 9174а фонда № 295 «Минский гражданский губернатор». Оно содержит несколько десятков подобных документов. Хронологически рапорты минского полицмейстера, отложившиеся в этом деле, охватывают период с марта по сентябрь 1916 г. Кроме того, в фонде № 300 «Минское городское полицейское управление» были выявлены рапорты о бомбардировках Минска 18 сентября и 3 октября 1915 г. Ключевыми особенностями вышеупомянутых источников являются четкость и максимальная полнота в изложении сведений, что обуславливает их особую ценность для исследователей.

К осени 1915 г. в результате боевых действий Западный фронт стабилизировался по линии Двинск — Сморгонь — Поставы — Барановичи — Пинск. Начиная с этого времени, немецкая авиация достаточно активно действовала в прифронтовой полосе российской армии, причем от авианалетов особенно страдали крупные железнодорожные узлы. Последнее обстоятельство вполне закономерно: как отмечают авторы-составители научно-популярного издания «Дирижабли на войне» В. А. Обухович и С. П. Кульбака, «в России, с ее необъятными просторами и крайней удаленностью промышленных центров от линии фронта, в качестве главной цели нападения... выдвигались железные дороги и военные объекты вблизи линии фронта» [5, с. 182]. Одной из крупнейших транспортных артерий в российском тылу на Западном фронте являлся Минск. Во время Первой мировой войны в городе действовали два вокзала: Виленский* (в текстах документов и в нашей статье используется другое назва-

15.05.1912 статский советник (06.12.1913), камергер двора Е. И. В., действительный статский советник (06.09.1916), с 06.09.1916 по февраль 1917 г. минский губернатор, весной 1917 г. добровольно поступил на военную службу рядовым 2-го тяжелого запасного мортирного дивизиона, с 06.07.1917 помощник военного прокурора Минского военно-окружного суда, в 1918 г. арестован Чрезвычайной комиссией и в течение нескольких недель находился под стражей, в октябре 1918 г. с супругой бежал на юг России, служил в гражданской администрации Вооруженных сил Юга России, в мае 1920 г. вместе с семьей эвакуировался в Венецию. Похоронен в г. Риме на некатолическом кладбище для иностранцев Тестаччо. Кавалер орденов Св. Анны 2-й ст. (06.12.1910) и Св. Владимира 4-й ст. (05.04.1914). Автор трилогии воспоминаний: «Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880—1914)» (Орел, 1996), «На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914—1918)» (Орел, 1994), «Моя радость и грусть. Записки русского эмигранта (1920—1943)» (Орел, 2000).

* Строительство первых зданий Виленского вокзала было завершено в 1874 г., вместе с введением в строй участков Минск—Вилейка и Минск—Бобруйск будущей Либаво-Роменской железной дороги (см. соответствующую сноску). На площади, прилегающей к перрону, были возведены деревянные павильоны. В одном из павильонов был размещен вокзал, в других — контора станции, поликлиника, ремесленное училище и другие объекты, связанные со строительством вокзала. Все здания являлись деревянными. В 1890 г. к вокзалу была подведена линия конно-железнодорожной от Соборной площади (ныне площадь Свободы). В районе вокзала интенсивно застраи-

ние — Либаво-Роменский, от одноименной железной дороги*) и Александровский (Брестский)** . Кроме того, в Минске находилось значительное количество важных военных объектов. Так, по улице Подгорной, 36, в доме Свентицкого (ныне улица К. Маркса, 34) располагался штаб Западного фронта. На улице Скобелевской, 5, в доме Чапского (ныне улица Красноармейская, 9 — старое здание Национальной библиотеки Беларуси) был размещен штаб Минского военного округа. В пригороде Минска, в урочище Серебрянка, находился военный аэродром. С началом войны город превратился в своего рода столицу прифронтовых госпиталей — не считая стационарных, здесь были развернуты четыре сводных минских госпиталя, госпиталь Курского губернского земства, лазарет Красного Креста Смоленской и Царицынской общин сестер милосердия, Приамурский отдельный госпиталь, походный санитарный лазарет духовно-учебных заведений Российской империи во имя Преподобного Серафима Саровского [1]. В административно-территориальном отношении Минск был разделен на пять полицейских частей***. За соблюдением закона в каждой из них отвечал пристав. Сведения о последствиях авианалетов поначалу собира-

вались улицы Бобруйская, ныне не существующие Петербургская и Сергиевская, Михайловская (ныне улица Кирова), Николаевская (ныне улица Ульяновская). В 1891 г. Либаво-Роменская железная дорога перешла в казенное ведомство. Одной из первоочередных забот новой администрации стало расширение Минского вокзала. Необходимый проект в 1896 г. составил инженер Щербаков. К июлю 1898 г. здание стало полностью каменным.

* Либаво-Роменская железная дорога — одна из железнодорожных линий в Российской империи, которая соединяла порты на Балтике с левобережной Украиной. Образована в 1876 г. путем присоединения бездоходной Либаво-Кошедарской дороги к Ландварово-Роменской железной дороге. Основные линии новообразованной дороги построены с 1872 г. по 1901 г. Проходила по территориям Курляндской, Виленской, Ковенской, Минской, Могилевской, Черниговской, Полтавской губерний. В 1891 г. дорога была выкуплена в казенную собственность и перешла в ведение Министерства путей сообщения. В 1913 г. протяженность дороги составляла 1434 км (в том числе 195 км — двухпутные участки). Подвижной состав железной дороги насчитывал 428 паровозов, 11 530 товарных и 405 пассажирских вагонов.

** Александровский (Брестский) вокзал был построен в 1871 г. на Суражской улице (см. соответствующую сноску) к открытию Московско-Брестской (Александровской) железной дороги (см. соответствующую сноску), которое состоялось 16.11.1871. Постройка деревянная. В октябре 1914 г. вокзал удостоился чести принять императора Николая II, в связи с чем был украшен коврами, живыми цветами и тропическими растениями. В июле 1920 г. вместе с другими станционными постройками был сожжен польскими военными. После восстановления работал до 23.09.1928. Здание сгорело в июне 1941.

*** Подробнее об административно-территориальном делении дореволюционного Минска см.: Шибеко, З. В., Шибеко, С. Ф. Минск. Страницы жизни дореволюционного города / З. В. Шибеко, С. Ф. Шибеко. — Минск: Польша, 1990.

лись приставами в каждой из полицейских частей, а потом передавались ими полицмейстеру, который, в свою очередь, направлял рапорты губернатору.

Согласно докладу пристава 4-й части Минска И. Д. Семеновича* минскому полицмейстеру А. А. Скалону, 18 сентября 1915 г.** около 10 ч. утра над районом Александровского вокзала появился немецкий аэроплан, но, попав под обстрел артиллерии, скрылся в северо-западном направлении. С аэроплана были сброшены две бомбы, одна из которых упала в саду дома № 18 Цукермана по Дементьевской улице***. Взрывом был практически полностью уничтожен сад Цукермана, повреждения получили многие соседние здания. Вторая бомба упала на Грушевской улице. Ее взрывом была вырыта яма глубиной около семидесяти сантиметров и диаметром примерно в два метра****. К счастью, никто из людей не пострадал [9, л. 233—233 об.].

В докладе И. Д. Семеновича упомянута артиллерия, обстрелявшая аэроплан. Необходимость борьбы с авиацией противника еще в 1914 г. вынудила российских специалистов приступить к разработке артиллерийских средств защиты городов, заводов, баз снабжения. Инженеры Путиловского завода Лендер и Тарновский предложили использовать 76-мм орудия на специальной установке [1, с. 148]. Впоследствии Путиловский завод взялся за изготовление противоаэропланных пушек. В 1915 г. там было изготовлено двенадцать пушек, в 1916 г. — двадцать, в 1917 г. — двадцать четыре. Но пока Путиловский завод готовил свои пушки, в войсках стали устанавливать как на неподвижных позициях, так и на автомобилях русские 76-мм и французские 75-мм орудия. В 1916—1917 гг. в действующей армии из орудий этих типов было сформировано двести батарей, из них девять автомобильных (по четыре орудия), остальные — крепостные и береговые. Всего в армии действовало с 1914 по 1917 г. двести сорок семь противоаэропланных батарей. На их вооружении находились семьсот шестьдесят две 76-мм пушки образца 1900 г., девяносто шесть 76-мм пушек образца 1902 г., семьдесят шесть 76-мм пушек образца 1914 г. и тридцать три 76-мм французских орудия [2, с. 92—93]. По имеющимся в нашем распоря-

* Семенович Иван Демьянович (15.02.1885 — дата смерти неизвестна) — из мещан посада Пищаны Бельского у. Седлецкой губ., прав. вероисп., получил домашнее образование, с 26.07.1906 канцелярский служащий 3-го разряда Минского городского полицейского управления, с 21.11.1908 и. о. помощника пристава 1-й части г. Минска, с 03.06.1909 помощник пристава 1-й части г. Минска, с 01.12.1912 по 1913 г. и. д. пристава 5-й части г. Минска, с 1913 г. по 1914 г. пристав 5-й части г. Минска, с 1914 г. по 1917 г. пристав 4-й части г. Минска, коллежский регистратор (06.12.1916). Дальнейшая судьба неизвестна.

** Здесь и далее используется датировка по старому стилю.

*** Ныне переулок Фабрициуса — участок от улицы Московской до улицы Фабрициуса, далее — застройка.

**** Здесь и далее по тексту приводятся современные единицы длины. В текстах документов употреблялись единицы измерения, использовавшиеся в дореволюционной России: аршин (равен 0,71 м) и сажень (равна 2,13 м).

жении источникам невозможно восстановить целостную картину организации противовоздушной обороны Минска. Однако ряд сведений позволяет утверждать, что защитники города все же не обладали достаточно эффективной системой его защиты от нападений с воздуха. Так, по словам В. В. Бондаренко, «артиллерии ПВО в тыловых городах Белоруссии практически не было. ... ПВО часто была импровизированной. Например, штаб Западного фронта в Минске прикрывали две пушки, которые могли вести огонь под углом 65 градусов» [4, с. 216—217]. Кроме того, немного забегаая вперед, отметим, что противовоздушная артиллерия Минска хорошо справлялась с отражением авианалетов лишь в тех случаях, когда в них участвовало по одному вражескому аэроплану.

В 2 ч. 15 мин. ночи с 1 на 2 октября над городом появился немецкий цеппелин LZ-85*. Первоначально, по рассказам очевидцев, он кружил над Александровским вокзалом, после чего направился к Либаво-Роменскому вокзалу. Дирижабль держался не особенно высоко и, несмотря на отсутствие освещения, был хорошо виден невооруженным глазом. Пролетев от Александровского вокзала на юго-восток, незванный гость повернул обратно и, двигаясь над городом, сбросил несколько бомб. Две из них упали возле полотна Александровской и Либаво-Роменской железных дорог, а третья — во дворе городской скотобойни, но их взрывы не причинили вреда. Одна бомба упала по Коломенской улице** во дворе дома Парамонова — она прошла в землю и не разорвалась. Во двор дома Самсонова по той же улице дирижабль сбросил зажигательную бомбу, но домовладелец залил ее водой, тем самым предотвратив взрыв. Еще одна попала в дом Пекарского, где, пробив крышу, разорвалась внутри квартиры, занимаемой зауряд-чиновником Муравицким. Взрывом разворотило пол, потолок, выбило окна, повредило двери и стены. По

* Цеппелин (нем. Zeppelin) — немецкий дирижабль жесткой системы. Назван по имени автора его конструкции графа Фердинанда Цеппелина. Выпускался немецкой фирмой «Люфтшиффбау Цеппелин ГмбХ» (нем. Luftschiffbau Zeppelin GmbH). Первый из цеппелинов (опытный образец) был построен в 1899 г., последний — незадолго до начала Второй мировой войны. Наиболее интенсивно цеппелины использовались Германией в годы Первой мировой войны. За это время их было построено 89, в то время как до войны — 25, а после ее окончания — лишь 8. Цеппелины поначалу активно использовались в сухопутной войне, но здесь они оказались недостаточно эффективны в силу ряда факторов: 1) недостаточного высотного потолка (не выше 4 км), что делало их уязвимыми для противовоздушной артиллерии; 2) низкой скорости (не выше 100 км/ч) и маневренности; 3) слабой огневой и броневой защиты от нападений аэропланов. Более успешно они применялись на флоте, где выполняли, в основном, разведывательные функции. Цеппелин LZ-85 совершил свой первый вылет 12.09.1915 (бомбардировка г. Динабурга — ныне Даугавпилс, Латвия). В дальнейшем LZ-85 летал на румынском фронте, совершая налеты на греческие Салоники. 5.05.1917 он был поврежден над Салониками огнем английского линкора «Агамемнон». 20.10.1917 был вторично подбит над Францией.

** Ныне улица Свердлова. Участок за проспектом Независимости не существует.

счастливой случайности, спавший в это время Муравицкий не пострадал. В результате взрыва его кровать оказалась на краю глубокой воронки, забросанной обломками дерева [10, л. 184 об.].

Одна из бомб, сброшенных с немецкого дирижабля, разорвалась во дворе дома Шостака. На месте ее падения образовалась воронка диаметром около восьми с половиной метров. Взрывом были сломаны карнизы, разбит и разбросан забор, в соседних домах выбило стекла. Другая упала на Пивинской улице — напротив дома Фетеровского, посреди стоянки беженцев, но не разорвалась [10, л. 184 об.].

Взрывом бомбы, упавшей во дворе дома Ивановского по Николаевской улице*, разрушило помещение дворника, снесло карнизы и трубу дома, выбило стекла. Незначительные повреждения получила женщина-дворник. На улице был ранен в голову беженец, крестьянин Ошмянского уезда Гавриил Кот. Для лечения он был помещен на эвакуационный пункт [10, л. 185].

Еще одна бомба попала в дом Рапопорта на углу Михайловской** и Ильинской*** улиц. Легкие ранения получили два солдата, а также постовой городской Мартин Новик. Раненые солдаты были отправлены на эвакуационный пункт, а городской в Земскую больницу. Взрывом бомбы, сброшенной на полосу отчуждения Либаво-Роменской железной дороги, между помещением лазарета и сараями, была разбита водопроводная труба, вырвано с корнем дерево, а также произведены другие незначительные повреждения [10, л. 185].

Направляясь дальше от района Либаво-Роменского вокзала к Александровскому вокзалу, дирижабль сбросил бомбы: одну в конце 2-й Сергиевской улицы, две рядом с домом Шабуневича (обе не разорвались), одну зажигательную на дом Рахманчика по Московской улице — ее взрыв вызвал пожар, в результате которого сгорели дома Рахманчика, Филиппа Панкратова и Анны Мойсенко, одну неподалеку от дома Пимхуса Найфельда — строение получило незначительные повреждения. Следует отметить, что все эти здания находились в непосредственной близости от железнодорожного виадука, который, судя по всему, и являлся главной целью немецких летчиков [8, л. 185].

По другую сторону виадука бомба попала в дом Ицеховского по Суражской улице****. Дом загорелся, но пожар был ликвидирован прибывшей пожарной командой. В этом районе было сброшено еще три бомбы. Одна из них упала во дворе дома Лотарейчик, но не разорвалась. Взрывом другой бомбы был поврежден дом Мордуха Эвенчика. Третья взорвалась у пассажирской платформы Александровского вокзала. На месте взрыва осталась глубокая воронка, но никакого ущерба причинено не было. По соседству с

* Ныне улица Кропоткина — участок до улицы Веры Хоружей.

** Ныне улица Коммунистическая.

*** Ныне не существует. Привокзальный район напротив автостанции.

**** Ныне улица Суражская — от улицы Московской до железной дороги.

вокзалом бомба упала в саду дома Окоркова, однако ущерб был незначителен — взрывом лишь выбило стекла [10, л. 185 об.].

Больше всего бомб — двадцать две — дирижабль сбросил на полосе Александровской железной дороги*. Один часовой был убит, двое ранены. Значительные повреждения получили четыре железнодорожных вагона, поворотный круг для вагонов и водопровод. Непосредственно железнодорожное полотно пострадало незначительно, и неисправности были вскоре устранены. Дирижабль скрылся на северо-запад [10, л. 185 об.].

В эту же ночь в 1-й части г. Минска, согласно докладу пристава А. И. Ильина**, пролетевшим немецким дирижаблем было сброшено пять

* Александровская (до 04.05.1912 — Московско-Брестская) железная дорога — одна из железнодорожных линий в Российской империи. Проходила по территории Московской, Смоленской, Могилевской, Минской и Гродненской губерний России. 15.12.1868 император Александр II утвердил концессию на строительство Московской железной дороги. Учредителями акционерного общества стали «Рижский торговый дом А. Шепелер и К^о» и «Банкирский дом братьев Зульцбах» во Франкфурте-на-Майне. Строительство началось весной 1869 г. с постройки в Москве Смоленского вокзала у Тверской заставы. 19.09.1870 состоялось торжественное открытие дороги. В 1870—1871 гг. была построена Смоленско-Брестская железная дорога, а 16.11.1871 по ней открыто движение поездов. Тем самым была образована Московско-Брестская железная дорога. На дороге построено 698 искусственных сооружений, в том числе 135 металлических мостов. В 1877—1879 гг. были проложены вторые пути от Москвы до Кубинки, и от Смоленска до Бреста. В 1891—1892 гг. вторые пути от Кубинки до Смоленска. 1.07.1896 Московско-Брестская железная дорога была выкуплена казной. 4.05.1912 переименована в Александровскую железную дорогу (в честь императора в связи со 100-летием Отечественной войны 1812 г.). В мае 1918 г. дорога передана в ведение НКПС. В августе 1922 г. Александровская железная дорога и Московско-Балтийская железная дорога были объединены в Московско-Белорусско-Балтийскую железную дорогу.

** Ильин Александр Иванович (14.06.1875 — после 31.03.1917) — потомственный почетный гражданин, православного вероисповедания, выпускник Тельшевского 2-классного городского училища Ковенской губ., прослушал полный курс наук юридического факультета Киевского университета Св. Владимира, 30.08.1894 определен на службу в штат Киевского губернского правления, с 08.01.1899 секретарь Черкасского уездного полицейского управления, коллежский регистратор (30.08.1902), с 31.01.1903 столоначальник Киевского городского полицейского управления, губернский секретарь (30.08.1905), с 30.08.1908 коллежский секретарь (13.04.1909), с 12.10.1910 секретарь Киевского городского полицейского управления, с 29.09.1911 по 16.07.1912 состоял в штате Киевского губернского правления, с 30.08.1911 титулярный советник (30.01.1912), с 18.04.1913 пристав 1-го стана Игуменского у., с 07.05.1913 пристав 4-го стана Игуменского у., с 28.11.1913 по 13.01.1916 пристав 1-й части г. Минска, с 13.01.1916 по 26.09.1916 пристав 5-й части г. Минска, с 26.09.1916 по 01.11.1916 пристав м. Разводо-Барановичи Новогрудского у., с 01.11.1916 по 15.02.1917 пристав

бомб. Одна из них упала по Ново-Серпуховской улице*, в доме Друх, пробила крышу, потолок и разрушила половину дома. Вторая взорвалась по Верхне-Ляховской улице**, в доме Пекарского, находившегося в саду, и «разрушила совершенно» часть дома. Третья упала возле Круглого переулка***, в водопровод. Взрывом водопровод был разрушен. Четвертую бомбу дирижабль сбросил по Верхне-Ляховской улице около дома Реуцкого, а пятую — по той же улице в огороде возле дома Янушевского. Обе последние бомбы являлись зажигательными и были своевременно потушены, не причинив никому вреда. Убитых и раненых не было [8, л. 198—198 об.].

К сожалению, данный авианалет сопровождался отдельными проявлениями мародерства со стороны военных. Так, во время пожара в доме Ицеховской, в одной из лавок пять нижних воинских чинов начали разбирать товары, но были задержаны городовым 1-го участка Виленской городской полиции при содействии прапорщика Толстопятова и отправлены с воинским патрулем в Комендантское управление. Во время пожара в доме Рахманчика вольноопределяющиеся 418-го пехотного запасного батальона Иван Петрович Васильев и 8-го Уланского Вознесенского полка Эдуард Иосифович Михель зашли в дом Найфельда и начали растаскивать квартирное имущество. Эти солдаты также были задержаны и отправлены в Комендантское управление [10, л. 185 об.—186].

Впоследствии командир 112-й пешей тамбовской дружины подполковник Ареновец просил минского полицмейстера А. А. Скалона распорядиться об уборке неразорвавшейся бомбы, находившейся у переезда, около железнодорожной библиотеки. Эту бомбу охранял часовой данной дружины, «добровольно поставленный». Подполковник заявил, что в тот же день часовой будет снят [8, л. 194]. Однако 4 октября А. А. Скалон доложил коменданту Минска о невозможности установить охранный пост при бомбе ввиду отсутствия свободных людей [8, л. 193].

3 октября в 10 ч. 30 мин. утра над районом Александровского вокзала появились два неприятельских аэроплана, но под обстрелом артиллерии скрылись — один в юго-западном, а другой в северо-западном направлениях. Тем не менее, в городе все же были сброшены три бомбы. Одна из них упала на Кондукторской улице и не разорвалась. Другая была сброшена на Иосифовской улице возле дома Гордеевского. Ее взрыв причинил дому существенные повреждения: были выбиты стекла, сломаны ставни, разбит карниз, во многих

г. Новогрудка, с 15.02.1917 по 31.03.1917 пристав 6-го стана Новогрудского у. Дальнейшая судьба неизвестна. Кавалер ордена Св. Станислава 3-й ст. (30.04.1915).

* Ныне не существует. Проходила в районе стадиона «Динамо» от улицы Володарского до Белорусской улицы.

** Ныне не существует. Пешеходный проход от улицы Кирова до улицы Ульяновской вдоль стадиона «Динамо».

*** Ныне не существует. Проходил в районе от улицы Белорусской до улицы Свердлова.

местах пробиты стены. Ранения получили проходивший мимо неизвестный солдат и находившийся в доме Гордеевского беженец, крестьянин Ильжецкого уезда Радомской губернии Мартин Рушкевич (оба в ногу). Раненые были отправлены в ближайший лазарет. Третья бомба попала в находившуюся за городом батарею, но никому не причинила вреда [10, л. 186—186 об.].

6 октября около 1 ч. дня пролетавший над городом немецкий аэроплан сбросил одиннадцать зажигательных бомб. Они упали: две во дворе завода Вильбушевича; столько же в огороде Протасевича; одна в огороде Родштейна; две в поле около платформы Козырева; две в поле между Игуменским трактом и зданием этапного коменданта; одна во дворе дома Якубовского; одна в поле около дома Стороневича; одна около линии Либаво-Роменской железной дороги; одна в доме Гайдукевича [8, л. 199]. Последней бомбой обожгло левую руку и ногу рядовому 40-й хлебопекарни 2-го армейского корпуса Фоме Сачковскому [8, л. 199]. Как отмечал А. А. Скалон, все эти бомбы упали в районе Серебрянки (за исключением одной, упавшей около Александровского вокзала во дворе дома Окоркова) и никакого вреда не причинили [8, л. 199—199 об.].

В. В. Бондаренко упоминает авианалет на Минск, состоявшийся 6 января 1916 г. Как утверждает писатель, именно тогда немцы впервые применили над городом зажигательные бомбы [4, с. 216]. Однако из рапортов минского полицмейстера А. А. Скалона губернатору А. Г. Чернявскому следует, что бомбы данного типа использовались немецкой авиацией еще в октябре 1915 г. К сожалению, В. В. Бондаренко не привел в своем очерке подробностей авианалета от 6 января 1916 г., а также не указал источник, из которого он почерпнул сведения об этой бомбардировке. Тем самым, затруднительно судить о ее последствиях для населения Минска.

В 1 ч. ночи с 20 на 21 марта 1916 г. над Минском, параллельно железной дороге, по направлению к поселку Козырево пролетел немецкий дирижабль [8, л. 101]. Обстреливаемый артиллерией, он сбросил свыше двадцати бомб. Две из них взорвались в урочище Серебрянка на огородах Хованского и Рубинштейна, образовав воронки глубиной от двух до четырех и диаметром от четырех до шести метров. В доме Хованского была оторвана часть карниза, разбито несколько оконных стекол и сломана форточка [8, л. 101—101 об.]. По тому же направлению на поле помещика Семашко упало девять бомб, из которых восемь взорвались. В крышу авиационного полевого ангара, находившегося за паточным заводом «Сокол», попала зажигательная бомба. На крыше начался пожар, однако солдатская команда быстро его потушила, и бомба не причинила вреда. В деревне Сколово, находившейся по соседству с Серебрянкой, упали одиннадцать зажигательных бомб, причем одна не взорвалась. Жертв и разрушений не было [8, л. 101 об.]. Три дня спустя минский полицмейстер А. А. Скалон писал губернатору о необходимости обращения к военным, чтобы они как

* Ныне улица Маяковского — участок до улицы Полевой.

можно быстрее убрали неразорвавшуюся бомбу. Ситуация, по словам А. А. Скалона, осложнялась тем, что в городе не хватало полицейских, и организовать постоянную охрану бомбы было непросто [8, л. 106—106 об.].

23 марта недалеко от Минска, со стороны Столбцов, около 2 ч. ночи появился немецкий аэроплан. Однако он так и не добрался до города, потому что огонь артиллерии вынудил его повернуть обратно [8, л. 139].

24 марта в 7 ч. утра немецкий аэроплан сбросил две бомбы на станции Колодищи Александровской железной дороги. Человеческих жертв и разрушений не было [8, л. 135—135 об.].

26 марта 1916 г. в 1 ч. дня над Минском появился немецкий аэроплан, но артиллерия своим огнем не позволила ему продвинуться дальше. Аэроплан повернул в сторону станции Столбцы и скрылся [8, л. 148].

21 апреля в 6 ч. утра невдалеке от Минска со стороны местечка Койданава появился немецкий аэроплан. Он так и не сумел долететь до города, так как стоявшие под Минском батареи для стрельбы по воздушному флоту открыли огонь, и аэроплан был вынужден повернуть обратно. Сведений о сброшенных бомбах в полицию не поступило [8, л. 216—216 об.].

Неделей позже около 8 ч. утра над Минском со стороны Молодечно появился немецкий аэроплан. Пролетев над Александровским вокзалом, он был встречен мощным огнем противозвушной артиллерии, причем в обстреле приняли участие не только стоявшие непосредственно в городе, но и более отдаленные батареи. Немецкий летчик вынужден был повернуть обратно, так и не сбросив в городе бомб [8, л. 254]. Лишь один шрапнельный снаряд ударил в дом Ефимовой по Дементьевской улице, отколов часть каменного карниза. Труба снаряда взорвалась, а стакан нет [8, л. 254—254 об.]. Кроме того, во дворе дома Розмана по Заславскому переулку упал снаряд, вошел глубоко в землю, но не взорвался. Еще один снаряд упал, также не разорвавшись, во дворе дома Ридинских по Ново-Московскому переулку [8, л. 254 об.—255].

11 мая в 5 ч. 30 мин. утра над Минском появился немецкий аэроплан, которым было сброшено четыре бомбы в районе 4-й части города. Они разорвались на плацу упраздненного еврейского кладбища, расположенного между Петроградской*, Бобруйской, Захарьевской** улицами и Васильевским переулком***. Силой взрыва были выбиты стекла в окнах многих домов, в том числе в здании Коммерческого училища, где находился лазарет великой княгини Марии Павловны. Аэроплан попал под огонь артиллерийских батарей для стрельбы по противозвушному флоту и удалился в сторону Молодечно. Спустя некоторое время аэроплан вернулся, но вновь был встречен артиллерийским огнем. Судя по всему, на этот раз сброшенных бомб не было [8, л. 309—309 об.].

* Ныне улица Ленинградская.

** Ныне улица Советская, проспект Независимости — участок до ЦУМа.

*** Ныне не существует. Район Университетского городка.

13 мая, 18 мая (около 7 ч. вечера), 19 мая (в 5 ч. 30 мин. утра), 2 июня (около 8 ч. утра), 6 июня (около 8 ч. утра), 20 июня (около 8 ч. утра) в налетах на Минск участвовало по одному аэроплану, которые приближались к городу со стороны Барановичей и Молодечно. Однако артиллерия всякий раз вынуждала непрошенных гостей повернуть обратно, так и не сбросив бомб [8, л. 313, 339, 380, 397, 449].

21 июня около 4 ч. утра над Минском появились два немецких аэроплана, сбросившие несколько бомб. Одна из них упала в районе 1-й части, по Верхне-Ляховской улице, во дворе Куриловича. Эта бомба не разорвалась и осталась в земле, не причинив никому вреда. Еще две бомбы были сброшены на той же улице, во дворе Иосифа Новицкого. Одна взорвалась в огороде вдали от жилого помещения, вырыв большую яму, а другая ударила в ветхий погреб. Силой взрыва и осколками снесло крышу погреба и разбило оконные стекла в нескольких домах по улице, по направлению к железнодорожному полотну. В доме Антона Новицкого, находившегося напротив упомянутого погреба, осколками бомбы изрешетило фасад дома выше окон. Осколками стекол легко ранило беженцев из Новогрудского уезда, крестьян Ново-Мьшской волости: Эмилию Венцель, тридцати двух лет — в левый глаз; ее сына Адама, четырех лет — в правую ногу ниже голени; ее мужа Валериана Венцеля — в левую руку; ее брата Франца Харевича — в обе руки и грудь. Кроме семейства Венцелей, была ранена их родственница Эмилия Анцута, двадцати девяти лет, и ее дочь Анна, двух месяцев — в голову. Еще одна бомба взорвалась в ста шагах от дома Новицкого. Ее осколками тяжело ранило (в живот и правую ногу) тридцатипятилетнюю Хевронию Борикову. В 1-й части города, во двор Савича и в Свислочь также упала зажигательная бомба, но не разорвалась [8, л. 453—453 об.].

Во 2-й части города была сброшена зажигательная бомба. Она упала посередине Завальной улицы* и тотчас же была залита водой. Никакого вреда эта бомба не причинила. В 3-й части города были сброшены три бомбы. Одна из них взорвалась около дома Меера Борухина, на углу улицы Широкой** и Казакковского переулка, и повредила здание, крыльцо и крышу. В этом доме квартировали солдаты этапно-ветеринарного лазарета штаба 4-й армии. Те из них, кто во время падения бомбы был в доме, принялись бежать. Рядового Матвея Сумовского ранило осколком в голову. Он был помещен на лечение в 709-й госпиталь. Судя по всему, Сумовскому сделали операцию (по заявлению врача, рядовой в ней нуждался). Легкие ранения лица от упавшего стекла получила квартирантка Сора Починская. Взрывом выбило стекла в соседних домах на расстоянии двухсот метров. Вторая бомба разорвалась в Комаровском болоте, не причинив никому вреда. Третья бомба была зажигательной. Она упала во

* Ныне не существует. Район площади 8 Марта.

** Ныне улица Куйбышева — участок от улицы Я. Купалы до проспекта Машерова.

фруктовом саду Яновского на Троицкой площади* и не нанесла серьезного ущерба, за исключением нескольких обожженных деревьев [8, л. 453 об.].

В 4-й части города немецкая авиация сбросила особенно много бомб. Пять из них упали на Коломенской улице. Две взорвались в саду дома № 36, принадлежавшего Пекарскому, в результате чего были повреждены три фруктовых дерева и разбит мусорный ящик. Еще одна разрывная бомба упала в саду дома № 38 (принадлежал Боруто), не причинив никому вреда. Не принесли серьезного ущерба и взрывы бомб около дома № 67, на плацу Коммерческого училища, и в саду дома Волотковича. Зажигательная бомба попала в мусорный ящик около дома № 12 по 1-й Сергиевской улице**, принадлежавшего Витковскому. Ящик загорелся, но вскоре был потушен «домашними средствами». В помещениях, расположенных недалеко от мест взрывов, выбило стекла [8, л. 453 об.—454].

После обстрела артиллерией немецкая авиация покинула город, направившись к Барановичам. Однако уже в 6 ч. утра над Минском вновь появились два аэроплана, сбросившие на город больше десятка бомб. Одна из них упала на Коломенской улице, около дома № 73, принадлежавшего Салтыкову. Взрывом выбило стекла, повредило ворота и ранило несколько человек: крестьянку Забреской волости Ошмянского уезда Виленской губернии Моннику Казимировну Копчинскую, тридцати лет; ее сына Эдуарда Эдуардовича, восьми лет (он скончался, будучи доставлен в лазарет Добročинность, который находился в здании Реального училища); крестьянку Ковенской губернии Франциску Адамовну Томатунас, двадцати двух лет. Копчинская и Томатунас были ранены тяжело и отправлены в Минский госпиталь, находившийся на Белоцерковной улице. Кроме того, тяжело ранило мещанина Айзика Клебанова, проживавшего по Ново-Красной улице, дом № 16. Он был помещен в лазарет Великой княгини Марии Павловны, который размещался в Коммерческом училище. Гимназист 6-го класса Минской гимназии Николай Пащенко был легко ранен в правую лопатку. Койдановский мещанин Щевель Хаимович Евенчик шестидесяти пяти лет, проживавший в имении Лесница Пережирской волости, получил легкое ранение в правую ногу выше колена и после перевязки, сделанной ему в лазарете Великой княгини Марии Павловны, отправился домой. Легко ранены были две лошади Абрама Пайна, случайно находившиеся в то время на улице [8, л. 454].

На огороде возле второго отделения городской пожарной команды упали две бомбы (разрывная и зажигательная), не причинившие никакого вреда. По Малогеоргиевскому переулку, в доме № 19 (принадлежал Буднику), на огороде взорвалась одна бомба, осколками которой пробило стену деревянного дома Станишевского и легко ранило Аделаиду Станишевскую. По тому же

* Ныне площадь Парижской коммуны.

** Ныне улица Рабкоровская.

переулку на огородах Тарногурского, Петкевича и Новаковского было сброшено по одной зажигательной, а на огород Гержидовича — одна разрывная бомбы. Человеческих жертв и разрушений не было [8, л. 454—454 об.].

Одна из бомб попала в дом Маршака, находившийся по 1-му Безымянному переулку, рядом с Александровским вокзалом. Взрывом дом был наполовину разрушен. Ранения получили мещане Генух и Евхон Абрамовичи Доброборские, а также их мать Сося Лейбовна Доброборская. Евхон Доброборский был тяжело ранен и поэтому помещен в лазарет 8-го головного эвакуационного пункта. На плацу керосинного склада Кулбакова и Мамеда, который находился по 2-му Безымянному переулку, разрывной бомбой был поврежден пустой керосинный резервуар [8, л. 454 об.].

Еще одна разрывная бомба упала возле ограды 126-го полевого запасного госпиталя, в конце Кондукторской улицы, около дороги в деревню Петровщину. Ее осколками была насквозь пробита стена одного из барачных и ранены трое санитаров: Максим Дунич в область грудной клетки, Ефрем Прочук в голову и Яков Харченко в мизинец левой руки. Дунич вскоре скончался. Взрывом выбило стекла в бараче и ближайших помещениях. Другая бомба, сброшенная на Кондукторской улице, возле полотна Александровской железной дороги, никому не причинила вреда [8, л. 454 об.].

На углу Московской и Дементьевской улиц осколком шрапнели в ногу была ранена Мария Степанова Горечун. На углу Матвеевской улицы (у нового железнодорожного пути), на плацу арендатора Стельбана и возле товарной станции Александровской железной дороги упало по бомбе. Одна из них не взорвалась; другая, взорвавшись, никому не причинила вреда; третья, упавшая около товарной станции, была зажигательной и также не привела к человеческим жертвам или разрушениям [8, л. 454 об.].

В 3-й части города разрывная бомба была сброшена вблизи дома Борушина, где располагались казармы, лабазы и 1-й Двинский госпиталь. Еще одна упала в саду Яновского, по одну сторону от которого находилась Духовная семинария, а по другую — обоз Всероссийского земского союза [8, л. 454 об.].

Подытоживая сведения об авианалетах за 21 июня 1916 г., А. А. Скалон отметил, что немецкие летчики были хорошо осведомлены о расположении российских военных частей, госпиталей и т. п. [8, л. 454 об.].

По-видимому, хорошее знание немецкими летчиками города и расположенных на его территории военных объектов являлось результатом налаженной разведки, которая велась, в том числе, и с воздуха. Однако время от времени задачу вражеской авиации облегчало неграмотное расположение этих объектов. Так, 25 июня 1916 г. минский полицмейстер А. А. Скалон докладывал губернатору о трех белых шатрах для раненых солдат, установленных «Северопомощью» на городском плацу, на углу Коломенской и Петроградских улиц. Это место было многолюдным, а шатры белого цвета хорошо просматривались с высоты и могли служить отличной мишенью для немецкой авиации. Более

того, в данном районе располагались Либаво-Роменский вокзал, лазарет Красного Креста, Губернское жандармское управление, управление 4-й полицейской части и другие учреждения, в том числе и общежития. Поэтому, «в целях ограждения мирного населения от грозящей им опасности при бомбардировке этого района», А. А. Скалон просил минского губернатора А. Г. Чернявского распорядиться о покраске шатров «Северопомощи» в защитный цвет или же об их сносе [8, л. 473—473 об.]. Следует отдать должное губернатору: в тот же день он отдал соответствующее распоряжение [8, л. 472—472 об.].

22 июня около 8 ч. 30 мин. утра над Минском на значительной высоте появился немецкий аэроплан, по которому артиллерия выпустила несколько снарядов. Аэроплан скрылся в неизвестном направлении [8, л. 458].

25 июня около 10 ч. 30 мин. утра над Минском появился немецкий аэроплан, сбросивший три бомбы. Они упали в поле, в конце Койдановского тракта*, и никому не причинили вреда. Обстрелянный артиллерией аэроплан улетел по направлению к станции Барановичи [8, л. 467].

26 июня (около 7 ч. утра), 30 июня, 2 июля (около 12 ч. дня), 4 июля (в 8 ч. 30 мин. утра), 12 июля (около 9 ч. утра), 13 июля (в 8 ч. вечера), 14 июля (около 8 ч. утра), 15 июля (в 7 ч. утра), 16 июля (в 7 ч. утра), 29 июля (около 6 ч. утра) авианалеты на Минск проходили по одному и тому же сценарию: над городом показывалось по одному немецкому аэроплану, которые, попав под обстрел артиллерии и не сбросив бомб, поворачивали обратно [8, л. 482, 492, 510, 512, 530, 539, 541, 543, 549, 580].

2 августа в 7 ч. утра над Минском появился немецкий аэроплан. Будучи обстрелянным противозенитной артиллерией, он скрылся. Однако в этот день немецкие летчики отнюдь не ограничились одной безрезультатной попыткой бомбардировки города. Уже спустя двадцать минут над городом появились два, а затем и третий аэропланы. Они начали кружиться над центром Минска, сбрасывая при этом бомбы. В 1-й части города упали четыре бомбы. Две из них взорвались в саду Архиерейского дома, никому не причинив вреда. Одна упала на Губернаторской улице**, напротив почтово-телеграфной конторы и штаба главнокомандующего. Ее взрывом был убит неизвестный человек, ранены два полевых жандарма Кирилл Дембьш и Павел Попов, а также Юзефа Карловна Павловская и почтовый чиновник Василий Онуфриевич Павловский. Еще одна взорвалась в доме Кабакова на Петропавловской улице. Были ранены писарь Татарников, жена полковника Жерве и один проходивший мимо нижний воинский чин. Раненые были отправлены в ближайшие больницы и госпитали, а убитый — в секционный покой. Взрывом выбиты стекла в зданиях штаба фронта, Архиерейского дома, почты, домов доктора Шубеля и Шапира, а также в соседних зданиях по Губернаторской улице [8, л. 596].

* Ныне улица Чкалова.

** Ныне улица Ленина.

Во 2-й части города также были сброшены четыре бомбы. Одна из них упала на Школьной улице* около дома Клебанова; другая — на Соборной площади**, возле здания духовного училища, где находился Владимирский госпиталь Российского общества Красного Креста. Еще две бомбы упали в районе Торговой улицы: одна во дворе дома Явелова, а другая на улице у того же дома. Сброшенными бомбами на Соборной площади и Школьной улице были убиты: 1) чиновник минской почтово-телеграфной службы Андрей Петрович Подляховский; 2) мещанка Хая Шлемовна Серак; 3) младший унтер-офицер штаба 51-й пехотной дивизии Григорий Гришко; 4) рядовой 7-го Сибирского армейского корпуса Абрам Лейбович Будневский, находившийся в отпуске по болезни; 5) неизвестный пожилой еврей; 6) неизвестный мальчик-еврей; 7) некто Собельман; 8) неизвестный, по-видимому, рабочий. Ранения получили Шлема Ципкин, Лейба Бибер, Яков Квасницкий, Овсей Рихтерман и Ольга Александровна Макавощик [6, л. 596—596 об.]. Впоследствии минский полицмейстер доложил губернатору о том, что дополнительно были выяснены личности двух человек, убитых в районе Соборной площади и Школьной улицы. Ими были 27-летний ефрейтор автомобильной команды при штабе 10-й армии Александр Яковлевич Корначев (его труп находился в Евангелическом госпитале) и рядовой, прикомандированный к штабу 10-й армии Василий Галинат (его труп находился во Владимирском госпитале) [8, л. 598—598 об.]. По Торговой улице были убиты: 1) Фаня Баскинд; 2) Юдаля Элькинд; 3) Исаак Явелев; 4) Николай Шахлай; 5) Антонина Пилецкая. Были ранены: Вольф Сарахан, Абрам Хигер, Михаил Синникович, Эстер Финкельзон, Иосиф Крупник, Абрам Гольштейн. Все убитые и раненые были немедленно доставлены в местные больницы и госпитали. Трое неизвестных были легко ранены и покинули земскую больницу после перевязки. Кроме того, по Торговой улице были убиты две лошади, принадлежавшие крестьянке Елизавете Павловне Михалевич и Абраму Гиршевичу Астрахану. В домах, располагавшихся рядом с местами падений бомб, были выбиты стекла окон и дверей. Были выбиты окна во Владимирском и Евангелическом лазаретах по Соборной площади [8, л. 596 об.].

В 3-й части города бомбы упали: одна на плацу домовладельца по 3-й линии (на Комаровке) Моты Флакса, другая на плацу домовладельца той же линии Антона Юцкевича, и третья на огороде Вульфа Хейфеца, расположенном у самого леса, относившегося к имению Слепянка помещика Ваньковича. Бомбы, упавшие около домов Флакса и Юцкевича, взорвались, в результате чего в соседних домах выбило стекла. Третья бомба, упавшая на огороде Хейфеца, вошла в землю на глубину около полутора метров и не взорвалась. Пострадавших от взрывов не было. На месте неразорвавшейся бомбы был установлен пост до распоряжения [8, л. 596 об.].

* Ныне не существует. Район путепровода на проспекте Победителей.

** Ныне площадь Свободы.

В 4-й части города были сброшены три бомбы, которые взорвались, не причинив никакого вреда. Еще одна бомба упала на полосе отчуждения Александровской железной дороги. Она взорвалась между путями, но не повредила их; лишь осколками поцарапало два товарных вагона, а в нескольких пассажирских выбило стекла [8, л. 596 об.—597].

Таким образом, всего во время авианалета на Минск 2 августа 1916 г. было сброшено пятнадцать бомб. Четырнадцать человек было убито, двадцать один ранен. Как видим, в том случае, если в воздушном нападении на город участвовало несколько вражеских самолетов, противовоздушная артиллерия далеко не всегда была способна отбить нападение.

5 августа (около 10 ч. утра) и 23 августа (около 7 ч. 30 мин. утра) над Минском со стороны Барановичей и Молодечно появлялось по одному немецкому аэроплану. Однако они попали под обстрел зенитных батарей и, так и не сбросив бомб, вынуждены были повернуть обратно [8, л. 606, 622].

27 августа с немецкого аэроплана в Минске были сброшены три бомбы. Одна из них взорвалась по Иосифовской улице, между домами № 86 и 88. В этих и находившихся по соседству домах выбило стекла. Две другие бомбы разорвались в поле, недалеко от 24-й позиционной батареи, расположенной в конце Грушевской улицы. Никто из людей не пострадал [8, л. 629]. Еще один аэроплан пролетел над городом в тот же день около 6 ч. вечера (со стороны Молодечно). Он попал под обстрел батарей противовоздушной артиллерии и, не сбросив бомб, улетел обратно [8, л. 633].

Следует особо отметить рапорт минского полицмейстера А. А. Скалона об авианалете на город от 28 августа. Дело в том, что в этот день неприятельский самолет был встречен не огнем противовоздушной артиллерии, как это происходило ранее, а двумя русскими аэропланами. Они вынудили непрошеного гостя повернуть обратно [8, л. 638]. К сожалению, пока мы не обладаем источниками, которые позволили бы утверждать, что накануне 28 августа для охраны воздушного пространства Минска были выделены отдельные аэропланы. Равно и как не можем с полной уверенностью говорить о том, что данный эпизод был всего лишь случайностью. Тем не менее, он не может не привлечь внимание исследователя, так как, повторимся, до 28 августа 1916 г. аэропланы не использовались для защиты Минска от вражеской авиации.

Таким образом, летом 1916 г. Минск подвергался немецким авианалетам особенно часто — двадцать один раз. Лишь четыре авианалета сопровождалась непосредственно бомбардировками, так как артиллерия успешно защищала город в тех случаях, когда в нападениях с воздуха участвовало по одному аэроплану. Тем не менее, подобная активность немецкой авиации обращает на себя внимание. Чтобы установить предпосылки данного явления, обратимся к военным действиям на территории Беларуси в это время. На лето 1916 г. русское командование запланировало масштабную наступательную кампанию, причем особая роль в ней отводилась Западному фронту. Так,

20 июня 1916 г. началась Барановичская наступательная операция. Войска продвигались вперед крайне медленно, что во многом было обусловлено тактической нерешительностью командующего Западным фронтом генерала от инфантерии А. Е. Эверта. Уже 26 июня 1916 г. 4-я армия, имевшая лишь небольшой тактический успех, вынуждена была прекратить наступление, потеряв около 80 тыс. человек убитыми, ранеными, заболевшими и пленными. А. Е. Эверт получил задачу «удерживать» противника [6, с. 698—699]. Тем не менее, активные боевые действия продолжались на барановичском направлении вплоть до 12 (25) июля 1916 г. Кроме того, 15 июня 1916 г. упорные бои начались на молодечненском направлении, после того как была ликвидирована попытка немцев овладеть Богушинским лесом к северо-востоку от Крево. Последовательными атаками, длившимися целую неделю, немецкие части были отброшены от линии Сучков—Саковичи—Богуши на вторую линию своих окопов, понеся тяжелые потери [7, с. 88—89].

В наступлении Западного фронта летом 1916 г. особая роль отводилась 2-й армии под командованием генерала от инфантерии В. В. Смирнова, действовавшей в районе озера Нарочь [7, с. 89—90]. 24 июня 1916 г. В. В. Смирнов и его начальник штаба генерал-лейтенант М. А. Соковнин предложили А. Е. Эверту начать наступление на Вильно севернее Нарочи, где оборона и группировка войск противника были значительно слабее [7, с. 94]. В это же время на участке 2-й армии велись ожесточенные бои [7, с. 96—98]. Однако 26 июня 1916 г. Ставка приняла решение перенести главный удар в полосу Юго-Западного фронта, что военные историки считают стратегической ошибкой [7, с. 102]. Тем самым, наступление войск Западного фронта летом 1916 г. не привело к существенным успехам. Однако можно не сомневаться, что усиление авианалетов на Минск в это время было вызвано, в том числе, резкой активизацией боевых действий.

15 сентября в 9 ч. 45 мин. утра со стороны Молодечно над Минском появился неприятельский самолет. Он пролетел через город и, будучи обстрелянным батареями противовоздушной артиллерии, не сбросив бомб, улетел в сторону местечка Столбцы. На своем обратном пути он сбросил разрывную бомбу в поле неподалеку от питательного пункта для беженцев, расположенного в конце Ново-Каменной улицы, по левую сторону Койдановского тракта. Эта бомба никому не причинила вреда. Еще две бомбы взорвались по дороге в 5-й парк за Койдановским трактом. Их взрывы также не привели к человеческим жертвам или разрушениям. Однако последней из бомб (она упала и взорвалась в 5-м парке на полосе Александровской железной дороги) ранило несколько человек: рядового Туркестанской отдельной телеграфной роты Василия Сошнова в ногу, рядового неизвестной военной части Иосифа Скоткевича в плечо, извозчика 6-го отряда 10-й армии Станислава Осиповича Карневича в палец на руке, военнопленного австрийца (контузия, имя и фамилия неизвестны). Тяжело ранило работавшую на железной дороге

беженку Ломжинской губернии Теофилию Демьян пятидесяти лет. У нее были раздроблены обе ноги и ранение в живот. Для оказания медицинской помощи раненые были помещены в отделение 8-го головного эвакуационного пункта на Брелевском переулке. Теофилия Демьян оттуда была отправлена в лазарет Великой княгини Марии Павловны. Возможно, данный лазарет был переполнен, так как ее перенаправили в лазарет Доброчинность. По дороге Теофилия Демьян скончалась [8, л. 678—678 об.].

16 сентября в 9 ч. 30 мин. утра над губернской столицей вновь появился вражеский аэроплан. Он сбросил по Братскому переулку* две бомбы. Одна из них упала в огороде дома Уфлова, другая — возле дома Киселя. Были ранены: дочь генерала Марченко — в спину и правую ногу выше колена; сальник Янчевский — тяжело в голову и живот; солдатка Анна Бычковская — в левую ногу выше колена. Взрывом также выбило стекла в соседних домах и повредило заборы. Пострадавшую Марченко взяли родители на квартиру. Янчевский был помещен в госпиталь при Окружном суде и впоследствии скончался. Солдатку Бычковскую отправили в лазарет Доброчинность [8, л. 676—676 об.].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Немецкие авианалеты на Минск в годы Первой мировой войны по их последствиям, конечно же, невозможно сравнить с чудовищными бомбардировками нашей столицы в 20-х числах июня 1941 г., когда всего за несколько дней город был буквально сожжен дотла. Это объясняется тем, что в Первую мировую авиация играла вспомогательную роль и не могла нанести столь серьезного урона военным объектам и мирному населению противника. Тем не менее, немецкие авианалеты на Минск являлись фактором, существенно осложнявшим и без того непростую, полную тревог жизнь прифронтового города. Главными целями для немецких летчиков являлись стратегически важные объекты: вокзалы, железнодорожное полотно, военные объекты и административные здания, лазареты. В тех случаях, когда в нападениях с воздуха участвовало по одному самолету, городской артиллерии, как правило, удавалось не допустить бомбардировок. Однако два-три аэроплана зачастую успевали «отбомбиться», что во многом объяснялось отсутствием развитой системы противовоздушной обороны. Особую опасность для города представляли авианалеты с участием цеппелинов (дирижаблей), так как последние обладали большой грузоподъемностью и были способны использовать значительное количество тяжелых, наиболее мощных бомб. По далеко не полным данным, за период с сентября 1915 г. по сентябрь 1916 г. губернская столица подверглась авианалетам тридцать семь раз, во время которых на город было сброшено суммарно порядка ста сорока бомб. Жертвами бомбардировок стали, по меньшей мере, пятеро военных и четырнадцать мирных жителей; сорок восемь человек получили ранения (из них тридцать четыре мирных жителя, десять военных, двое жандармов, один

* Ныне не существует. Проезд между рестораном «Журавинка» и СШ № 24.

городовой и один австрийский военнопленный). Наибольшую активность немецкая авиация проявила летом 1916 г., что было связано с наступательными операциями Западного фронта русской армии в это же время.

Источники и литература

1. Барсуков, Е. З. Артиллерия русской армии: в 4-х т. Т. 1 / Е. З. Барсуков. — М.: Воениздат, 1948. — 396 с.
2. Бескровный, Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. / Л. Г. Бескровный. — М.: Наука, 1986. — 238 с.
3. Бондаренко, В. Минск — город-герой Первой мировой / В. Бондаренко // Портал газеты «Туризм и отдых» [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tio.by/newspaper/1786>. — Дата доступа: 30.03.2014.
4. Бондаренко, В. В. Утерянные победы Российской империи / В. В. Бондаренко. — Минск: Харвест, 2010. — 448 с.
5. Дирижабли на войне / сост.: В. А. Обухович, С. П. Кульбака. — Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. — 522 с.
6. Залесский, К. А. Кто был кто в Первой мировой войне / К. А. Залесский. — М.: АСТ, Астрель, 2003. — 896 с.
7. Карпеев, И. В. Семь дней в июне... К вопросу о роли 2-й армии Западного фронта в летнем 1916 г. наступлении российских войск / И. В. Карпеев // Беларусь у галы Першай сусветнай вайны: трагедыя, гераізм, памяць: матэр. міжнар. навук-практ. канф. (Смаргонь, 18—19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі; рэд. кал.: М. У. Мясніковіч [і інш.]. — Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. — С. 85—102.
8. Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). — Ф. 295. — Оп. 1. — Д. 9174а. Рапорты уездных исправников о повреждении, причиненных бомбардировками 1916 г.
9. НИАБ. — Ф. 300. — Оп. 1. — Д. 93. Протоколы Минского городского полицейского управления и общие сведения о решениях минского полицмейстера. Список прибывших в г. Минск и выбывших из г. Минска офицеров и чиновников военного ведомства 1915 г.
10. НИАБ. — Ф. 300. — Оп. 1. — Д. 110. Ведомость о числе насильственных и случайных смертей, о происшестввах в г. Минске 1915 г.
11. Черепица, В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности: монография / В. Н. Черепица. — Минск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. — 536 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 27.06.2014

А. В. Бурачонок,
старшы выкладчык кафедры гісторыі
Беларусі новага і навіейшага часу БДУ,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: burchik3000@mail.ru

ФАРМІРАВАННЕ АРГАНІЗАЦЫЙНА-ПРАВАВЫХ АСНОЎ ПРАМЫСЛОВАГА ПРАДПРЫМАЛЬНІЦТВА Ў БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XVIII — ПАЧАТКУ XX ст.

З далучэннем беларускіх зямель да Расійскай імперыі ў канцы XVIII ст. пачынаецца новы этап у развіцці айчыннай гісторыі, які працягваўся да пачатку XX ст. Для гэтага этапу быў характэрны шэраг змен, якія закранулі ўсе сферы жыцця беларускага грамадства. Адбыўся новы адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел, былі ўведзены новыя органы кіравання і самакіравання, абнавіўся саслоўны склад насельніцтва разам з іх правамі і абавязкамі і г. д. Змены, безумоўна, адбываліся і ў эканамічным жыцці Беларусі — з'яўляліся сучасныя на той момант рыначныя інстытуты, фарміравалася шматузроўневая крэдытна-банкаўская сістэма, асвойваліся новыя галіны прамысловасці і сферы вытворчасці. Усё гэта садзейнічала станаўленню дзелавага асяроддзя прадпрымальніцтва, што ў значнай ступені стымулявала мясцовае насельніцтва да занятку актыўнай эканамічнай дзейнасцю. Расійскія ўлады ў сваю чаргу былі таксама зацікаўлены ў развіцці прыватнага прадпрымальніцтва, таму з канца XVIII ст. пачынаецца актыўная праватворчая дзейнасць, асабліва ў сферы прамысловасці. У дзёчае заканадаўства былі ўнесены істотныя карэктывы, якія закраналі рэгламентацыю падаткаабкладання, рэгуляванне сацыяльна-працоўных адносін на прадпрыемствах і інш. Аднак прыярытэтным накірункам праватворчай дзейнасці ў канцы XVIII — пачатку XX ст. стала фарміраванне арганізацыйна-прававых асноў прадпрымальніцкай дзейнасці. Наколькі моцнай была прававая база ў сферы арганізацыі прадпрымальніцтва і функцыянавання прамысловых прадпрыемстваў, і ці мела яна пэўныя асаблівасці для тэрыторыі Беларусі можна сказаць толькі пасля ґрунтоўнага аналізу тых заканадаўчых актаў, якія рэгламентавалі дадзеную сферу.

Неабходна пачаць з таго, што да сярэдзіны XIX ст. займацца прамысловым прадпрымальніцтвам на тэрыторыі Беларусі маглі прадстаўнікі далёка не ўсіх саслоўяў. На беларускіх землях яшчэ з часоў уваходжання іх у склад Рэчы Паспалітай выключнае права займацца прадпрымальніцкай дзейнасцю мела мяшчанскае саслоўе. У адпаведнасці са Статутам ВКЛ 1588 г. шляхціцы, якія займаліся гандлёва-рамеснай дзейнасцю, гублялі свой шляхецкі стан [40, р. 3, арт. 25]. Дадзеная прававая норма была скасавана толькі пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай у адпаведнасці з пастановай Сейма 1775 г. [38, с. 204]. У гэтым жа годзе, на тую частку тэрыторыі Беларусі, якая ўваходзіла ў склад Расійскай імперыі было распаўсюджана дзеянне Маніфеста ад 17 сакавіка 1775 г. [17], які быў пацверджаны Маніфестам ад 28 чэрвеня 1782 г. [28]. У адпаведнасці з гэты-

мі заканадаўчымі актамі ўсе катэгорыі насельніцтва на тэрыторыі Расійскай імперыі атрымалі права займацца прамысловым прадпрымальніцтвам [17, с. 84]. Аднак ужо праз дзесяць гадоў пасля прыняцця першага з названых маніфестаў, у 1785 г. з'яўляюцца «Даравальная грамата гарадам» [4] і «Даравальная грамата дваранству» [3], згодна з якімі права фабрычна-заводскай дзейнасці было прадстаўлена выключна дваранству, аднак толькі ў сельскай мясцовасці, і купецтву першай і другой гільдыі. Такім чынам, былі ўсталяваны саслоўныя манаполіі на занятка прамысловым прадпрымальніцтвам. Праўда, доступ у купецтва для мяшчан і нават сялян быў юрыдычна вольным.

У першай палове XIX ст. пачынаецца адыход прадпрымальніцкага права ад саслоўных пачаткаў, што ў значнай ступені адбывалася пад уздзеяннем заходнееўрапейскага права. У адпаведнасці з «Маніфестам аб дараваных купецтву новых выгадах, адрозненнях, перавагах» ад 1 студзеня 1807 г. дваране атрымлівалі права прыпісвацца да першай і другой купецкіх гільдыі [18]. 14 лістапада 1824 г. была прынята «Дадатковая пастанова аб уладкаванні гільдыі і аб гандлю іншых станаў», у якой утрымліваліся нормы, накіраваныя на выраўноўванне розных саслоўяў у эканамічных правах [15]. Аднак свабодны доступ да занятку прадпрымальніцкай дзейнасцю прадстаўнікі ўсіх саслоўяў атрымалі, як ужо адзначалася, толькі ў сярэдзіне XIX ст. з прыняццем 1 студзеня 1863 г. і 9 лютага 1865 г. двух палажэнняў «Аб пошлінах за права гандлю і іншых промыслаў» [34; 35]. У адпаведнасці з гэтымі заканадаўчымі актамі права займацца прамысловым прадпрымальніцтвам мелі рускія і замежныя падданыя, незалежна ад таго, да якога саслоўя яны належалі [34, с. 7]. Заканадаўчыя акты, канстатуючы прынцып усесаслоўнага раўнапраўя ў актыўнай эканамічнай дзейнасці, утрымлівалі пэўныя абмежаванні ў занятках прадпрымальніцтвам для некаторых катэгорый грамадзян. Абмежаванні былі звязаны з грамадскім статусам і службовым становішчам. Прадпрымальніцкая дзейнасць у сферы прамысловасці была забаронена святарам, царкоўным псаломшчыкам і пра-тэстанцкім прапаведнікам, прадстаўнікам ніжэйшых ваенных чыноў, а таксама асобам, якія працавалі ў некаторых дзяржаўных установах. Меліся ў расійскім заканадаўстве і абмежаванні ўдзельнічаць у прадпрымальніцкай дзейнасці па ўзросце. Так, чалавек мог займацца гандлёвай або прамысловай дзейнасцю толькі з 17 гадоў; да гэтага часу яго інтарэсы мог прадстаўляць апякун. А вось абмежаванні па полу ў расійскім заканадаўстве не ўтрымлівалася, у адрозненне ад краін Заходняй Еўропы [7, с. 35—38], таму жаночае прадпрымальніцтва ў беларускіх губернях было распаўсюджанай з'явай.

Для заснавання прадпрыемства ў беларускіх губернскіх ці павятовых гарадах і акругах быў патрэбны дазвол губернскага кіраўніцтва ці гарадской управы. Калі заснаванне фабрыкі ці завода не супярэчыла закону, дазвол выдаваўся неадкладна. Аднак ён выдаваўся толькі для тых прадпрыемстваў, якія ўтрымліваліся ў асобым апублікаваным спісе Міністэрства ўнутраных спраў, узгодненым з Міністэрствам фінансаў. Калі прамысловая ўстанова

пачынала функцыянаваць без належнага дазволу кіраўніцтва, вінаваты ў гэтым парушэнні падвяргаўся грашоваму спаганню [35, с. 173—174].

У некаторых выпадках рэгламентацыя ўмоў стварэння прамысловых прадпрыемстваў у Расійскай імперыі мела непаслядоўны і алагічны характар. Справа ў тым, што парадак заснавання пэўных прамысловых устаноў рэгуляваўся спецыяльнымі правіламі, якія не былі ўключаны ў прамысловы кодэкс — «Статут аб прамысловасці». Так, адкрыццё вінакурных, гарэлачных, мёда- і піваварных заводаў рэгламентавала «Палажэнне аб піцейным зборы», цукровых заводаў — закон «Аб парадку спагнання акцызу з цукру і аб наглядзе за цукровымі заводамі», тыгунёвых фабрык — «Статут аб акцызе з тыгунно», заводаў па вытворчасці азотнай кіслаты — «Статут урачэбны», запалкавых фабрык і фосфарных заводаў — «Правілы аб акцызах з запалак і продажы фосфару». Такая разрозненасць законапалажэнняў сведчыла аб адсутнасці сістэмнасці ў прававым рэгуляванні прамысловай дзейнасці і выклікала пэўныя цяжкасці ў дзейнасці прамысловых прадпрымальнікаў на тэрыторыі Беларусі.

Напярэдадні Першай сусветнай вайны Міністэрства гандлю і прамысловасці Расійскай імперыі ўнесла на разгляд Думы законапраект, які ўяўляў сабой дастаткова ўдалую спробу наблізіць заканадаўства ў сферы заснавання прамысловых прадпрыемстваў да патрабаванняў жыцця, бо існаваўшы парадак, як адзначалася, быў вельмі складаным, нявызначаным і нязручным. Праект утрымліваў у сабе тры важныя палажэнні, якія маглі ўнесці сутнасныя змены. Па-першае, усе справы аб адкрыцці прамысловых прадпрыемстваў павінны былі быць сканцэнтраваны ў адной установе — Галоўнай па фабрычных і горназаводскіх справах прысутнасці. Па-другое, новыя правілы ўсталёўвалі б адзіны парадак заснавання фабрычна-заводскіх і рамесных устаноў. Па-трэцяе, для заснавання некаторых катэгорый прадпрыемстваў мог бы выкарыстоўвацца парадак заснавання па заяве (у той час меў назву «явачны»). Усе прамысловыя прадпрыемствы павінны былі быць падзелены на чатыры катэгорыі зыходзячы са ступені іх бяспечнасці і шкоднасці. Пры заснаванні бяспечных для прыроднага асяроддзя фабрык і заводаў дастаткова было заявіць аб гэтым у адпаведныя органы. У астатніх выпадках дазвол на адкрыццё выдаваўся б толькі пасля агляду прамысловага прадпрыемства фабрычным інспектарам ці спецыяльнай камісіяй. Дадзены праект не паспеў набыць сілу закона па прычыне пачаўшайся Першай сусветнай вайны [39, с. 91—92].

Адным з важных аспектаў стварэння прамысловых прадпрыемстваў з'яўлялася рэгуляванне куплі-продажу зямлі, бо акрамя дазволу на прадпрымальніцкую дзейнасць неабходна было мець зямельны надзел, на якім можна было б яе ажыццяўляць. Дзяржава займала ў гэтым пытанні жорсткую пазіцыю, якая, з аднаго боку, характарызавалася паступовым пашырэннем кола асобаў і зямельных маёмасцей, якія ўцягваліся ў рыначны абмен, а з іншага — абмежаваннем права куплі-продажу па нацыянальнай прыкмеце. Апошні фактар меў істотнае значэнне для беларускіх губерняў.

Захалы па абмежаванні куплі-продажу зямлі асобамі польскага паходжання пачаліся пасля паўстання 1863 г. Указам ад 10 снежня 1865 г. у дзевяці заходніх губернях (Кіеўскай, Падольскай, Вальнскай, Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай) асобам польскага паходжання забаранялася набываць новыя маёнткі. Зразумела, што пад дадзеную катэгорыю траплялі не толькі этнічныя палякі, але і мясцовыя жыхары каталіцкага веравызнання. Гэта быў адзін з першых крокаў па ліквідацыі каталіцкага ўплыву замацавання рускага дваранска-памешчыцкага землеўладання на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX ст. У дадатак да гэтага маёнткі высылаемых удзельнікаў паўстання падлягалі абмену на раўназначныя ў іншых губернях альбо секвестру. У апошнім выпадку яны прадаваліся асобам рускага паходжання праваслаўнага ці пратэстанцкага веравызнання [22, с. 327—328].

Наступныя крокі па абмежаванні каталіцкага землевалодання і землекарыстання былі зроблены ў апошняй чвэрці XIX ст. 27 снежня 1884 г. быў прыняты заканадаўчы акт, у адпаведнасці з якім забараняліся заклад і здача ў арэнду маёнткаў асобам, якія страцілі права набыцця зямельнай уласнасці ў названых дзевяці губернях [14, с. 602—603]. 1 лістапада 1886 г. была прынята яшчэ адна ўдакладняючая норма: усе без выключэння пасведчанні на набыццё зямлі, якія былі выдадзены да 27 снежня 1884 г., гублялі сваю моц. Пры гэтым рашэнне аб выдачы ці нявыдачы дадзеных пасведчанняў залежала ад мясцовых уладаў [9, с. 470]. 2 лютага 1891 г. у дадатак да названых заканадаўчых актаў была прынята яшчэ адна пастанова: асобы польскага паходжання страчвалі права пажыццёвага валодання зямельнай уласнасцю ў заходніх губернях [16, с. 41]. І, урэшце, 27 студзеня 1901 г. з'явілася яшчэ адно абмежаванне, якое ўжо тычылася іншых слаёў насельніцтва: вызначаліся лімітавыя памеры дазволёных для набыцця ўчасткаў зямлі (не павінны былі перавышаць 60 дзесяцін) для сялян каталіцкага веравызнання [10, с. 45].

Разам з агульным абмежаваннем у праве землевалодання і землекарыстання для асоб польскага паходжання меліся пэўныя выключэнні, якія стымулявалі да адкрыцця новых фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў. У адпаведнасці з пунктам 6 закона «Аб усталяванні правілаў адносна набыцця ва ўласнасць, закладу і арэнды ў дзевяці заходніх губернях зямельнай маёмасці» ад 27 снежня 1884 г., асобам, якія згодна з указам ад 10 снежня 1865 г. страцілі права набываць зямельныя надзелы ў гэтай мясцовасці, дазвалялася браць зямлю ў арэнду на 30 год з мэтай заснавання на ёй фабрыкі ці завода. Пры гэтым ставілася ўмова: калі на працягу дванаццаці гадоў прадпрыемства так і не з'явіцца, то дагавор найму губляў сваю моц [14, с. 603]. Такім чынам, урад Расійскай імперыі стымуляваў прадпрымальніцкую дзейнасць асоб польскага паходжання ў сферы прамысловасці.

З 1899 г. адбываецца паступовае змякчэнне абмежаванняў у дачыненні да асоб каталіцкага веравызнання. У адпаведнасці з заканадаўчымі актамі ад 4 сакавіка 1899 г. дваране і мяшчане польскага паходжання, якія пражывалі ва

ўмовах сялянскага побыту, атрымалі магчымасць паўсюдна набываць пазямельную ўласнасць [20, с. 286—287]. 12 снежня 1904 г. быў прыняты ўказ «Аб прадпісанні да ўдасканалення дзяржаўнага парадку», паводле якога прадугледжвалася скасаванне абмежаванняў у адносінах да іншаземцаў [23, с. 1197—1198]. Рэалізаваць палажэнні дадзенага ўказа павінны былі прынятыя 1 мая 1905 г. два заканадаўчыя акты [11; 20]. З гэтага часу асобы польскага паходжання ў дзевяці заходніх губернях маглі браць у арэнду маёнткі, а таксама прымаць іх у заклад, набываць ва ўласнасць і пажыццёвае валоданне ўсімі законнымі спосабамі. З дазволу генерал-губернатораў і губернатараў аднаўляліся іх правы на набыццё зямлі па-за межамі гарадоў і мястэчак з мэтай знішчэння царэпалосіцы і гаспадарчага акруглення межаў. Дазвалялася і набыццё пазямельнай уласнасці ў памеры не больш за 60 дзесяцін для арганізацыі прамысловых устаноў [11, с. 285].

Аднак асобы польскага паходжання так і не атрымалі свабоднага доступу да зямельнага рынку, нягледзячы на заканадаўчае скасаванне абмежавальных норм у дачыненні да іх. Міністр унутраных спраў П. А. Стальпін у цыркуляры да віцебскага губернатара адзначаў, што прымяненне закона ад 1 мая 1905 г. у беларускіх губернях павінна адбывацца ў якасці выключэння, а не правіла. Асобы польскага паходжання маглі набываць зямлі для заснавання на іх прамысловых устаноў у тым выпадку, калі прадпрыемствы адпавядалі мясцовым патрэбам [41, арк. 6]. Такім чынам, адмовіць прэтэндэнту на зямельную ўласнасць стала прасцей, спаслаўшыся на высокую развітасць той ці іншай сферы вытворчасці.

Абмежаваннем у праве землевалодання і землекарыстання таксама падвяргаліся яўрэі. Да апошняй чвэрці XIX ст. яны маглі набываць ненаселеныя маёнткі ў мяжы аселасці, у якую ўваходзілі 15 заходніх і паўднёвых губерняў Расійскай імперыі. Пры гэтым у дзевяці з іх, што называліся раней, яўрэйскае насельніцтва не мела права набываць зямлі ў памешчыкаў і сялян. Нягледзячы на такія жорсткія абмежаванні, яўрэі ўсё ж маглі станавіцца землеўладальнікамі, але пры гэтым зямлю, якая была атрымана ад казны, нельга было прадаць асобам іншай нацыянальнасці [32, с. 312—314]. 3 мая 1882 г. быў прыняты заканадаўчы акт, згодна з якім у мяжы аселасці для адзначанай меншасці было прыпынена здзяйсненне купчых і закладных на нерухомае маёнткі па-за межамі гарадоў і мястэчак [24, с. 181]. У пачатку XX ст. урад змякчыў дыскрымінацыйныя нормы папярэдніх заканадаўчых палажэнняў у дачыненні да яўрэйскага насельніцтва. 10 мая 1903 г. быў прыняты закон, які змяніў правілы пасялення яўрэяў па-за межамі гарадоў і мястэчак. Дазвалялася свабоднае пражыванне ў 101 населеным пункце ў мяжы аселасці. Адначасова з гэтым асобы яўрэйскага паходжання набывалі права куплі нерухомай маёмасці, а таксама кіравання ці распараджэння ёю [8, с. 493—494].

Наступнай катэгорыяй насельніцтва, прадстаўнікам якой было забаронена набываць зямельныя надзелы ў беларускіх губернях, сталі замежныя падданыя.

14 сакавіка 1887 г. быў прыняты закон «Аб усталяванні асаблівых правілаў адносна набыцця іншаземцамі нерухомай маёмасці ў некаторых губернях заходняй паласы Расіі». У адпаведнасці з дадзеным заканадаўчым актам у Бесарабскай, Віленскай, Віцебскай, Вальнскай, Гродзенскай, Кіеўскай, Ковенскай, Курляндскай, Ліфляндскай, Мінскай і Падольскай губернях іншаземным падданым і замежным кампаніям былі забаронены набыццё і арэнда зямлі і кіраванне нерухомай маёмасцю па-за гарадскімі паселішчамі. Выключэнне складалі выпадкі атрымання ў спадчыну ў прамой сыходнай лініі і паміж мужам і жонкай. На перасяленцаў, якія прынялі расійскае падданства, дзеянне дадзенага закона не распаўсюджвалася [13, с. 101—102]. Асаблівацю абмежаванняў у сферы куплі-продажу зямлі іншаземцамі, у параўнанні з палаякамі і яўрэямі, стала тое, што абмежавальны закон 1887 г. так і не быў скасаваны.

Наяўнасць абмежавальных законаў у дачыненні да названых катэгорый насельніцтва стварала некаторыя нязручнасці і для тых прээндэнтаў на зямельную ўласнасць, на якіх дадзеныя нарматыўныя акты не распаўсюджваліся. Усе жадаючыя набыць зямлю ў беларускіх губернях незалежна ад свайго паходжання павінны былі прайсці папярэдняю праверку, падчас якой удакладняліся наступныя звесткі: палітычная і фінансавая добранадзейнасць; веравызнанне саіскальніка і яго сям'і; ці не з'яўляецца ён падстаўным агентам асобы, якой забаронена купляць зямлю ў дадзеным рэгіёне, і інш. Звычайна такая працэдура займала каля аднаго месяца, але ў некаторых выпадках цягнулася даўжэй [29, арк. 1—115].

Урадавая палітыка, скіраваная на рэгуляванне куплі-продажу зямлі асобамі нярускага паходжання, мела розныя па сваім характары вынікі. Пospех яна мела ў адносінах да іншаземцаў, якія да прыняцця закона 1887 г. займалі трэцяе месца па сваёй колькасці сярод астатніх катэгорый прамысловых прадпрыемстваў, а пасля — больш нізкія пазіцыі. Менш эфектыўнай урадавая палітыка была ў дачыненні да яўрэйскага насельніцтва. Так, купецкае саслоўе, якое ў беларускіх губернях на 84,5% складалася з яўрэяў, на працягу канца XIX — пачатку XX ст. займала лідзіруючыя пазіцыі як па прадстаўніцтве сярод прамысловых прадпрыемстваў, так і па аб'ёме вырабленай на іх прадпрыемствах прадукцыі [2, арк. 42—43]. Справа ў тым, што асобы яўрэйскага паходжання, у адрозненне ад іншых нацыянальнасцей, разам з абмежаваннем у куплі-продажы зямлі мелі пэўныя льготы пры заснаванні фабрык і заводаў. Урад добрабычліва ставіўся да заснавання прамысловых прадпрыемстваў яўрэямі, а таму закон абумоўліваў, што асобы яўрэйскага паходжання, якія засноўваюць у мяжы аселасці фабрыкі па вытворчасці шарсцяных, гарбарных, папяровых, шаўковых і іншых вырабаў, маглі атрымліваць грашовую дапамогу пасля асаблівага разгляду карыснасці такіх устаноў. Калі яўрэі выраблялі віно з ўласных садоў, то атрымлівалі ўсе прывілеі фабрыкантаў [32, с. 314—316]. Нягледзячы на існаваўшыя льготы для яўрэяў-фабрыкантаў, пытанне з забаронай набыцця імі зямлі да

пачатку XX ст. заставалася актуальным. Але ў некаторых з іх атрымлівалася абыйсці дадзеныя абмежаванні з дапамогай натарыусаў.

Станаўленне інстытута натарыята ў беларускіх губернях адбывалася паралельна з рэалізацыяй тут судовай рэформы 1864 г. З аднаго боку, ён адыгрываў важную ролю ў эканамічным жыцці грамадства, даючы пэўныя гарантыі бакам пры заключэнні рознага роду здзелак, а з іншага, — яго недахопы непазбежна становіліся тормазам на шляху іх рэалізацыі. Справа ў тым, што натарыяту быў уласцівы бюракратызм, залішняя скрупулёзнасць пры праверцы права валодання нерухомасцю і г. д. Карэнным недахопам тагачаснай натарыяльнай сістэмы быў парадак аплаты паслуг натарыусаў, які вызначаўся не пэўнай таксай, а дамовай з кліентам. Нават усведамляючы фіктыўнасць ці незаконнасць здзелкі, яе ўсё роўна маглі зацвердзіць у натарыяльнай канторы, каб не страціць кліентуру. Таму ў беларускіх губернях практыкавалася здача маёнткаў у арэнду асобам, якім па закону было гэта забаронена. Для гэтага ў аднаго натарыуса засведчаўся акт аб продажы рухомай маёмасці і жывёлы ці дамова аб яе пракорме. Затым кліенты ішлі да другога натарыуса з просьбай засведчыць дагавор на продаж ці пастаўку на працягу пэўнага тэрміну сельскагаспадарчых прадуктаў па пэўным кошыце. А ў трэцяга натарыуса здзяйснялася, напрыклад, дамова на продаж лесу, даверанасць на кіраванне млыном, заводам ці дамова аб іх арэндзе. Па гэтай жа прычыне ў беларускіх губернях адзначалася вялікая колькасць актаў, зацверджаных натарыусамі на чужое імя [5, арк. 97—104].

У заканадаўстве Расійскай імперыі ўтрымліваліся і пэўныя заахвочвальныя нормы, скіраваныя на заснавальнікаў прамысловых устаноў не толькі польскага ці яўрэйскага паходжання, але і з ліку рускіх падданых. Яны маглі быць вызвалены ад выбаркі купецкіх пасведчанняў на адзін год, нават калі не знаходзіліся ў гільдыях ці выбылі з іх больш за тры гады таму, але жадалі заснаваць фабрыку ці завод. Ільгота працягвалася яшчэ на два гады, калі прамысловец адкрываў сваё прадпрыемства на працягу ўсталяванага законам тэрміну. У гарадской мясцовасці для заснавальнікаў фабрык і заводаў у вытворчасці, якая яшчэ не існавала ў Расійскай імперыі і была карыснай для дзяржавы, прадугледжваліся льготы ў выглядзе асабістага вызвалення ад гарадскіх павіннасцей [39, с. 95—96]. Адзначаныя меры мелі моц на працягу другой паловы XIX ст. і былі скасаваны з прыняццем 8 чэрвеня 1898 г. «Палажэння аб дзяржаўным прамысловым падатку» [31].

Разглядаючы парадак заснавання прамысловага прадпрыемства, варта спыніцца на правілах, якія тычыліся яго будаўніцтва. Яны былі даволі падрабязнымі і могуць быць зведзены да наступных агульных палажэнняў. У гарадах дазвалялася будаваць толькі бяспечныя для навакольнага асяроддзя прамысловыя прадпрыемствы. Усе фабрычныя і заводскія будынкi, дзе мог выкарыстоўвацца агонь, у мэтах пажарнай бяспекі павінны былі ўладкоўвацца побач з вадаёмамі, удалечыні ад жывых сядзіб. Фасад гэтых будынкаў архітэктурнымі правіламі не абмяжоўваўся. Забаранялася будаваць новыя прамысловыя прадпры-

емствы ў тых месцах, дзе існавала спецыяльная берагавая паласа для папрэб суднаходства. Асабліва будаўнічыя правілы распаўсюджвалі дзеянне на фабрыкі і заводы, аснашчаныя паравым рухавіком. Ён павінен быў знаходзіцца ў асобным памяшканні з таўшчынёй сцен не меней 90 см, над якім нельга было ўладкоўваць жылля пакоі. Перад эксплуатацыяй рухавіка адбывалася выпрабаванне паравога катла, па выніках якога на ім ставілася кляймо. Пасля гэтага праверка павінна была праводзіцца праз тры гады [1, с. 120—121].

Заканадаўства Расійскай імперыі вызначала не толькі парадак заснавання і правілы будаўніцтва, але і арганізацыю самога прадпрыемства. Карыстанне, распараджэнне і адчужэнне прамысловых прадпрыемстваў здзяйснялася на тых жа ўмовах, што і нерухомасці [12, с. 882—883], аднак з адной папраўкай — фабрыкі і заводы, якія пераходзілі да новага гаспадара, не маглі быць раздробнены [21, с. 77—78; 26, с. 982—983]. Прамысловыя прадпрыемальнікі маглі ажыццяўляць сваю дзейнасць ва ўсіх галінах прамысловасці, за выключэннем вытворчасці зброі [19, с. 695], а таксама карт для гульні [30, с. 263; 33, с. 339], паколькі гэта з'яўлялася дзяржаўнай манаполіяй.

Адной з прыкмет гандлёва-прамысловага прадпрыемства з'яўляўся яго таварны знак. Фабрыканты мелі права кляймоць ці не кляймоць уласную прадукцыю, але клеймаваны тавар меў перавагі, асабліва пры зваротным узове яго з-за мяжы. Адзіныя, хто ў абавязковым парадку павінны былі гэта рабіць, — гаспадары шклянных заводаў; у адваротным выпадку шклянны посуд знішчаўся, а з фабрыканта спаганяўся штраф у памеры трайнога кошту посуду. Узор кляйма зацвярджаўся Дэпартаментам гандлю і мануфактур Міністэрства фінансаў, а падробка яго праследавалася па закону. Заяўленыя таварныя знакі павінны былі ўтрымліваць наступныя элементы: прозвішча, імя, імя па бацьку гаспадара прадпрыемства, яго назву і месцазнаходжанне. Усе надпісы павінны былі быць зроблены на рускай мове. Забаранялася змяшчаць на таварным знаку надпісы, мэты якіх была ўвесці пакупніка ў зман, а таксама выявы знакаў адрознення прадпрыемальніка, прызначаных для нашэння. Прамыслоўцы не былі абавязаны прадастаўляць у Дэпартамент гандлю і мануфактур узор сваёй прадукцыі, але маглі гэта рабіць добраахвотна [27, с. 129—132]. З прыняццем пратэкцыянісцкіх мытных тарыфаў 1868 і 1891 гг. фабрыканты атрымлівалі яшчэ адзін прывілей. Сутнасць яго заключалася ў тым, што прадпрыемальнікі мелі права выпісваць за свой рахунак праз Дэпартамент гандлю і мануфактур пры пасрэдніцтве консулаў і з дазволу міністра фінансаў узоры замежных вырабаў, якія былі неабходныя для вытворчасці, але былі забаронены для ўвозу мытнымі тарыфамі [39, с. 97].

Пры наяўнасці поспехаў у фабрычна-заводскай справе прадпрыемальнікі атрымлівалі рознага роду ўзнагароды: грашовая прэмія, пахвальныя медалі — залатыя і сярэбраныя, вялікія і малыя, права выкарыстоўваць дзяржаўны герб на шылдах і вырабах і інш. [1, с. 123]. Але дзясягненне гэтых поспехаў было немагчымым без выкарыстання разнастайных удасканаленняў.

У другой палове XIX ст. у Расійскай імперыі ўсё больш з'яўляліся людзі, якія сваімі вынаходствамі давалі новае жыццё некаторым галінам вытворчасці. Дзяржава, у сваю чаргу, павінна была гарантаваць такім асобам права карыстання іх адкрыццём, зарэгістраваўшы прывілею, дзякуючы якой прадпрыемальнікі маглі замацаваць за сабой выключнае права карыстання вынаходніцтвамі ці тэхнічнымі ўдасканаленнямі. Заканадаўчая аснова развіцця інстытутаў выключных правоў на аб'екты прамысловай уласнасці была закладзена яшчэ ў першай палове XIX ст. з прыняццем 17 чэрвеня 1812 г. «Маніфеста аб прывілеях на розныя вынаходніцтвы і адкрыцці ў мастацтвах і рамёствах» [25] і 22 лістапада 1833 г. «Палажэння аб прывілеях» [36]. У адпаведнасці з Палажэннем 1833 г. прывілея з'яўлялася актам, які быў выдадзены асобе ўрадам. Дадзены акт сведчыў аб тым, што апісанае ў ім вынаходніцтва або ўдасканаленне было своечасова прад'яўлена ўраду і надаваў саіскальніку права карыстання зробленым адкрыццём як сваёй уласнасцю. Карыстацца атрыманай прывілеяй можна было на працягу 10 год [36, с. 691, 693—694]. Выдача прывілея ажыццяўлялася Міністэрствам унутраных спраў, а з 1817 г. — Міністэрствам фінансаў. Аднак у адзначаных заканадаўчых нормах меўся адзін істотны недахоп — аўтар вынаходніцтва або ўдасканалення, калі нават і паспяхова праходзіў праверку, мог так і не атрымаць прывілею [25, с. 356; 36, с. 695].

Змены ў заканадаўстве, якое забяспечвала абарону інтэлектуальнай дзейнасці, былі ўнесены толькі ў канцы XIX ст. У адпаведнасці з прынятым 20 мая 1896 г. «Палажэннем аб прывілеях на вынаходніцтва і ўдасканаленне» [37] прывілеі маглі выдавацца як рускім, так і замежным падданым, і пры гэтым не толькі ўласна вынаходцу, але і яго правапераемнікам. Для атрымання прывілея падавалася прашэнне ў Дэпартамент гандлю і мануфактур, пры якім з 1 ліпеня 1896 г. спецыяльна быў створаны Камітэт па тэхнічных справах, што складаўся са спецыялістаў з вышэйшай адукацыяй. Асноўнай задачай дадзенага камітэта з'яўляўся разгляд грунтоўнасці пададзеных просьбаў. Прывілеі не выдаваліся на вынаходніцтвы і ўдасканаленні ў хімічнай і харчасмакавай вытворчасцях, а таксама на тых, што былі ўжо запрывілеяваны ў Расійскай імперыі або за яе межамі. Пры спрыяльным зыходзе саіскальнік аплачваў узнос у памеры 30 рублёў і абавязаны быў не пазней чым за пяць год са дня падпісання прывілея ўкараніць вынаходніцтва або ўдасканаленне ў вытворчасць. Дазвалялася яе перадача іншай асобе, але аб гэтым неабходна было адразу паведаміць у Дэпартамент гандлю і мануфактур. Інфармацыя аб выдачы пасведчанняў аб прывядзенні ў дзеянне вынаходніцтваў і ўдасканаленняў публікавалася ў «Весніку фінансаў, прамысловасці і гандлю» і «Урадавым весніку». У абароненым прывілеяй вынаходніцтве іншым прадпрыемальнікам магло быць зроблена ўдасканаленне. У гэтым выпадку апошні мог таксама атрымаць прывілею па дамове з першым уласнікам ці па заканчэнні дзеяння першай прывілея [37, с. 453—458]. Такім чынам, улады не толькі пад-

трымлівалі адкрыццё прамысловых прадпрыемстваў, але і стымулявалі прымяненне тэхнічных новаўвядзенняў у вытворчасці.

Прамысловыя прадпрыемствы маглі закрывацца па ўласным жаданні ўласніка ці па рашэнні ўрадавых асоб. У апошнім выпадку гэта магло быць абумоўлена наступнымі прычынамі: выраб забароненай прадукцыі, пагроза жыццю працоўных ці жыхарам навакольнай мясцовасці ў выніку састарэласці прамысловага прадпрыемства, страта ўласнікам яго гандлёвых правоў. Свае правы прадпрымальнік мог згубіць у выніку аб'яўлення аб неплацежаздольнасці або здзяйснення злачынства, якое выклікала пазбаўленне гандлёвых правоў. У заканадаўстве Расійскай імперыі была прадугледжана забарона далейшай прадпрымальніцкай дзейнасці ў выпадку несвоечасовай замены патэнта або білета да яго, тэрмін дзеяння якіх скончыўся [1, с. 126]. Але на практыцы адбывалася паштаму. Так, у 1896 г., падчас адной з праверак па выяўленні несапраўдных пасведчанняў, падатковым інспектарам Мінскай губерні было выяўлена 65 пратэрмінаваных пасведчанняў: 64 — на дробны гандль і 1 — другой гільдыі. Пасля іх замены і аплаты штрафу ўсе прадпрымальнікі працягнулі сваю дзейнасць [6, арк. 56—63, 80, 82—90, 97—100, 102—105, 108—114].

Такім чынам, у канцы XVIII — сярэдзіне XIX ст. у Расійскай імперыі пачалі складвацца арганізацыйна-прававыя асновы прадпрымальніцкай дзейнасці ў сферы прамысловасці, якія ў канчатковым выглядзе былі сфарміраваны толькі на мяжы XIX і XX стст. Важнай складаючай іх была рэгламентацыя заснавання, карыстання, распараджэння і адчужэння прамысловых прадпрыемстваў, якая на працягу ўсяго разглядаемага перыяду характарызувалася спалучэннем абмежаванняў з шэрагам ільгот як агульнага, так і прыватнага характару. З аднаго боку, адсутнасць сістэмнага падыходу ў працэсе стварэння прамысловых устаноў і яго бюракратызаванасць замаруджвала развіццё прамысловага прадпрымальніцтва. З іншага боку, адчувалася падтрымка ўладай прадпрымальніцкай ініцыятывы, што знаходзіла ўвасабленне ў станаўленні інстытутаў аховы прамысловай уласнасці. Спецыфічнай рысай у арганізацыі прадпрымальніцкай дзейнасці ў Беларусі з'яўлялася наяўнасць абмежавальных законаў у дачыненні да прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей, што ў пэўнай ступені замаруджвала развіццё прамысловага прадпрымальніцтва на гэтай тэрыторыі.

Крыніцы і літаратура

1. Антонович, А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права): В 2 ч. / А. Я. Антонович. — Киев: Типография университета, 1890. — Ч. 2. — 312 с.
2. Бурачонок, А. В. Развіццё прадпрымальніцтва ў фабрычна-заводскай вытворчасці Беларусі, 1861—1914 гг.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. В. Бурачонок. — Мінск, 2012. — 151 арк.
3. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства, 19 апреля 1785 г., № 16187 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е: В 45 т. — СПб., 1830. — Т. 22. — С. 344—358.

4. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи, 21 апреля 1785 г., № 16188 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: В 45 т. — СПб., 1830. — Т. 22. — С. 358—384.
5. Гушчынскі, І. Г. Роля судовых устаноў у палітычным жыцці і сацыяльна-эканамічным развіцці Беларусі (1864—1914 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / І. Г. Гушчынскі. — Мінск, 2011. — 170 арк.
6. Доклад податного инспектора о гильдейских и негильдейских торговых и промышленных предприятий, сообщения податного инспектора о составленных протоколах на владельцев торгово-промышленных предприятий за торговлю без патентов, ответ казенной палаты об утверждении этих протоколов // НГАБ. — Ф. 358. — Воп. 1. — Спр. 38.
7. История предпринимательства в России: В 2 кн. / Российская академия наук, Институт Российской истории. М: РОССПЭН, 2000. — Кн. 2: Вторая половина XIX — начало XX века / В. И. Бовыкин, М. Л. Гавлин, Л. М. Елифанова [и др.]. — 575 с.
8. Об изменениях Временных Правил 3 мая 1882 года о жительстве евреев вне городов и местечек, 10 мая 1903 г., № 23060 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1905. — Т. 23. — Отд. 1. — С. 493—494.
9. Об объявлении всех свидетельств, выданных до издания правил 27 декабря 1884 года на покупку имений в Западном крае, потерявшими свою силу, 1 ноября 1886 г., № 3985 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1888. — Т. 6. — С. 470.
10. Об ограничении принадлежащего крестьянам католического исповедания права приобретения земельной собственности в девяти западных губерниях, 27 января 1901 г., № 19618 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1903. — Т. 21. — Отд. 1. — С. 45.
11. Об отмене некоторых ограничительных постановлений, действующих в девяти западных губерниях, и о порядке выполнения пункта седьмого Именного указа 12 декабря 1904 года в отношении сих губерний, 1 мая 1905 г., № 26162 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1908. — Т. 25. — Отд. 1. — С. 285.
12. Об уничтожении Мануфактур-Коллегии и ее Конторы, 22 ноября 1779 г., № 14947 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: В 45 т. — СПб., 1830. — Т. 20. — С. 882—883.
13. Об установлении особых правил относительно приобретения иностранцами в собственность или в срочное владение и пользование недвижимых имуществ в некоторых губерниях западной полосы России, 14 марта 1887 г., № 4286 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1889. — Т. 7. — С. 101—102.
14. Об установлении правил относительно приобретения в собственность, залога и арендования в девяти западных губерниях земельных имуществ, вне городов и местечек расположенных, 27 декабря 1884 г., № 2633 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1887. — Т. 4. — С. 602—604.
15. Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний, 14 ноября 1824 г., № 30115 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: В 45 т. — СПб., 1830. — Т. 39. — С. 588—612.
16. О воспрещении лицам польского происхождения пожизненного владения земельной собственностью в девяти западных губерниях, на которых распространяется действие закона 10 декабря 1865 года, 2 февраля 1891 г., № 7422 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1894. — Т. 11. — С. 41.
17. О Высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою, 17 марта 1775 г., № 14275 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: В 45 т. — СПб., 1830. — Т. 20. — С. 82—86.

18. О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий, 1 января 1807 г., № 22418 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: в 45 т. — СПб., 1830. — Т. 29. — С. 971—979.
19. О запрещении изготовления и привоза из-за границы огнестрельного оружия образцов, употребляемых в войсках, 10 июня 1900 г., № 18793 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1902. — Т. 20. — С. 695.
20. О порядке выполнения пункта седьмого Именного указа 12 декабря 1904 года в отношении девяти западных губерний, 1 мая 1905 г., № 26163 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1908. — Т. 25. — Отд. 1. — С. 286—287.
21. О почитании дворов, заводов, фабрик, так же рудников и труб за имение недвижимое и о правилах раздела оногo между наследниками, 11 октября 1762 г., № 11681 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: В 45 т. — СПб., 1830. — Т. 16. — С. 77—78.
22. О пояснении и дополнении постановления касательно обязательной продажи или промена польских имений в Западном крае, 10 декабря 1865 г., № 42760 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: В 55 т. — СПб., 1867. — Т. 40. — Отд. 2. — С. 327—328.
23. О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка, 12 декабря 1904 г., № 25495 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1907. — Т. 24. — С. 1196—1198.
24. О приведении в действие Временных Правил о евреях, 3 мая 1882 г., № 834 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1886. — Т. 2. — С. 181.
25. О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах, 17 июня 1812 г., № 25143 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: В 45 т. — СПб., 1830. — Т. 32. — С. 355—356.
26. О признании дворов, заводов и фабрик со всяким строением, рудников и труб за имение недвижимое и о постановлении, как делить таковое имение между наследниками, 20 апреля 1762 г., № 11511 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: В 45 т. — СПб., 1830. — Т. 15. — С. 982—983.
27. О Проекте правил о товарных знаках, 26 февраля 1896 г., № 12553 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1899. — Т. 16. — Отд. 1. — С. 129—132.
28. О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащееся, 28 июня 1782 г., № 15447 // ПСЗРИ. Собрание 1-е: В 45 т. — СПб., 1830. — Т. 21. — С. 613—615.
29. Переписка с Минским, Витебским и другими губернаторами о выдаче разным лицам свидетельств на право покупки земли в губерниях // НГАБ. — Ф. 2001. — Воп. 1. — Спр. 1400.
30. Положение о выделке и продаже игральных карт, 3 апреля 1876 г., № 55757 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: В 55 т. — СПб., 1876. — Т. 51. — Отд. 1. — С. 263—266.
31. Положение о государственном промышленном налоге, 8 июня 1898 г., № 15601 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1901. — Т. 18. — С. 489—515.
32. Положение о евреях, 13 апреля 1835 г., № 8054 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: В 55 т. — СПб., 1836. — Т. 10. — Отд. 1. — С. 308—323.
33. Положение о карточной фабрике, 5 мая 1892 г., № 8589 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1895. — Т. 12. — С. 339—341.
34. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов, 1 января 1863 г., № 39118 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: В 55 т. — СПб., 1866. — Т. 38. — Отд. 1. — С. 3—15.

35. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов, 9 февраля 1865 г., № 41779 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: В 55 т. — СПб., 1867. — Т. 40. — Отд. 1. — С. 157—175.
36. Положение о привилегиях, 22 ноября 1833 г., № 6588 // ПСЗРИ. Собрание 2-е: В 55 т. — СПб., 1834. — Т. 8. — Отд. 1. — С. 691—696.
37. Положение о привилегиях на изобретения и усовершенствования, 20 мая 1896 г., № 12965 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: В 33 т. — СПб., 1899. — Т. 16. — Отд. 1. — С. 453—458.
38. Постановление чрезвычайного Варшавского сейма [1775 г.] о разрешении горожанам и иностранцам приобретать наследственные земли и владения // Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. док. и материалов: В 3 т. — Минск: Изд-во АН БССР, 1959—1961. — Т. 2: С середины XVII до воссоединения с Россией. — Минск, 1960. — 560 с. — С. 203—204.
39. Поткина, И. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX — первая четверть XX в. / И. В. Поткина. — М.: Норма, 2009. — 304 с.
40. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Каментг./ Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. — Мінск: БелСЭ, 1989. — 573 с.
41. Циркуляры департамента поліцыі о порядке выдачи разрешений на ношение оружия, об ограничении покупки земли лицами польской национальности, о предоставлении в департамент полиции списков лиц, находящихся под надзором полиции // НГАБ. — Ф. 1430. — Воп. 1. — Спр. 47705.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12.06.2014

З. В. Антановіч,

*дацэнт кафедры крыніцазнаўства
гістарычнага факультэта БДУ,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: zintanowicz@gmail.com*

АСАБІСТЫ СКЛАД ВЫШЭЙШАГА КЛІРУ МАГІЛЁўСКОЙ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ АРХІДЫЯЦЭЗІІ Ў КАНЦЫ ХVІІІ — ПАЧАТКУ ХХ ст.

Асабісты склад кіраўніцтва абумоўлівае эфектыўнасць ажыццяўлення функцый установы. Адназначна, яго аналіз дазваляе шматбакова ахарактарызаваць і вызначыць спецыфіку яе дзейнасці. Гэта таксама актуальна для рымска-каталіцкай царквы ў Расійскай імперыі канца ХVІІІ — пачатку ХХ ст., калі ў сувязі са зменамі на грамадска-палітычнай арэне беларускіх зямель адбываецца фарміраванне яе вышэйшага кліру. У канцы ХVІІІ — пачатку ХХ ст. пасады вышэйшага каталіцкага кліру займалі звыш 200 чалавек, у тым ліку каля 80 у кансісторыі і 100 — у капітуле, што пазітыўна адлюстравалася на дзейнасці рымска-каталіцкай царквы ў Расійскай імперыі. Пры гэтым прызначэнні і перамяшчэнні па іерархіі адбываліся пераважна са святарства падначаленай тэрыторыі [15, арт. 51], таму пры аналізе асабістага складу вышэйшага кліру неабходна ўлічваць змены ў адміністрацыйна-тэрытарыяльным дзяленні архідыяцэзіі, найбольш значныя з якіх адбыліся ў 1783 г., 1847 г. і 1883 г. [1, с. 65—70; 3; 12, т. ХІХ, с. 913; т. ХХІІ, с. 105—133; 13, т. ІІІ, с. 183; 16, с. 50; 18, т. І, s. 536—583; 24]. У лік вышэйшага кліру Магілёўскай архідыяцэзіі ў азначаны перыяд уваходзілі арцыбіскуп і набліжаныя да яго асобы (каад’ютар, біскуп-суфраган, архідыяканы, генеральны вікарый, візітатар, дэфенсар) і служачыя органаў канфесіянальнага кіраўніцтва: кансісторыі (афіцыял, віцэ-афіцыял і асэсары) і капітула (прэпазіт, архідыякан, кусташ, кантор, схаластык, канцыянатар, віцэ-кусташ, сеньёр і іншыя канонікі).

Адміністрацыйнае кіраўніцтва архідыяцэзіі, духоўны суд над святарствам і прыватнымі асобамі адносіліся да абавязкаў арцыбіскупа [15, арт. 42—49, 51, 56]. Пад асабістую адказнасць па ўзгадненні з органамі дзяржаўнай улады ім таксама прызначаліся цэнзары рукапісных казанняў, члены капітула і кансісторыі [15, арт. 59]. Ён або біскуп-суфраган прымаў непасрэдны ўдзел у арганізацыі працы згаданых устаноў і мог узначальваць іх пасяджэнні, як першы мітрапаліт С. Богуш-Сестранцэвіч. Арцыбіскуп прызначаўся паводле імяннага ўказа імператара па ўзгадненні кандыдатуры з Папам Рымскім [17, к. 50—51]. На гэтую пасаду пераважна прызначаліся асобы сталага ўзросту, са ступенню доктара тэалогіі, багаслоўя або кананічнага права, лаяльныя да ўрада і меўшыя вопыт кіраўніцтва дзяцэзіяй. Старэйшым прызначаным на пасаду быў К. Цецішоўскі (86 год), а маладзейшым — І. Галавінскі (48 год). Сярэдні ўзрост мітрапаліта ў Расійскай імперыі складаў каля 63 год, што не магло не ўплываць на іх актыўнасць у кіраўніцтве архідыяцэзіяй [27, с. 3—5, 7—9, 58—65].

У ажыццяўленні абавязкаў арцыбіскупа асіціравалі каад’ютар, магілёўскі, кіеўскі (з 1847 г. — лівонскі) і полацкі біскупы-суфраганы. Каад’ютар непасрэдна дапамагаў у выкананні агульных абавязкаў арцыбіскупа і пасля смерці або складання сану апошнім становіўся адміністратарам архідыяцэзіі да абрання новага арцыбіскупа. Акрамя таго, першапачаткова каад’ютар таксама ўзначальваў кансісторыю, што вызначала яго пражыванне ў Магілёве [1, с. 1—31]. Першым каад’ютарам архідыяцэзіі быў доктар багаслоўя Я. Беніслаўскі [1, с. 46—49; 10, с. 130—131]. Пасаду мітрапаліта атрымалі ў спадчыну каад’ютары І. Галавінскі і В. Жылінскі [1, с. 58—78].

Паводле рэгламенту 1789 г. намеснікам кансісторыі замест каад’ютара прызначаўся афіцыял з ліку біскупаў-суфраганаў [10, арк. 2]. У першай чвэрці ХІХ ст. на працягу амаль 30 год кіеўскім біскупам-суфраганам быў В. Камёнка, магілёўскім — М. Маздзенеўскі, а пазней — І. Грабоўскі, а полацкім — Ц. Адынец, якога на пасаду на працяглы час змяніў М. Ліпскі [22, 1810 — к. 40—42; 1820 — к. 40—42; 1824 — к. 38—41 v.]. Замест кіеўскага суфрагана, у сувязі са зменай адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення, у 1848 г. уведзена пасада лівонскага суфрагана [1, с. 219—220]. Гэтыя пасады перыядычна былі вакантнымі, напрыклад, пры арцыбіскупах І. Корвін-Паўлоўскім, А. Фіялкоўскім, А. Гінтаўце. Пры К. Дмахоўскім і С. Казлоўскім магілёўскімі суфраганамі былі А. Гінтаўт і Ф. Сымон [20, 1849 — s. 92—93; 1849 — s. 86—87; 1852 — s. 86—87; 23, 1892 — s. 170—171; 1894 — s. 202—203; 1895 — s. 172—173; 26, 1898 — s. 172—173].

Тэрытарыяльныя памеры архідыяцэзіі не дазвалялі арцыбіскупам эфектыўна выконваць свае абавязкі. Таму яна была размежавана на тры архідэканаты — кіеўскі, беластоцкі і беларускі [10, с. 237—242; 14]. Гэтае адміністрацыйна-тэрытарыяльнае дзяленне захоўвалася да сярэдзіны ХІХ ст., калі ў выніку яго рэарганізацыі склад архідыяцэзіі быў аптымізаваны. За гэты перыяд пасаду кіеўскага архідыякана займалі І. Грабоўскі, Я. Асалінскі і Ю. Стэгвіла. Беластоцкімі архідыяканамі былі М. Маздзенеўскі, К. Кубяшоўскі і Ф. Пятроўскі, а беларускімі — Ц. Адынец, І. Грабоўскі, Л. Санькоўскі і Я. Шчыг [22, 1810 — к. 40—42; 1821 — к. 40—42; 1824 — к. 37—41 v.; 1825 — к. 37 v.—40; 1828 — к. 40—42; 1830 — к. 40—42; 1831 — к. 40—42; 1832 — к. 45—47; 21, 1833. — к. 39 v.—41 v.; 1834 — к. 48—50; 1837 — к. 38 v.—39; 1838 — к. 44 v.—46; 1840 — к. 35—36 v.; 1841 — к. 39 v.—41; 1842 — к. 40—41 v.; 1843 — к. 39—40 v.]. Змены духавенства на азначаных пасадах пераважна звязаны з прызначэннем новых мітрапалітаў.

Генеральны вікарый з’яўляўся намеснікам арцыбіскупа падчас яго адсутнасці па стане здароўя або ў выпадку смерці да абрання новага, пры ўмове адсутнасці каад’ютара. У Магілёўскай архідыяцэзіі генеральны вікарый абіраўся аднагалосна на пасяджэнні вялікага капітула, як, напрыклад, Я. Цяпляк. Аднак, калі капітул не дасягнуў агульнага рашэння, выкарыстоўваўся метад жараб’ёўкі. Такім чынам быў абраны А. Фіялкоўскі [11, арк. 136—139]. Пры

гэтым не дазвалялася парушаць іерархію, калі ў дзяцэзіі быў адзін ці некалькі біскупаў-суфраганаў, то ім належала заняць азначаную пасаду.

Абмежаваную сферу дзейнасці, аднак значныя ў межах архідыяцэзіі функцыі, мелі візітатар і дэфенсар, якія мяняліся нячаста. Да сферы кампетэнцыі візітатара адносілася ажыццяўленне пастырскіх і кананічных візітацый, а таксама прадстаўніцтва інтарэсаў рэвізуемых устаноў у кансісторыях і арцыбіскупа. Сярод іх можна згадаць Я. Васількоўскага, Ю. Галкевіча і Ф. Сідаровіча. Апошні займаў гэтую пасаду на працягу 11 год [20, 1861 — s. 77—79; 1862 — s. 92—94; 25, 1863 — s. 81—83; 26, 1872 — s. 100—101; 1885 — s. 165—166; 1888 — s. 165—166; 1889 — s. 173—174; 1890 — s. 167—168; 1892 — s. 188—189; 23, 1892 — s. 170—171; 1894 — s. 202—203; 1895 — s. 172—173].

Скасаванне шлюбу не магло быць прызнана без прысутнасці дэфенсара, які надзяляўся шырокімі паўнамоцтвамі для абароны сям'і і з'яўляўся ключавой фігурай суда кансісторыі [28]. У перыяд 1859—1862 г. азначаную пасаду займаў Ф. Дабравольскі [26, s. 88], а ў 1909 г. — І. Балтрушыс і Ф. Стракшас [19, s. 41]. Пры А. Гінтаўце было тры дэфенсары: А. Давідовіч, Л. Славінскі і Ю. Захарэвіч, што звязана з павелічэннем колькасці разглядаемых спраў аб скасаванні шлюбу ў выніку далучэння да архідыяцэзіі тэрыторыі Мінскай губерні са значнай колькасцю асоб рымска-каталіцкага веравызнання [26, 1889 — s. 173—174; 1890 — s. 167—168; 1892 — s. 188—189].

Акрамя названых пасадаў, у ажыццяўленні абавязкаў арцыбіскупа дапамагалі два органы — капітул і кансісторыя, у склад якіх таксама ўваходзілі прадстаўнікі вышэйшага кліру. Магілёўскі капітул падзяляўся на дзве часткі: прэлатаў і канонікаў. Да ліку прэлатаў адносіліся пасады прэпазіта (намесніка), дэкана (адміністрацыйнага п'яганні), архідыякана (дысцыплінарнага і адміністрацыйнага п'яганні), кушташа (распараджэнне маёмасцямі капітула, архівам), кантара (музычнае суправоджэнне набажэнстваў) і схаластыка. Апошні пры кафедральным касцёле ўзначальваў вучылішча, а таксама клапаціўся аб удасканаленні навучання моладзі догматам веравызнання. Акрамя таго, да яго абавязкаў адносілася выкананне перакладаў духоўных сачыненняў разам з іншымі святарамі. Абавязкі канонікаў дэталізаваліся ў другой палове XIX ст., калі былі ўведзены пасады канцыянатара (багаслова), віцэ-кушташа, сеньёра (дысцыплінарнага п'яганні) і сакратара [1, с. 34—35].

Капітул назіраў, каб абіраліся на пасады засядацеляў калегіі асобы, даведчаныя ў кананічным праве, якія валодаюць рускай і польскай мовамі [15, арт. 40]. Пры смерці або адмове ад сану арцыбіскупа імі абіраўся генеральны вікарый для кіраўніцтва архідыяцэзіяй на гэты перыяд [15, арт. 63]. Капітул таксама сачыў за выкананнем указаў арцыбіскупа, прызначэннях на пасады [1, с. 17—23]. Штодзень адным з канонікаў у кафедральным касцёле адпраўлялася набажэнства, а ў святочныя дні — адным з прэлатаў. Генеральны сход, на якім павінны былі прысутнічаць усе члены, адбываўся штогод у дзень св. Станіслава. Члены капітула таксама адказвалі за эфектыўнасць навучання догматам веравызнання ў падначаленых парафіях [1, с. 29—34].

Паводле акта І. Аркеці дакладна вызначаліся бенефіцыі (парафіі, ад якіх святары атрымлівалі даход) членаў капітула: Магілёўская св. Станіслава (прэпазіт), Асуньская (архідыякан), Невельская (кушташ), Люцынская (схаластык), Дынабургская, Марыенгаўзская, Месціслаўская і Себежская. Акрамя вышэйзгаданых, прызначаліся чатыры канонікі з Крычэўскай, Санкт-Пецярбургскай, Маскоўскай і Херсонскай парафіяй. Яны мелі права заняць месца каноніка пры ўмове знаходжання ў Магілёве, аднак без права голасу на агульным сходзе. Адным з першых прэпазітаў у 1824 г. стаў М. Ліпскі. Архідыякана А. Вышамірскага змяніў каля 1821 г. К. Вейтка, на пасаду кушташа С. Жукоўскага змяніў А. Маеўскі, а схаластык Я. Беніслаўскі саступіў пасаду для Г. Камёнка [22, 1820 — к. 40—42]. Канонікамі на пачатку XIX ст. былі Ю. Бышкоўскі, Я. Масцлет, Ф. Мачульскі, П. Станкевіч, Ю. Гальнскі, Ю. Садко, В. Камёнка, К. Вейтка, А. Сыхра, Я. Аношка, Я. Лавасьеў, М. Маздзенеўскі [22, 1810 — к. 40—42].

Граматай 1783 г. у Магілёўскай архідыяцэзіі зацвярджалася кансісторыя ў складзе каад'ютара (біскупа-суфрагана) і канонікаў з ліку Асуньскага, Люцынскага, Магілёўскага і Невельскага пробашчаў, які адначасова ўваходзілі ў склад капітула [12, т. XXI, с. 1054]. У пачатку XIX ст. у склад прысутнасці ўваходзілі: афіцыял Ю. Гальнскі, якога да 1821 г. змяніў І. Грабоўскі; віцэ-афіцыял К. Вейтка, якога змяніў Т. Дабравольскі. Асэсарамі з'яўляліся М. Маздзенеўскі, А. Маеўскі, А. Сыхра, а з 1821 г. — Л. Санькоўскі, Ф. Крыжаноўскі, В. Сіпайла [9, арк. 5 адв.—б]. У першую чаргу кансісторый вырашаліся пытанні, звязаныя з духавенствам архідыяцэзіі. Адміністрацыйнае кіраўніцтва падначаленымі ўстановамі тычылася дзейнасці парафіяльных касцёлаў, а таксама дэканаў і пробашчаў, для якіх рэгламентаваліся ўзаемаадносіны з прыхаджанамі. Важнейшыя дысцыплінарныя пытанні, маёмасныя спрэчкі паміж духавенствам і нездзяйсненне манаскіх абетаў уваходзілі ў сферу судовых кампетэнцый азначанай установы. Рашэнні прымаліся арцыбіскупам на падставе матэрыялаў следства і першапачатковага прысуду, які выносіўся ў кансісторыях [2, с. 27—40; 15, арт. 64—68]. Пры гэтым кансісторыя мела права дарадчага голасу, а арцыбіскуп не меў права разглядаць судовыя справы асабіста [10].

Улічваючы, што ў абавязкі членаў капітула ўваходзіў удзел у пасяджэннях кансісторыі і іх склад, паводле канкардату 1847 г. паміж Расійскай імперыяй і Рымам, прадпівалася мяняць пры кожным новым арцыбіскупе (каад'ютары або генеральным вікарый), тэндэнцыі кар'ернага росту вышэйшага рымска-каталіцкага кліру можна прасачыць па перыядах дзейнасці мітрапалітаў [1, с. 193—207; 15, арт. 34].

Першапачатковы склад капітула і кансісторыі быў сфарміраваны пры арцыбіскупе С. Богуш-Сестранцэвічу. Пасля яго смерці адміністратарам архідыяцэзіі капітул абраў схаластыка В. Камёнку, які прыняў на пасаду асэсара С. Каліанкоўскага [22, 1820 — к. 41—42; 1825 — к. 38 v.—40]. У хуткім часе, 27 лістапада 1828 г., кіраўніцтва перайшло да біскупа-наміната І. Грабоўскага, пры якім адбыліся пэўныя змены ў асабістым складзе абедзвюх устаноў [27,

с. 7, 12—14]. У гэты перыяд прызначаны прэпазіт капітула — М. Ліпскі, а кусташам стаў Я. Шчыг, які правёў на гэтай пасадзе звыш 35 год. Па кар’ернай лесвіцы прасунуўся М. Францішак, а на яго месца быў прыняты К. Кубячоўскі. Акрамя таго, змяніліся два асэсары кансісторыі, пасады якіх занялі А. Длуцкі і М. Палоньскі [22, 1834 — к. 48—50; 1837 — к. 38 v.—39; 1838 — к. 45 v.—46].

Аналагічны склад кансісторыі захаваўся падчас знаходжання на пасадзе арцыбіскупа Г. Цецішоўскага, што абумоўлена яго нязначным удзелам у кіраўніцтве царквой па прычыне сталага ўзросту. У прыняцці рашэнняў ён знаходзіўся пад уплывам біскупа-намінага І. Грабоўскага, а затым Я. Шчыта [27, с. 7—9]. Пасля смерці згаданага арцыбіскупа генеральным вікарыем Магілёўскай архідыяцэзіі быў абраны В. Камёнка, які ажыццявіў змены ў складзе канонікаў: замест Ф. Мачульскага прызначаны К. Бабравіцкі, у склад уведзены М. Ласкі і А. Нагіевіч [21, 1833 — к. 39 v.—41 v.; 1834 — к. 48—50]. Апошні займаў пасаду каноніка да 1838 г., калі яго змяніў Л. Брынк, перамяшчаны на кангара ў 1844 г. [21, 1837 — к. 37 v.—39].

Арцыбіскуп І. Корвін-Паўлоўскі ў склад кансісторыі ўвёў А. Урублеўскага, які з 1844 г. стаў схаластыкам капітула, а М. Горскі быў прыняты на пасаду прэпазіта [27, с. 14—16; 21, 1841 — к. 39—41; 1842 — к. 40—41 v.]. Пры М. Ласкім, які з 10 верасня 1842 г. стаў адміністратарам архідыяцэзіі і афіцыялам кансісторыі, узрасла роля апошняй у кіраўніцтве рымска-каталіцкай царквой у Расійскай імперыі [27, с. 17—20, 29]. У капітуле канонікамі сталі П. Юшкевіч, В. Сіпайла, Ю. Акелевіч. Сам М. Ласкі заняў пасады прэпазіта капітула, з 1843 г. — віцэ-афіцыяла і з 1844 г. — афіцыяла кансісторыі [21, 1842 — к. 40—41 v.; 1843 — к. 39—40 v.]. На апошняй пасадзе М. Ласкі застаўся і пры арцыбіскупе К. Дмахоўскім [27, с. 49—53], з’яўляючыся адначасова прэпазітам капітула, а яго месца дэкана заняў А. Касоўскі [5, арк. 1—3; 6, арк. 1 адв.—8; 7, арк. 1—6]. Пасаду архідыякана ўзначалены перыяд заняў Л. Брынк [5, арк. 7—8; 6, арк. 8 адв.—10; 7, арк. 7—9], а кангара — А. Урублеўскі [5, арк. 9—12; 6, арк. 10 адв.—14; 7, арк. 9 адв.—12], на чыё месца схаластыка спачатку быў прыняты І. Аношка, а затым А. Вайткевіч (з 1850 г.). Адбыліся змены ў пасадах канонікаў, што ўдакладніла іх абавязкі: першым канцыянатарам стаў К. Бабравіцкі, віцэ-кусташам — А. Багенскі [5, арк. 13 адв.—16; 7, арк. 13 адв.—18], сеньёрам — Г. Івашкевіч [4, арк. 45—47]. З ліку канонікаў быў прызначаны сакратар Ф. Гарбачоўскі, які таксама выконваў абавязкі дэфенсара. Месца асэсараў у кансісторыі занялі Ю. Васількоўскі [5, арк. 21—26; 6, арк. 24 адв.—34; 7, арк. 22 адв.—28] і А. Шатынскі. Такім чынам, упершыню амаль цалкам змяніўся склад вышэйшага каталіцкага кліру [20, 1849 — s. 91—93; 1852 — s. 85—87].

Пасля смерці К. Дмахоўскага пасаду арцыбіскупа заняў былы каад’ютар архідыяцэзіі І. Галавінскі [27, с. 58—65]. Пры ім Ю. Станеўскі стаў магілёўскім суфраганам. У капітуле адбыліся дзве змены: пасаду сакратара заняў А. Рэут, а месца схаластыка вызвалілася з 1853 г. У кансісторыі А. Урублеўскі стаў асэсарам, аднак у 1853 г. на гэтую пасаду вярнуўся Ю. Васількоўскі.

Пасада віцэ-афіцыяла з 1844 г. па 1856 г. была вакантнай, а асэсарам стаў Ю. Галкевіч [20, 1852 — s. 85—87; 1853 — s. 86—88; 1854 — s. 85—87].

У 1855 г. кіраўніцтва архідыяцэзіяй перайшло да адміністратара А. Фіялкоўскага, аднак у хуткім часе каад’ютарам прызначаны В. Жылінскі, які ў 1856 г. стаў арцыбіскупам [27, с. 58—65]. Пры ім Ф. Дабравольскі стаў дэфенсарам. У капітуле пасаду кангара занялі Ю. Васількоўскі, В. Таралевіч, а з 1861 г. — Л. Гадлеўскі. Віцэ-кусташам стаў Г. Івашкевіч, якога змяніў Ю. Васількоўскі, а Г. Івашкевіч перамясціўся на пасаду сеньёра. Паступова змянілася некалькі афіцыялаў кансісторыі: В. Таралевіч (1856—1860 гг.) і Ю. Васількоўскі (1861—1866 гг.). У 1857 г. П. Келкевіч стаў віцэ-афіцыялам да 1866 г. [8, арк. 14 адв.—19]. Асэсарамі засталіся А. Урублеўскі і П. Кеўліч, у 1862 г. аналагічную пасаду заняў Л. Гадлеўскі [7, арк. 20 адв.—22; 20, 1855 — s. 72—74; 1856 — s. 91—93; 1861 — s. 77—79; 1862 — s. 92—94; 25, 1863 — s. 81—83].

Пры біскупе-суфрагане і адміністратары архідыяцэзіі Ю. Станеўскім змен у асабістым складзе вышэйшага кліру не адбылося [26, 1864 — s. 69—71; 1865 — s. 110—112]. З 11 лютага 1871 г. А. Фіялкоўскі прызначаны арцыбіскупам, але быў абвешчаны імператарам толькі 14 красавіка 1872 г. [27, с. 88—92, 95]. Улічваючы стан яго здароўя (у хуткім часе страціў зрок і слых), значная роля ў кіраўніцтве рымска-каталіцкай царквой належала Е. Івашкевічу, біскупу-суфрагану, абранаму капітулам 9 снежня 1871 г. [27, с. 86—87]. У 1873 г. А. Місевіч стаў дэфенсарам, абавязкі якога выконваў да 1883 г., калі яго замянілі К. Грынявіцкі, Я. Арцымовіч і Л. Славінскі. Візітарам стаў у 1873 г. Ю. Галкевіч. Грунтоўныя змены адбыліся ў складзе капітула. Прэпазітам быў прызначаны П. Келкевіч з 1873 г. да 1890 г., а дэканам у 1883 г. А. Даўгяла. Змяніліся тры архідыяканы: А. Багенскі, А. Даўгяла, С. Якусевіч [8, арк. 19 адв.—29]. Апошні быў перамяшчаны на гэтую пасаду з пасады сеньёра. Кусташамі з’яўляліся: Г. Івашкевіч, С. Якусевіч, К. Сарачынскі. Схаластыкам быў Ю. Ракіцкі, якога ў 1880-я гг. змяніў К. Грынявіцкі. На іншых пасадах змен было менш: канцыянатарам з’яўляўся Ф. Афанасовіч, віцэ-кусташам — А. Грынявіцкі, сеньёрам — А. Мартынаў. Цікава, што з 1872 г. па 1893 г. у магілёўскай кансісторыі адсутнічаў афіцыял. Пасаду віцэ-афіцыяла заняў А. Урублеўскі, які саступіў яе А. Даўгялу. Асэсарамі з’яўляліся Л. Гадлеўскі і С. Якусевіч, а пазней, у 1880-я гг., П. Келкевіч, А. Грынявіцкі і К. Сарачынскі, якога ў 1883 г. замяніў С. Якусевіч [26, 1872 — s. 98—101; 1881 — s. 140—143; 1882 — s. 142—145; 1883 — s. 141—144]. Такім чынам, у другі раз адбылося кардынальнае абнаўленне асабістага складу вышэйшага кліру магілёўскай архідыяцэзіі.

Па кар’ернай лесвіцы прынятыя на пасады вышэйшага кліру святары прасунуліся пры арцыбіскупе А. Гінтаўце [27, с. 96—110]. У 1883 г. аднавіўся склад дэфенсараў, якімі сталі А. Давідовіч і Л. Славінскі, з 1889 г. да іх далучыўся Ю. Захарэвіч. У 1886 г. змяніўся склад капітула. У прыватнасці, пасады архідыякана, кусташа і кангара занялі адпаведна К. Сарачынскі, А. Мартынаў і К. Мацулевіч, а І. Бранцэвіч стаў віцэ-кусташам. У гэты ж перыяд на пасадзе

асэсара кансісторыі С. Якусевіча змяніў А. Аўдзевіч, які на год раней увайшоў у склад прысутнасці гэтай установы. Адначасова ён заняў месца схаластыка капітула і віцэ-кушташа [26, 1885 — s. 156—159; 1886 — s. 154—157; 1886 — s. 164—166; 1888 — s. 164—166].

Будучы арцыбіскуп, генеральны вікарыі Магілёўскай архідыяцэзіі А. Даўгяля, не мог унесці значных змен на працягу трох месяцаў, калі займаў пасаду, нягледзячы на дасведчанасць у кіраўніцтве каталіцкай царквой у Расійскай імперыі: з 1883 г. ён паступова займаў пасады віцэ-афіцыяла кансісторыі, дэкана Рымска-каталіцкай духоўнай калегіі і толькі ў 1890 г. стаў арцыбіскупам [27, с. 96, 110—113]. Адзінай зменай за час яго кіраўніцтва стала прызначэнне І. Бранцэвіча і К. Прапалянса на пасады асэсараў у 1891 г. [26, 1889 — s. 172—174; 1890 — s. 166—168; 1892 — s. 187—189].

С. Казлоўскі на пасадзе арцыбіскупа не ўнёс значных змен у асабісты склад вышэйшага кліру [27, с. 113—123]. Яго каад'ютарам, афіцыялам кансісторыі і прэпазітам капітула з'яўляўся Ф. Сымон, які такім чынам сканцэнтравваў вышэйшыя пасады духавенства ў сваёй асобе [27, с. 116—117]. Прэлаты і канонікі прасунуліся па іерархіі: А. Мартынаў стаў архідыяканам, К. Мацулевіч — кустахам, Ф. Афанасовіч — кантарам, І. Бранцэвіч — схаластыкам. У склад прысутнасці кансісторыі ўвайшлі асэсары А. Урублеўскі і В. Маеўскі. Апошні ў 1898 г. заняў пасаду таксама схаластыка капітула [23, 1892 — s. 169—171; 1894 — s. 201—203; 1895 — s. 171—173; 26, 1898 — s. 171—173].

Б. Клапатоўскі, прызначаны арцыбіскупам у 1901 г., таксама не праявіў актыўнасці ў фарміраванні бліжэйшага атачэння [27, с. 132—134]. Пры ім схаластыкам капітула і афіцыялам кансісторыі стаў С. Дзянісевіч. У капітуле адбываюцца далейшыя перамяшчэнні: А. Мартынаў стаў прэпазітам, К. Мацулевіч — дэканам, Ф. Афанасовіч — архідыяканам, В. Маеўскі — кустахам. З'яўляюцца новыя асобы: В. Эрдман на пасадзе кантара, В. Свідэрскі — канцыянтарам, Э. Ключэўскі — віцэ-кушташа [26, 1901 — s. 169—171; 19, 1903 — s. 169—171].

У 1903—1905 гг., калі кіраўніцтва архідыяцэзіі сканцэнтравалася ў руках прэлата С. Дзянісевіча, а затым — арцыбіскупа Е. Шэмбека, змен у асабістым складзе капітула не адбылося [27, с. 134—139]. Біскупам-суфраганам у 1905 г. стаў Я. Цяпляк, а віцэ-афіцыялам кансісторыі — В. Свідэрскі. У складанай сітуацыі апынулася прысутнасць кансісторыі, калі В. Маеўскага на пасадзе асэсара змяніў Э. Ключэўскі, які застаўся адзіным пастаянным асэсарам [19, 1905 — s. 42—44].

Арцыбіскуп А. Унукоўскі на працягу амаль двух гадоў займаў вышэйшую пасаду каталіцкага кліру, нягледзячы на слабасць здароўя [27, с. 150—152]. Таму не здзіўляе, што акрамя замены С. Дзянісевіча на пасадзе схаластыка Э. Ключэўскім, змен не адбылося [19, 1909 — s. 38—40]. Пад паўторным адміністраваннем архідыяцэзіі С. Дзянісевіча склад кансісторыі захавваўся, чаго нельга сцвярджаць пра капітул [27, с. 152—156]. Так, Я. Цяпляк стаў

дэканам, В. Эрдман — кустахам, В. Свідэрскі — кантарам, А. Ласінскі — віцэ-куштахам, І. Балтрушыс — сеньёрам [19, 1910 — s. 32—35].

Апошняе значнае аднаўленне ў складзе кансісторыі адбылося пад кіраўніцтвам мітрапаліта В. Ключынскага [27, с. 156—167]. Да 1914 г. ён сфарміраваў новы склад магілёўскай кансісторыі: Ф. Астроўскі (афіцыял), В. Пласкевіч (віцэ-афіцыял), Л. Баркоўскі (асэсар), А. Акко (асэсар). Новыя асобы ўвайшлі таксама ў склад капітула: прэпазітам стаў Я. Цяпляк, на пасаду дэкана перамясціўся Ф. Афанасовіч, кусташа — Э. Ключэўскі, кантара — І. Балтрушыс, віцэ-кушташа — Ф. Карэвіч, сеньёра — будучы біскуп Мінскай дыяцэзіі З. Лазінскі [19, 1911 — s. 40—43; 1914 — s. 132—136]. Падобны склад капітула і кансісторыі захавваўся амаль да ліквідацыі азначаных устаноў.

Можна сцвярджаць, што вышэйшы клір у канцы XVIII — пачатку XX ст. уяўляў сабой рухомы пласт рымска-каталіцкага духавенства. Калі арцыбіскупы, каад'ютары, біскупы-суфраганы і дэфенсары прадстаўлялі стабільную ступень іерархіі, то на пасадах у капітуле і кансісторыі прадстаўнікі духавенства мелі магчымасці для перамяшчэнняў у розных напрамках. Напрыклад, Л. Брынк з 1838 г. па 1865 г. прайшоў ступені ад каноніка да дэкана капітула. Іншы прадстаўнік духавенства — М. Ласкі ў 1841—1843 гг. займаў пасаду віцэ-афіцыяла кансісторыі, у 1843—1844 гг. — адміністратара архідыяцэзіі, а затым афіцыяла кансісторыі, дэкана і прэпазіта капітула. Ратацыя кадрў адбывалася пераважна пры змене арцыбіскупаў або адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення рымска-каталіцкай царквы ў Расійскай імперыі. Так, найбольш актыўнымі арцыбіскупамі ў фарміраванні асабістага складу вышэйшага кліру былі К. Дмахоўскі і А. Фіялкоўскі, а Г. Цецішоўскі, Г. Клапатоўскі, А. Унукоўскі амаль не перамяшчалі служачых капітула і кансісторыі. Найбольш спрыяльныя ўмовы для прасоўвання па кар'ернай лесвіцы духавенства атрымала пры А. Гінтаўце, калі супалі актыўны ўзрост арцыбіскупа, стабільнасць на грамадска-палітычнай арэне Расійскай імперыі і адміністрацыйна-тэрытарыяльнае рэарганізацыя каталіцкай царквы.

У сярэднім на адной пасадзе прадстаўнікі вышэйшага кліру знаходзіліся ад двух да шасці гадоў. Пры гэтым абавязкі кусташа капітула ў 1830—1860-я гг. звыш 35 год выконваў Я. Шчэп [5, арк. 12—13 адв., 66—71; 6, арк. 39—44; 7, арк. 12 адв.—15], а сеньёра — амаль 25 год Г. Івашкевіч, такі ж перыяд правёў у якасці асэсара кансісторыі А. Урублеўскі. Перамясціцца па іерархіі можна было ў межах двух-трох год у капітуле, як гэта зрабіў Казімір Сарачынскі, які ў 1882 г. быў прыняты на пасаду кантара капітула, а з 1883 г. стаў кустахам. У кансісторыі для гэтага патрабавалася ад трох да пяці год, што пераважна звязана з меншай колькасцю пасадаў для духавенства. Найбольш часта змены адбываліся на пасадах асэсараў кансісторыі, кусташаў і канонікаў (з сярэдзіны XIX ст. — канцыянтарам і віцэ-кушташа) капітула. Пры гэтым прадстаўнікі вышэйшага кліру маглі займаць некалькі пасадаў адначасова. Так, К. Вейтка займаў пасады віцэ-

афіцьяла кансісторыі і архідьякана капітула ў 1831—1834 гг., а В. Маеўскі з'яўляўся асэсарам кансісторыі і кушташам капітула ў 1902—1905 гг.

Крыніцы і літаратура

- Акты и грамоты об устройстве и управлении Римско-католической церковью в империи Российской и царстве Польском. — Санкт-Петербург: Типография второго отделения Е. И. В. канцелярии, 1849. — 240 с.
- Антановіч, З. В. Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторыі: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782—1918 гг.) / З. В. Антановіч. — Дыс. ... канд. гіст. навук: 05.25.02. — Мінск, 2010. — 148 с.
- НГАБ. — Ф. 1781. — Воп. 25. — Спр. 42. — Справа аб перадачы Мінскай губерні ў падпарадкаванне Магілёўскага арцыбіскупа, 1882—1893 гг.
- Там жа. — Спр. 138. — Фармулярныя спісы рымска-каталіцкага духавенства Магілёўскай архідьяцэзіі за 1853 г.
- Там жа. — Спр. 149. — Фармулярныя спісы рымска-каталіцкага духавенства Магілёўскай архідьяцэзіі за 1860 г.
- Там жа. — Спр. 150. — Фармулярныя спісы рымска-каталіцкага духавенства Магілёўскай архідьяцэзіі за 1861 г.
- Там жа. — Спр. 151. — Фармулярныя спісы рымска-каталіцкага духавенства Магілёўскай архідьяцэзіі за 1865 г.
- Там жа. — Спр. 154. — Фармулярныя спісы служачых Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі, 1876 г.
- Там жа. — Спр. 83. — Фармулярныя спісы рымска-каталіцкага духавенства Магілёўскай архідьяцэзіі за 1824 г.
- Там жа. — Ф. 3219. — Воп. 1. — Спр. 778. — Рэгламент для кляштару і касцёлаў рымска-каталіцкага веравызнання ў Расійскай імперыі, 1798 г.
- Там жа. — Спр. 1. — Журналы пасаджэнняў рымска-каталіцкага архікатэдральнага капітула, 1842—1869 гг.
- Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. — Собрание первое: в 45 т. — Санкт-Петербург: Тип. II отд. собственной Е. И. В. канцелярии, 1830—1851. — Т. XVIII. — С. 833—840; Книга штатов 4-го отделения. — С. 102—104; Т. XIX. — С. 913; Т. XXI. — С. 383—385; Т. XXI. — С. 1054—1056; Т. XXII. — С. 105—133; Т. XXIII. — С. 761—762; Т. XXV. — С. 222—224; Т. XXV. — С. 126, 237—242; Т. XXVI. — С. 433—436; Т. XXVII. — С. 931—932; Т. XXVII. — С. 1062.
- Там жа. — Собрание третье. — Санкт-Петербург: Тип. II отд. собственной Е. И. В. канцелярии, 1886 г. — Т. III. — С. 183.
- Попов, М. А. Деятельность митрополита С. Богущ-Сестренцевича по формированию деканальной сети Могилевского архиепископства (1773—826 гг.) / М. А. Попов // Высшая школа: проблемы и перспективы. Материалы 8-й междунар. науч.-метод. конф. Минск, 18—19 декабря 2007 г. / РИВШ; редкол.: М. И. Демчук (и др.). — Минск: РИВШ, 2007. — Ч. 2. — С. 82—85.
- Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. — Кн. 1. О управлении духовных дел христиан римско-католического и армяно-католического исповеданий // Свод законов Российской империи / Сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг / Под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. — Санкт-Петербург: печ. Графического института. Бр. Лукшевиц, 1896. — Т. XI. — Ч. 1. — С. 1—16.

- Толстой, Д. А. Римский католицизм в России / Д. А. Толстой. — Санкт-Петербург: Тип. В. Ф. Демакова, 1876. — Т. 1. — 178 с.
- Biblioteka naukowa Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. — Rkp. 4840. — Т. 1. — Notaty ks. Fijałka i wycinki prasowe, dotyczące biskupstwa i metropolity Mohylewskiego, XIX—XX w.
- Boudou, A. Stolica Święta a Rosja: dyplomatyczne stosunki między niemi w XIX stuleciu / A. Boudou; przekład z francuskiego Z. Skowrońskiej. — Т. 1: 1814—1847. — Kraków: Wydawnictwo księży Jezuitów, 1928. — 608 s.; Т. 2: 1848—1883. — Kraków: Wydawnictwo księży Jezuitów, 1930. — 680 s.
- Directorium divini officii et missarum pro Archidioecesis Mohileviensis In annum Domini 1903. — Petropolis: Typis E. Nowicki, 1903. — 311 s.; 1904. — 342 s.; 1905. — 381 s.; Petropoli: Губ. типография, 1909. — 345 s.; 1910. — 343 s.; 1911. — 349 s.; 1914. — 351 s.
- Directorium horarum canonicarum et missarum ad usum utriusque cleri Archi-Dioecesis Mohileviensis In annum Domini 1849. — Petropoli: typis G. Fiscer, 1848. — 148 s.; Petropoli: typis Imprimerie française, 1849. — 138 s.; Petropoli: typis Eduardi Dratzi, 1851. — 136 s.; Petropoli: Typis Journal de St.-Petersbourg, 1852. — 140 s.; 1853. — 142 s.; Vilnae: J. Zawadzki, 1854. — 146 s.; 1855. — 148 s.; 1856. — 136 s.; 1861. — 136 s.; 1862. — 136 s.
- Directorium officii divini ac missarum ad usum utriusque Cleri Archi-Dioecesis Mohileviensis pro anno Domini MDCCCXXXIII. — Mohilevie: typisconsistorii Rom Catholic, 1832. — 75 k.; 1833. — 75 k.; 1834. — 75 k.; 1837. — 75 k.; 1838. — 76 k.; 1840. — 61 k.; 1841. — 70 k.; 1842. — 70 k.; 1843. — 63 k.
- Directorium officii divini et missarum Generale pro utroque clero archidioecesis Mohileviensis in Annus Domini MDCCCXXI auctoritate et mandato illustrissimi, excellentissimi AC reverendissimi Domini Domini Stanislai Siestrzencewicz a Bohusz. — Mohilevie: Typis palatii metropolitani Rom. Catholic., 1810. — 75 k.; 1820. — 73 k.; 1824. — 75 k.; 1825. — 75 k.; 1828. — 75 k.; 1830. — 75 k.; 1831. — 75 k.; 1832. — 80 k.
- Directorium officii divini et missarum pro Archidioecesis Mohileviensis pro ecclessius missis in annum Domini 1893. — Санкт-Петербург: Типография С. Корнатовского, 1892. — 288 s.; 1894. — 319 s.; 1895. — 296 s.
- Kumor, B. Początki organizacji metropolitalnej w Mohylewie nad Dnieprem / B. Kumor // Roczniki teologiczno-kanoniczne. — 1975. — Т. XXII. — З. 4. — С. 159—164.
- Ordo divini officii et missarum juxta rubricas ac decreta S. Congregationis rituum ad usum Archidioecesis Mohileviensis pro anno bissextili 1864. — Petropoli: Typis Vk. Welling, 1863. — 130 s.
- Ordo divini officii et missarum pro Archidioecesi Mohileviensi in annum Domini 1865. — St. Petesbourg: Imperiae de Th. Stollowski, 1864. — 148 s.; 1865. — 148 s.; Petropoli: Consistorii romano-cath., 1872. — 146 s.; 1881. — 136 s.; Petropoli: Типография Ф. Сушчинского, 1882. — 210 s.; 1883. — 86 k.; Vilnae: Типография И. Завацкого, 1885. — 148 s.; 1885. — 237 s.; 1886. — 258 s.; 1886. — 274 s.; 1888. — 270 s.; 1889. — 264 s.; 1890. — 289 s.; 1892. — 278 s.; 1898. — 317 s.; 1900. — 268 s.; 1901. — 131 s.
- Wasilewski, J. Arcybiskupi i administratorowi archidiecezji Mohilewskiej / J. Wasilewski. — Pińsk: Drukarnia diecezjalna, 1930. — 198 s.
- X. K. M. Defensomatrimonii // Podręczna encyklopedia Kościoła / Pod kierunkiem ks. S. Galla. — Warszawa, Lublin, Łódź, 1906. — Т. VII—VIII. — С. 366—368.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 16.06.2014

Г. М. Брэгер,
вядучы палеограф
аддзела старажытных актаў НГАБ;

Л. А. Лінская,
старшы навуковы супрацоўнік НМГКБ

**АРХІЎ СЛУЦКАГА ТРАЙЧАНСКАГА
 СВЯТА-ТРАЕЦКАГА МАНАСТЫРА
 (Т. 2: ДАКУМЕНТЫ 61—163 за 1749—1761 гг.)**

Працягваем публікацыю апісання дакументаў Архіва Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра, які захоўваецца ў Нацыянальным музеі гісторыі і культуры Беларусі, распачаюць у мінулых выпусках Беларускага археаграфічнага штогодніка [1].

Прадстаўлена 102 дакументы за 1749—1761 гг. (№ 61—163 з 2-га тома калекцыі, № 69 адсутнічае). Сярод іх у першую чаргу вылучым дакументы агульнадзяржаўнага рэлігійнага зместу — ліст караля Аўгуста III і рэспонс сенатараў аб абароне праваслаўнай царквы ў ВКЛ (№ 122, 126), універсал віленскага каталіцкага біскупа аб становішчы праваслаўнай царквы ў ВКЛ (№ 66), яго ж прыватныя лісты да вялікага канцлера ВКЛ аб гатоўнасці разглядаць прэтэнзіі праваслаўнага духавенства да каталіцкага паводле запытаў расійскіх улад (№ 107, 108), рэстр дакументаў з Літоўскай Метрыкі, якая на той час ужо захоўвалася ў Варшаве, што датычылі праваслаўнай царквы ў ВКЛ у XVI—XVII стст. (№ 100). Таксама лісты кіеўскага праваслаўнага мітрапаліта аб прызначэнні святараў у царквы Слуцкай архімандрыі (№ 68), аб пострыгу ў манахі шляхціца І. Ківачыцкага і прызначэнні яго ігуменам Старчыцкага манастыра (№ 99). Захаваліся лісты ў арыгіналах і выпісах з судовых кніг уласніка Слуцка кн. Г. Ф. Радзівіла, якія датычылі Слуцкай архімандрыі: прэзента новага архімандрыта (№ 75), ліст манахіням Слуцкага Ілінскага манастыра на пэўныя ільготы (№ 139). Некаторыя дакументы асвятляюць працяг пазямельнай спрэчкі рэктара Слуцкага езуіцкага калегіума з іерархамі і святарамі Слуцкай архімандрыі і панамі Красінскімі, з якой мы ўжо пазнаёміліся ў мінулым выпуску. Маюцца дэкрэты духоўнага суда Слуцкай архімандрыцкай капітулы паміж духоўнымі і свецкімі асобамі аб правах уласнасці на маёмасць (№ 90). Выдзяляецца дакумент № 74, які закранае падзеі абароны Слуцка шляхтай ВКЛ пад кіраўніцтвам кн. Б. Радзівіла ад маскоўскіх войскаў у 1660 г. У гэтым месцы ён быў змешчаны яшчэ ў часы фарміравання архіва, таму і захаваўся ў выпісе 1749 г. З некаторых дакументаў мы даведваемся, дзе і хто адліваў званы для слуцкіх царкваў (№ 92). Прадстаўлены дакументы па гісторыі Кіеўскіх манастыроў (№ 102—104). А таксама шмат разнастайных судовых, натарыяльных і прыватных дакументаў, якія асвятляюць гісторыю Слуцкага княства і Слуцкай архімандрыі.

61. а) Прыватны ліст (пісьмо) Томаша Лэпкоўскага да слуцкага архімандрыта з паведамленнем аб нападзе архімандрыцкага падданага з Залесся

Івана Шука ў Рухаўскім млыне на млынара і адсячэнні яму рукі сякерай, а таксама з просьбай прыслаць людзей для інквізіцыі (следства) і цырульніка для лячэння млынара. Даражкевічы, 29. [02].1749. (арк. 105, 112).

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: Томаш Лэпкоўскі.

б) Прыватны ліст Томаша Лэпкоўскага да слуцкага архімандрыта з паведамленнем, што бацька злачынца для лячэння млынара даў цырульніку два талеры, а сам Лэпкоўскі — тры талеры, і для адпрацоўкі доўгу просіць вызваліць злачынцу з зняволення на час палявых прац. Даражкевічы, 5.03.1749. (арк. 106, 111).

Подпіс: Томаш Лэпкоўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 24 (дак. № 61-а, на адв. арк. 112). 4 арк. (дак. № 61-а: арк. 105, 112; дак. № 61-б: арк. 106, 111; арк. 111 чысты, без адраса).

62. Прыватны ліст (пісьмо) Томаша Лэпкоўскага да слуцкага архімандрыта з паведамленнем аб адпраўцы цырульніка да пакалечанага млынара, а таксама з просьбай аб вызваленні злачынца і адпраўцы дадому, які абяцае вярнуць доўг тры талеры ўвосень. Даражкевічы, 6. [03].1749.

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: Томаш Лэпкоўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 107, 110; арк. 110 чысты з адрасам і пячаткай).

63. Ліст асавецкага празбітара Сымяона Біруковіча аб угодзе паміж рухаўскім млынаром Цітам і Васілём Усеном у сувязі з бойкай у Рухаўскім млыне Ціта з Іванам Усеном, пад час якой Ціт выпадкова сам сабе адсёк руку. Пасека, 23.04.1749.

Подпіс: Сымяон Біруковіч, празбітар царквы Асавецкай.

Арыгінал. Пол. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 108—109; дакумент пісаны на адным аркушы, які перакладзены напалам).

64. Канверт, у якім знаходзіўся ліст пана Рафаловіча(?) да слуцкага архімандрыта (атрыманы 29.04.1749).

Пячатка на чырвоным сургучы Томаша Лэпкоўскага.

Арыгінал. Пол. і стб. м. Фрагмент філіграні. 1 арк. (арк. 113).

65. а) Аблігацыйны ліст вялікага падчашага ВКЛ Гераніма Фларыяна Радзівіла заставы палкоўніку ЯКМ, камандуючаму дывізіяй войска ВКЛ Станіславу Даманскаму фальваркаў Поўбераг і Вераскава Навагрудскага ваяводства за пазычаныя 60 000 польскіх злотых. Белая, 24.06.1749.

б) Спіс сялян з пазначэннем колькасці выплачанага чыншу за 1747 і 1748 гг. Фрагмент. Без месца і даты.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 114—115).

66. Універсал віленскага каталіцкага біскупа кс. Міхала Яна Зянковіча да ўсіх святараў ВКЛ аб становішчы праваслаўнай царквы ў ВКЛ. Вільня, 11.07.1749.

Копіі подпісаў: Міхал, біскуп; Францішак Канановіч, доктар, лівонскі канонік, свянцянскі пробашч, пісар актавы Віленскай кансісторыі.

Тагачасная копія. Лацін. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 116—117).

67. а) Позва Ваўкавыскага падкаморскага суда кс. Юзафу Абрампальскаму, рэктару, і кс. езуітам Слуцкага калегіума, гомельскай старосцінай Зоф'іі з Сеніцкіх Красінскай і яе сынам Багуславу, Томашу і Яну Корвін-Красінскім па справе слуцкага архімандрыта кс. Міхала Казачынскага і манахаў Слуцкага манастыра Св. Тройцы аб памежных спрэчках. Без месца, 28.07.1749.

Подпіс: Міхал Хлусовіч, падка[моры] п[аве]та В[аўкавыска]га.

б) Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага пав. Яна Цішкевіча аб падачы кс. Ю. Абрампальскаму вышэйзгаданай пазвы ў в. Вялікі Ямінск Слуцкага езуіцкага калегіума. Без месца, 28.07.1749.

Подпіс: Ян Цішкевіч, енерал ЯКМ в[аяводства] Навагрудскага.

в) Нататка аб актыкацыі енералам вышэйзгаданага квіта ў кнігах Навагрудскага гродскага суда. Без месца, 6.08.1749.

Подпіс: Мацей Яновіч, ст[арос]та мала (?), рэгент гродскі і лянт[войт?] Нав[агру]дскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 16; № 70-й. 2 арк. (арк. 118—119).

68. Паведамленне кіеўскага мітрапаліта Цімафея да архімандрыта Слуцкага манастыра аб рукапалажэнні іерэямі Іосіфа Драздовіча да саборнай царквы Успення Багародзіцы ў м. Слуцк, а Міхала Ачапоўскага да царквы Пакрова Багародзіцы ў с. Заўшышчы, з выдачай ім грамат Кіеўскай кансісторыі. Кіеў, 15.09.1749.

Подпіс: мітрапаліт кіеўскі смірэнны Цімафей.

Арыгінал. Рус. м. Без філіграні. Стар. сігн.: № 208 (зыходзячы Кіеўскай кансісторыі). 1 арк. (арк. 120).

69. Адсутнічае.

70. а) Позва ў Галоўны Трыбунал ВКЛ Мінскай кадээнцыі ваўкавыскім падкамор'ю Міхалу Хлусовічу і каморніку Мацею Стапроўскаму, кс. Юзафу Абрампальскаму, рэктару, і кс. езуітам Слуцкага калегіума і іх падданым Ямінскай воласці, слуцкаму архімандрыту Міхалу Казачынскаму і манахам Слуцкага манастыра Св. Тройцы па справе гомельскай старосцінай Зоф'іі з Сеніцкіх Красінскай і яе сыноў Багуслава, Томаша і Яна Корвінаў-Красінскіх аб размежаванні маёнтка скаржнікаў Буянчы з маёнткамі езуітаў Ямінск і манастыра Трайчаны. Без месца, 20.10.1749.

Копія подпісу: Міхал Кроер, стар[оста] ківіль[скі], пісар Тр[ыбунала] Гал[оўнага] ВКЛ.

б) Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Яна Цішкевіча аб падачы згаданай пазвы М. Казачынскаму і траецкім манахам у Трайчанах. Без месца, 2. ... (месяц прапушчаны). 10.1749.

Подпіс: Ян Цішкевіч, енерал ЯКМ в[аяводства] Навагруд[скага].

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 47; № 80. 2 арк. (арк. 123—124).

71. а) Прыватны ліст (пісьмо) войта Слуцкага магістрата Аляксандра Кучарскага да слуцкага архімандрыта з паведамленнем аб падтрымцы Слуцкім магістратам правоў уласнасці Слуцкага Траецкага манастыра на в. Ямінск або Трайчаны, а таксама аб адсутнасці ў актах магістрата фондушавых дакументаў, і абяцаннем пошуку іх у архіве Радзівілаў. Слуцк, 30.09.1749.

Подпіс: Аляксандр Кучарскі, вайт маг[істрата] ме[ста] Сл[уцкага].

б) Постскрыптурм Якуба Лапіцкага, які мае 80 гадоў, што чуў ад свайго дзядзькі нябожчыка Юзафа Лапіцкага аб наданні князямі Траецкаму манастыру в. Ямінск, якая з даўніх часоў знаходзіцца на тым жа месцы. Без месца і даты.

Подпіс: Якуб Лапіцкі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 125—126).

72. а) Позва таго ж зместу, што № 70-а. Без месца, 20.10.1749.

Подпіс: Міхал Кроер, пісар Трыб[унала] Гал[оўнага] ВКЛ.

б) Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Яна Цішкевіча аб падачы згаданай пазвы выкліканым асобам. Без месца, 21.10.1749.

Подпіс: Ян Цішкевіч, енерал ЯКМ в[аяводства] Н[авагрудскага].

в) Нататка аб актыкацыі згаданага квіта ў кнігах Навагрудскага гродскага суда. Без месца, 27.10.1749.

Подпіс: Мацей Гарасімовіч, нам[еснік] грод[скі] в[аяводства] Н[авагрудскага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 86-й. 2 арк. (арк. 127—128).

73. Выпіс з кніг Навагрудскага гродскага суда, 29.10.1749, выдадзены 15.12.1749. Рэстр харчавання, выдаткаванага кс. слуцкім архімандрытам на першы тыдзень падчас судовага разбіральніцтва. Без месца і даты.

Пячатка на кустодыі навагрудскага падваяводы Антонія Юрыя Рдултоўскага (Навагрудскага гродскага суда).

Подпіс: у адсутнасці пана рэгента карыгаваў Гарасімовіч, нам[еснік] грод[скі] в[аяводства] Н[авагрудскага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 129—130).

74. Выпіс з кніг Галоўнага Трыбунала ВКЛ у Мінску, 10.11.1749. Выпіс з кніг Майдэбур'іі места Слуцкага, 6.02.1660, выдадзены 20.10.1749.

1-е. Загад месціх камісараў, каб слуцкім мяшчанам было паведамлена аб з'яўленні на Генеральны попіс са сваёй чэлядзю і зброяй.

2-е. Рашэнне месціх камісараў аб упісанні ў кнігі ліста шляхты ВКЛ з розных паветаў, якая падчас вайны з'ехалася да Слуцкай фартэцыі.

3-е. Ліст шляхты ВКЛ з розных паветаў, вялікага канюшага ВКЛ Багуслава Радзівіла і абяцаннем выконваць абавязкі, апісаныя ў гэтым лісце. Слуцк, 6.02.1660.

Пячатка на кустодыі Галоўнага Трыбунала ВКЛ (1749 г.).

Подпісы (1749 г.): Ян Аўгуст з Эжляў Гільзэн, кашталян кн[я]ства Інфлян[цкага], маршалак Трыбун[ала] Гал[оўнага] ВКЛ; Юзафат з Нарамовіч Нарамоўскі, дэпутат п[аве]та Аш[мянскага]; Антоні Богуш, ст[арос]та гар[ніска], дэпут[а]т п[аве]та Вілкам[ірскага]; Станіслаў Прэвыш-Квінта, дэпутат з п[аве]та Браслаўскага; Антоні Павел князь Свірскі, лоўчы п[аве]та Старадубскага, дэпутат з в[аяводс]т[в]а Смаленскага; Юзаф Бянюнскі, падчашы старадубскі, дэпутат з па[ве]та Старадубскага; Міхал Крогер, пісар Трыбуна[ла] Гал[оўнага] ВКЛ; карыгаваў Яленскі, ГМРЗВМіТГВКЛ (гараднічы(?) мінскі, рэгент земскі ваяводства Мінскага і Трыбунала Галоўнага ВКЛ).

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 57; № 3. 6 арк. (арк. 131—136).

75. Выпіс з кніг Галоўнага Трыбунала ВКЛ у Мінску, 10.11.1749. Ліст-прэзента (прадстаўленне) вялікага падчашага ВКЛ кн. Гераніма Фларыяна Радзівіла да праваслаўнага духавенства цэркваў і манастыроў Слуцкай архімандрыі і іх парафіян аб зацвярджэнні архімандрытам абранага намінатам Слуцкай архімандрыі айца Міхала Казачынскага ў сувязі з пераходам былога архімандрыта Юзафа Аранскага на пасаду пячэрскага архімандрыта, з рэкамендацыяй да бласлаўлення кіеўскім архіепіскапам Тыматэушам Шчарбацкім. Замак Бяльскі (Белая), 10.02.1749.

Пячатка на кустодыі Галоўнага Трыбунала ВКЛ.

Подпісы тыя ж, што ў дак. № 74, а таксама: Антоні Палацкі Рац, л[оўчы] в[аяводства] Троц[кага], дэпутат в[аяводства] Троц[кага]; Ян Зыгмунт Быхавец, судзіч земскі, дэпутат ваўкавыскі; звяраў з актамі Пушкін, Залэнскі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 4 арк. (арк. 137—140).

76. Рэстр аблігаў слуцкіх мяшчан і жыдоў, якія знаходзяцца ў Слуцкіх архімандрыі і брацкім кляштары і яшчэ не аплачаныя. Без месца і даты.

Без пячатак і подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 141—142).

77. [Выпіс з кніг Ваўкавыскага падкаморскага суда], 1749 г. (без даты і месяца). Ліст-прэзента (прадстаўленне) польнага гетмана ВКЛ кн. Крыштафа Радзівіла да ўсіх прыхаджан аб зацвярджэнні святаром Слуцкай Казьма-Дзям'янскай царквы Кандрата Мінкевіча паводле хадайніцтва слуцкага архімандрыта айца Міхала Загароўскага. Слуцк, 27.04.1621.

Пячатка на кустодыі і подпіс: Міхал з Хл[усава] Хлусовіч, падка[моры] п[аве]та В[аўкавыскага]; карыгаваў Стаброўскі, р[эгент] з[емскі] п[аве]та Ваўкавыскага?].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 21; № 14. 2 арк. (арк. 143—144).

78. Апісанне справы слуцкага архімандрыта Міхала Казачынскага з Слуцкім езуіцкім калегіумам аб праве ўласнасці на маёнтак Ямінск Трайчанскі Навагрудскага ваяводства з гістарычнай даведкай паводле дакументаў. Без месца і даты.

Без пячатак і подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 108; № 65-й. 2 арк. (арк. 145—146; арк. 146 чысты, з затылкам).

79. Апісанне справы слуцкага архімандрыта Міхала Казачынскага са Слуцкім езуіцкім калегіумам аб фондушавым маёнтку Слуцкага Траецкага манастыра з сёламі Шыпілавічы, Рэткавічы, Пухавічы і Ямінск паводле дакументаў за 1578—1749 гг. Без месца і даты.

Без пячатак і подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 108(?); № 85. 8 арк. (арк. 147—154; арк. 151—154 чыстыя, арк. 154 з затылкам).

80. а) Экзамен (допыт) сведкаў з боку слуцкага архімандрыта Міхала Казачынскага ў яго справе з рэктарам Слуцкага езуіцкага калегіума Юзафам Абрампальскім аб праве ўласнасці і межах в. Трайчаны або Малы Ямінск перад камісарамі Крыштафам Рэйбніцам, оберштэрлейтэнантам ЯКМ, і Юзафам Тадэушам Сіповічам, браслаўскім скарбнікам, старостам княства Слуцкага і Капыльскага, а таксама рэвізорамі гэтага ж княства Андрэем Атэнам і Паўлам Ашардам. Без месца, 12.01.1750.

Подпісы: К[рыштаф] Рэйбніц, обершт[эрлейтэнант] К[аралеўскай] М[і]л[асці]; Павел Ашард, рэвізор; Юзаф Сіповіч, скарбн[ік] браслаўскі].

б) Нататка аб зацвярджэнні Г. Ф. Радзівілам гэтага экзамену сведкаў. Белая, 6.03.1750.

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: Г[еранім] Ф[ларыян] Радзівіл, п[адчашы] в[ялікі] ВКЛ.

в) (арк. 155, на палях). Нататка аб падачы гэтага дакумента енералам ЯКМ Навагрудскага ваяводства Янам Цішкевічам у кнігі Навагрудскага гродскага суда. Без месца, 1.07.1750.

Подпіс: Мацей Яновіч, стар[оста] маласеліцкі, рэгент гродскі, лян[т]войт[а] наваг[рудскага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 94; № 64-й. 2 арк. (арк. 155—156).

81. Прыватны ліст (пісьмо) оберштэрлейтэнанта Крыштафа Рэйбніца да вялікага падчашага ВКЛ кн. Гераніма Фларыяна Радзівіла з паведамленнем, якім чынам ён разам са слуцкім старостам Юзафам Сіповічам, як камісары ад князя, правёў судовае разбіральніцтва ў в. Ямінск у памежнай спрэчцы слуцкага архімандрыта з рэктарам Слуцкага езуіцкага калегіума. Слуцк, 22.01.1750.

Подпіс: К[рыштаф] Рэйбніц, обершт[эрлейтэнант] К[аралеўскай] М[і]л[асці].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 97; № 56-й. 2 арк. (арк. 157—158).

82. Фрагмент інвентара маёнтка Слуцкага Трайчанскага Св.-Траецкага манастыра з апісаннем падданных і іх павіннасцей, а таксама абмежавання

зямель (спісана з даўняга інвентара XVI ст.), што датычыць сёл Рэткавічы, Ямінск і Пасека. Без месца і даты (29.01.1750 — зацверджаная ўстава с. Пасека).

Без пятака і подпісаў.

Арыгінал. Пол. м.; стб. м. пол. літ. (абмежаванне зямель). Філіграні. 2 арк. (арк. 159—160).

83. Рэмісійны дэкрэт Галоўнага Трыбунала ВКЛ у Мінску ў справе слуцкага архімандрыта Міхала Казачынскага і манахаў Слуцкага Св.-Траецкага манастыра з ваўкавыскім падкамор'ем Міхалам Хлусовічам, кс. Юзафам Абрампальскім, рэктарам, і кс. езуітамі Слуцкага калегіума, гомельскай старосцінай Зофіяй з Сініцкіх Красінскай і яе сынамі Багуславам, Томашам і Янам Красінскімі аб межах с. Ямінск, якім разбіральніцтва пераносіцца на Навагрудскую кадэнцыю. Без месца, 7.03.1750.

Пячатка на кустодыі Галоўнага Трыбунала ВКЛ.

Подпісы: карыгаваў Яленскі, р[эгент] Т[рыбунала] Гал[оўнага] ВКЛ і в[аяводства] М[інскага]; звяраў з актамі Ігнаці Яленскі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 20; № 72-й. 2 арк. (арк. 161—162).

84. а) Прашэнне слуцкай абывацелькі Ядзвігі Давыдовічаўны да слуцкага архімандрыта, генеральнага намесніка Кіеўскай мітраполіі аб садзейнічанні ёй уступіць законніцай у Слуцкі кляштар св. Геліяша. Без месца і даты.

Подпіс: Ядзвіга Давыдовічаўна, абывацелька слуцкая (крыжык).

б) Хадайніцтва Міхала Скулоўскага за Ядзвігу Давыдовічаўну. Без месца і даты.

Подпіс: Міхал Скулоўскі, інстыга[тар] суда дух[оўнага].

в) Паведамленне старшай і манахінь Слуцкага кляштара св. Геліяша аб прыняцці Ядзвігі Давыдовічаўны ў кляштар. У кляштары Св. Прарока Геліяша, 11.04.1752.

Копіі подпісаў: Яўфімія Зубцэвічаўна; Анастасія Бабарычанка; Фядосія Аранская; Аляксандра Равутовічаўна.

г) Нататка аб атрыманні дакумента ў Слуцкай архімандрыі. Без месца, 15.04.1752.

д) (на затылку). Хадайніцтва слуцкага архімандрыта Міхала Казачынскага да старшай Слуцкага кляштара Св. Геліяша аб прыняцці Ядзвігі Давыдовічаўны ў кляштар. Без месца, дата не захавалася.

Подпіс: архімандрыт слуцкі, н[амеснік] м[ітраполіі] К[іеўскай] Міхал Казачын[скі].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 163—164).

85. Прыватны ліст (пісьмо) кн. Аўгуста Чартарыйскага да слуцкага архімандрыта кс. Казачынскага з паведамленнем аб садзейнічанні вырашэнню яго пытання. Варшава, 9.05.1750.

Подпіс: Аўгуст кн[язь] Чартарыйскі,

Арыгінал. Пол. м. Фрагмент філіграні. 1 арк. (арк. 165).

86. Прыватны ліст невядомай асобы да кн. [Г. Ф. Радзівіла] з выражэннем падзякі за дапамогу ў яе справе. Белая, 3.05.1750.

Без подпісу.

Арыгінал. Пол. м. Фрагмент філіграні. 1 арк. (арк. 166).

87. а) Асекурацыйны скрыпт Андрэя Отэна, [урадніка вялікага падчашага ВКЛ кн. Г. Ф. Радзівіла ў маёнтку Юрковічы], з абяцаннем дазволу падданым с. Шыпілавічы Слуцкай архімандрыі малоць муку ў новазбудаваным на старым месцы млыне ў сувязі з затапленнем ставам лугоў гэтых падданых. Юрковічы, 10.06.1750.

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: Андрэй Отэн.

Пячатка на чорным сургучы і подпіс: К[рыштаф] Рэйбніц, оберш[тэрлейтэнант] ЯКМ.

б) Нататка Андрэя Отэна аб пацвярджэнні абавязальстваў, прынятых у гэтым скрыпце. Юрковічы, 10.02.1754.

Подпіс: Андрэй Отэн.

в) (на затылку). Нататка слуцкага архімандрыта Міхала Казачынскага наконт згаданага скрыпта і аб дазvole Андрэю Отэну ўзяць дрэва з архімандрыцкай пушчы на ўзнаўленне Юрковіцкага млына, які згарэў 11.01.1754, з умовай дазволу малацьбы шыпілавіцкім падданым. Без месца, 23.01.1754.

Подпіс: архімандрыт слуцкі Міхал Казачынскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: «О Шипиловичах». 2 арк. (арк. 167—168).

88. Ліст ашмянскай чашнікавай Томашавай Волянавай Рэгіны з дочкамі Тэрэзай, Кацярынай і Канстанцыяй аб уступцы дэпазіта тавальні таму, хто аплаціць абліг яе мужа нябожчыка Т. Воляна Слуцкай архімандрыі. Грозаў, 22.06.1750 (стары стыль).

Подпісы: Волянавая; Тэрэза Волянаўна; Канстанцыя Волянаўна.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 169 і нenumараваны; нenumараваны аркуш чысты, з затылкам).

89. а) Облігавы ліст слуцкага пратапопа Стэфана Манькоўскага, мікольскага празбітара Міхала Андрэеўскага і варварынскага празбітара Рамана Казюліча, капітульных айцоў, а таксама язьльскага празбітара Яна Страховіча ад імя ўсіх айцоў кансістарыстаў, дадзены законніку Св.-Траецкаму айцу Ігнацію Вечару аб пазыцы ў яго 130 зл. з тэрмінам вяртання грошаў 25.12.1750 (стары стыль). Слуцк, 23.06.1750.

Подпісы: Стэфан Манькоўскі, пратапоп слуцкі; Раман Казюліч, празбітар варварынскі [слуцкі]; Філіп Багуцкі, празбітар мікольскі слуцкі, пісар капітулы Слуцкай; Базылі Бараноўскі, празбітар міхалаўскі слуцкі; Ян Стаховіч, п[разбітар] язьльскі, ад імя ўсіх калегаў; Міхал Андрэеўскі, празбітар

мікольскі слупкі; Артэмі Рыбец, празбітар уваздвіжанскі слупкі; Якуб Рыбец, празбітар іванаўскі слупкі.

б) Нататка-загад[слупкага архімандрыта?] духоўнаму кансістару аплаціць згаданы абліг. Без месца, 30.08.1762.

Без подпісу.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 170).

90. Дэкрэт духоўнага суда Слуцкай капітулы па справе былой слупкай мікольскай празбітаравай Еўдакіі Міхневічавай з яе зяцямі слупкімі мікольскімі празбітарамі Міхалам Андрэеўскім і Філіпам Багуцкім аб праве ўласнасці на двары ў Слуцку на Празаровіцкай вул. і насупраць царквы Св. Мікалая і на фальв. Сялецкі, а таксама аб рухомах рэчах і грашовай суме. У судовым доме Слуцкай капітулы, 15.11.1750.

Пячатка на кустодыі Слуцкай архімандрыі.

Подпісы: Стэфан Манькоўскі, пратапоп слупкі; Артэмі Рыбец, празбітар уваздвіж[ан]скі; Ян Страховіч, п[разбітар] ц[арквы] Языльскай; Бенядыкт Андрэеўскі, празбітар царквы Жыцінскай; Раман Казюліч, празбітар варварынскі с[лупкі]; Базылі Бараноўскі, празбітар міхайлаўскі сл[упкі]; Мацей Мінькевіч, п[разбітар] дар[о]ж[с]кі(?); Якуб Рыбец, празбітар іванаўскі слупкі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: 43. 8 арк. (арк. 171—178; арк. 178 чысты).

91. Прыватны ліст (пісьмо) [Томашавай] Волянавай [Рэгіны] да слупкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Міхала Казачынскага з пацвярджэннем учарашняй дамовы аб продажы тавальні для аплаты яе доўга Слуцкай архімандрыі. Грозава, 3.07.1750.

Пячатка на чырвоным сургучы [Томашавай] Волянавай (кепскай якасці).

Подпісы: Волянавая; пісар гэтага ліста Канстанцыя Волянаўна.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (179—180; арк. 180 чысты, з адрасам і пячаткай).

92. а) Асекурацыйны ліст людвісара (ліцейшчыка) Яна Гешайдта, дадзены слупкаму архімандрыту Міхалу Казачынскаму, з запэўніваннем адліцця новага звона за свой кошт, калі ім адліты на Урэцкай фабрыцы вялікага харужага ВКЛ кн. Гераніма Радзівіла для Слуцкай архімандрыі звон разаб'ёцца па няякасна адлітых месцах. У Слуцкай архімандрыі, 29.10.1750 (стары стыль).

Подпісы: Яган Гашайдт; Юры Шмігельскі; Стэфан Манькоўскі, пратапоп слупкі.

б) Нататка аб асведчанні і прыняцці звона. У Слуцкай архімандрыі, без даты (у той жа дзень).

Подпісы: Ф. Пешэль, капіт[ан] Г. Г. (гвардыі гусарскай?); Сымон Л. Слабодскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 77. 2 арк. (арк. 181—182; арк. 182 чысты, з затылкам).

93. Указ Кіеўскага мітрапаліта Цімафея да слупкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Міхала Казачынскага аб грашовым разліку за тры лостэркі, дасланых мітрапаліту са Слуцка, і перадачы грошаў архімандрыту. З Кіеўскай мітрапаліцкай катэдры, 27.02.1751.

Подпіс: мітрапаліт кіеўскі смірэнны Цімафей.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 214 (зыходзячы мітрапаліцкай канцэлярыі). 2 арк. (арк. 183—184).

94. а) Супліка слупкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Міхала Казачынскага да кн. [Гераніма Фларыяна Радзівіла] з просьбай забараніць у Слуцкім і Капільскім княстве праслаўным хрысціянам служыць у жыдоў, бо тыя служачыя людзі не прытрымліваюцца хрысціянскіх абрадаў і не наведваюць царкву. Без месца, 11.05.1751.

Подпіс: архімандрыт слупкі, н[амеснік] м[ітраполіі] К[іеўскай] Міхал Казачынскі.

б) (на затылку) Распараджэнне кн. Гераніма Фларыяна Радзівіла аб забароне праслаўным людзям служыць жыдам у Слуцкім і Капільскім княстве. Без месца і даты.

Подпіс: Г. Ф. Р.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 47-й. 2 арк. (арк. 185—186; арк. 186 чысты, з затылкам).

95. Ліст-пашпарт, дадзены слупкім архімандрытам, намеснікам Кіеўскай мітраполіі Міхалам Казачынскім абывацелю Навагрудскага ваяводства Тэадору Ківачыцкаму для бесперашкоднай паездкі ў Кіеў і назад. Са Слуцкай архімандрыі Св. Тройцы, 12.08.1751.

Пячатка кустадыйнага Слуцкай архімандрыі.

Подпіс: Вышэйзгаданы архімандрыт Міхал.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк., змацаваныя пячаткай (арк. 187; другі аркуш не нумараваны, чысты).

96. а) Рэстр царкоўных рэчаў, якія знаходзяцца ў скрыні ў царкве Св. Спаса ў Слуцку. Без месца, 3.10.1751.

Без подпісу.

б) Сведчанне слупкага архімандрыта Міхала Казачынскага падчас рэвізіі аб наяўнасці ў царкве Св. Спаса згаданых рэчаў, якія належаць Слуцкай архімандрыі. Без месца, 13.10.1751.

Подпіс: архімандрыт слупкі, НМК (намеснік мітраполіі Кіеўскай) Міхал Казачынскі.

в) Нататка аб узяцці адной з рэчаў са згаданага спісу. Без месца, 16.04.1754.

Подпіс: Міхаіл Казачынскі, архі[мандрьт] слупкі.

г) Рэстр царкоўных рэчаў, якія знаходзіліся ў скрыні ў Траецкім кляштары Слуцкай архімандрыі, складзены братачкамі Слуцкага брацтва Праабражэння Гасподня паводле загаду вялікага харужага ВКЛ кн. Гераніма Радзі-

віла ў сувязі са смерцю слуцкага архімандрыта Міхала Казачынскага. Без месца, 4.09.1755.

Подпісы: Аляксандр Кучарскі, вайт маг[дэбурскі] ме[ста] Сл[уцкага]; Ян Ф. Хрысцініч; Мацей Хрысцініч; Міхал Мелянговіч; Даніэль Лапіцкі.

Арыгінал. Пол. м. (а, г), рус. м. (б, в). Філіграні. 2 арк. (арк. 188—189).

97. Данясенне слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Міхала Казачынскага кіеўскаму мітрапаліту Цімафею Шчарбацкаму з просьбай даць бласлаўленне на пастрыжэнне ў манахі і прызначэнне ігуменам Старчыцкага манастыра Раства Багамаці і апосталаў Пятра і Паўла Слуцкай архімандрыі шляхціца Яна Ківачыцкага-Аўрамовіча (які ўзнавіў яго сваім коштам пасля пажару), які паехаў у Кіеў на пахаванне нябожчыка кіева-пячэрскага архімандрыта Юзафа Аранскага. Без месца, 4.11.1751.

Подпіс: слуцкі архімандрыт, н[амеснік] м[ітраполіі] Кіеўскай Міхал Казачынскі.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 190—191; арк. 191 чысты).

98. а) Натацыя (выпіс) з пратакольных кніг вайтаўскага ўрада Слуцкай магдэбурый вызнання слуцкага абывацеля Трафіма Шчурыкевіча аб дамове са слуцкім архімандрытам кс. Міхалам Казачынскім выплочваць свой доўг Слуцкай архімандрыі ў памеры 1254 зл. часткамі кожныя тры месяцы. Слуцк, 2.04.1751.

Пячатка на кустодыі Слуцкай магдэбурый («Пегас»).

Подпіс: Аляксандр Кучарскі, вайт магд[эбурый] ме[ста] Сл[уцкага].

б) Нататкі аб выплаце Трафімам Шчурыкам Слуцкай архімандрыі частак доўгу ў розныя тэрміны ў 1751 і 1752 гг. Без месца.

Без подпісаў.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 192).

99. Указ кіеўскага мітрапаліта Цімафея ігумену Кіеўскага Петрапаўлаўскага манастыра іераманаху Антонію з бласлаўленнем на пострыг у манахі паслушніка гэтага манастыра Івана Ківачыцкага, аб чэснасці і непадазронасці якога сведчыў слуцкі архімандрыт Міхал Казачынскі. З Кіеўскай мітрапаліцкай катэдры, 24.07.1752.

Подпіс: мітрапаліт кіеўскі смірэнны Цімафей.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 1150 (зыходзячы мітрапаліцкай канцэлярыі). 2 арк. (арк. 193—194; арк. 194 чысты).

100. Рэстр дакументаў з Архіва кніг Варшаўскіх ВКЛ (копіі Літоўскай метрыкі), якія датычаць праваслаўнай царквы ў ВКЛ XVI—XVII стст., складзены п. Абрамовічам. Без месца, 1.08.1752.

Без пячаткі і подпісу.

Арыгінал(?). Пол. м.; стб. м. пол. літ. Філіграні. Стар. сігн.: № 7. 4 арк. (арк. 195—198; арк. 198 чысты).

101. Прыватны ліст (пісьмо) кн. Гераніма Радзівіла да слуцкага архімандрыта Міхала Казачынскага з просьбай напісаць да расійскіх канцлера і падканцлера, каб выдалі ардынана ад імя расійскай імператрыцы для арышту п. Гаўдрынга(?), які здзейсніў нейкія гвалты і шкоды. Без месца, 20.08.1752 (стары стыль).

Без подпісу.

Тагачасная копія (у загалюку надпіс аб адпраўцы арыгінала ў Кіеў). Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 201—202; арк. 202 чысты, з затылкам).

102. Выпіс з кніг Вялікай канцэлярыі ВКЛ (Літоўскай метрыкі), выдадзены 3.09.1752. Пацвярдзальны прывілей караля Жыгімонта III ад 12.08.1610 угодлівага ліста вальнскай ваяводзінай княгіні Яхімавай Карэцкай Ганны Хадкевічаўны аб размежаванні зямель яе маёнтка Леснікі з землямі маёнтка Хотавыя Кіева-Пячэрскага манастыра ў Кіеўскім ваяводстве. Кіеў, 20.05.1610.

Копія подпісу: князь Міхал на Клявані і Лукаве Чартарыйскі, падканцлер ВКЛ, луцкі, гомельскі, юрбарскі, усвяцкі і пад'усвяцкі староста.

Тагачасная копія. Пол. м.; стб. м. пол. літ. Філіграні. Стар. сігн.: «Кіеўскага Видубіцкага манастыра». 4 арк. (арк. 199—200, 203—204; арк. 204 чысты, з затылкам).

103. Выпіс з кніг Вялікай канцэлярыі ВКЛ (Літоўскай метрыкі), выдадзены 6.09.1752. Пацвярдзальны прывілей караля Жыгімонта I ліста нябожчыка кіеўскага ваяводы Андрэя Неміровіча абмежавання зямель маёнтка Асакорскага за Дняпром, некалі фундаванага ранейшымі вялікімі князямі літоўскімі Кіеўскаму Выдубіцкаму манастыру Архістраціга Міхаіла. Варшава, 26.04.1538.

Копія подпісу: князь Міхал на Клявані і Лукаве Чартарыйскі, падканцлер ВКЛ, гомельскі, юрбарскі, усвяцкі і пад'усвяцкі староста.

Тагачасная копія. Пол. м.; стб. м. пол. літ. Філіграні. Стар. сігн.: «Кіеўскага Видубіцкага манастыра». 4 арк. (арк. 205—208; арк. 207 чысты, арк. 208 чысты, з затылкам).

104. Выпіс з кніг Вялікай канцэлярыі ВКЛ (Літоўскай метрыкі), выдадзены 6.09.1752. Пацвярдзальны прывілей караля Жыгімонта Аўгуста ігумену Кіеўскага Выдубіцкага манастыра Архангела Міхаіла Грыгорыю Швабе ліста кіеўскага ваяводы кн. Канстанціна Астрожскага абмежавання зямлі Звярынец над Дняпром, нададзенай манастыру ранейшымі вялікімі князямі літоўскімі. Гродна, 5.07.1568.

Копія подпісу: князь Міхаіл на Клявані і Лукаве Чартарыйскі, падканцлер ВКЛ, луцкі, гомельскі, юрбарскі, усвяцкі і пад'усвяцкі староста.

Тагачасная копія (пераклад на рус. м.). Рус. і стб. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 66. 2 арк. (арк. 209—210; арк. 210 чысты, з затылкам).

105. Прыватны ліст нейкага Гроса(?) да кс. заблудаўскага намесніка з абяцаннем падняць на будучым Сойме пытанне аб адбудове на месцы даўняга пагарэлішча Заблудаўскай царквы, а таксама з пажаданнем, каб на Сойм

прыехаў для вырашэння гэтага пытання і кс. служкі архімандрыт, якога прадставілі бы каралю і міністрам. Гродна, 6.10.1752.

Подпіс: Послушный слуга Грос... (?) (рус. м.).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 211—212; арк. 212 чысты).

106. а) Два рэестры дакументаў Слуцкай архімандрыі, пасланых да канцэлярыі Галоўнага Трыбунала ВКЛ у Навагрудку, для вырашэння судовай справы са Слуцкім езуцкім калегіумам аб размежаванні маёнткаў Вялікі і Малы Ямінск. Без месца, 17.11.1752 (стары стыль).

Подпіс: архімандрыт служкі, НМК (намеснік мітраполіі Кіеўскай) Міхал Казачынскі.

б) (на адвароце нenumараванага аркуша) Схема мяжы маёнтка Трайчаны Слуцкай архімандрыі з маёнткам Ямінск Слуцкага езуцкага калегіума. Без даты.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 50-й. 2 арк. (арк. 213 і нenumараваны).

107. а) Прыватны ліст (пісьмо) віленскага каталіцкага біскупа Міхала Зянковіча да вялікага канцлера ВКЛ кн. [Міхала] Чартарыйскага з адказам на скаргу сакратара Расійскага імператарскага двара аб адсутнасці прэтэнзій праваслаўнага духавенства да каталіцкіх святароў падчас біскупскай візітацыі Віленскай дзяцэзіі, а таксама аб гатоўнасці судзіць справы, калі такія скаргі з'явяцца. Вільня, 2.12.1752.

Копія подпісу: Міхал Зянтковіч(!), біскуп віленскі.

б) Нататка служкага архімандрыта Міхала Казачынскага аб пацвярджэнні згоднасці гэтай копіі з арыгіналам, перапісанай у Варшаве. Без месца, 5.02.1753 (стары стыль).

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: архімандрыт служкі, намеснік мітраполіі Кіеўскай Міхал Казачынскі.

Тагачасная копія, афіцыйна завераная архімандрытам. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 214—215; арк. 215 чысты, з затылкам).

108. Прыватны ліст (пісьмо) віленскага біскупа М. Зянковіча да вялікага канцлера ВКЛ кн. [М. Чартарыйскага] з паведамленнем, што ніколі не выдаваў загадаў аб забароне ўзнаўлення згарэўшай праваслаўнай царквы ў Заблудаве, а таксама па іншых пытаннях наконт праваслаўнай царквы ў ВКЛ. Вільня, 2.12.1752.

Без подпісу.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 216—217).

109. а) Рэестр дакументаў Слуцкай архімандрыі на маёнтка Ямінск (Трайчаны), атрыманы Якубам Дзярчынскім (Деражынскім?) для вядзення справы са Слуцкім езуцкім калегіумам. Без месца, 6.12.1752.

Подпіс: Якуб Дзярчынскі.

б) (на затылку заглавак, пісаны рукой служкага архімандрыта М. Казачынскага). Рэестр дакументаў на маёнтка Ямінск Малы Трайчанскі, атрыманы 1.12.1752 (стары стыль) айцом Карнеліушам Наўроцкім ад Якуба Дзярчынскага, агента вялікага харужага ВКЛ кн. Гераніма Радзівіла, у Галоўным Трыбунале ВКЛ у Навагрудку. Без месца і даты.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: № 47-й. 2 арк. (арк. 218—219; арк. 219 чысты, з затылкам).

110. Данясенне [служкага архімандрыта Міхала Казачынскага] у Свяцейшы Правячы Сінод аб вывазе б'льым служкім архімандрытам нябожчыкам Іосіфам Аранскім, калі быў прызначаны архімандрытам Кіева-Пячэрскай лаўры, са Слуцка ў Кіеў рэчаў і грошаў Слуцкай архімандрыі, аб рэстаўрацыі Старыцкага манастыра Нараджэння Багародзіцы, а таксама па іншых пытаннях становішча праваслаўнай царквы ў ВКЛ. Без месца і даты.

Без подпісу.

Арыгінал (чарнавы варыянт). Рус. м. Філіграні. 6 арк. (арк. 220—225).

111. а) Ліст сакратара Кіеўскай генерал-губернатарскай канцэлярыі Аляксея Стэфанавіча Фоціева да служкага архімандрыта Міхала Казачынскага з просьбай пераслаць у Мінск Міхалу Лаўрэцкаму ўкладзеныя лісты і два чырвоныя Кіеў, 9.02.1753.

Подпіс: сакратар Аляксей Фоціев.

б) Квітацыя Міхаіла Аўдзевіча Лаўрэцкага, жыхара горада Мінска, з абавязкам вярнуць у тэрмін 6.05.1753 тры чырвоныя, пазычаныя ў служкага архімандрыта Міхала Казачынскага. Без месца і даты.

Подпісы: Крыжык (М. А. Лаўрэцкага); Інацэнтны Балдышэўскі (пол. м.).

в) (на затылку) Нататка аб атрыманні вышэйзгаданага ліста (№ 111-а) у Слуцкай архімандрыі. Без месца, 22.03.1753.

Без подпісу.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 226—227; арк. 227 чысты, з затылкам).

112. Рэспонс (ліст) віленскага біскупа [М. Зянковіча] да вялікага канцлера ВКЛ кн. [М. Чартарыйскага] з паведамленнем аб няслушных скаргах на каталіцкіх святароў, якія пасылае да канцлера праваслаўнае духавенства, а таксама аб становішчы праваслаўя ў Заблудаўскім наваколлі. Вільня, 18.03.1753.

Без подпісу.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 228—229).

113. Обліг Міхала Аўдзевіча Лаўрэцкага, дадзены служкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі кс. Міхалу Казачынскаму паводле ліста сакратара Кіеўскай генерал-губернатарскай канцэлярыі Аляксея Стэфанавіча Фоціева, на пазычаныя тры чырвоныя злотых на дарогу да Кіева, якія грошы мае яму аддаць або сам, або Фоціев. У Слуцкай архімандрыі, 5.04.1753.

Подпісы: крыжык (М. А. Лаўрэцкага); Інацэнты Балдышэўскі; Якуб Леаноўскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 230).

114. Прыватны ліст (пісьмо) нейкага Ржышэўскага да[случкага архімандрыта Міхала Казачынскага?] з паведамленнем аб перасылцы яго ліста пану аблегату, які яго перадаў канцлеру ВКЛ кн. Міхалу Чартарыйскаму ў справе вырашэння пытанняў аб узнаўленні Заблудаўскай царквы, а таксама па іншых пытаннях праваслаўнага духавенства. Варшава, 9.06.1753 (стары стыль).

Подпіс: J. Ryszewski.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 233—234).

115. Прыватны ліст (пісьмо) Францішка Высоцкага да случкага архімандрыта [Міхала Казачынскага?] з паведамленнем аб адсылцы яму квітоў падымнага, а квіты чопавага прывязе сам пазней. Балотчыцы, 16.07.1753.

Подпіс: Францішак Высоцкі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 231—232; арк. 232 чысты).

116. а) Падзел Капыльскай праваслаўнай парафіі на тры часткі (са спіскамі парафіян у м. Капыль і пералікам вёсак на кожную частку) паміж капыльскімі святарамі Янам Пыжэвічам, Кліментам Маўчановічам і пападзёй удавой Тэафіляй Ярашэвічавай паводле загаду случкага архімандрыта Міхала Казачынскага. Без месца, 7.09.1753.

Подпісы (асобны пад кожным спісам): Ян Пыжэвіч, празбітар ц[арквы] К[апыльскай]; Кліменты Маўчановіч, празбітар царквы Капыльс[кай]; Тэафіля Ярашэвічавая, удава-пападзця.

б) Нататка случкага архімандрыта Міхала Казачынскага аб зацвярджэнні згаданага падзелу Капыльскай парафіі. Без месца, 11.09.1753 (стары стыль).

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: архімандрыт случкі, намеснік мітраполіі Кіеўскай Міхал Казачынскі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 4 арк. (арк. 235—238; арк. 239 чысты, з затылкам).

117. Прыватны ліст епіскапа Барлаама Уладычкі да невядомага духоўнага іерарха з паведамленнем аб атрыманні яго ліста разам з указамі кіеўскага мітраполіта, а таксама са сцвярджэннем сваёй невінаватасці і немэтазгоднасці свайго прыезду ў Мінск на інквізіцыйна (следства) са случкім архімандрытам і з іншай інфармацыяй. Вільня, 16.11.1753.

Подпіс: еп[іскап] Барлаам Уладычка.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 239—240).

118. Прыватны ліст (пісьмо) нейкага Ржышэўскага да невядомай асобы (случкага архімандрыта Міхала Казачынскага?) з паведамленнем аб здзяйсненні рэманстрацыі каралю [Аўгусту III] наконг дазволу ўзнаўляць царквы на старых пагарэлішчах і рэстаўрацыі спархнелых царкваў. Варшава, 6.12.1753 (стары стыль).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 241—242).

119. а) Адказы каталіцкага касцёла на скаргі праваслаўнай царквы караля аб быццам бы ўціску праваслаўя ў ВКЛ, у тым ліку гістарычныя даведкі па пытаннях Супрасльскага манастыра, Заблудаўскай царквы і інш. Без месца, 11.12.1753.

Без подпісаў.

б) Каментар з пункту гледжання праваслаўя да згаданых адказаў, як хлуслівых і няслушных. Без месца і даты.

Без подпісаў.

Арыгінал(?). Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 243—244).

120. Другі экзэмпляр дакумента № 119-а. Без месца, 11.12.1753.

Без подпісаў.

Арыгінал(?). Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 245—246).

121. Кароткае апісанне крыўд і шкод, якія церпяць праваслаўныя царквы Слуцкага і Капыльскага княстваў ад каталіцкіх і ўніяцкіх устаноў і прыватных асоб — католікаў. Без месца і даты.

Пячатка і подпісаў няма.

Арыгінал(?). Ляцін. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 247—248).

122. а) Ліст караля Аўгуста III да кс. віленскага біскупа з просьбай не дапускаць з боку каталіцкага духавенства здзяйснення крыўд праваслаўнай царкве ў ВКЛ, гвалтоўнага пераводу царкваў ва ўніяцтва і інш. шкод, пра якія каралю паведамляе Расійскі імператарскі двор. Дрэздэн, 1753 г. (без дня і месяца).

Копія подпісу: August Rex.

б) (на адв.). Нататка, што на гэты ліст караля кс. віленскі біскуп адказаў 11.12.1753 дзіўным чынам і на французскай мове праз віленскага каад'ютара кс. Сапегу. Без месца і даты.

Тагачасная копія. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 249).

123. Прыватны ліст (пісьмо) намесніка Кіеўскай мітраполіі, случкага архімандрыта Міхала Казачынскага да братчыкаў брацтва пры Заблудаўскай царкве з падзякай і благаслаўненнем, а таксама з умовамі аб пабудове новай царквы (для нагляду за гэтым пасылае трох манахаў) і парадай усталяваць скрынку для збору ахвяраванняў для гэтага, а не прапіваць грошы ў карчме, што вялікі грэх. Слуцк, 6.03.1754.

Подпіс: Міхал Казачынскі, намеснік мітраполіі Кіеўскай, архімандрыт случкі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 250—251).

124. а) Прыватны ліст (пісьмо) Я. Ржышэўскага да [случкага архімандрыта] з паведамленнем аб сваіх высілках перад каралеўскім дваром па пытанні ўзнаўлення Заблудаўскай царквы і парадай аб узяцці гэтага пытання на будучым сойме, а таксама аб хлуслівым лісце кс. віленскага біскупа да караля,

бышцам бы Заблудаўская царква фундавана як уніяцкая. Варшава, 11.04.1754 (стары стыль).

Подпіс: Я. Ржышэўскі.

б) (на арк. 253 адв.). Анатацыя гэтага ліста на рус. м. (1-я пал. XIX ст.).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 252—253; арк. 253 чысты, з затылкам).

125. Прыватны ліст (пісьмо) А. Отэна да слуцкага архімандрыта з падзякай за дазвол выкарыстаць дрэва з Шыпілаўскай пушчы на адбудову згарэўшага млына, а таксама аб чаканні ад архімандрыта рэзалюцыі наконт камянёў, якія ляжаць пад Шыпілаўскім дваром. Юркавічы, 9.02.1754.

Подпіс: А. Отэн.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 254—255; арк. 255 чысты, з затылкам).

126. а) Рэспонс (адказ) сенатараў каронных і ВКЛ на мемарыял экстраардынарнага пасла Расійскай імперыі ў Польшчы [Генрыка дэ Гросэ] наконт скаргі праслаўнага духавенства на каталіцкую і ўніяцкую царкву ў РП, што кароль прытрымліваецца законаў РП і дамоў з Расіяй па гэтым пытанні. Варшава, 7.10.1754.

б) (арк. 256 адв.). Прыватны ліст (пісьмо) расійскага пасла [Г. дэ Гросэ] да кн. [Радзівіла] аб стане праслаўнай царквы ў яго маёнтках. Без месца і даты.

в) (арк. 256 адв., перавернута). Анатацыя вышэйзгаданых дакументаў з адзнакай, што іх копіі дасланы міністру, сакратару і капелану. Без месца, 18.11.1754 (стары стыль).

г) (арк. 257) Той жа рэспонс, што № 126-а. Варшава, 6.10.1754.

Тагачасная копія. Пол. м. (а, б, в), франц. м. (г). Філіграні. 2 арк. (арк. 256—257).

127. Ліст брэсцкага ваяводзіча, вялёнскага, блудэнскага і даўгелішскага старосты Яна Мікалая Хадкевіча да архіепіскапа, кіеўскага мітрапаліта Цімафея Шчарбацкага з просьбай аб пасвячэнні празбігарам праслаўнай царквы св. Мікалая ў месце Петрыкаў Мазырскага пав., якое яму належыць, айца Карпея Загароўскага. Варшава, 10.10.1754.

Пячатка на чырвоным сургучы і подпіс: Ян Хадкевіч, с[тароста] в[ялёнскі].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 258—259; арк. 259 чысты, з затылкам).

128. Прыватны ліст (пісьмо) вяцкага епіскапа айца Антонія да ігумена Мгарскага Лубянскага манастыра айца Дасіфея з паведамленнем, што даў загад па сваёй епархіі збіраць ахвяраванні на ўзнаўленне згарэўшага падчас пажару Мгарскага манастыра. Вятка, 3.12.1754.

Подпіс: Антоній, епіскап вяцкі.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 260—261; арк. 261 чысты).

129. а) Ліст караля Аўгуста III да [віленскага біскупа] па пытанні адбудовы згарэўшай у Заблудаве царквы. Варшава, 15.12.1754.

Копія подпісу: Аўгуст, кароль.

б) Ліст канцлера ВКЛ кн. Міхала Чартарыйскага да кс. віленскага біскупа з просьбай не перашкаджаць узнаўленню новай праслаўнай царквы ў Заблудаве замест згарэўшай колькі год таму і паведамленнем аб перасылцы ліста-хадайніцтва караля (гл. № 129-а). Варшава, 15.12.1754.

Копія подпісу: М[іхал] кн. Чартарыйскі, к[анцлер] в[ялікі] ВКЛ.

в) Ліст пленіпотэнта слуцкага архімандрыта Я. Ржышэўскага да [віленскага біскупа] з просьбай не перашкаджаць узнаўленню праслаўнай царквы ў Заблудаве, таму што паводле доказаў аб фундацыі праслаўнай, а не ўніяцкай царквы маецца дазвол караля. Варшава, 18.12.1754.

Подпіс: Я. Ржышэўскі.

Тагачасная копія. Франц. м. (а), пол. м. (б, в). Філігрань. 2 арк. (арк. 262—263).

130. а) Прыватны ліст (пісьмо) віленскага біскупа кс. Міхала Зянковіча да расійскага пасла ў РП [Генрыка Гросэ] з паведамленнем аб няслушнасці довадаў аб прыналежнасці царквы ў Заблудаве да праслаўнага, а таксама аб высьшы паслу разам з гэтым лістом інфармацыі з доказамі аб уніяцкай фундацыі гэтай царквы (гл. № 130-б). Вільня, 25.01.1755.

Копія подпісу: Міхал, біскуп віленскі.

б) Інфармацыя з гісторыяй Заблудаўскай царквы і доказамі на карысць прыналежнасці яе уніі. Без месца і даты.

Заўвага: гэты дакумент без пачатку (адзін або два аркуша былі згублены ўжо ў XIX ст.).

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 264—265).

131. а) Ліст-кантракт падданага Слуцкай архімандрыі каваля Трахіма Рэвувіча, які жыве на Трайчанскай горысдыцы ў Слуцку, дадзены слуцкаму архімандрыту айцу Міхалу Казачынскаму, з абавязкам вывучыць за чатыры гады кавальскаму і слясарнаму рамяству хлопца Васіля Сельчуковіча. Слуцкая архімандрыя, 27.03.1755 (стары стыль).

Подпісы: Трахім Рэвувіч (крыжыкам); кс. Я. (Ю?) Балдышэўскі, н[амеснік?] ар[хімандрыта] слуц[кага]; Ігнаці Вечар, ака[ном] ар[хімандрыі] С[луцкай].

б) Дадатак да кантракта, паводле якога першы год хлопца Васіля вопраткай і ежай забяспечвае манастыр, а астатнія тры гады — сам каваль Трахім Рэвувіч. [Слуцкая архімандрыя, 27.03.1755 (стары стыль)].

Подпісы тыя ж, што ў № 131-а.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 266).

132. а) Ліст невядомага да вялікага харужага ВКЛ кн. Радзівіла з падзякай за падтрымку праслаўных царкваў у сваіх маёнтках, у тым ліку за пра-

дастаўленне новага, лепшага пляца ў м. Слуцку і дрэва для пабудовы новай саборнай царквы замест згарэўшай у 1746 г. Варшава, 26.06.1755.

б) Ліст невядомага да ўніяцкага мітрапаліта, полацкага арцыбіскупа кс. Грабніцкага з просьбай даць распараджэнне аб вяртанні праваслаўнай царкве ў в. Патоки каля Заблудава яе богаслужэбнага начыння, якое захапілі ўніяцкія святары на падставе таго, што яе святар Іван Бараноўскі перайшоў ва ўніяцтва. Варшава, 26.06.1755.

в) Ліст невядомага да дзяржаўцы графства Заблудаўскага пана Бабінскага з просьбай паспрыяць вяртанню начыння царквы ў в. Патоки і змясціць яго на захаванне ў Заблудаўскім манастыры. Варшава, 26.06.1755.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 267—268).

133. Рэестры рухомах рэчаў, рускіх, польскіх і лацінскіх кніг, якія засталіся па смерці слуцкага архімандрыта Міхала Казачынскага, з пазначэннем духоўных асоб і ўстановаў, каму ён тое запісаў. Без месца, 27.11.1755.

Арыгінал. Стб., пол. м. Філіграні. 3 арк. (арк. 269—271).

134. Прыватны ліст (пісьмо) манаха Заблудаўскага манастыра Тэадозія Казюліча да [слуцкага архімандрыта] з паведамленнем, што ў манастыры два манахі вельмі старыя, а трэці не вельмі адэкватны, з просьбай прыслаць манахаў з грашымі для закупкі насення, патурбавацца пра ратаванне царквы ў в. Патоки і капліцы фальваркавай, а таксама аб падрыхтаванні дрэва для пабудовы новай царквы. Заблудаў, 25.03.1756.

Подпіс: Тэадозі Казюліч, закон[нік] кляш[тара] Заблудаўскага].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 274—275; арк. 275 чысты).

135. Прыватны ліст (пісьмо) Станіслава Пажарыскага, ярэміцкага адміністратара, да слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай і Галіцкай мітраполіі з паведамленнем, што некалькі дзён таму ў Ярэміцкай воласці кн. Радзівіла загінуў у дарозе, утапіўся ў балоце, каваль з в. Юшкевічы, які ішоў з карчмы п'яным, а вікарый Ярэміцкай царквы загадаў яго пахаваць на асвечаных могілках, што супярэчыць хрысціянскім абрадам. Арэмічы, 5.05.1756.

Пячатка на чырвоным сургучы (на арк. 273 адв., захавалася кепска) і подпіс: Станіслаў Пажарыскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 272—273; арк. 273 чысты з адрасам і загаловакам).

136. а) Прыватны ліст (пісьмо) петрыкаўскага пратапопа Фамы Змаровіча і іерэя Карпа Загароўскага да намесніка Кіеўскай мітраполіі, слуцкага архімандрыта Давыда Нашчынскага з хадаініцтвам аб памілаванні святара Прохара Завітневіча, які быў раней выгнаны парафіянамі царквы ў маёнтку Лясковічы пп. Хадкевічаў, а потым служыў у Тураўскай пратаполіі, дзе яго царква згарэла разам з яго маёмасцю, і выдачы яму граматы на царкоўнае служэнне. Без месца, 20.06.1756.

Пячатка на чырвоным сургучы Фамы Змаровіча(?) (на арк. 277 адв.).

Подпісы: Фама Змаровіч, пратапоп петрыкаўскі; іерэй Карп Загароўскі[і].

б) (арк. 276, унізе). Нататка, што да кіеўскага мітрапаліта напісана данясенне з просьбай выдаць грамату згаданаму Прохару на служэнне ў Бунчанскай царкве. Без месца, 16.07.1756.

в) (арк. 276 адв.). Нататкі аб царкве ў в. Бунча пп. Сапегаў Тураўскай пратаполіі, аб цэрквах у Петрыкаве і іх святарах.

Арыгінал. Стукр. м. (а), стб. м. (в, г). Філігрань. 2 арк. (арк. 276—277).

137. Ліст-распараджэнне слуцкага варварынскага прабітара Рамана Казюліча і яго жонкі Ксеніі з Дзёрткаў Казюлічавай, якім запісваюць прабітарства Варварынскай царквы з фальваркам старэйшаму сыну Тэадору Казюлічу, а таксама іншую гаспадарку малодшым дзецям Якубу і Марысі. Слуцк, 6.07.1756.

Подпісы: Раман Казюліч, прабітар варварынскі слуцкі; Ксенія з Дзёрткаў Казюлічавая як маці (крыжыкам); Даніэль Балкоўскі; Філіп Багуцкі, п[рабітар] м[ікалаеўскі] сл[уцкі], пісар капітулы Слуцкай; Стэфан Манькоўскі, пратапоп слуцкі.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 278—279; арк. 279 чысты).

138. Прыватны ліст слуцкага архімандрыта Давіда Нашчынскага да скрыгалаўскага прабітара Іаана Карніевіча з паведамленнем, што на яго скаргу мазырска кашталеніч пан Аскірка абяцаў архімандрыту не здзяйсняць шкод і крыўд Скрыгалаўскай царкве, яе прабітару і парафіянам. Без месца, 27.08.1756.

Подпіс: архімандрыт Давід Нашчынскі, мітрапаліт к[іеўскі].

Тагачасная копія. Стб. м. Без філіграні. 2 арк. (арк. 280—281; арк. 281 чысты, з затылкам).

139. а) Ліст вялікага харужага ВКЛ кн. Гераніма Радзівіла аб дазvole законніцам кляштар Прарока Геляша ў Слуцку па Віленскай вуліцы ўвозіць у кляштар на ўласную патрэбу збожжа і дрэва, а таксама рубіць хвораст каля кляштар св. Тройцы, беспадаткова, з умовай невыкарыстання на продаж, а спагнання раней падаткі мае ім вярнуць камісар Слуцкага і Капільскага княстваў, лобельскі стольнік пан Стаінскі. Старчыцы, 28.10.1756.

Пячатка на чырвоным сургучы (няякасная) і подпіс: Г[еранім] Ф[ларыян] Радзівіл, хару[жы] в[ялікі] ВКЛ.

б) (на арк. 283 арк.) Загалолак дакумента з адзнакай, што ён дастаўлены ў [Слуцкую архімандрыю] канюшым Вендарфам. Без месца, 21.10.1756 (стары стыль).

Арыгінал. Пол. м. (а), стб. м. (б). Філіграні. 2 арк. (арк. 282—283; арк. 283 чысты, з затылкам).

140. Чарнавыя запісы аб стане праваслаўнай царквы ў ВКЛ, дзейнасці пэўных іераманахаў і інш. Без месца, 22.08.1757.

Без пятака і подпісаў.

Арыгінал. Стб. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 284—285).

141. Указ духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Давіду Нашчынскаму з паведамленнем аб Указе Яе Імператарскай Вялікасці ў Свяцейшы Сінод аб пераводзе кіеўскага мітрапаліта Цімафея на прастол Маскоўскай епархіі, а на яго месца прызначэнні былога пераяслаўскага архіепіскапа Арсенія. Без месца, 20.12.1757.

Подпісы: ігумен іераманах Дасіфей; катэдральны прапаведнік іераманах Павел; катэдральны ўстаўнік іераманах (не зразумела); канцэлярыст манах Веніямін.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сінг.: № 1437 (зыходзячы кансісторыі, на палях). 2 арк. (арк. 286—287).

142. Выпіс з кніг Слуцкай магдэбурый ад 28.01.1760. Кампрамісарскі ліст слуцкага архімандрыта, намесніка Кіеўскай мітраполіі Дасітэуша Галяхоўскага і навагрудскага кашталіяніча Тэадора Незабытоўскага аб прызначэнні палобоўнага суда на пэўны тэрмін і абранні з абодвух бакоў палобоўных суддзяў для вырашэння пазямельных і памежных спрэчак паміж Грозаўскім кляштарам св. Мікалая Слуцкай архімандрыі і маёнткам Вялікі Грозаў Т. Незабытоўскага. Без месца, 26.01.1760.

Пячатка на кустодыі Слуцкай магдэбурый («Пегас»).

Подпісы: Аляксандр Кучарскі, вайт магдэбурый ме[ста] Сл[уцкага]; Міхал Мелянтовіч, пісар магдэбурый мес[та] Сл[уцкага].

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 4 арк. (арк. 288—291; арк. 291 чысты).

143. Ліст-прэзента (прадстаўленне) вялікага харужага, крычаўскага старосты кн. Гераніма Фларыяна Радзівіла Сымяону Шаўковічу на палову парафіі Любанскай царквы Праабражэння Гасподня па рэзыгнацыі былога святара Яна Трэмбашэўскага. Слуцк, 13.02.1758.

Пячатка кустадыйнай і подпіс: Г[еранім] Ф[ларыян] Радзівіл, хару[жы] в[ялікі] ВКЛ.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. з тэкстам не нумараваны, арк. 292 чысты).

144. Спіс прэтэнзій былога празбітара Слуцкай Мікольскай царквы айца Асона Андрыеўскага да празбітара той жа царквы айца Багуцкага наконт размеркавання даходаў гэтай царквы, пачынаючы з 28.02.1759. Без месца і даты.

Без пячаткі і подпісу.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сінг.: «Papirzy oysa Assona z Boguckim u Iwanem Szolomom. Sztuk 3. Nomer». 2 арк. (арк. 293—294; арк. 294 чысты, з затылкам).

145. Указ духоўнай кансісторыі Кіеўскай мітраполіі слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай мітраполіі Дасіфею аб дазvole паводле хадайніцтва Слуцкай архімандрыі перавесці ў Слуцкі Св.-Траецкі манастыр іераманаха Іаасафа Ярашэўскага на пасаду прапаведніка замест збяжаўшага былога прапаведніка іерадыякана Іаана. Без месца, 18.05.1759.

Подпісы: Мадэст, архімандрыт залатаверха-міхайлаўскі; Кіева-Вьдубіцкага м[а]н[а]ст[ы]ра ігумен Антоні; намеснік кіева-падольскі іерэй Іакаў(?); кансісторскі пісар іерадыякан Азарыя; рэхіт (звяраў) Фёдар Бяляўскі; канцэлярыст Павел Маляноўскі.

Арыгінал. Рус. м. Філігрань. Стар. сінг.: № 863 (зыходзячы кансісторыі, на палях). 2 арк. (арк. 295—296; арк. 296 чысты).

146. Прыватны ліст (пісьмо) Базыля Шышкі да [слуцкага архімандрыта] з паведамленнем, што ўсе прывілеі, фондушавыя і інш. дакументы Мінскага кляштара апосталаў Пятра і Паўла забраў у Вільню для вывучэння старшы Віленскага кляштара айцец Багдановіч, цяпер нябожчык, а рэшту дакументаў узяў айцец Інацэнтэ Балдышэўскі для справы з месцам [Мінскам] на камісію і завез да Вільні, таму дасылае архімандрыту толькі копію апошняга каралеўскага канфірмацыйнага прывілея, а таксама з просьбай выдаць ліст-загад да старшага Віленскага кляштара аб вяртанні дакументаў. Мінск, 22.10.1752 (стары стыль).

Подпіс: Базылі Шышка.

Арыгінал (або тагачасная копія?). Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 298—299).

147. а) Ліст-прэзента мазырскага падкаморыя, якімовіцкага старосты Міхала Яленскага Ігнацію Пігулеўскаму на празбітарства Валасовіцкай царквы (з капліцамі ў Нястанавічах і Сякерычах), якая знаходзіцца ў Якімовіцкім старостве, для дапамогі яго бацьку валасовіцкаму празбітару айцу Герману Пігулеўскаму. Камаровічы, 23.05.1759.

Копія подпісу: Міхал Яленскі, падкаморы павета Мазырскага.

б) Нататка аб адпаведнасці гэтай копіі арыгіналу. Без месца і даты.

Подпіс: Дасьгэуш, архім[андрыт].

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. з тэкстам не нумараваны; арк. 247 чысты, з затылкам).

148. а) Данясенне парутчыка Расійскай арміі Алякс[ея?] Крыўцова і лубенскага палкавога сотніка Карпа Значкі ў Слуцкую архімандрыю аб адпраўцы на патрэбы арміі пэўнай колькасці быкоў і валоў з в. Малая Росаш. Без месца, 20.06.1758.

Подпісы: парутчык Алякс[ея?] Крыўцоў; сотнік палкавы лубенскі Карп Значка.

б) Рэстр быкоў і валоў, узятых на патрэбы Расійскай арміі ў в. Малая Росаш. Без месца і даты.

Арыгінал. Рус. м. Філіграні. Стар. сінг.: № 72. 2 арк. (арк. 300—301; арк. 301 чысты, з затылкам).

149. Прыватны ліст (пісьмо) братчыкаў брацтва пры Забудуўскай царкве да слуцкага архімандрыта з падзякай за падтрымку, а таксама з паведамленнем, што па пьганні адбудовы царквы пасылалі чалавека Грыгорыя Марцінока ў Гродна да п. сакратара і аблегата п. міністра, які паведаміў, што гэтае пытанне без прысутнасці архімандрыта не можа вырашацца. Забудуў, 13.10.1752.

Подпіс: брацтва царквы Заблудаўскай.

Арыгінал (або тагачасная копія?). Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 302—303; арк. 303 чысты).

150. а) Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Юзафа Пятроўскага аб падачы позвы навагрудскай кашталянавай Марыяне з Аржэхоўскіх Незабытоўскай і яе сыну навагрудскаму кашталянічу Тэадору Незабытоўскаму ў іх маёнтку Грозаў Навагрудскага ваяводства ў скарзе слуцкага архімандрыта Дасітэуша Галяхоўскага і Слуцкага Трайчанскага кляштара. Без месца, 23.07.1759.

Подпіс: Юзаф Пятроўскі, енерал ЯКМ в[аяводства] На[вагрудскага].

б) Нататка аб актыкацыі гэтага квіта ў кнігах Навагрудскага гродскага суда. Без месца, 27.07.1759.

Подпіс: Мацей Яновіч, стар[оста] мал[ецкі?], рэгент грод[скі] в[аяводства] На[вагрудскага].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: № 5. 1 арк. (арк. 304).

151. Прыватны ліст (пісьмо) Яна Корвіна-Красінскага да [слуцкага архімандрыта] з віншаваннямі аб заключэнні ўгоды між архімандрытам і [слуцкімі] езуітамі, а таксама з паведамленнем аб пасылцы свайго ўрадніка да архімандрыта ў Трайчаны дамовіцца аб сустрэчы наконт зямельных меж. Загалле, 22.10.1753.

Подпіс: Ян Корвін-Красінскі.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 305—306; арк. 306 чысты).

152. а) Позва ў Галоўны Трыбунал ВКЛ у Мінску ў 1759 г. слуцкаму архімандрыту айцу Галяхоўскаму, намесніку Грозаўскага манастыра Гарасіму Святоўскаму і ўсім манахам, а таксама сялянам вв. Аксаміты і Папоўцы, прыналежным манастыру, па скарзе навагрудскага кашталяніча Тэадора Незабытоўскага аб захопе манастырскімі падданымі ў 1758 г. яго сенажці. Без месца і даты [1759 г.].

Копія подпісу: Войцех Віславух, пісар Т[рыбунала] Г[алоўнага] ВКЛ кадэньчы рускай.

б) Рэляцыйны квіт енерала ЯКМ Навагрудскага ваяводства Яна Аркішка-Яноўскага аб падачы згаданай позвы манахам у Грозаўскім кляштары. Без месца, 24.11.1759.

Подпіс: Ян Аркішка-Яноўскі, енерал ЯКМ в[аяводства] Н[авагрудскага].

Тагачасная копія (енеральская). Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 307).

153. Выліс з кніг Варшаўскага гродскага суда, на чацверты дзень па свяце св. Францішка 1760 г. Маніфестацыя пасла на Вальны сойм ад Падольскага ваяводства Фелікса з Лезеніц Лезенскага на дзеянні Вальнага сойма ў Варшаве. Варшава, 8.10.1760.

Копія подпісу: Фелікс з Лезеніц Лезенскі, пасол з ваяводства Падольскага.

Тагачасная копія. Лацін. і пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: «Черницам слуцким служачие»; «Kwity podymne, szorowe i szelezne» (дакумент выкарыстоўваўся ў XVIII ст. як вокладка фасцыкулы). 2 арк. (арк. 308—309; арк. 309 чысты, з нататкамі сігнатур).

154. Мемарыял (пералік просьб) праваслаўнага духавенства Слуцкага і Капыльскага княстваў да вялікага гетмана ВКЛ кн. Міхала Радзівіла, як спадчынніка па смерці яго брата вялікага харужага ВКЛ кн. Гераніма Фларыяна Радзівіла. Без месца, 23.05.1760.

Подпіс: Дасіфей, архімандрыт слуцкі, намеснік правасл[аўнай] мітраполіі Кіеўскай.

Арыгінал. Стб. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 310—311; арк. 311 чысты, з затылкам).

155. Ліст-обліг Філона Пльшэўскага, дадзены слуцкаму архімандрыту, намесніку Кіеўскай архіепіскапіі Тэадозію Ваўковічу, на пазычаныя ў яго 30 зл. з тэрмінам вяртання пазыкі 1.06.1730. Без месца і даты [1730 г.].

Подпісы: крыжык (Філона Пльшэўскага); Міхал Ваўковіч (сведка).

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 312).

156. Інквізіцыя (апытанне), здзейсненая пісарам духоўнай кансісторыі [Слуцкай архімандрыі?] Міхалам Кулоўскім, у справе Стэфанавай Лапіцкай з бакалаўрам Слуцкай Мікольскай царквы Паўлам Акіншыцам, які адмовіў яе просьбе спяваць на богаслужэнні. Без месца, 26.07.1763.

Подпіс: Міхал С. Кулоўскі, пісар кансісторыі духоўнай.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 1 арк. (арк. 313).

157. Прыватны ліст (пісьмо) удавы Раіны з Дашкевічаў Страховічавай да [слуцкага архімандрыта] са скаргай і з просьбай аб дапамозе, што яе выгналі з плябаніі па смерці яе мужа святара, і яна тулілася па розных месцах. Ушач, 13.07.1768.

Копія подпісу: Раіна з Дашкевічаў Страховічавая, удава.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 314—315; арк. 315 чысты).

158. Інвентар (апісанне) цудатворнага абраза Найсвяцейшай Панны Марыі і яго аздаблення і ўпрыгожванняў у Слуцкай Саборнай царкве Успення Панны Марыі, зроблены паводле загаду слуцкага архімандрыта Дасітэуша Галяхоўскага. Без месца, 17.08.1760.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: «В сем ящике вовсе ненужныя бумаги» (XIX ст.). 3 арк. (арк. 316 з тэкстам; малы кавалак аркуша з канчаткам тэксту, нenumараваны; арк. 317 чысты, з затылкам).

159. Прыватны ліст (пісьмо) празбітара Петрыкаўскай Уваскрасенскай царквы Яна Будовіча да [слуцкага архімандрыта] з паведамленнем, што ў мінулую нядзелю з дазволу петрыкаўскага губернатара камендар петрыкаўскай каталіцкай плябаніі разам з кс. місіянерамі, аўдытарам Пінскага ўніяцкага біскупства і ўніяцкімі святарамі ўчынілі працэсію да Крґжа за месцам Петрыка-

вам, а потым хацелі захапіць прываслаўную царкву, да якой прываслаўныя прыхаджане іх не дапусцілі, і просьбай аб дапамозе і ратунку. Петрыкаў, 17.02.1761.

Подпіс: Ян Будовіч, праз[бітар] уваск[расенскі] петр[ыкаўскі].

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. Стар. сігн.: «Сей лист приложить к делам А[рхимандрии] Слуцкой» (XIX ст.). 2 арк. (арк. 318—319).

160. а) Прыватны ліст вялікага гетмана ВКЛ кн. Міхала Радзівіла да слуцкага архімандрыта кс. Галяхоўскага з паведамленнем, што прысланыя да яго паперы на фальв. Морацкі не маюць поўнага камплекта, а таксама з просьбай прыбыць архімандрыту да яго разам з фундушавымі дакументамі Слуцкай Саборнай царквы, каб дамовіцца аб перамене месца адбудовы новай царквы. Нясвіж, 8.01.1761.

Подпіс: М[іхал] К[азімір] Радзівіл, в[аявода] в[іленскі], г[етман] в[ялікі] ВКЛ.

б) Нататка аб атрыманні гэтага ліста архімандрытам і напісанні адказу. Без месца, 9.01.1761.

Арыгінал. Пол. м. Філігрань. 2 арк. (арк. 320 з тэкстам; чысты аркуш не нумараваны).

161. Выпіс з кнігі старасцінскіх Слуцкага княства. Дэкрэт па скарзе айцоў Пятра Старынкевіча, Рамана Казюлі, Юзафа Драздовіча і Івана Кірыловіча на слуцкіх генеральных арандатараў жыдоў Лейбу Меяровіча і Боруха Гецэлевіча аб захопе бязменаў, флашак, барэтак і грошаў, а таксама па скарзе апошніх на першых аб няслушным гандле гарэлкай і інш. Без месца, 20.03.1761.

Пячатка кустадыйнай Слуцкага староства (з выявай гэрбаў Радзівілаў і староствы Л. Камінскага).

Подпісы: Лукаш Камінскі, меч[нік?] п[авега] Слон[імскага], княства Слуцкага і Капільскага староства; ёсць у актах — Ян Чачот.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: «К делам священников слущких не очень нужно» (XIX ст.). 2 арк., змацаваныя пячаткай (арк. 321—322; арк. 322 чысты, з затылкам).

162. а) Ліст-кантракт слуцкага архімандрыта Дасітэуша Галяхоўскага, дадзены кавалеўскаму старосце п. Багдановічу на пакупку ў яго 1000 гарнцаў гарэлкі і дзвух бочак солі на патрэбу кляштара ў Слуцкай архімандрыі, з тэрмінам заплаты грошаў яму 1.01.1762. Слуцкая архімандрыя, 19.08.1761.

Подпіс: Дасітэуш Галяхоўскі, архімандрыт слуцкі, намеснік прываслаўнай мітраполіі Кіеўскай.

б) Квіт жыдоў Ізраіля Юзафовіча і Беркі Люджовіча, арандатараў карчмы Грозаўскага Мікольскага кляштара, аб атрыманні [ад Слуцкай архімандрыі] гарэлкі з умовай аплаты тавара. Без месца, 17.06.1762.

Подпісы па-жыдоўску.

Арыгінал. Пол. м. Філіграні. Стар. сігн.: «Контракты». 2 арк. (арк. 323—324).

163. а) Ліст гарадзятцкага празбітара Н. Пльшэўскага, дадзены брату іванскаму празбітару Андрэю Пльшэўскаму на ўступку паловы парафіі і бенефіцыі Гарадзятцкай царквы, што аддзедзічылі па смерці свайго бацькі былога гарадзятцкага святара Базыля Пльшэўскага. У духоўнай кансісторыі [Слуцкай архімандрыі], 28.09.1761.

Копіі подпісу Н. Пльшэўскага няма.

б) Нататка аб адпаведнасці гэтай копіі арыгіналу. Без месца і даты.

Подпіс: Міхал С. Кулоўскі, пісар кансісторыі духоўнай.

Тагачасная копія. Пол. м. Філіграні. 2 арк. (арк. 325—326; арк. 326 чысты).

Літаратура

1. Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДДАС, 2004. — Вып. 5. — С. 47—72; Мінск: БелНДДАС, 2005. — Вып. 6. — С. 288—311; Мінск: БелНДДАС, 2006. — Вып. 7. — С. 225—237; Мінск: БелНДДАС, 2007. — Вып. 8. — С. 72—88; Мінск: БелНДДАС, 2008. — Вып. 9. — С. 194—214; Мінск: БелНДДАС, 2012. — Вып. 13. — С. 184—206; Мінск: БелНДДАС, 2013. — Вып. 14. — С. 135—153.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 24.03.2014

О. Б. Келлер,

Минск / Тюбинген,

кандидат исторических наук, доцент;

e-mail: olga.keller@mail.ru

ТРАНСФЕРТ ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ НА ЗЕМЛИ ВКЛ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1. Немецкое право на литовских землях ВКЛ и Речи Посполитой

Территория Литвы состояла из двух частей: из этнических литовских земель, а также из славянских земель. В данном подразделе речь пойдет о распространении немецкого права на этнических литовских землях. Название «Литва» впервые упоминается в «Кведлинбургских Анналах» («*Quedlinburger Annalen*») [1, с. 527] в 1009 г. Основание в 1236 г. Великого Княжества Литовского, во главе которого стоял Миндовг (Миндаугас), было обусловлено необходимостью обороны балтийских земель от завоевательных походов крестоносцев и инвазии германских военных орденов. В 1251 г. Миндаугас принял крещение, а 6 июля 1253 г. был провозглашен королем. Во времена правления великих князей Ольгерда (Альгирдас, 1345—1377) и Витовта (Витаутас, 1392—1430) Великое Княжество Литовское стало могущественным государством и расширило свои владения, распростершись от Балтийского до Черного моря. Во второй половине XIV в. вооруженные действия Тевтонского ордена против Литвы достигли беспрецедентных размеров — до четырех военных кампаний в год. Силы страны были истощены, необходимо было найти выход из создавшейся ситуации. И он был найден: в 1385 г. Литва и Польша заключили Кревский договор, согласно которому великий князь литовский Ягелло (Йогайла) становился королем Польши. Одним из условий соглашения было принятие Литвой христианства, что и было осуществлено в 1387 г. по возвращении Йогайлы из Польши. Он сразу же начал искоренять старую веру с ее поклонением священным деревьям, почитанием ужей и священного огня. Политические обстоятельства сыграли важную роль в принятии Литвой католицизма. Польза крещения обнаружилась сразу после того, как Папа Римский запретил Тевтонскому ордену вести войны против Литвы [2, с. 114]. Интересно, что еще задолго до правления Владислава II Ягайло, в таких городах Великого Княжества Литовского, как Вильнюс (Вильна, Вильно) и Тракай (Троки), имелись немецкие поселения. В них навевывались и ганзейские «зимние гости» из Данцига и Риги [2, с. 114—115].

1.1. Магдебургское городское право

Магдебургское городское право, также именуемое «немецким правом», ассоциировалось в Литве с правом городским. На территории Великого Княжества Литовского в период с XIV по XVIII в., — пишет современная литовская исследовательница Иоланта Карпавичене, — было 185 «магдебургских» городов. Причем на территории современной Литвы их всего 24. Остальные

города расположены в Белоруссии, России, Польше и в Украине [3, с. 84]. Общее же количество городов Великого Княжества Литовского с городским самоуправлением, в том числе и поселений, которые получили привилегии в XVIII в., — сообщает Эдмундас Римша, — составляет 250. Примерно 70 из них находятся в Литве [4, с. 125].

Литовские ученые выделяют так называемые «большие магдебургские города» и «малые магдебургские города». «Большие магдебургские города» получили немецкое право в самом начале его распространения. В них городское самоуправление приобрело размах в полном объеме. Это, например, такие города, как Вильнюс и Каунас. Под «малыми магдебургскими городами» подразумеваются поселения, которым тоже было даровано магдебургское право (в редких, исключительных случаях — кульмское право), однако городское самоуправление в них не было полностью развито по причине незначительной экономической и социальной продуктивности. Именно поэтому область влияния, объем и временные рамки распространения магдебургского права в этих «малых магдебургских городах» были ограничены. Население таких «малых городов» составляло примерно от 1000 до 4000 человек [3, с. 86].

1.2. Памятники саксонско-магдебургского права

Магдебургское право в литовских городах Речи Посполитой было не номинальным, а действующим; оно применялось в судах в польских изложениях Варфоломея Гроицкого и Павла Щербича [5, с. 55]. Книги Гроицкого и Щербича представляют собой польские изложения магдебургского права, действовавшие в судах литовских магдебургий в польском подлиннике. Но наряду с магдебургским правом в судах действовало и применялось местное обычное право, закрепленное в Статутах 1529, 1566, 1588 гг.

Труд Варфоломея Гроицкого «*Artykuły*» [6] наиболее близок к немецким источникам — «Саксонскому Зерцалу» и «Вейхбильду Магдебурга». Акцент делается на такие институты частного права, как институт обязательств, завещаний и др. Впервые обосновывается новый правовой принцип равенства прав между мужчиной и женщиной на наследство [7, с. 18].

В работе Варфоломея Гроицкого «*Porządek*» [8] содержатся нормы процессуального права. Кроме того, в нормы судопроизводства органично включаются и элементы материального права. Основное внимание данного произведения уделяется институту передачи собственности по наследству, оформлению и порядку законного наследования [7, с. 19].

«*Postepek*» [9] Варфоломея Гроицкого в основном передает содержание знаменитого немецкого источника «Каролины» («*Constitutio Criminalis Carolina*»). Исследователи подчеркивают, что эта книга не только применялась в магистратских судах, но и оказала влияние на право ВКЛ в целом [7, с. 19].

И, наконец, «*Tytuły*» [10] Варфоломея Гроицкого. Здесь налицо критический подход автора к уже устаревшим нормам магдебургского права, а также использование некоторых отрывков из «Дигест» и «Кодекса Юстиниана» [7, с. 19].

Работы Павла Щербича «Speculum Saxonum» [11] и «Ivs municipale» [12] были изданы в 1581 г. «Speculum Saxonum» записано в алфавитном порядке. «Ivs municipale» передает содержание всех 140 статей «Вейхбильда Магдебурга» с глоссами и пометками Павла Щербича [7, с. 20].

1.3. Любекское городское право

Город Клайпеда, немецкий Мемель, на сегодняшний день третий по величине город современной Литвы, до 1525 г. принадлежал рыцарям Тевтонского ордена; до 1923 г. — Германии. После строительства крепости Клайпеда в 1252 г. лифляндский ландмейстер Тевтонского ордена и епископ Курляндии начинают заботиться об основании будущего города и его правовом статусе [13]. Первоначально планировалось наделить Клайпеду правом дортмундским. Однако в 1257—1258 гг. этому городу было даровано право любекское. В XV в. Клайпеда получает кульмское право, являющееся разновидностью права магдебургского [14, с. 70].

2. Немецкое право на белорусских землях ВКЛ и Речи Посполитой

Первые немецкие поселенцы на землях ВКЛ появились в начале XIV в. Великий князь Гедимин пригласил в страну доминиканских и францисканских монахов. В Новогрудке, а также в Вильне были основаны две католические церкви. Великий князь Гедимин направил письма в различные ганзейские города от Любека до Ростка, дабы пригласить в молодое развивающееся княжество священнослужителей, дворянство, торговцев, ремесленников, крестьян и воинов. Как много немцев последовало тогда призыву Гедимины, установить сегодня не так уж и легко. Однако механизм был запущен, и немцы стали появляться в ВКЛ в целом и на белорусских землях ВКЛ в частности. В Полоцке, также как и в других городах ВКЛ, как, например, Тракае и Вильне появляются немецкие торговые дворы. Формирование немецких торговых дворов в ВКЛ продолжалось вплоть до XVI в. С целью возведения церквей и крепостных сооружений в Полоцк и Витебск разрешалось приезжать немцам из Ливонии. Кроме того, существовала даже Полоцкая фактория немцев, пользовавшихся особым (немецким) правом [15, с. 30].

2.1. Магдебургское городское право

На определенном этапе развития торгово-экономических центров ВКЛ появилась необходимость унифицировать законодательство, относящееся к различной деятельности городов и местечек. Стали упраздняться права и вольности, пожалованные в XIII—XIV вв. князьями Рюриковичами или сложившиеся на основе обычного права и торговых связей с зарубежными городами и регионами. Начали вводиться новые привилегии по образцу Германии.

На территории современной Беларуси или белорусских землях ВКЛ было распространено магдебургское городское право, а также его разновидности: кульмское [16, с. 140—143] и ноймарктское городские права. В ВКЛ, в том числе и на белорусских землях ВКЛ, дарование немецкого (магдебург-

ское, кульмское, ноймарктское) права какому-либо населенному пункту фиксировалось в жалованных грамотах или так называемых привилеях.

Магдебургское право распространилось на территории Великого Княжества Литовского после заключения Кревской унии 1385 г. с Польшей. В распространении магдебургского права был заинтересован великий князь Ягайло, стремившийся, раздавая грамоты городам, привлечь на свою сторону местную элиту.

С получением привилея на магдебургское право город освобождался от многих повинностей, а горожане получали право на свободную торговлю, на земельные владения вокруг города для выпаса скота, для охоты и рыбной ловли и др. Вместо многочисленных существовавших ранее натуральных повинностей горожане (мещане) платили только денежный налог определенного размера. Горожане могли заниматься ремеслом, земледелием, торговлей. Имели право выбирать городские органы управления, а именно: магистрат, заседавший в ратуше; создавать ремесленные профессиональные объединения — цехи. Введение магдебургского права способствовало развитию торговли, так как для мещан вводились льготы в виде освобождения от торговых пошлин на всей территории Великого Княжества Литовского. Это способствовало, в первую очередь, росту экономического могущества государства [2, с. 119].

Магистрат, городское управление, избираемое мещанами и независимое от воевод и старост, возглавлял войт (представитель шляхты или богатых мещан). Он собирал налоги, управлял общественными работами, осуществлял контроль за торговлей, выполнял функции судебных органов и др. Таким образом, города превращались в крупные торгово-ремесленные центры, для которых магдебургское право играло немалую роль в укреплении гарантий экономической стабильности и являлось привлекательным фактором в увеличении численности городского населения за счет беглых крестьян. Получая гарантии частной собственности, горожане стремились упрочить свое экономическое положение, что создавало благоприятные условия для социально-экономического развития городов ВКЛ [17, с. 243—298; 18, с. 379—458].

Однако следует подчеркнуть, что магдебургское право на территории ВКЛ применялось в соответствии с конкретными местными условиями и в случае необходимости подвергалось изменениям. Например, рассматривая правовой статус войта, некоторые исследователи считают, что ему подчинялся магистрат. Особенностью магдебургского права на территории ВКЛ было сохранение роли веча или общего собрания горожан при решении важных для города вопросов [2, с. 119—120].

Внешне «привилей на магдебургское право» («privilegium iuris Maideburgensis») представлял собой лист пергамента длиной от 20 до 70 см, шириной от 30 до 100 см. Зачастую край листа был украшен орнаментом, а в центре пергамента мог располагаться герб местечка. К началу XVIII в. привилегии стали представлять собой тетрадки из двух, четырех или шести страничек. В

начале привилегий указывались имя и титул правителя, даровавшего оный привилей; в конце размещались дата и подписи короля и великого князя, а также канцелярского писаря. Как правило, документ был скреплен печатью Великого Княжества Литовского с изображением знаменитой «Погони». Печать из красного воска первоначально находилась в специальном футляре, а начиная с XVI в. в металлической коробке (из железа, меди, бронзы и с украшениями в стиле той эпохи, когда они были изготовлены). Первая буква текста могла быть оригинально украшена; кроме того, в ее центре мог быть располагаться герб местечка или герб создателя привилея [19, с. 105].

Существовало два вида привилеев: 1) первоначальный (основной) и 2) подтверждающий (конфирмационный). Последние давались городам при восхождении на престол нового короля и великого князя. Новоизбранным правителям Речи Посполитой «...били чолом войт и бурмистры и вси мещане... и клали перед нами привилей...», в котором же привилей выписано иже дал тому месту... право немецкое майдеборское... и просили абыхмо им прежние привилейи подтвердили...». Варианты этого предложения можно найти практически в любом конфирмационном привилее [20, с. 8].

На протяжении многих столетий самоуправления в некоторых нынешних белорусских городах (Гродно, Витебске) собралось так много привилегий, что они стали представлять собой целые собрания подобных актов. Каждая «магдебургия» на белорусских землях ВКЛ за время действия немецкого права имела в общей сложности от 5 до 13 привилеев [19, с. 105].

На территории современной Беларуси, входящей в состав ВКЛ, — по мнению З. Ю. Копыцкого, — 28 городов и местечек в XIV—XVI вв. имели магдебургское право, что отражено в привилеях и подтверждающих грамотах (ок. 110 единиц). По подсчетам А. Довнара в период с 1390 по 1762 г. магдебургское право в разных вариантах (магдебургское, кульмское и иное) имели 52 населенных пункта [21, с. 241—243].

Первым белорусским городом Великого Княжества Литовского, получившим магдебургское право, был Брест — в 1390 г., затем Гродно — в 1391 г., в 1441 г. — Слуцк, в 1498 г. — Полоцк, в 1499 г. — Минск, в 1503 г. — Волковыск, в 1511 г. — Новогрудок, в 1569 г. — Радошковичи, в 1577 г. — Могилев, в 1581 г. — Несвиж и т. д. [19, с. 103—140].

Если провести детальный анализ привилегий на магдебургское право белорусским городам ВКЛ и Речи Посполитой, то можно обнаружить ряд отличий немецкого права в этих городах от первоначальных немецких образцов и норм. Этот факт можно объяснить, во-первых, соответственными политическими предпосылками, во-вторых, неодинаковым уровнем социального и экономического развития белорусских городов ВКЛ и Речи Посполитой, в-третьих,

различными временными рамками наделения городов магдебургским правом*, в-четвертых, существованием частновладельческих городов наряду с великокняжескими и, в-пятых, определенным влиянием норм обычного местного права. Вышеозначенные отличия оказали влияние на систему местного самоуправления, неприкосновенность судов и размер налогов, а также льгот в различных городах по-разному. Но, самое главное, что привилеи на магдебургское право не противоречили традиционному местному праву и позднейшим законам.

2.2. Труды Варфоломея Гроицкого и Павла Щербича как памятники саксонско-магдебургского права

Памятники магдебургского права Речи Посполитой распадаются на две группы: 1) подлинные памятники: «Земское право» («Speculum Saxonium») и «Вейхбильд» («Jus Municipale»), длительное время известные в Польше в различных немецких и латинских списках, а с 1535 г. исключительно в тексте Яскера; 2) местные памятники, каковыми являлись работы Церазина, Яна Цервуса Тухольчика, Варфоломея Гроицкого и Павла Щербича [5, с. 33]. Какие же из этих памятников — подлинные или местные — применялись в белорусских магдебургиях Речи Посполитой? Согласно проведенному мной анализу целого ряда судебных актов различных магдебургий свидетельствуют о том, что в судах белорусских городов Речи Посполитой однозначно применялись не подлинные, а местные польские книги магдебургского права, то есть работы Варфоломея Гроицкого и Павла Щербича [2, с. 120].

Сразу следует упомянуть, что книги Гроицкого и Щербича представляют собой польские изложения магдебургского права, действовавшие в судах белорусских магдебургий в польском подлиннике. Существовали переводы некоторых из них на русский язык, но они были крайне несовершенны, а, главное, редки. «Большинство русских переводов, — сообщает в своем ставшим классическим произведении выдающийся исследователь конца XIX в. Ф. В. Тарановский, — возникло после прекращения польского владычества вследствие ослабления знания польского языка» [5, с. 51].

Судебные акты многих магдебургий, например, Брестской, Кобринской и др. [22] содержат не только ссылки на ту или другую страницу произведений Павла Щербича и Варфоломея Гроицкого, но и дословно целые выдержки из них. Подобные ссылки и выдержки используются не только в судебных делах о применении смертной казни, но и в целом ряде уголовных и гражданских дел. Интересен тот факт, что в судебных актах, записанных по-польски, выдержки из Гроицкого и Щербича приводятся в подлиннике; в актах же, зафиксированных по-русски, отдельные термины переводятся.

* Первый акт дарования магдебургского права на белорусских землях ВКЛ датирован 1390 годом, а последний — 1762 годом. В 1762 г. магдебургское право было даровано г. Мядель. А через 33 года Екатерина II и вообще отменила действие немецкого права в белорусских городах ВКЛ и Речи Посполитой.

Немаловажно, что ссылки на труды Гроицкого и Щербича делаются чаще всего не судом, а сторонами в судебных прениях. Прения ведут в большинстве случаев не сами стороны, а их адвокаты (прокураторы). «Историко-юридические материалы» содержат информацию о наличии в то время в белорусских городах Речи Посполитой профессиональных адвокатов. В качестве примера следует упомянуть пана Христофора Козарина, деятельность которого в городе Полоцке приходится на период с 1652 по 1683 год, а также современных ему адвокатов пана Михаила Жоховского и пана Александра Шпаковича [23].

Итак, особенно изобилуют ссылками на книги Щербича и Гроицкого именно те дела, которые велись при помощи адвокатов. Это дает нам основание полагать, что эти профессиональные адвокаты были если не профессиональными юристами, то по крайней мере знатоками в области польской литературы магдебургского права. Кроме того, именно они, по всей видимости, оказывали весьма существенное влияние на распространение работ Щербича и Гроицкого в белорусских городах Речи Посполитой. Только их влиянием объясняется факт быстрого ознакомления мещан белорусских магдебургий Речи Посполитой с польскими книгами магдебургского права. В качестве примера можно привести город Могилев, получивший магдебургское право в 1577 г., в суде которого уже в 1585 г. в одном из дел, а точнее, в деле о краже, приведен целый ряд выдержек из «Порядка» («Porządek») Варфоломея Гроицкого, которые использовали как стороны, так и суд [24, с. 369—372].

Название «Порядоку» («Porządek»), по мнению Ф. В. Тарановского, было общим для всего собрания сочинений Гроицкого [5, с. 190].

Таким образом, можно утверждать, что в XVI—XVII вв. в Речи Посполитой наблюдается повышенный интерес к юриспруденции. Одни юристы (Варфоломей Гроицкий, Павел Щербич и т. д.) содействовали распространению права своей литературной деятельностью; другие юристы (Христофор Козарин, Александр Шпакович, Михаил Жоховский и т. п.) своей адвокатской деятельностью претворяли работы первых в жизнь [5, с. 47].

Важно отметить еще один немаловажный момент: магдебургское право в белорусских городах Речи Посполитой было не номинальным, а действующим; оно применялось в судах в польских изложениях Гроицкого и Щербича. Но наряду с магдебургским правом в судах действовало и применялось местное обычное право [5, с. 55].

3. Немецкое право на украинских землях ВКЛ и Речи Посполитой

Носителями немецкого права на землях современной Украины являлись первые немецкие колонисты, появившиеся в Галиции и Волыни в конце XIII — начале XIV в. [25, с. 94].

3.1. Общая характеристика распространения немецкого права на украинских землях

Последующее же распространение немецкого права на землях современной Украины приходится на время действия здесь литовского и польского

прав. В этот период нельзя говорить о непосредственном влиянии немецкого права на украинских землях; влияние проходило под эгидой польского и литовского прав. Позднее, в период существования украинского Казачьего государства (1648—1783), можно, наверное, говорить о прямом влиянии немецкого права на украинское. Однако и в этом случае следует сделать акцент на то, что собственно немецкое право появилось на землях современной Украины не в своем первоначальном виде и не в его первоисточниках. Напротив, на землях современной Украины оно было принято и признано как действующее право преимущественно в форме правовых сборников на латинском или польском языках, созданными польскими авторами со значительными изменениями, соответствующими нормам польского законодательства и польской судебной практики. Это такие правовые книги, как «Spesulum Saxonum» и «Jus Municipale», переведенные Н. Яскером по изданию 1602 г.; «Сахон» П. Щербича по изданию 1610 г.; «Porządek» и другие работы Б. Гроицкого по изданию 1616 г. Польский перевод кульмского права был сделан П. Кушевичем по изданию 1646 г. [25, с. 87].

3.2. Историко-географическое обозрение распространения немецкого права на украинских землях

Как уже указывалось выше, носителями немецкого права на украинских землях ВКЛ были первые немецкие колонисты, появившиеся в Галиции и Волыни в конце XIII — начале XIV в. Появление немецких колонистов на территории современной Украины объяснить несложно: монголо-татарское нашествие на славянские земли в XIII в. послужило причиной значительного разорения этих земель. Следуя примеру Богемии и Венгрии, Польша и западноукраинские земли также обращались в XIII в. к немецким городам и их жителям за помощью, приглашая немецких горожан, ремесленников и крестьян поселиться на опустошенных землях и гарантируя им определенные привилегии и льготные условия [2, с. 129].

Прежде всего немецкие переселенцы получали земельное владение с правом пользования чужим имуществом на 15—20 лет; затем им разрешалось управлять земельным хозяйством согласно нормам, типичным для немецких земель. И, последнее, они получали, как и на своей родине, их исконное немецкое право, их административную организацию и их суд, а также освобождение от польского права и подсудности. Именно так начиналась немецкая колонизация Силезии, Малой и Великой Польши, а также тех украинских земель, которые находились под господством Польши. Уже в первой половине XIII в. немецкая колонизация продвинулась в восточном направлении вплоть до Вислы. В период с 1234 по 1244 г. появились немецкие крестьянские колонии за Дунайцем и Попрадом, в Лемковщине [26, с. 247]; в 1294 г. на основе магдебургского права был основан город Новый Сонч (Ной-Сандец) [26, с. 248].

Из исторических сведений, упоминающих о Галицко-Волыньском княжестве, можно узнать, что в конце XIII — начале XIV в. галицко-волыньские

князя принимали соответствующие меры с целью основания на своих землях колоний для поселенцев. Одновременно с появлением немецких колонистов и немецкого права во Владимире (Вольнь), для обозначения немецких городских жителей стал использоваться термин «mestitschi», то есть «горожане» [27, с. 224—225].

В начале XIV ст., в 1324 г., «городская община Владимира» («consules ac universitas civitatis Ladimiriensis») посылает в «городскую общину Штральзунда» («consulibus ac universitati in Stralsundis») письмо в интересах двух торговых людей из Владимира: Бертрама Русина и Николая, написанное латынью [27, с. 225—226]. Сие письмо подтверждает, что уже в конце XIII — начале XIV в. Владимир имел муниципальную организацию сообразно немецкому образцу.

Приблизительно в это же время аналогичная городская община во главе с войтом существовала во Львове (ранее — Лемберг). В 1352 г. король Казимир подтверждает сыновьям умершего львовского войта Мартина их право на недвижимость, которую еще их дед Бертольд, также львовский войт, получил от галицкого князя Льва [27, с. 226].

В 1339 г. князь Георг-Болеслав даровал некоему Бартеку из Сандомира войтовский пост в Санок на основании немецкого магдебургского права: «мы даруем нашего верному слуге Бартеку из Сандомира войтовский пост в Санок, расположенном на реке Сан, со всеми полномочиями и судебными функциями немецкого права, которое есть право магдебургское» («dedimus et contulimus fidei nostro servitori Bartkoni de Sandomiria, advocaciam in Sanok, nostra civitate super flumen, quod dicitur San, sita, cum plena potestate et omni iurisdictione Theuthonico iure, id est iure Magdeburgensi...») [26, с. 281—283]. Этот документ подтверждает, что магдебургское право в галицкой части Украины в начале XIV в. было известно.

Успехи, достигнутые в результате немецкой колонизации и основания новых городов и деревень с магдебургским правом, — налицо. Наряду с этим в Польше и на украинских землях начинается попытка перехода в уже существующих городах и деревнях от польского и русского к немецкому праву. Польские короли предоставляли королевским городам и деревням привилегию приступать к немецкому праву; или они давали подобную привилегию частным владельцам городов и деревень, в которой разрешали им ввести у себя немецкое право, возвышать деревни до статуса городов и т. п. [25, с. 89].

Начиная со второй половины XIV в., немецкое право распространяется в Галиции чрезвычайно быстрыми темпами. Можно констатировать, что уже в начале XV ст. оно было введено во многих крупных городах, а также в многочисленных торговых селах и деревнях [25, с. 90].

На протяжении XIV в. немецкое право в Галиции получили: Судовая Вишня — 26 марта 1368 г., Коломья — в 1370 г., Ярослав — 7 декабря 1375 г., Радимно — 22 февраля 1377 г., Белз — в 1377 г., Перемышль —

1 октября 1389 г., Теревовля — в 1389 г., Самбор — 13 декабря 1390 г., Жидачев — в 1393 г., Глиняны — 12 мая 1397 г. и др. [25, с. 90].

На протяжении XV в. немецкое право в Галиции получили: Буск — 15 августа 1411 г., Долина — в 1418 г., Дорогобуж — в 1422 г., Дунаев — 7 марта 1424 г., Сокаль — в 1424 г., Стрый — в 1431 г., Галич — в 1437 г., Тысменица — в 1439 г., Рогатин — в 1447 г., Снятин — в 1448 г., Яворов — 22 сентября 1456 г., Каменка Струмилова — в 1471 г., Комарно — 28 марта 1473 г. и др. [2, с. 131—132].

На протяжении XVI в. немецкое право в Галиции получили: Поморьяны — в 1504 г., Подкамень — в 1515 г., Чортков — в 1522 г., Золочев — в 1523 г., Бережаны — в 1530 г., Тернополь — в 1540 г., Сухостав — в 1553 г., Калуш — в 1565 г., Броды — 22 августа 1584 г. и др. Также немецкое право было даровано ряду небольших городов и торговых сел [25, с. 90].

И в Холмской земле немецкое право появилось достаточно рано. Сохранились сведения о наделении г. Холма немецким правом в 1382 г., что было позднее подтверждено в 1572 г. Город Савин получил немецкое право в 1537 г., город Опалин — в 1638 г. Мельник первоначально получил в 1440 г. кульмское право, а затем перешел в 1501 г. к магдебургскому праву. В Красноставе немецкое право было введено в 1394 г., в Грубешове — в 1502 г., а в Замостье — в 1580—1585 гг. [28, с. 757—783].

На украинских землях, принадлежащих Великому Княжеству Литовскому и расположенных восточнее Польши, немецкое право распространилось позднее и не столь быстро. Помимо города Владимира в Вольни, имевшего уже в конце XIII в. немецкую колонию и немецкую городскую организацию, кое-что нам известно и о существовании немецкой колонии в это же время в Луцке. В XIV в. князь Юрий и Александр Кориатовичи даровали городу Каменец в Подолии привилегию на немецкое право (1374). Лишь после заключенной унии между ВКЛ и Польшей немецкое право получило возможность дальнейшего распространения в Литве и на восточно-украинских территориях в период между 1387 и 1413 г. [25, с. 90—91].

В XV в. немецкое право распространяется далее в Подляшье, Вольнь и Подолье. Город Перемиль в Подляшье получает документ на немецкое право в 1430 г. [5, № 7], Бельск — в 1430 г., Дорогичин — в 1498 г. [5, № 59]; в Вольни: Луцк получает подтверждение на полное немецкое право в 1407 г., Кременец — в 1438 г., Житомир в период с 1441 по 1444 г., Летичев — в 1446 г., города Червоноград, Смотрич, Хмельник — в 1448 г.; возможно, что Брацлаву и Виннице также было даровано немецкое право в конце XV ст. [25, с. 91].

В XV в. немецкое городское право было введено и в прежней столице «русской земли», Киеве. Однако точную дату дарования Киеву немецкого права вследствие недостатка документов определить трудно. Профессор Грушевский апеллирует к грамоте великого князя Александра 1499 г. и считает, что немецкое право в Киеве появилось в конце XV ст. Другие исследователи,

такие, как В. Антонович и В. Щербина, полагают, что немецкое право в Киеве появилось задолго до этого, еще при умершем в 1430 г. великом князе Витовте. На самом деле, в данном случае следует исходить из грамоты великого князя Александра, датированной 1494 годом, — уточняет А. Яковлев [29, с. 13], — в которой были упомянуты воит, горожане и все посольство г. Киева. Из грамоты великого князя Александра, которую он дал г. Киеву три года спустя, в 1497 г., уже видно, что тогда Киев имел воита, бургомистра и радцев. А это явное свидетельство наличия в Киеве в конце XV ст. полностью городской управленческой организации согласно нормам магдебургского права. Грамоту, подтверждающую дарование Киеву немецкого права, город получил от короля Сигизмунда I в 1514 г.

В течение XVI ст. следующие города получили грамоты на введение немецкого права: Ковель (Вольнь) — в 1518 г., Уланов — в 1520 г., Черняхов — в 1529 г., Бар (Подолля) — в 1537 г., Торчин (Вольнь) — в 1540 г., Ялтушков (Подолля) — в 1546 г., Берестечко — в 1547 г., Вьжва — в 1548 г., Черный Остров — в 1556 г., Олыка — в 1564 г., Звенигород — в 1564 г., Канев — в 1569 г., Брусилов — в 1574 г., Литин — в 1578 г., Проскуров — в 1578 г., Шаргород — в 1579 г., Дунаевцы — в 1582 г., Фельштин — в 1584 г., Корсунь (Киевское воеводство) — в 1585 г., Межиров — в 1591 г., Чигирин — в 1592 г., Мошны — в 1592 г. и многие другие [26, с. 277—278].

В XVII в. сфера влияния немецкого права охватила все, даже расположенные к востоку украинские области. На основании сохранившихся документов можно констатировать наделение немецким правом следующих городов: Новый Константинов — в 1600 г., Фастов — в 1601 г., Межирич в районе Луцка — в 1605 г., Деражня — в 1614 г., Хостомель — в 1614 г., Белая Церковь — в 1615 г., Крылов — в 1616 г., Богуслав — в 1620 г., Лысянка — в 1622 г., Копайгород — в 1624 г., Сатанов — в 1640 г., Овруч — в 1641 г., Олевск — в 1641 г., Дубно — в 1670 г. и т. д. На левом берегу Днепра, в регионах Чернигова и Полтавы, немецкое право получили такие города, как Переяслав — в 1585 г., Стародуб — в 1620 г., Нежин — в 1627 г., Погар — в 1666 г., Новгород-Северский — в 1758 г. Примерно в это же время немецкое право было даровано и таким городам, как Чернигов, Почеп, Мглин, Остер, Любеч, Козелец и Полтава [25, С. 92].

Привилей г. Полтава на немецкое магдебургское право был подтвержден распоряжением последнего гетмана Кирилла Разумовского в 1752 г. [30, с. 4].

Приведенный выше список украинских городов и сел, получивших привилегии на немецкое право, безусловно, ни в коей мере не является полным. В работе одного только Р. Ф. Кайндля [31] содержатся достоверные сведения о распространении немецкого права в 400 городах, населенных пунктах и деревнях западной (польской) и восточной (украинской) Галиции, получивших это право на протяжении XIV — XVI столетий.

4. Следы немецкого средневекового права на российских землях ВКЛ

Кроме городов, лежащих на землях современной Литвы, Беларуси и Украины, немецкое право распространялось на исторические смоленские и стародубские земли, являющиеся сегодня частью России. Включенные в состав ВКЛ на рубеже XIV и XV вв., они являлись предметом неоднократных военных конфликтов, пока в середине XVII в. окончательно не вошли в состав Российского государства.

4.1. Магдебургское городское право на российских землях ВКЛ

Среди нынешних российских городов 20 марта 1585 г. магдебургское городское право получил город Велиж, расположенный на северо-западе Смоленской области, на берегах Западной Двины.

4 ноября 1611 г. магдебургское городское право было даровано Смоленску. С того времени Смоленск стал иметь торги два раза в год по четыре недели, рынки каждые две недели, баню, гостинный двор с доходами от них в пользу всего города, право ловить рыбу в реке Днепр, разрешение на создание ремесленных цехов и т. д., а также печать и герб города — «в красном поле фигура архангела Михаила». В качестве «материнского» города-образца для города Смоленска в королевском привилее указан г. Вильна. Управление города передавалось в руки магистрата во главе с воитом, назначаемым королем [32, с. 235]. Жители Смоленска были обязаны построить ратушу с часами, а также деревянные и каменные дома. Кроме того, король обещал даровать г. Смоленску земельные угодья. Два года спустя это обещание было исполнено: 12 марта 1613 г. город и его администрация (воит, писарь и др.) были наделены значительными земельными угодьями. Позднее, в период с 1623 по 1649 г. Смоленск получил и другие привилегии. К таковым следует отнести «штапельное право» на абсолютно все товары, которые импортировались из России на ул. Вяземскую; освобождение некоторых смоленских купцов от уплаты внутренних таможенных поборов и др. [32, с. 236]. Привилей на магдебургское право городу Смоленску предусматривал основание в городе бумажной фабрики, суконного производства и кирпичного завода. Наряду с мануфактурами в городе имелись цеха. На сегодняшний день сохранились уставы трех цеховых организаций Смоленска: сапожников (от 1619 г., подтвержден королем в 1623 г.), портных (1624/1625 гг.) и объединение каменщиков, плотников, мельников и пекарей (1625 г.) [32, с. 237].

В 1623 г. король и великий князь Сигизмунд III Ваза даровал Невелю магдебургское право и герб: на серебряном поле поверженный воин — Голиаф, над которым стоит Давид с мечом.

* Штапельное или складочное право имели не все, а только некоторые средневековые европейские города. Согласно нормам этого права купцы, осуществлявшие транзит своих товаров через город, обязаны были торговать этими товарами в специально отведенных для этого в городе местах.

6 мая 1625 г. магдебургское городское право было даровано польским королем г. Красный. Известен герб Красного: в лазуревом поле святой Юрий на коне, поражающий копьём змия.

28 мая 1625 г. получил привилей на магдебургское городское право, а также был пожалован гербом (символ святой Марии), нашедшем отражение на городской печати, г. Дорогобуж.

Западные традиции городского самоуправления были знакомы и другим западнорусским городам. Помимо Велижа, Смоленска, Невеля, Красного и Дорогобужа, привилегии получили и другие города. В своем доскональном исследовании, посвященном магдебургскому праву на землях современной России, Рогачевский А. Л. называет еще семь таких городов: город Стародуб получил магдебургское городское право в 1620 г., г. Себеж и Рославль (Ростиславль) — в 1623 г., г. Белый (Белая) — в 1625 г., г. Мглин — в 1626 г., г. Погар (Радощ, Радогощ) — в 1649 г., Почеп (точная дата дарования городу магдебургского права неизвестна). Эти города также получили земельные владения и гербы, а вопросами городского управления стали заниматься магистраты. В небольших городах в органах городского самоуправления встречались не только католики, но и униаты. Однако непосредственно войтами могли быть лишь католики. Налицо ряд привилегий экономического (хозяйственного) порядка: проведение нескольких рынков в год, создание цеховых структур, право на получение процентов с ремесленников и таможенных сборов с купцов и др. Повинности горожан сводились к минимуму и были связаны лишь с потребностями города касательно его защиты от врага, а именно, с ремонтно-восстановительными работами городских укреплений [32, с. 227].

Еще в двух российских городах, получивших в свое время привилегии от великих князей литовских, в Брянске и Торопце, — сообщает Александр Львович Рогачевский, — западные правовые традиции прерываются по причине раннего возвращения этих общин Москвой [32, с. 227].

В тех нынешних российских городах, где самоуправление появилось раньше, чем в других, например, в Смоленске или Велиже, многие документы подверглись уничтожению во время пожаров или войн. Повезло г. Стародубу, муниципальные акты которого частично сохранились и даже опубликованы. В большинстве же своем существенные материалы периода действия магдебургского права разбросаны и изданы не полностью. В настоящее время значимые источники по данной теме сконцентрированы в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва), где хранятся Литовская метрика и фондовые акты Смоленского княжества [32, с. 249].

Использованная литература

1. Die Annales Quedlinburgenses / Hrsg. M. Giese. — Hannover: Hahnsche, 2004. — 680 s. — (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi; 72).

2. Келлер, О. Б. Средневековое немецкое право на землях Центральной и Восточной Европы в XIII—XVIII веках / О. Б. Келлер. — Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2012. — 242 с.
3. Karpavičienė, J. Das sächsisch-magdeburgische Recht in den Kleinstädten Litauens / J. Karpavičienė // Grundlagen für ein neues Europa: das Magdeburger und Lübecker Recht im Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg.: H. Lück, M. Puhle, A. Ranft. — Köln, 2009. — S. 83—116. — (Quellen und Forschungen zur Geschichte Sachsen-Anhalts; Bd. 6).
4. Rimša, E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės miestų antspaудai / E. Rimša. — Vilnius: Žara, 1999. — 765 p.
5. Тарановский, Ф. В. Обзор памятников магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи / Ф. В. Тарановский. — Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1897. — II, 201 с.
6. Artykuły prawa Maydeburckiego, które zowią Speculum Saxonum / z łac. języka na pol. przeł. B. Groicki. — [Krakau]: [Lazarus Andreae], 1565. — [8], LXIII Bl.
7. Дзэрбіна, Г. В. Крыніцы магдэбургскага права ў Вялікім Княстве Літоўскім XVI ст. / Г. В. Дзэрбіна // Магдэбургскае права на Беларусі: матэрыялы навук. канф., прысвеч. 500-годдзю выдачы г. Мінску граматы на магдэбург. права, Мінск, 26 сак. 1999 г. / Беларус. дзярж. ун-т; Акад. М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь; Беларус. недзярж. ін-т правазнаўства; рэдкал.: У. М. Хоміч [і інш.]. — Мінск, 1999. — С. 14—21.
8. Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburckiego w Koronie Polskiej / B. Groicki. — Warszawa: Wydaw. Praw., 1953. — XII, 259 s.
9. Ten postępek wybran jest z Praw Cesarskich, który Karolus V, Cesarz, kazał wydać po wszystkich swoich państwiech / B. Groicki. — Cracouie: Lazarus Andreas impressit, 1565. — 1 Mf. (53 Aufn.).
10. Tytuły prawa maydeburckiego do Porządku i do Artykułów pierwey po polsku wydanych: w sprawach tego czasu nawięcey kłopotnych s tegoż prawa maydedeburs. przydane, co sye teraz nad pierwszą edycią przez tegoż autora przyczyniło summa tytułów naprzód położona, a koniec tych książek pokaże... / B. Groicki. — Cracovia: Lazarus Andrysowic drukowl, 1573. — [6], 72 Bl., Bl. 75—188, [13] Bl.
11. Specvlvm Saxonvm albo Prawo saskie y maydeburskie porządkiem obiecadła z lacińskich y niemieckich exemplarzow zebrane / na pol. język z pilnością y wiernie przeł. przez P. Szczerbicza. — Lwow: Kosztem y nakł. P. Szczerbica własnym, 1581. — [10], 536 s.
12. Ivs mvnicipale: to iest Prawo Mieyskie Maydeburskie / nowo z Lacińskiego y z Niemieckiego na Polski język z pilnością y wiernie przelożone przez P. Szczerbicza. — Lwów: Nakł. P. Szczerbica, 1581. — 8, 215 s.
13. Memel als Brücke zu den baltischen Ländern: Kulturgeschichte Klaipėdas vom Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert / Hrsg. B. Jähnig. — Osnabrück: Fibre, 2011. — 246 s.
14. Рогачевский, А. Л. Очерки по истории права Пруссии XIII—XVII вв.: по материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга / А. Л. Рогачевский. — СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2004. — 495 с.
15. Тутай, В. В. Немецкий этнос в Беларуси в XIV—30-х гг. XX вв. / В. В. Тутай // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы II Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 25 апр. 2008 г. / Белорус. гос. пед. ун-т; редкол.: В. В. Тутай (отв. ред) [и др.]. — Минск, 2008. — С. 30—36.
16. Стрэнкоўскі, С. П. Прыўілеі і вольнасці беларускіх гарадоў з нямецкім правам у канцы XIV — канцы XVIII ст. / С. П. Стрэнкоўскі; Мін. гар. ін-т развіцця адукацыі. — Мінск: МГПА, 2008. — 251 с.

17. Дружчыц, В. Д. Войты і іх улада ў беларускіх гаспадарчых месцах з магдэбургскім правам / В. Д. Дружчыц; Інбелкульт. — Менск: Друк. ІБК, 1928. — [55] с.
18. Дружчыц, В. Д. Магістрат у беларускіх месцах з майдэборскім правам у XV—XVII стагоддзях / В. Дружчыц. — Мінск: Друк. Беларус. акад. навук, 1929. — [79] с.
19. Keller, O. Geschichte, Quellen und Literatur des Magdeburger Rechts in weißrussischen Ortschaften des Großfürstentums Litauen / O. Keller // Rechts- und Sprachtransfer in Mittel- und Osteuropa: Sachsenspiegel und Magdeburger Recht: intern. u. interdisziplinäre Konf., Leipzig, 31. Okt.—2. Nov. 2003 / Hrsg.: E. Eichler, H. Lück. — Berlin, 2008. — S. 103—140. — (Ivs saxonico-magdeburgense in Oriente; Bd. 1).
20. Цігоў, А. К. Вольныя беларускія месцы / А. К. Цігоў. — Мінск: Беларус. рэсп. фонд падтрымкі дэмакрат. рэформ, 1996. — 36 с.
21. Доўнар, А. Б. Магдэбургскае права / А. Б. Доўнар // Вялікае Княства Літоўскае: ВКЛ: энцыклапедыя: У 2 т. / [рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.]. — Мінск, 2006. — Т. 2. — С. 241—243.
22. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией: [в 39 т.]. — Вильна: Тип. А. К. Киркора, 1865—1915. — Т. 6: 1) Акты Брестского гродского суда (поточные); 2) Акты Брестского подкоморского суда; 3) Акты Брестской магдебургии; 4) Акты Кобринской магдебургии; 5) Акты Каменецкой магдебургии / [предисл. И. Спрогиса]. — 1872. — LXIX, 593, 77 с.
23. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске: [в 32 вып.] / под ред. Созонова. — Витебск: Тип. Витеб. губерн. правления, 1871—1906. — Вып. 6: [Приходо-расходная книга г. Могилева за 1689 г.; Акты, извлеченные из книг Полоцкого магистрата за 1676—1771 гг.]. — 1875. — 411 с.
24. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске: [в 32 вып.] / под ред. Созонова. — Витебск: Тип. Витеб. губерн. правления, 1871—1906. — Вып. 7: [Приходо-расходные книги г. Могилева за 1690 г.; Акты, извлеченные из книг Могилевского магистрата за 1577—1591 гг.]. — 1876. — 511, V с.
25. Келлер, О. Б. Рецепция немецкого права на Украине / О. Б. Келлер // Сац.-экан. і прававыя даслед. — 2007. — № 3. — С. 94—106.
26. Roepell, R. Über die Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts im Gebiete des alten polnischen Reichs ostwärts der Weichsel / R. Roepell // Abh. der Hist.-Philos. Ges. in Breslau. — 1858. — Jg. 1. — S. 243—301.
27. Грушевський, М. С. Історія України — Руси: В 11 т. / М. С. Грушевський. — Львов: Киев: [б. в.], 1904—1922. — Т. 5: Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в Українсько-руських землях XIV—XVII в. — 1905. — 688 с.
28. Baliński, M. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana: [w 3 t., 4 wol.] / M. Baliński, T. Lipiński, F. K. Martynowski. — Wyd. 2, popr. i uzup. — Warszawa: Orgelbrand, 1885. — Т. 2. — 985, X s.
29. Jakowliw, A. Das deutsche Recht in der Ukraine und seine Einflüsse auf das ukrainische Recht im 16.—18. Jahrhundert / A. Jakowliw. — Leipzig: Hirzel, 1942. — IV, 220 s.
30. Кистяковский, А. Ф. Права, по которым судится малороссийский народ, высочайшим всепресветлейшим, державнейшим великия государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския, ее императорского священнейшего величества повелением, из трех книг, а именно: Статута литовского, Зерцала саксонского и приложенных при том двух прав, такожде из Книги порядка, по переводе из

- полского и латинского языков на российский диалект в едину книгу сведенные, в граде Глухове, лета от рожества Христова 1743 г. / А. Ф. Кистяковский. — Киев: Унив. тип., 1879. — [4], 841, 73, 27 с.
31. Kaindl, R. F. Beiträge zur Geschichte des deutschen Rechtes in Galizien: [in 12 T.] / R. F. Kaindl. — Wien: Holder, 1910. — Т. 9—12. — 184 s.
 32. Rogatschewski, A. Das Magdeburger Recht auf dem heutigen Territorium Rußlands: Forschungsstand und Forschungsperspektiven / A. Rogatschewski / Rechts- und Sprachtransfer in Mittel- und Osteuropa: Sachsenspiegel und Magdeburger Recht: intern. u. interdisziplinäre Konf., Leipzig, 31. Okt.—2. Nov. 2003 / Hrsg.: E. Eichler, H. Lück. — Berlin, 2008. — S. 207—287. — (Ivs Saxonico-Magdeburgense in Oriente; Bd. 1).

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19.09.2014

Е. П. Дернович,

*младший научный сотрудник отдела документоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела;
аспирант кафедры источниковедения БГУ;
магистр исторических наук;
e-mail: katy@tut.by*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ В БЕЛАРУСИ

Науку рассматривают в трех аспектах: как особый вид познавательной деятельности, как знание и как социальный институт. Предметно-дисциплинарная дифференциация является современной проблемой науки, обусловленная появлением междисциплинарных исследований, которые интегрируют различные научные дисциплины и методы познания.

Документоведение является молодой наукой, которая берет начало своего формирования в конце XIX — начале XX в., в период развития неклассической науки. Становление документоведения происходит в условиях современной (постнеклассической) науки, когда наблюдаются значительные изменения в методах получения, хранения и передачи научного знания. К сожалению, нельзя говорить о том, что сложилась научная теория документоведения, которая обладала бы полнотой содержания об исследуемом объекте. Не сложилось и единого понимания статуса документоведения в системе наук. Например, в советское время документоведение считалось как научной дисциплиной (К. Г. Митяев [26, с. 35], Я. З. Лившиц [24, с. 17; 25, с. 39], М. П. Илюшенко [15, с. 3; 16], Г. Г. Воробьев [4, с. 9], А. Н. Сокова [3; 41, с. 43]), так и просто теорией документирования управленческих процессов [1, с. 41]. На современном этапе документоведение чаще рассматривают как науку (Н. Н. Кушнарченко [22, с. 148], Г. Н. Швецова-Водка [42, с. 208], С. Г. Кулешов [20, с. 211], Н. Б. Зиновьева [14, с. 76] и даже относят к метанауке (Н. Н. Куняев [21, с. 32], Н. Н. Кушнарченко [22, с. 148]).

В XX в. документоведение переживает те же перемены, что и наука в целом. Формируется инфраструктура науки, включая сеть научно-исследовательских центров, систему высшего образования и др. Так, в 1940-х гг. в состав дисциплины «Теория и практика архивного дела» в Московском государственном историко-архивном институте включался раздел «Общее документоведение», в котором изучалась классификация документов и краткая история делопроизводства [26, с. 34]. В 1960 году была создана кафедра «Советского делопроизводства», на которой началась подготовка специалистов по организации делопроизводства. Затем в 1964 г. в Московском историко-архивном институте был образован факультет документоведения. Уже в 1966 г. был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), который осуществлял научно-исследовательскую работу в

сфере архивного дела и документоведения. В условиях политической независимости Беларуси началась работа по формированию аналогичного республиканского научного учреждения, и в 1991 г. был создан Белорусский научно-исследовательский центр документоведения и ретроинформации (БелНИИЦДР), который в 1996 г. был преобразован в Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (БелНИИДАД). Основными направлениями его деятельности были определены: развитие теории документоведения, архивоведения, археографии, источниковедения, анализ ведения документации в органах управления, определение путей сокращения и оптимизации потоков деловых бумаг и др. Однако, несмотря на более чем двадцатипятилетний опыт функционирования общесоюзного учреждения, в условиях независимого существования Республики Беларусь, документоведческие исследования начались в поисках проблемной области для изучения. А. Е. Рыбаков в статье, посвященной истории создания и развития БелНИИДАД, отмечает, что «представление о содержании понятия «документоведение» и направлениях документоведческих исследований у большинства [работников института] отсутствовало вовсе» [32, с. 17]. Поэтому с первых лет образования БелНИИДАД усилия его сотрудников были направлены на создание нормативных правовых актов и методических документов в сфере архивного дела и делопроизводства. Такой подход, с особыми требованиями к практическому использованию научных достижений, сохраняется в деятельности отдела документоведения и до настоящего времени. Похожая ситуация сложилась и в Российской Федерации. М. В. Ларин отмечает: «в последнее десятилетие, к сожалению, нарушился баланс между теоретическими исследованиями и методическими разработками в пользу последних» [23, с. 11]. Работа по созданию научно-методического обеспечения делопроизводства требует проведения теоретических исследований, но формирует их тематику, направленность и в какой-то степени замедляет развитие теоретического уровня документоведения.

В 2001 г. на кафедре источниковедения Белорусского государственного университета была открыта специальность «Документоведение и информационное обеспечение управления», что позволило создать учебный центр подготовки документоведов, однако он за десятилетие так и не стал научным центром в области документоведения.

В конце XX в. в документоведении произошли заметные изменения, обусловленные переходом общества на новые информационно-коммуникационные технологии. Эти изменения привели к перестройке и обновлению содержания объекта документоведения. Информационно-коммуникационные технологии изменили способ фиксации информации и ее материальный носитель. Если вначале развития дефиниции под документом понимали «материальный результат первоначального целенаправленного документирования различными способами...» (К. Г. Митяев, 1964 год) [26, с. 31], то в современном стандарте на термины и определения закреплено следующее

определение: документ — зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, созданная, полученная и сохраняемая организацией или лицом в доказательных или справочных целях в процессе выполнения правовых обязательств или осуществления своей деятельности [13]. Изменение соотношения понятий «документ» и «информация» не только привели к появлению новых исследовательских подходов, но и поставили новые проблемы и задачи перед документоведами, которые требуют корректировки концепций. Достаточно подробно различные представления о документе рассмотрены Е. А. Плешкевичем в его работе «Эволюция теоретических представлений о документе» [29].

Также появление информационных технологий стимулировало развитие науки в целом и документоведения как одной из дисциплин. Использование узаконных технологий обеспечивает распространение теоретического знания, активизирует процессы информационного обмена в научной среде. В связи с цифровым представлением информации появились новые возможности фиксации, обработки, передачи и хранения данных, обеспечивая возможность дистанционного доступа и передачи информации. Передача научной информации стала осуществляться с помощью электронной почты, ведения научного блога, чата, форума и др.

В условиях существования различных концепций документоведения, еще сложнее выделить в нем такое направление, как историческое документоведение, которое, несомненно, является важным в развитии теории документа. А. Н. Сокова отмечает, что «теория документоведения не может основываться на познании истории документационного обеспечения потребностей общества» [41, с. 27].

Первоначально к нему относили изучение истории делопроизводства. Еще в первом учебном пособии К. Г. Митяева 1946 г., где документоведению посвящен первый раздел, описывается развитие делопроизводства в России [28]. Уже в 1959 г. было издано его отдельное учебное пособие «История и организация делопроизводства в СССР», где история делопроизводства рассматривается как научная дисциплина, изучающая общие и специальные системы документирования в их историческом развитии [27, с. 7]. Авторы учебника 1974 г. по истории делопроизводства в СССР рассматривают историю делопроизводства как научную дисциплину, но в более узком смысле: история делопроизводства — научная дисциплина, изучающая постановку делопроизводства в учреждениях, организациях и на предприятиях в различные исторические эпохи [18, с. 3]. М. П. Илюшенко отмечала, что документоведу необходимо знать историю становления документа, закономерности исторического развития его формуляра [17, с. 7].

В части изучения истории делопроизводства историческое документоведение теснее всего связано с архивоведением, где в первую очередь используются полученные в результате документоведческих исследований знания. На

это указывают как документоведы, так и специалисты в области архивоведения. К. Г. Митяев пишет: «историки-архивисты . . . должны знать историю и организацию делопроизводства, чтобы обеспечить сохранение и научную организацию этих материалов в целях всестороннего их использования» [27, с. 9—10]. В учебном пособии по истории делопроизводства в СССР отмечается, что «не зная организации делопроизводства в различные исторические эпохи, в архивах трудно решать такие, например, вопросы, как фондирование документальных материалов, их систематизацию, научное описание, публикацию. Умение разбираться во всевозможных резолюциях, пометах, датах, подписях на отдельных документах того или иного исторического периода помогает архивисту проследить движение документа и установить его принадлежность к фондообразователю, т. е. учреждению, где он отложился» [18, с. 6]. Анализируя архивоведение среди других областей знаний, В. Н. Автократов замечает, что чем к более раннему периоду относятся массивы документов, тем важнее для архивоведения историческая часть документоведения [1, с. 42].

Историческое документоведение развивается опираясь на историю государственных учреждений. При этом данных о деятельности государственных учреждений не достаточно для изучения всех систем документации, которые образуются не только в государственном аппарате. Документоведение вырабатывает более детальное и конкретное знание о деятельности государственных учреждений, особенно тех, которые в большей степени документируют свою деятельность, а также изучает систему документации, образующуюся в результате частноправовых отношений.

К изучению документа, наряду с историческим документоведением, обращается и дипломатика. Как писал С. М. Каштанов «. . . объекты дипломатики и документоведения совпадают только частично. Что касается предмета и задач этих двух дисциплин, то тут объединяющим моментом является интерес к внутренней форме, структуре документального источника» [19, с. 26]. Дипломатика ограничивает спектр рассматриваемых документов, сужая его только до актов, и большое внимание уделяет тексту актов. Если в документоведении текст является одним из элементов формуляра, в большинстве случаев самым объемным, то в дипломатике сам текст представляет собой набор формул.

С источниковедением документоведение пересекается в своем объекте исследования, так как документ всегда является историческим источником.

Археография как и документоведение находится в стадии своего становления, что выражается в существовании различных подходов к определению ее объекта и предмета исследования. Однако, очевидно, что археография (камеральная и эдиционная) изучает принципы и методы документальных публикаций. Историческое документоведение с одной стороны, как любая историческая наука, использует опубликованные документы в качестве исторических источников, а с другой стороны помогает археографии в вопросах классификации документов, определении их принадлежности, установлении авторства и др.

Как видно из вышеизложенного, связь документоведения с большинством наук обнаруживается в ее исторической части. Историческое документоведение в отличие от документоведения в целом не пересекается только с информатикой и теорией управления.

В рамках исторического документоведения изучаются система государственного управления, организация документооборота в органах государственной власти, управления и судах, виды образующихся документов, особенности их оформления и формуляр, существующие системы документации в отдельные исторические периоды. Интересно, что в историческом документоведении рассматривается развитие всех существующих в конкретный исторический период систем документации, а современные прикладные разработки касаются преимущественно управленческой документации. Это приводит к тому, что изученный опыт работы с другими видами документации не находит своего отражения в современной практической деятельности. Н. Б. Зиновьева [14, с. 157] считает, что это и невозможно, так как документоведение не может в силу особенностей документа, его условности охватить все документы.

При изучении истории делопроизводства в Беларуси придерживаются ее деления на этапы в зависимости от сложившейся системы государственного управления. Выделяют пять основных этапов, которые в свою очередь делятся на более мелкие:

IX — XIII вв. — зарождение документирования в период образования государственности;

XIV — XVIII вв. — делопроизводство в период Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой;

XIX — начало XX в. — делопроизводство на белорусских землях в составе Российской империи;

1917—1991 — советское делопроизводство;

с начала 1990-х годов — по настоящее время — современное делопроизводство.

По причине недостаточной изученности каждого из этапов развития делопроизводства, полнота их научного анализа различна. Нет работ, посвященных изучению особенностей документирования деятельности органов управления в годы образования белорусской государственности, а затем воеводского управления, поветовых сеймиков на территории Западной Беларуси в составе Польши и в последующие сложные исторические периоды деятельности органов управления партизанским движением, германских оккупационных органов власти на территории Беларуси. Не стоит вопрос о рассмотрении особенностей организации делопроизводства в различных регионах Беларуси или отдельных видов документации (в зависимости от вида носителя информации) в связи с не разработанностью общих вопросов.

Исследователи, обращаясь к изучению вопросов организации работы и делопроизводства в канцелярии, опирались на труды российских историков,

которые рассматривали организацию делопроизводства в канцелярии великого князя, состав работников канцелярии, проводили источниковедческое изучению книг Литовской метрики. Перечисленные аспекты не являлись предметом отдельных исследований ученых, поэтому сведения имеющиеся в их работах носят общий характер. В конце XIX в. С. Л. Пташицкий составил описание книг Литовской метрики, которая лежит в основе современного учетного материала соответствующего архивного фонда. С. Л. Пташицкий рассматривал книги Литовской метрики как государственный архив [30, с. 7]. Затем к вопросам персонального состава канцелярии и принципам ведения книг обращались М. К. Любавский, И. И. Лаппо, М. В. Довнар-Запольский и др.

Первым из ученых, действовавших на территории Беларуси, к истории работы с документами обратился А. Н. Ясинский, историк, академик Академии наук БССР, в статье «Спроба крытычнага вывучэння кніг Данін вялікага князя Казіміра» [49], которая была опубликована в журнале «Запіскі аддзела гуманітарных навук», издаваемый Институтом белорусской культуры. Автор проводит анализ двух публикаций книг данин великого князя Казимира: первая напечатана М. В. Довнар-Запольским в издании «Документы Московского Архива Министерства юстиции» в 1897 г., вторая — И. И. Лаппо в издании «Русская историческая Библиотека, издаваемая Археографической комиссией» в 1900 г. Я. Н. Ясинский отмечает, что в обоих изданиях допущены изменения текста и ошибки при его передаче, однако второе издание «значна лепш», чем первое. Также автор в своей статье поднимает вопрос о составе документов книги данин и ее происхождении.

В 1933 г. Д. И. Довгялло в статье «Літоўская мэтрыка і яе каштоўнасць для вывучэння мінуўшчыны Беларусі» [12] при описании порядка хранения книг Литовской метрики рассматривает деятельность дьяков в канцелярии. До конца XX в. не проводились исследования, касающиеся истории делопроизводства на территории Беларуси, так как историческая наука в целом развивалась в рамках общесоюзного направления. Как и многие социально-гуманитарные науки, документоведение в советское время подверглось идеологизации. Методологической базой документоведения в то время провозглашался марксизм-ленинизм [18, с. 5]. Организация делопроизводства в советское время идеализировалась по отношению к досоветскому периоду, как пишет К. Г. Митяев, «в отличие от учреждений дореволюционной России, где делопроизводство особенно ярко выражало бюрократическую сущность государственного аппарата, как аппарата насилия и угнетения, постановка делопроизводства в советских учреждениях преследует цели борьбы с бюрократизмом, канцелярщиной, волокитой» [27, с. 11].

С конца 1980-х гг. в связи с демократизацией общества начинается новый этап исследований, так как возрастает интерес к историческому прошлому Беларуси, в том числе к историческим документальным источникам. Многие исследователи в этот период обратились к изучению Литовской мет-

рики. В рамках исследования формирования книг Метрики, становления их состава начали затрагиваться вопросы организации делопроизводства в канцелярии великого князя Г. Я. Голенченко, В. С. Менжинским, В. Голубовичем, О. Дерновичем и др.

Объем знаний, накопленный к настоящему времени в области исторического документоведения, отражен в опубликованных статьях периодических изданий (журналы «Архивы и делопроизводство», «Беларуская мінуўшчына», «Беларускі гістарычны часопіс», «Беларускі археаграфічны штогоднік» и др.), сборниках материалов научных конференций, учебных пособиях.

В конце 1990-х гг. появляются исследования посвященные непосредственно истории делопроизводства. Значительным вкладом в развитие исторического документоведения в целом является кандидатская диссертация А. Е. Рыбакова «Общее делопроизводство в центральном аппарате государственного управления Великого княжества Литовского в XVI в.» [31]. В ней рассмотрены вопросы занимаемого места канцелярии в системе государственного управления, состава документов, технологии документирования принимаемых управленческих решений, принципы формирования и ведения книг канцелярии. Также результаты проведенного исследования отражены в статьях [34—37].

В 1999 г. была издана единственная обобщающая работа по истории делопроизводства Э. Н. Давыдовой и А. Е. Рыбакова «История и организация делопроизводства в Беларуси» [11], которая является учебным пособием, но вместе с тем имеет принципиальное значение, так как отражает исследовательскую работу авторов.

В 2013 г. итогом совместной работы А. Е. Рыбакова и А. Н. Назаренко стало издание пособия «Документоведение» [33], предназначенного для студентов соответствующей специальности. В ней нашли отражение вопросы становления документоведения как науки, развития формуляра документа. Однако в нем не рассматривается организация документооборота, системы документации в различные исторические периоды и т. д.

Большой вклад, хотя и не с документоведческих позиций, в разработку периода Великого Княжества Литовского внес А. Груша, который издал монографию «Канцелярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст.» [8], где обобщил накопленные данные о структуре канцелярии [6; 9], составе ее работников [10], выполняемых функциях. А. Груша также рассматривал формуляр документа указанного периода в статье «Інфармацыйныя элементы фармуляра дакумента канцелярыі Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст.» [7].

И если порядок документирования в XIV—XVI вв. затрагивался в указанных выше работах, то порядок документирования в XVII и XVIII вв. остался вне поля исследований. Только Д. Яцкевич [50] обращает внимание на структуру Могилевского магистрата и деятельность его секретарей в XVII—XVIII вв. Это обусловлено тем, что периоду XVII—XVIII вв. посвя-

щено намного меньше исследований и по политической истории. В энциклопедии Великого Княжества Литовского отмечается, что «проблемы политической истории белорусских земель в XVII—XVIII веках до недавнего времени фактически не были предметом специального рассмотрения. Представители как российской, так и польской историографии изучали ее в рамках политической истории Речи Посполитой» [5, с. 185].

Отдельные вопросы специфики организации работы с документами в Беларуси рассматривала И. Н. Шпилевская [43—48]. Однако ее исследования ограничены рассмотрением канцелярии Минской губернии. Например, автор указывает на виды регистрационных журналов Минской губернии, которые отличались от установленных в Российской империи [43, с. 154]. З. В. Антонович рассматривала организацию делопроизводства при изучении архивов римско-католических консисторий [2].

Вопросам организации документационного обеспечения управления высших органов власти в БССР посвящено несколько статей Е. В. Смоляковой [38—40]. В них автор рассматривает главным образом существующее законодательство по регулированию документационного обеспечения управления.

Таким образом, историческое документоведение имеет важное теоретическое и практическое значение. Знание организации работы с документами в историческом развитии позволяет проанализировать современные способы документирования и системы документации с целью совершенствования их постановки и функционирования. Практическое значение находит отражение в архивоведении при решении вопросов фондирования архивов при установлении происхождения и принадлежности конкретного документа его создателю, в археографии — при подготовке документальных публикаций, в источниковедении — при установлении подлинности исторического факта и его носителя.

В общих немногочисленных теоретических исследованиях белорусских ученых в области документоведения, изучено проблематики исторического документоведения отведено еще меньшее место. Можно выделить три этапа изучения делопроизводства в Беларуси: первый — конец XIX в. — работы российских историков, второй — 20—30-е гг. XX в. — первые работы белорусских исследователей и третий — исследования, проводимые в Республике Беларусь. Наибольшее внимание исследователями уделено организации делопроизводства в XIV—XVI вв. в Великом Княжестве Литовском, структуре и составу канцелярии, формуляру документа указанного периода. Требуют отдельного изучения вопросы документирования и организации работы с документами и в другие исторические периоды, особенно в XVII и XVIII вв.

Литература

1. Автократов, В. Н. Архивоведение в кругу других областей знаний / В. Н. Автократов // Советские архивы. — 1973. — № 1—2. — С. 39—49.

2. Антановіч, З. В. Арганізацыя справаводства рыма-каталіцкіх кансісторый на Беларусі ў сярэдзіне XIX ст. // Беларускі археаграфічны штогоднік / Гал. рэд. Э. М. Савіцкі. — Мінск, 2008. — Вып. 9. — С. 155—166.
3. Банасокевич, В. Д., Сокова, А. Н. Вопросы формирования теории документоведения // Развитие советского документоведения (1917—1981 гг.): Сб. науч. тр. / ВНИИДАД. — М., 1983. — С. 5—27.
4. Воробьев, Г. Г. Документ: информационный анализ / Г. Г. Воробьев. — М.: Наука, 1973. — 256 с.
5. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: У 2 т. — Т. 1: Абаленскі — Кадэцтва / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БелЭн, 2005. — 688 с.; іл.
6. Груша, А. І. Дакумент Метрыкі ВКЛ па гісторыі справаводства канцэлярыі ВКЛ першай паловы XVI ст. / А. І. Груша // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск, 2000. — Вып. 1. — С. 204—208.
7. Груша, А. Інфармацыйныя элементы фармуляра дакумента канцэлярыі Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. / А. Груша // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск, 2001. — Вып. 2. — С. 205—214.
8. Груша, А. Канцэлярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. — Мінск, 2006. — 215 с.
9. Груша, А. І. Кніга Метрыкі 9 (1511—1516) і рэарганізацыя канцэлярыі ВКЛ 1516—1522/23 гг. // Весті Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. — 2001. — № 3. — С. 164—171.
10. Груша, А. І. Персанал канцэлярыі Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. // Весті Беларускага дзяржаўнага пед. ун-та. — 2001. — № 1. — С. 142—148.
11. Давыдова, Э. Н., Рыбаков, А. Е. История и организация делопроизводства в Беларуси. — Минск: ТетраСистемс, 1999. — 216 с.
12. Даўгела, З. Літоўская мэтрыка і яе каштоўнасць для вывучэння мінуўшчыны Беларусі / З. Даўгела. — Рыга: Друк. Г. Іге, 1933. — 14 с.
13. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: СТБ 2059-2013. — Введ. 2013-09-01. — Минск: Гос. комитет по стандартизации Респ. Беларусь, 2013. — 20 с.
14. Зиновьева, Н. Б. Теория документирования / Н. Б. Зиновьева. — М.: Литера, 2011. — 174 с.
15. Илюшенко, М. П., Кузнецова, Т. В., Лившиц, Я. З. Документоведение. Документ и системы документации / М. П. Илюшенко, Т. В. Кузнецова, Я. З. Лившиц: Учеб. пособие / МГИАИ. — М., 1977. — 84 с.
16. Илюшенко, М. П. Формуляр документа / М. П. Илюшенко. — М.: МГИАИ, 1986. — 85 с.
17. Илюшенко, М. П. История делопроизводства в России (до 1917 года) / М. П. Илюшенко: Учебное пособие. — М.: РГГУ, 2007. — 133 с.
18. История делопроизводства в СССР / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. — М., 1974. — 169 с.
19. Каштанов, С. М. Русская дипломатика / С. М. Каштанов. — М.: Высшая школа, 1988. — 230 с.
20. Кулешов, С. Г. Общее документоведение / С. Г. Кулешов: Учеб. пособие / Укргосархив, УНИИАДД. — К.: Изд. дом «Киево-Могилянская академия», 2012. — 123 с.
21. Куняев, Н. Н. Документоведение / Н. Н. Куняев, Д. Н. Уралов. — М.: Логос, 2008. — 348 с.

22. Кушнарченко, Н. Н. Документоведение / Н. Н. Кушнарченко: Учебник. — 7-е изд., стер. — К.: Знання, 2006. — 459 с.
23. Ларин, М. В. Управление документацией в организациях / М. В. Ларин. — М.: Науч. кн., 2002. — 288 с.
24. Лившиц, Я. З. Документоведение как научная дисциплина / Я. З. Лившиц // Советские архивы. — 1973. — № 6. — С. 17—21.
25. Лившиц, Я. З. Некоторые вопросы терминологии в области документоведения / Я. З. Лившиц // Советские архивы. — 1969. — № 1. — С. 39—44.
26. Митяев, К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития / К. Г. Митяев // Вопросы архивоведения. — 1964. — № 2. — С. 27—37.
27. Митяев, К. Г. История и организация делопроизводства в СССР / М-во высш. образования СССР; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. — М., 1959. — 359 с.
28. Митяев, К. Г. Теория и практика архивного дела / К. Г. Митяев. — М.: Центр. тип. им. Ворошилова, 1946. — 248 с.
29. Плешкевич, Е. А. Эволюция теоретических представлений о документе / Е. А. Плешкевич. — М.: Пашковдом, 2011. — 96 с.
30. Пташицкий, С. Л. Описание книг и актов Литовской метрики / С. Л. Пташицкий. — СПб: Тип. Правит. сената, 1887. — VIII, 279 с.
31. Рыбаков, А. Е. Общее делопроизводство в центральном аппарате государственного управления Великого княжества Литовского в XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Минск, 1999. — 20 с.
32. Рыбаков, А. Е. «Принять предложение трудового коллектива...» / А. Е. Рыбаков // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2011. — Вып. 12. — С. 10—42.
33. Рыбаков, А. Е., Назаренко, А. М. Документоведение / А. Е. Рыбаков, А. М. Назаренко. — Минск: БГУ, 2013. — 267 с.
34. Рыбакоў, А. Я. Арганізацыя дзяржаўнага архіва Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. / А. Я. Рыбакоў // Архівы і справаводства. — 1999. — № 2. — С. 70—76.
35. Рыбакоў, А. Я. Арганізацыя справаводства ў Вялікім княстве Літоўскім у канцы XV—XVII стст. / А. Я. Рыбакоў // М. М. Улашчык і праблемы беларускай гістарыяграфіі, крыніцазнаўства і археаграфіі: Матэрыялы навук. канф. / БелНДЦДАС; БДУ, Пед. фак. — Мінск, 1997. — С. 237—244, 324.
36. Рыбакоў, А. Я. Галоўная і меншая канцэлярыі Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. / А. Я. Рыбакоў // Беларускі гістарычны часопіс. — 1998. — № 3. С. 43—47.
37. Рыбакоў, А. Я. «... смотрел тое справы подканцлерий наш» / А. Я. Рыбакоў // Беларуская мінуўшчына. — 1997. — № 5. — С. 8—12.
38. Смолякова, Е. В. Законодательное оформление документационного обеспечения управления в БССР в 1920—1930 гг. / Е. Смолякова // Архивы и делопроизводство. — 2004. — № 3. — С. 84—88.
39. Смолякова, Е. В. Документационное обеспечение управления в БССР в 1920—30-е гг. (аспекты законодательства) / Е. В. Смолякова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навуковы зборнік. — Мінск: Бел. дзярж. ун-т., 2008. — Вып. 3. — С. 133—138.
40. Смолякова, Е. В. Вопросы совершенствования делопроизводства в деятельности высших органов власти БССР в 1920-е гг. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / Рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2010. — Вып. 5. — С. 315—323.

41. Сокова, А. Н. Современные исследования в области документоведения / А. Н. Сокова // Советские архивы. — 1978. — № 4. — С. 42—50.
42. Швецова-Водка, Г. Н. Общая теория документа и книги / Г. Н. Швецова-Водка. — М.: Рыбари; Киев: Знання, 2009. — 487 с.
43. Шпилевская, И. Н. Становление и особенности делопроизводства в канцелярии Минского губернатора // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2003. — Вып. 4. — С. 147—156.
44. Шпилевская, И. Н. Документооборот и документирование в государственных учреждениях на территории Беларуси второй половины XIX — начала XX в. // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2007. — Вып. 8. — С. 134—139.
45. Шпилевская, И. Н. Закон «Учреждение губернских правлений» от 2 января 1845 г.: из истории делопроизводства государственных учреждений на территории Беларуси // Архівы і справаводства. — 2007. — № 4. — С. 99—103.
46. Шпилевская, И. Н. Нормативно-правовое обеспечение делопроизводства и проблема документооборота, документирования в государственных учреждениях на территории Беларуси в конце XVIII — начале XIX в. // Сучасныя праблемы дакументазнаўства, архівазнаўства і археаграфіі: Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 85-годдзю Дзяржаўнай архіўнай службы і 80-годдзю Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, Мінск, 12 красавіка 2007 / Складальнікі: В. С. Пазднякоў, П. П. Журкевіч. — Мінск: БелНДЦДАС, 2007. — С. 120—126.
47. Шпилевская, И. Н. Установление общего делопроизводства и государственных учреждений в Минской губернии, конец XVIII — начало XIX в. / И. Н. Шпилевская // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада): Матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7—9 верас. 2007 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі; Мінгарвыканкам, Упраўленне культуры; рэдкал.: А. А. Каваленя (адказ. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Беларуская навука, 2008. — С. 253—262.
48. Шпилевская, И. Н. Ревизии делопроизводства государственных учреждений на территории Минской губернии в 1857 г. / И. Н. Шпилевская // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск, 2009. — Вып. 10. — С. 98—108.
49. Ясинский, А. Н. Строба крыпчынага вывучэння кніг Данін вялікага князя Казіміра / А. Н. Ясинский // Інстытут беларускай культуры. Запіскі аддзела гуманітарных навук. — Кн. 3. Працы кляса гісторыі. — Т. 2. — Менск: Друк. Інбелкульту, 1928. — С. 153—208.
50. Яцкевіч, З. Л. Каралеўскія сакратары з Магілёва ў XVII—XVIII стст. / З. Л. Яцкевіч // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДЦДАС. — Вып. 3. — 2002. — 276 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 13.05.2014

Т. В. Буевіч,

заместитель директора

Государственного архива Витебской области;

e-mail: oblarhive@vitebsk.by

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ В АРХИВАХ ОБКОМОВ КПБ (НА ПРИМЕРЕ ПАРТАРХИВА ВИТЕБСКОГО ОБКОМА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БЕЛОРУССИИ)

В советском государстве Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС*) выполняла функции важнейшего политического института. Ее местные организации являлись составными частями КПСС и охватывали всю территорию СССР. Они определяли генеральную перспективу развития советского общества, внутреннюю и внешнюю политику СССР. Поэтому документы, возникшие в их деятельности, обладают огромным информационным потенциалом. При этом следует учесть, что компартия превратилась в закрытую систему со строгой иерархией. Такое положение вещей распространялось и на организацию хранения партийных документов. Уже в 1929 г. они были выделены в особый комплекс, позднее получивший наименование Архивного фонда КПСС, и выведены из состава Государственного архивного фонда СССР. Это способствовало возникновению сети партийных архивов, которые, наравне с партийными, хранили также документы структур ЛКСМБ [1, л. 22]. Порядок функционирования партархивов определялся постановлениями ЦК КПСС и регулировался инструкциями Центрального партийного архива, а с 15 июня 1968 г. — Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ИМЛ) [2, л. 5—7]. К августу 1991 г. в партархивах, действовавших на территории БССР, хранилось 16 тыс. фондов, в составе которых имелось более 2,7 млн дел [3, с. 5].

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 1991 г. № 489 партийные архивы были переданы в ведение государственной архивной службы (ГАС) Республики Беларусь [4]. Бывший партархив Витебского обкома КПБ был передан Государственному архиву Витебской области (далее — ГАВО) в 1992 г. [5, л. 1]. Его документы, сегодня условно именуемые «парткомплексом», по состоянию на 01.01.2012 составляют 455 529 ед. хр., объединенных в составе 296 фондов [6].

* С 1898 г. (I съезд) называлась Российская социал-демократическая рабочая партия — РСДРП, с 1917 г. — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики) (РСДРП(б)). В марте 1918 г. на VII съезде переименована в Российскую Коммунистическую партию (большевики) (РКП(б)), на XIV съезде партии (1925 г.) — во Всесоюзную Коммунистическую партию (большевики) — (ВКП(б)). XIX съезд партии (1952 г.) переименовал ВКП(б) в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС).

** В Беларуси с 1918 г. действовала Коммунистическая партия (большевики) Белоруссии (КП(б)Б) (с 14 октября 1952 г. — Коммунистическая партия Белоруссии (КПБ)).

В связи с высоким информационным потенциалом документы бывших партархивов вот уже почти два десятилетия вводятся в научный оборот. В ГАВО наиболее активно они стали использоваться на протяжении последних 15 лет. Работа с ними показала, что НСА к фондам комитетов и организаций КПБ и ЛКСМБ не соответствуют основным правилам работы государственных архивов. Это привело к тому, что активизировалась переработка описей партийных и комсомольских организаций. В процессе ее проведения особую сложность стал вызывать такой вид работы, как уточнение фондовой принадлежности. И это не случайно.

Прежде всего, следует учесть, что в соответствии с правилами работы госархивов архивным фондом учреждения, организации или предприятия (далее — учреждения) называется архивный фонд, состоящий из документов, образовавшихся в деятельности одного (самостоятельного) учреждения. Признаком самостоятельности учреждения-фондообразователя является его функциональная (организационная) обособленность. Говоря современным языком, учреждение должно являться юридическим лицом.

Классификация документов в пределах архива представляет собой их группировку по архивным фондам. Практическое осуществление классификации называется фондированием. И как показала практика работы, данное направление в работе бывших партархивов составляет на сегодняшний день одну из особенностей их функционирования: большая часть оригинальных документов первичных организаций КПБ и ЛКСМБ, организаций, являвшихся в 1918—1991 гг. юридическими лицами, не составляют самостоятельные фонды. Их документы включались в тот или иной период в состав фонда соответствующего райкома (горкома). Данный подход применялся уже в 1920—1930-е гг. и использовался вплоть до 1991 г. сначала в работе самих партархивов. А с 1960-х гг. документы всех первичных партийных и комсомольских организаций после окончания в делопроизводстве в обязательном порядке сначала передавались в архив вышестоящего райкома (горкома) КПБ и ЛКСМБ и уже оттуда поступали в партархив соответствующего обкома КПБ. Именно на этапе ведомственного хранения документы стали объединяться в одну опись, которая включалась в состав фонда вышестоящего комитета.

Следует отметить, что первые нормативно-методические документы, определявшие порядок фондирования в партархивах, направлены партархивом ЦК КП(б)Б в областные парткомитеты еще в 1939 г. [7, л. 6]. В это же время Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) (далее — ИМЭЛ) (в последствии — ИМЛ) разработал «Правила определения архивного фонда в партийных архивах обкомов, крайкомов ВКП(б), ЦК КП(б) Союзных республик», в которые в 1949 г. были внесены незначительные изменения [8, л. 1—4]. 28 июня 1940 г. ИМЭЛ также разработал инструкцию «По систематизации архивных материалов в республиканских, краевых и областных партийных архивах СССР» [9, л. 28—40]. 28 сентября 1953 г. изданы «Правила системати-

зации документальных материалов в партийных архивах обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик» [10, л. 1—31]. В 1954 г. появились «Правила описания документальных материалов в партийных архивах обкомов, крайкомов и ЦК Компартий Союзных республик» [11, л. 41].

Все эти методические документы допускали возможность включения документов первичных организаций в состав вышестоящего парткомитета.

Окончательно подход, при котором документы первичных организаций (с небольшим количеством членов) перестают составлять самостоятельные фонды, был закреплен в «Правилах хранения и обработки архивных материалов в партийных, комсомольских органах и первичных парторганизациях» [12] и в «Положении об Архивном фонде КПСС», увидевших свет в 1966 г.

Согласно им в самостоятельные фонды стали формироваться исключительно производственные, а также крупные или наиболее значимые первичные организации. Документы остальных либо выделялись к уничтожению по истечении сроков их хранения, либо включались в состав фонда комитета, которому они были подотчетны. Анализ фондов партийных и комсомольских комитетов за 1944—1991 гг., хранящихся в ГАВО, показал, что первое касалось, чаще всего, документов первичных организаций КПБ, второе — первичных организаций ЛКСМБ. Следует подчеркнуть, что определенное количество документов малочисленных первичных комсомольских организаций также уничтожено, как не имеющее исторической ценности и практического значения.

Таким образом, начиная с 1944 г. и до середины 1960-х гг., одна часть документов первичных организаций КПБ откладывалась в составе парткомитетов (для первичных парторганизаций с небольшим количеством членов), другая — в составе самостоятельных фондов первичных организаций (для первичных организаций КПБ, действовавших на базе промышленных предприятий, крупных учреждений или организаций и т. п.).

Постепенно документы первичных организаций КПБ за 1944—1965 гг. изымались из фондов парткомитетов и либо уничтожались, либо присоединялись к существовавшим в партархиве самостоятельным фондам первичных организаций КПБ. Однако к 1991 г. эта работа в партархиве Витебского обкома КПБ не была полностью завершена.

Особо следует подчеркнуть, что практически все документы первичных организаций КП(б)Б за довоенный период, особенно за период 1918—1930-е гг., продолжают находиться в составе фонда вышестоящего комитета.

Так, в составе ГАВО имеется 5 фондов горкомов партии, 3 — райкома г. Витебска, 42 — сельских районных комитетов, 3 — промышленно-производственных парткомов, 14 — парткомов колхозно-совхозных управлений, действовавших на территории Витебской области в современных границах [13]. В каждом из них в той или иной мере присутствуют оригинальные документы первичных организаций КПБ за 1924—1941 гг., 1944—1965 гг. Необходимо упомянуть о том, что во всех фондах укомов, волкомов, горрай-

комов и т. п. партии за 1918—1924 гг. также присутствуют документы первичных организаций.

Похожее положение с фондами комитетов ЛКСМБ. С той особенностью, что комитеты комсомола продолжали пополняться документами первичных организаций вплоть до 1991 г. Более того, в процессе изучения состава фондов «парткомплекса» был установлен тот факт, что фонды комитетов комсомола, составлявшие на 01.01.1992 самостоятельные фонды, содержат документы только за тот период, на протяжении которого ЦК ЛКСМБ предоставлял этим первичным организациям права райкома ЛКСМБ по учету комсомольцев. Таких фондов в архиве насчитывалось 46. Часть документов, которая относилась к более раннему периоду их функционирования, продолжала оставаться в фонде вышестоящего комитета ЛКСМБ. Такой же подход действовал и в случаях отмены этих прав. При этом не только отсылочных заголовков в описях, но и отметок о том, что документы включены в состав разных фондов, не делалось. Такое фондирование противоречит п. 25 «Правил работы государственных архивов Республики Беларусь», утвержденных постановлением Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 25 ноября 2005 г. № 7 (далее — правила работы госархивов) [14, с. 11].

Доказательством того, что в фондах комитетов хранятся именно оригинальные документы первичных организаций, служит тот факт, что наравне с копиями в них присутствуют оригиналы документов. Так, встречаются первые экземпляры и отпуски писем (объединенные, чаще всего, в разные дела), для отдельных первичных организаций отложено несколько экземпляров протоколов. И только на одном из них проставлены пометки типа: «В райком», «Для сведения в райком», «Получено из ячейки (первичной организации)» и т. п.

Описанная выше особенность фондирования документов первичных организаций КПБ и ЛКСМБ не была отражена в названии фондов. Не влияла она и на определение вида фонда: создание объединенных архивных фондов (далее — ОАФ) в практику работы партархивов не внедрялось. Такое положение вещей было характерно для партархивов всех обкомов КПБ [3].

Следует также учесть, что сведения о приеме документов первичных организаций на хранение в партархив вносились в один (сводный) акт. К нему прилагался список первичных организаций с указанием номеров их фондов, хронологического периода, за который передаются документы, и количества переданных дел. Помещались данные акты в дело фонда того комитета, который возглавлял партийную или комсомольскую организацию.

Был принят во внимание и тот факт, что раздельное хранение довоенных и послевоенных документов одного и того же фондообразователя, усугубляемое утратой части документов в период Великой Отечественной войны, не позволяет в ряде случаев установить, относятся ли документы к деятельности одного и того же учреждения или разных. Так, например, в архиве существовал фонд ячейки КП(б)Б «Чулочни» (более точное название установить не удалось) за

1932 г., содержащий 1 дело, и фонд первичной организации КПБ Витебского чулочного-трикотажного комбината им. КИМ за 1944—1988 гг. Установить, относятся ли они к деятельности одной организации на разных этапах ее истории, не представляется возможным. Такие случаи не единичны.

Иными словами, работники ГАВО столкнулись с определенными сложностями при уточнении фондовой принадлежности дел. С одной стороны, в соответствии с правилами работы госархивов в тех случаях, когда среди документов одного архивного фонда будут обнаружены ошибочно включенные документы других фондов, они должны быть выделены и присоединены к документам тех фондов, к которым они относятся. С другой, следует учесть тот факт, что в архивах имеются фонды только для части первичных организаций. И выделение документов первичной организации из состава фонда комитета приведет к созданию новых, чаще всего, малообъемных фондов. Что не целесообразно.

Ситуация усугублялась и тем, что не существует никакой научной или справочной литературы, раскрывающей принципы классификации документов в партархивах, и причины, побудившие объединить документы разных учреждений в составе одного фонда, были не совсем понятны.

После изучения истории функционирования партархивов, анализа нормативно-методической документации ИМЛ, определявшей принципы классификации документов партийных и комсомольских организаций, и с учетом всех описанных выше трудностей, стало понятно, что подобная специфика фондирования документов имеет право на существование.

В целях исключения противоречия правилам работы госархивов для фондов, содержащих документы как комитета, так и первичной организации, в соответствии с п. 31 правил был уточнен вид фонда [14, с. 15]. Чаще всего, фонды были отнесены к ОАФ, основанному на принципе «руководящий орган и подчиненные ему организации, действовавшие на определенной территории».

Поэтому сотрудники ГАВО считали возможным сохранить действующий статус-кво в отношении фондирования документов комитетов КПБ и ЛКСМБ. Более того, при проведении работы по ликвидации малообъемных фондов первичных организаций, наряду с другим видом работы, активно осваиваемым в 2004—2010 гг., — созданием ОАФ на базе самостоятельных фондов первичных организаций по производственно-отраслевому признаку — архивисты дополнили фонды комитетов КПБ документами первичных парторганизаций, которые создавались на принципах территориальной принадлежности и не могли быть включены в создаваемые производственно-отраслевые ОАФ.

Фонды же первичных организаций ЛКСМБ, комитетам которых были предоставлены права райкомов, в 2009—2010 гг. были полностью ликвидированы и присоединены к фондам вышестоящих комитетов. Это проведено, в первую очередь, с целью ликвидации дробления документов на несколько

фондов. Фонды комитетов при этом были переведены из разряда «архивный фонд учреждения» в ОАФ.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что особенности фондирования документов первичных организаций КПБ и ЛКСМБ и включение их в состав фонда комитета имеют право на существование. Такой подход исключает наличие в составе архива малообъемных фондов 3 категории, а также значительно облегчит поиск информации об истории функционирования той или иной партийной (комсомольской) организации.

Данный недостаток фондирования может быть легко ликвидирован при интеграции документов КПБ и ЛКСМБ в состав Национального архивного фонда Республики Беларусь путем изменения вида фонда комитета (на ОАФ) и уточнения его названия (по принципу «руководящий орган и подчиненные ему организации, действовавшие на определенной территории»).

Источники и литература

1. НАРБ. — Ф. 511-п. — Оп. 8. — Д. 56. Переписка с ИМЛ, партархивами по научно-методической работе, 1956 г.
2. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (УГАВО). — Ф. 520-п. — Оп. 1. — Д. 101. Основные правила работы партийных архивов обкомов, крайкомов партии, филиалов ИМЛ при ЦК КПСС, 1970 г.
3. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: Кратк. справ. в 2 ч. / сост.: Г. С. Данилова, В. Д. Селеменев. — Минск: НАРБ, 1997. — 1 ч.
4. О передаче имущества КПБ—КПСС в собственность республики и административно-территориальных образований (коммунальную собственность): постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 1991 г., № 489 // Банк Законов. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] — 2009. — Режим доступа: <http://www.bankzakonov.com/d2008/time86/lav86809.htm>. — Дата доступа: 07.05.2009.
5. ГАВО. — Ф. 289. — Оп. 5. — Д. 1. Акты передачи партийного архива Витебского обкома КПБ Государственному архиву Витебской области, 1992 г.
6. Архив УГАВО. — Сведения об изменениях в составе и объеме фондов на 1 января 2012 г. Дело № 03-06.
7. Архив УГАВО. — Документы по рассмотрению методических вопросов, возникающие в ходе проведения описания, переработки и усовершенствования описей по отделу ИПС и автоматизированных архивных технологий (выписки из протоколов, докладные записки, анализы и т. д.). 2009. Дело № 01-49.
8. НАРБ. — Ф. 4-п. — Оп. 40. — Д. 2877. Переписка с ИМЛ по научно-методической работе, 1936 г.
9. ГАВО. — Ф. 520-п. — Оп. 1. — Д. 14. Правила определения архивного фонда в партийных архивах обкомов, крайкомов ВКП(б), ЦК КП(б) Союзных республик, 1949 г.
10. Там же. — Д. 2. Переписка с ИМЛ по научно-методической работе, 1948 г.
11. Учреждение «Государственный архив Минской области». — Ф. 2270-п. — Оп. 81. — Д. 63. Переписка с ИМЛ, партархивами по научно-методической работе, 1954 г.
12. Правила хранения и обработки архивных материалов в партийных, комсомольских органах и первичных парторганизациях. — М., 1966.
13. Архив ГАВО. — Список фондов «парткомплекса». 2012. Дело № 03-15

14. Правила работы государственных архивов Республики Беларусь / Редкол.: В. И. Адамшко и др. — Минск: БелНИИДАД, 2006.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 26.06.2014

Т. С. Михеёнок,
заведующий отделом автоматизированных
архивных технологий НАРБ;
e-mail: narb@narb.by

ДОКУМЕНТЫ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ПЕНСИЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ БССР КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ

В 2014 г. в Национальный архив Республики Беларусь поступил новый фонд, в состав которого вошли документы постоянного хранения и личные дела Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете Министров БССР (далее — комиссия) за 1942—1991 гг. Всего для проведения экспертизы ценности в архив было передано более 15 000 единиц хранения, из которых на первоначальном этапе 4 538 дел было отобрано на постоянное хранение. Новому фонду присвоен номер 1529.

В опись № 1 в количестве 330 единиц хранения включены протоколы заседаний комиссии, документы о работе комиссии, журналы регистрации пенсионных дел, документов на получение и пересмотр пенсий и др. В опись № 2 в количестве 4 208 единиц хранения включены личные дела пенсионеров республиканского значения.

Комиссия по назначению персональных пенсий при Совете Народных Комиссаров (далее — СНК) БССР утверждена постановлением СНК БССР № 27 от 11 мая 1942 г. [1]. В описи № 1 фонда № 1529 сведений по истории деятельности комиссии сохранилось недостаточно. Самым ранним документом являются протоколы заседаний комиссии за 1942 год. В данной статье подробно рассмотрен состав и содержание документов описи № 2, содержащих исключительно пенсионные дела.

При проведении полевой экспертизы ценности дел в первую очередь ставилась задача выявить документы лиц, имеющих выдающиеся заслуги перед Республикой Беларусь. Предпочтения отдавались личным делам, отражающим события большевистского революционного движения, гражданской войны, социалистического строительства, Великой Отечественной войны, а также документам, отражающим заслуги видных деятелей в области науки, культуры, литературы, искусства, образования. Принималось во внимание наличие в делах сохранившихся оригиналов документов: справок, характеристик, боевых листов, фотографий, вырезок из газет, дневников, воспоминаний, удостоверений, писем и других документов [1].

В описи личных дел персональных пенсионеров много известных имен — государственных деятели, представители науки, культуры, искусства, Герои Советского Союза и Социалистического Труда, такие, как Председатель ЦИК и СНК БССР А. Г. Червяков [2], классики белорусской литературы Я. Колас [3], Я. Купала [4], К. Черный [5], Я. Мавр [6], Зм. Бядуля [7], М. Т. Лыньков [8], И. П. Мележ [9], художники Е. А. Зайцев [10], С. П. Кат-

ков [11], О. П. Марикс [12], композитор Н. Ф. Соколовский [13], скульпторы А. О. Бембель [14], А. К. Глебов [15], С. И. Селиханов [16] и многие другие.

Дела лиц, имеющих высокие звания и правительственные награды, зачастую скупые и короткие: заявления, справки, постановление комиссии о назначении пенсии, затем встречаются только ходатайства об ее увеличении. Более полными оказываются дела лиц, которые пытаются доказать наличие заслуг перед страной и добиться назначения персональной пенсии. Такие дела составляют большую часть описи, они содержат личные документы участников революций, гражданской и Великой Отечественной войн, партийных и советских работников, председателей колхозов, директоров заводов и др. В этих случаях дела оказываются более объемными, потому что заявители представляли самые разнообразные документы: справки, ходатайства, архивные выписки, подтверждения, удостоверения, грамоты, воспоминания, газетные и журнальные статьи. Несмотря на субъективность информации, представленной в этой группе документов, в них содержатся материалы, отражающие значимые исторические события XX в.

Среди лиц, обратившихся в комиссию, были участники революций 1905—1907, 1917 гг., гражданской войны.

Наиболее полно эти события отражены в воспоминаниях. Так, в деле Красовского Иосифа Феликсовича, 1887 года рождения, имеется документ следующего содержания: «Я приобщился к революционному движению в г. Минске еще будучи учеником 5-го класса Минского реального училища . . . , когда в училище стала проникать нелегальная литература (прокламации, газета «Искра», революционные песни), стали организовываться ученические организации при Минской группе РСДРП, кружки, руководимые старшеклассниками-студентами . . .

С 1905 г. (в 6-м классе) я уже стал членом партии РСДРП и работал среди рабочих г. Минска: вел рабочие кружки, хранил и распространял нелегальную литературу, проводил собрания, на которых выступали члены руководящего ядра Минской группы РСДРП; организовывал забастовки, проводимые с целью добиться улучшения условий труда и повышения заработной платы. . .

В октябрьские дни 1905 г., когда проводилась Всероссийская забастовка и массовые митинги населения города, я, конечно, совместно с другими членами партии принимал участие в организации и присутствовал на десятитысячном общегородском митинге на привокзальной площади 18/X-1905 г., расстрелянного по приказу Минского губернатора Курлова. . . На мне лежала также обязанность подыскивать ночлег и местожительство для приезжих в Минск из других городов нелегальных лиц. Одно помещение было снято по моему паспорту.

Большая работа была проведена мною по распространению нескольких тысяч экз. первой Программы РСДРП, напечатанной в типографии газеты «Северно-Западный Край» . . .

Сидел я в Минской тюрьме дважды: первый раз весной 1906 г. административно недолго и вторично с декабря 1906 г. по апрель 1907 года, когда был осужден выездной сессией Виленской судебной палаты к заключению в крепости на 2 месяца. Такое незначительное осуждение объясняется тем, что мне было 20 лет, а по царским законам совершеннолетие было 21 год» [17].

Приводимые факты подтверждаются справкой Центрального государственного архива Литовской ССР от 12 марта 1956 г.: «Красовский Осип Феликсович, 1887 г. рождения, 17 декабря 1906 г. арестован и заключен под стражу в Минскую тюрьму за хранение на квартире с целью распространения прокламаций соц.-демократической рабочей партии («Новые выборы», «Избирательная платформа РСДРП») и другой нелегальной литературы» [18]; справкой Центрального государственного исторического архива СССР в г. Москве от 30.06.1956, а также письменными свидетельствами двух членов КПСС.

Красовский И. Ф. описывает подробности своего заключения: «В то время политических заключенных в Минской тюрьме было около 150 человек, из коих половина членов различных партий и остальные беспартийные. Это были люди различных политических взглядов (соц.-демократы, с.-революционеры, анархисты, бундовцы), разных возрастов: от 16 до 60 лет, разных национальностей; рабочие, крестьяне, интеллигенты, студенты. Среди них были серьезно больные (легочники). Заключенные в тюрьме люди были нервные, раздражительные. ...

В то время сидела в тюрьме группа из 12 человек матросов и солдат участников восстания в Бобруйском дисциплинарном батальоне, присужденных к смертной казни. После 4 месяцев ожидания смерти она была заменена бессрочной каторгой. За неуважительные ответы администрации в тюрьме их вожак матрос Якушев был посажен на месяц в темный сырой карцер, что угрожало ему преждевременной смертью. Мы подняли бунт, требовали прокурора и доктора, повышали все двери в камерах и вынуждены были покориться лишь тогда, когда на коридор тюрьмы была введена рота солдат. Тогда мы объявили голодовку, которая прекратилась лишь на 8-й день при содействии товарищей на воле и общественности. Наконец был выпущен из карцера Якушев и явились в тюрьму прокурор и врач.

Свои воспоминания о революции 1905—1907 гг. в Минске я в 1949 г. передал в Институт истории партии в Минске при ЦК КПБ и они частично были использованы в изданном двухтомнике революционного движения в Белоруссии» [19].

В 1967 г. лесник Ворожун Константин Григорьевич, 1895 года рождения, получив гражданскую пенсию в размере 30 руб., решил заявить о своих заслугах по установлению Советской власти. Он утверждал, что «принимал активное участие в составе 2-го Балтийского флотского экипажа в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде и подавлении мятежа Керенского-Краснова в 1917 г. Лично участвовал в штурме Зимнего дворца и 25 октяб-

ря (7 ноября) сводил дворцовый мост» [20]. На первый взгляд, такие утверждения вызывают сомнения, однако слишком подробно изложены события полувековой давности человеком, имеющим всего 3 класса образования. Усомнились в Калининковском райисполкоме, затем в Гомельском облисполкоме, и, мотивируя беспартийностью просителя, отказали Ворожуну К. Г. в установлении пенсии местного значения.

Тогда Ворожун Г. К. обратился в комиссию, куда кроме заявления представил подтверждающие документы: архивные справки Центрального государственного архива военно-морского флота и Центрального государственного архива Советской Армии, в которых было сказано, что: «Ворожун Григорий Константинович ... 17 октября 1917 года прибыл во 2-й Балтийский флотский экипаж ... Команда 2-го Балтийского флотского экипажа принимала участие в Октябрьском вооруженном восстании в 1917 г. в Петрограде в штурме Зимнего дворца, освобождении правительственных зданий от буржуазии и юнкеров, в сводке мостов через Неву и в подавлении контрреволюционного мятежа Керенского-Краснова.

Персональных списков участников этих событий на хранении в архиве не имеется» [21].

Комиссия установила персональную пенсию республиканского значения Ворожуну Г. К. в размере 75 руб., а после его смерти пенсия продолжала выплачиваться его жене до конца 1991 г.

Другой гражданин Бубнов Тит Федосеевич, 1896 года рождения, в своем заявлении указывал, что «с 20 октября 1917 по 1 марта 1918 года находился в г. Петрограде и принимал участие во взятии Зимнего дворца, занятии телефонной станции, а впоследствии под командованием матроса П. Д. Малькова, коменданта Смольного, принимал участие в охране Смольного. В целях подтверждения указанных фактов тов. Бубнов в 1964 г. был в Москве на квартире П. Д. Малькова ... Мальков обещал подтвердить и заверить т. Бубнову справку» [22], однако в скором времени умер. Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области сообщил Бубнову, что «сведения об участниках охраны Смольного и штурма Зимнего дворца за 1917 в архив на хранение не поступали» [23]. Пенсию Бубнов Т. Ф. в конце концов получил, однако, не имея документальных свидетельств, доказывать свои заслуги пришлось долго. Кроме личных заслуг, в справке также отмечено: «Во время Великой Отечественной войны два сына т. Бубнова погибли на фронте».

Принимая участие в исторических событиях, обычные люди общались с известными личностями, государственными и политическими деятелями различного масштаба. О своих встречах с В. И. Лениным [24] вспоминает Бурий Александр Фомич, 1888 года рождения: «В 1918 году в городе Петрограде в последних числах февраля проходило Республиканское совещание работников железнодорожного транспорта, на которое был послан я и другой товарищ в

качестве делегатов от Смоленского железнодорожного узла... На совещании присутствовал и Владимир Ильич Ленин... Вторая моя встреча с Владимиром Ильичом была в Кремле в 1921 году. В то время я был комиссаром по контролю за обеспечением транспорта топливом на участке Смоленск-Борисов. Придавая большое значение этому участку работы Владимир Ильич вызвал меня для информации о состоянии обеспечения топливом движения поездов» [25].

В своем заявлении Красновский Виктор Никодимович также указывает: «Имел две встречи с Владимиром Ильичем Лениным, первую 3 апреля 1917 года вместе с рабочими на Финляндском вокзале... Вторая встреча в Кремле в рабочем кабинете Владимира Ильича в 1918 г.» [26].

В личном деле Дирдака Леонида Александровича сохранились его воспоминания о встрече в 1921 г. с председателем ВЧК Держинским Ф. Э. [27].

Революционное движение сменилось масштабной гражданской войной, о событиях которой вспоминают ее участники. Сохранилось около 1000 персональных дел участников гражданской войны. Можно рассуждать о субъективности изложения фактов, но полагаю, что в настоящее время нецелесообразно игнорировать воспоминания, услышать которые в середине прошлого века желали историки, музееведы. В деле Ковальчука Николая Антоновича сохранилось письмо Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны от 9 июня 1955 г., где сказано:

«Наш музей собирает документы, фотографии и вещественные материалы, отражающие участие трудящихся нашей страны в Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войне.

Убедительно прошу Вас, как участника указанных событий, прислать для музея автобиографию, воспоминание о Вашем участии в Октябрьской социалистической революции и Гражданской войне, Вашу фотографию (желательно того периода), документы, личные вещи...» [28].

Судьба Ковальчука Н. А. действительно необычная. Согласно справке Бугульминского краеведческого музея от 22 марта 1957 г.: «Ковальчук Николай Антонович в годы гражданской войны и иностранной интервенции находился в Бугульме и был одним из активных членов боевой дружины железнодорожников, участвовал в обороне города от белоинтервентов. В июле 1918 г. при выполнении важного задания в числе 16 дружинников был белоинтервентами приговорен к расстрелу и расстрелян, но тяжело раненный остался в живых» [29]. Умер Ковальчук Н. А. в возрасте 80 лет.

Иногда заслуги человека подтверждались документами, не существующими в настоящее время. Например, в свидетельском подтверждении Мигулина И. С. от 30 июля 1952 г. сказано: «Я, Мигулин Иван Сергеевич... работавший с 1931 по 1941 год директором Могилевского государственного исторического музея, настоящим подтверждаю, что в экспозиции вышеуказанного музея в разделе «Гражданская война» имелись документы, подтверждающие активное участие гг. Доманькова Савелия Афанасьевича и... в боях с белопо-

ляками на подступах к г. Бобруйску (шоссе в районе деревень Каплановка и Старополье) в 1919 году. Вышеуказанные документы уничтожены в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками» [30]. Доманьков Савелий Афанасьевич всю жизнь проработал шофером, в т. ч. в 1921—1922 гг. был личным шофером командующего бронечастями Красной Армии Котовского Г. И.

Гершович Мирон Борисович «в ноябре 1917 г. добровольно вступил в ряды Красной Гвардии, а затем Красной Армии, где прослужил по 1922 г.... Весь период находился на белопольском фронте, где в 1919 г. в боях с белополяками был два раза ранен...»

В 1920 г., после освобождения г. Минска от белополяков был избран членом Минского городского совета 1-го созыва от 148-го стрелкового полка, 2-й отдельной бригады.

В 1921 г.... активно участвовал в борьбе с бандитизмом и дезертирством. В этот период мною было раскрыто, а моим батальоном предупреждено бандитское выступление и нападение на г. Бобруйск и ликвидирована крупная банда, за что я получил благодарность приказом по гарнизону» [31].

В деле Морсона Гирши Давидовича имеется фотография кадрового состава штаба частей Особого назначения БССР и штаба 755-го отдельного батальона Особого назначения [32], сделанная в г. Минске в 1923 г. На обороте поименно названы все лица, изображенные на фотографии.

Однако не только революционно-военные заслуги оценивались работниками Совета Министров БССР. Среди персональных пенсионеров встречаются лица с необычными судьбами. В заявлении Казушица Даниила Васильевича от 21 апреля 1956 г. было сказано: «Невыносимо тяжелые условия жизни заставили меня в 1914 году отправиться в поисках счастья в Америку, где я проживал в течение более 41 года...»

С 1915 года я принимал активное участие в работе прогрессивных русских организаций в Америке: сначала был членом беспартийной организации «Русское Рабочее Общество Взаимопомощи» в городе Бостоне, затем в 1916 году вступил в ряды русского отдела Социалистической партии США, с 1919 года являлся членом Компартии США.

В 1929 году был избран генеральным секретарем Русского Народного Общества Взаимопомощи в Америке (РНОВА), а затем, в 1935 году (после слияния РНОВА и другой прогрессивной организации США — Международного Рабочего Ордена) являлся членом Национального Комитета этой вновь образовавшейся организации (МРО)... На этих постах я оставался до конца 1953 года, когда власти США ликвидировали эти прогрессивные организации... За участие в работе прогрессивных организаций, за выступление против реакции, за дело рабочего класса я дважды отбывал сроки тюремного заключения...

Принимал активное участие в организации встреч советским летчикам Чкалову, Байдукову и Белякову, совершившим в 1937 году впервые в мире

безпасадочный перелет из Москвы через Северный Полюс в Америку, а также другой тройке советских летчиков — Громову, Юмашеву и Данилину...

В 1946 году мы организовали встречу на американской земле делегации Славянского Комитета ССР, возглавляемой А. Гундоровым (членами этой делегации от Белорусской ССР были гг. Т. С. Горбунов и В. И. Козлов), а также различными другими представителями СССР, посещавшими США...

В 1948 году на собранные нашей организацией сверх 30 тысяч долларов был куплен электронный микроскоп для Белорусского госуниверситета» [33].

На заявлении Д. В. Казущика имеется собственноручная резолюция председателя Совета Министров БССР К. Т. Мазурова с указанием министру иностранных дел К. В. Киселеву внести предложение о назначении пенсии. В 1956 г. Казущику была установлена персональная пенсия, которая после его смерти выплачивалась жене пожизненно.

Процессы индустриализации и коллективизации 1920—1930-х гг., а также послевоенного восстановления хозяйства отражены в личных делах директоров завода «Гомсельмаш» А. К. Генкина [34], кондитерской фабрики «Коммунарка» М. Ф. Петрухина [35], стеклозавода «Неман» Н. Ф. Каштанова [36], рыбного хозяйства «Альба» Л. А. Мойсевича [37], директора БелГРЭС В. М. Глинского [38] и руководящих работников многих других предприятий, председателей колхозов, в т. ч. из числа 25- и 30-тысячников.

В сохранившихся документах также нашли отражение революционные события в Западной Белоруссии и деятельность Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ).

Согласно сведений личного дела Клинецвич Семен Александрович «в марте 1928 по поручению ЦК КПЗБ убил в г. Вильнюсе опасного провокатора Гурина Михаила, выступавшего в 1927—1928 гг. в качестве свидетеля-обвинителя по делу руководителей Белорусской рабоче-крестьянской громады. В марте 1928 г. в г. Вильнюсе С. А. Клинецвич был арестован и 10 июля 1929 г. за принадлежность к компартии Западной Белоруссии и революционную деятельность польским буржуазным судом был приговорен к пожизненной каторге. В 1932 г. в порядке обмена политзаключенными между Польшей и СССР прибыл в Советский Союз...» [39].

В 1928 г. как политэмигрантка в СССР приехала Лукова Гинда Хаимовна, которая «с 1926 года состояла членом коммунистической партии Западной Белоруссии. Два года работала в подпольной типографии КПЗБ в г. Вильнюсе» [40]. Почти 10 лет Г. Х. Лукова проживала в г. Минске, работала на фабрике «Миншвей», затем закончила рабфак и работала руководителем группы в Управлении нархозучета БССР. В 1938 г. вместе с мужем была репрессирована. Вышеупомянутый С. А. Клинецвич также был необоснованно осужден и умер в заключении. Дочь Г. Х. Луковой после ее ареста была отправлена в детский дом, где позднее погибла от рук немецко-фашистских захватчиков.

Незавидная судьба ожидала единственную дочь председателя ЦИК и СНК БССР Червякова Александра Григорьевича Софью. «В 1935 году окончила среднюю школу, после чего стала заниматься на подготовительных курсах при Московском механико-машиностроительном институте им. Баумана, поступила в данный институт, окончила первый курс, однако после смерти отца была исключена из комсомола и института. Затем некоторое время училась на курсах по подготовке учителей для начальных школ г. Москвы, откуда также была отчислена и в марте 1938 года в административном порядке выслана в г. Ярославль.

Мать заявительницы — Червякова Анна Ивановна — в 1937 году была арестована и в течение 8 лет находилась в местах лишения свободы. Будучи освобожденной в 1945 году, приехала в Ярославль к дочери. В 1948 году С. А. Червякову выслали в Кустанайскую область. Туда же переехала и ее мать» [41]. В 1939 г. Софья начала свою трудовую деятельность. Такие многостраничные записи в трудовых книжках встречаются редко. С. А. Червякова работала в отделе ЖКХ, водликертресте, зверинце зооцентра, госцирке, хлебозаводе, гостинице, лесхозе, пошивочной мастерской, средней школе, проектно-технологическом институте, тресте столовых [42].

В деле имеется копия свидетельства о смерти Червякова А. Г. [43], зарегистрированная Сталинским районным ЗАГС г. Ярославля в 1948 г.

В 1957 г. мать Софьи обращалась к Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову, ее письмо было переслано в Минск и рассмотрено в Совете Министров БССР. В результате комиссией было принято решение об установлении А. И. Червяковой персональной пенсии республиканского значения с 1 октября 1957 г. пожизненно. В 1964 г. А. И. Червякова умерла в Кустанае, а в 1965 г. Софья с сыном переехала в Минск, где получила однокомнатную квартиру.

В 1973 г. С. А. Червякова обратилась в Президиум Верховного Совета БССР. В справке, составленной по ее устному обращению, указано, что «после смерти отца и необоснованного признания его врагом народа жизнь Червяковой С. А. складывалась крайне тяжело. Она не смогла получить образования, дважды высылалась в административном порядке. Думается, что имеются основания для положительного решения просьб тов. Червяковой С. А. об улучшении ее жилищных условий и установлении пенсии за заслуги отца» [44]. На заявлении имеется машинописная резолюция Председателя Президиума Верховного Совета БССР Ф. А. Сурганова: «Прошу рассмотреть и по возможности положительно решить». С 1973 г. Червяковой С. А. также установлена пожизненная пенсия в размере 80 руб. за заслуги отца, а в 1987 г. увеличена до 110 руб.

В 1968 г., достигнув пенсионного возраста, обратилась в комиссию Дина Звуловна Харик, вдова репрессированного поэта Изи Давидовича Харика, одного из классиков литературы на идише. К своему заявлению она приложи-

ла ходатайство правления Союза писателей БССР от 1 апреля 1968 г., подписанное собственноручно первым секретарем правления Союза писателей БССР Максимом Танком, в котором сказано: «Ізі Харык, жыццё якога дачасна абарвалася ў 1937 г., з'яўляецца адным з лепшых савецкіх паэтаў, адным з заснавальнікаў савецкай пралетарскай паэзіі...»

Ізі Харык быў не толькі таленавітым паэтам, але і актыўным грамадскім дзеячам — камуністам, членам ЦВК БССР, членам-карэспандэнтам Акадэміі навук БССР, членам Прэзідыума Саюза пісьменнікаў СССР і БССР, адказным рэдактарам часопіса «Штэрн» («Звязда»).

У 1937 г. Ізі Харык быў незаконна рэпрэсаваны, у 1956 г. — пасмяртна рэабілітаваны. Разам з мужам была рэпрэсавана і яго жонка Харык Д. З. Яна знаходзілася ў зняволенні 9 гадоў, у 1956 годзе справа яе за адсутнасцю складу злачынства была спынена. Лёс іх сыноў, якія былі аддадзены органамі на дзяржаўнае ўтрыманне, па сённяшні дзень невядомы» [45].

Комиссия сочла ходатайство правления Союза писателей БССР недостаточным и в назначении персональной пенсии Дине Звуловне Харик отказала. После чего Д. З. Харик обратилась с личными заявлениями к министру социального обеспечения БССР Авхимовичу Н. Е. и председателю комиссии Лобанку В. Е. В деле имеются справка о произведениях И. Д. Харика, газеты «Мастацтва» № 50 от 2 декабря 1956 г. и «Літаратура і мастацтва» от 15 марта 1968 г. со статьями, посвященными творчеству И. Харика, копия свидетельства о смерти (причиной смерти указано «кровоизлияние в мозг» [46]) и другие документы. Повторно рассмотрев дело, комиссия установила Д. З. Харик персональную пенсию в размере 60 руб. пожизненно. Среди более поздних документов имеется собственноручно написанное поэтом Петрусем Бровкой ходатайство об увеличении размера пенсии Д. З. Харик от 9 марта 1978 г. [47]. Документ оформлен на бланке депутата Верховного Совета СССР 9-го созыва.

Около 3 000 дел содержат лаконичную формулировку — участник Великой Отечественной войны, за которой скрываются известные биографии, зачастую лиц, погибших в годы войны. Сохранилось дело Зубачева Ивана Николаевича [48], капитана, заместителя командира 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии, одного из организаторов и руководителей обороны Брестской крепости. По справке Брестского облсобеса И. Н. Зубачев был направлен в Брестскую крепость за две недели до начала войны. В справке музея обороны Брестской крепости-героя от 17 июля 1970 г. сказано: «Война застала Зубачева И. Н. в квартире в доме начсостава недалеко от северных ворот крепости... Зубачев И. Н. — один из немногих командиров, который сумел под ураганным огнем противника прорваться в Цитадель крепости, в свою часть... С первых минут Великой Отечественной войны руководил боевыми действиями подразделений 44-го стрелкового полка, а 22 июня 1941 г. на совещании командиров и политработников назначен командиром сводной боевой группы Цитадели-Крепости.

Раненый и контуженный в последних числах июня захвачен гитлеровцами. Погиб в лагере военнопленных Хаммельбург в 1944 году» [49]. За заслуги погибшего мужа жена получала пенсию местного, а затем и республиканского значения с 1957 по 1970 год.

В описи выделены также участники партизанского и подпольного движения в годы Великой Отечественной войны. В деле Морудова Трофима Андреевича сказано: «С первых дней Великой Отечественной войны тов. Морудов Т. А. участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Воинская часть, в которой он служил, попала в окружение. Тов. Морудову Т. А. в числе других воинов удалось выйти из окружения. Находясь на занятой врагом территории..., перебрался в Витебск для ведения разведывательной работы. В родном городе тов. Морудов устроился рабочим на лесозавод и включился в партийно-патриотическое подполье, возглавил созданную им группу подпольщиков более 20 человек. Подпольщики группы Морудова Т. А. работали в штабах вражеских войск, на железнодорожной станции Витебск, других местах сосредоточения фашистских войск и их учреждениях...»

Во время облавы в Витебске в октябре 1943 года тов. Морудов Т. А. был схвачен оккупантами и в числе сотен горожан направлен в фашистский концлагерь смерти Освенцим (лагерный № 158893), но группа Морудова Т. А. продолжала действовать в составе партийно-патриотического подполья Витебска... Освобожденный в 1945 году из фашистской неволи, после длительного лечения в полевом госпитале тов. Морудов Т. А. продолжил службу в Советской Армии до демобилизации» [50].

Аксенова Мария Егоровна обратилась в комиссию в 1975 г., уже после смерти своего мужа Аксенова Георгия Васильевича, председателя горсовета г. Горки, участника Великой Отечественной войны, награжденного пятью орденами и восемью медалями.

В справке комиссии имеется следующая информация: «Когда Берлин был окружен, т. Аксенов лично с командиром взвода пробрался в дом канцелярии рейхканцлера (вне полосы наступления дивизии) и захватил ответственных лиц из окружения Гитлера: Барткевич — генеральный секретарь белорусского комитета, он же диктор пропаганды министерства в г. Берлине, Цим — министерский советник по техническим делам при рейхканцелярии, Райх — советник при рейхканцелярии, Маргграф — старший секретарь министерства при рейхканцелярии, Колощук — начальник «арбайтфронт» по белорусам, Омелянович — заместитель начальника учреждения доверия по делам белорусов при министерстве безопасности Германии, Шнайдер — начальник гаража Гитлера, Ланге — личный повар Гитлера. Кроме того, т. Аксеновым лично захвачены важные документы: план эвакуации ставки, список личной охраны Гитлера (201 чел.), план обороны на случай нападения на ставку, списки лиц подлежащих остаться в подполье (31 чел.)» [51].

В ряде дел нашел отражение процесс восстановления страны, подъема промышленности и сельского хозяйства в послевоенные годы. В деле Лобудева Ивана Ивановича имеется оригинальная книжка стахановца 4-й сталинской пятилетки [52], выданная свердловцу Гомельского станкостроительного завода в 1946 г. Каждая страница документа содержит социалистические лозунги и призывы, обозначает оптимистические перспективы: «Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше — догоняй лучших и добейся общего подъема (Сталин)», «В 1950 году довести экономику нашей страны до довоенного уровня и превзойти его, обеспечить дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства, не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны», «Станочный парк в СССР достигнет 1 млн 300 тыс. станков, что на 30% превышает станочный парк Америки 1940 года».

Большое количество дел было заведено на деятелей культуры, литературы и искусства. Жена Соколовского Нестора Федоровича, автора музыки Государственного гимна БССР, обратилась за помощью к Совету Министров спустя 22 года после смерти композитора. Вдове композитора было тогда 69 лет, из них трудового стажа 43 года, трудовая пенсия составляла 72 руб. 92 коп. Ее просьба была скорее необычной. В своем обращении к первому секретарю ЦК КПБ Машерову П. М. она сообщала: «Я живу в ведомственном доме в общей квартире, в которой я занимаю 38 метров. Теперь я осталась одна, и мне трудно платить за лишнюю площадь в трехкратном размере. Мало денег остается на жизнь. Я обращалась в Советский райисполком дважды, помочь мне в обмене на маленькую двухкомнатную квартиру... Райисполком рассматривал мое заявление и вынесли решение этим вопросом не заниматься. Все дело в том, что квартира моя запущенная, требует большого ремонта и никто не хочет со мной производить обмена» [53].

В деле имеется удивительная автобиография Соколовского Нестора Федоровича: «Родился в 1902 году в Бегомельском районе в дер. Вешки. Отец и мать крестьяне-малоземельные. Отец малограмотный, а мать неграмотная. Переехав после пожара в г. Минск родители занимались поденной работой: сторожем, дворником. Учился в приходской школе, после Октябрьской революции поступил в Советскую школу № 1, которую окончил в 1921 году. В 1926 году поступил в музтехникум по классу теории и композиции...» [54], затем стал композитором, художественным руководителем Ансамбля белорусской народной песни и танца, редактором музыкальной литературы Белгосиздата, педагогом музыкального училища. Сегодня Гомельский музыкальный колледж искусств носит имя Н. Ф. Соколовского.

С третьей попытки, собрав множество справок и ходатайств, Соколовской Ольге Игнатьевне в 1972 году удалось получить персональную пенсию за заслуги мужа. Однако размер ее составил 75 руб., т. е. разница между ее

трудоустройством и персональной пенсией республиканского значения оказалась совершенно незначительной.

Жена белорусского советского писателя, автора текста Государственного гимна БССР Климовича Михаила Николаевича также получила пенсию. Находящаяся в деле автобиография писателя напоминает художественное произведение: «Родился я в деревне Селитренники Лошицкой волости Борисовского уезда Минской губернии 8 ноября 1899 года в семье крестьянина, имевшего 3 дес. земли. Но отец земледелием не занимался: всю свою жизнь он работал кочегаром на лесопильном заводе купца Горлина в Ново-Борисове в 8 километрах от дома, получая от 12 до 28 руб. в месяц. Землю обрабатывала мать и старшие сестры. Хозяйство было безлошадное, бедняцкое, хлеба не хватало даже до нового года, а семья большая — 9 душ. Отец был человеком грамотным и сыновей грамоте начал учить сам. В семь лет я хорошо читал, знал на память стихи, рассказы. С народным творчеством я познакомился благодаря матери: она знала бесчисленное количество сказок, песен, пословиц. В долгие зимние вечера в нашу избушку — самую маленькую в деревне — собиралось 5—6 соседок с прялками и при свете каминка, под жужжание самопрялок и веретен начинались бесконечные рассказы о чертях, о ведьмах, о боге, который ходил по земле, о происхождении птиц и зверей. Свесив голову с печки, я жадно впитывал белорусскую мифологию... Встречались песни, связанные с историей: о казачестве, о солдатчине, о крепостничестве... Отец приносил городские, рабочие новости... Перед уходом на работу к нему заходили его товарищи... из их разговоров я ознакомился с другой стороной жизни. С третьей стороны ее меня ознакомил дед, живет в семье дяди: он рассказывал о прошлом нашей деревни, о французах, проходивших по этой местности, о курганах, разъяснял название урочищ, знакомил с народными приметам» [55].

52 дела содержат личные дела лиц, имеющих звание Героя Советского Союза. В делах комиссии имеются дела первого дважды Героя Советского Союза Грицевца Сергея Ивановича [56] и четырех женщин — Зеньковой Ефросиньи Савельевны [57], Мазаник Елены Григорьевны [58], Поповой Надежды Васильевны [59], Тусноловой-Марченко Зинаиды Михайловны [60].

Имеются личные дела и представителей архивной службы: начальников Главного архивного управления при Совете Министров БССР Азарова Абрама Игнатьевича [61] и Жигалова Виктора Николаевича [62], директоров архивов Аржаховского Люциана Мариановича [63], Каткова Алексея Сергеевича [64], Корзуна Николая Кузьмича [65] и других архивных работников.

Таким образом, в делах комиссии содержатся самые разнообразные документы о достаточно известных, знаковых исторических событиях с начала XX века по 1991 год, что делает фонд № 1529 привлекательным не только для потомков персональных пенсионеров республиканского значения, но и для широкого круга исследователей истории Беларуси.

Источники

1. НАРБ. — Ф. 1529. Историко-архивная справка.
2. Там же. — Оп. 2. — Д. 3906.
3. Там же. — Д. 2719.
4. Там же. — Д. 2446.
5. Там же. — Д. 3210.
6. Там же. — Д. 3766.
7. Там же. — Д. 3033а.
8. Там же. — Д. 2452.
9. Там же. — Д. 2637.
10. Там же. — Д. 1462.
11. Там же. — Д. 1768.
12. Там же. — Д. 2558.
13. Там же. — Д. 3485.
14. Там же. — Д. 351.
15. Там же. — Д. 848.
16. Там же. — Д. 3340.
17. Там же. — Д. 2120. — Л. 49—50.
18. Там же. — Л. 12.
19. Там же. — Л. 50, 52.
20. Там же. — Д. 695. — Л. 5.
21. Там же. — Л. 9.
22. Там же. — Д. 451. — Л. 21.
23. Там же. — Л. 14.
24. Там же. — Д. 480. — Л. 5, 11.
25. Там же. — Л. 25—26.
26. Там же. — Д. 2114. — Л. 16.
27. Там же. — Д. 1183. — Л. 29—31.
28. Там же. — Д. 1892. — Л. 11.
29. Там же. — Л. 9.
30. Там же. — Д. 1218. — Л. 15.
31. Там же. — Д. 824. — Л. 41.
32. Там же. — Д. 2766. — Л. 46.
33. Там же. — Д. 1693. — Л. 5—6.
34. Там же. — Д. 799.
35. Там же. — Д. 3003.
36. Там же. — Д. 1782.
37. Там же. — Д. 2744.
38. Там же. — Д. 855.
39. Там же. — Д. 1843. — Л. 33.
40. Там же. — Д. 2426. — Л. 2.
41. Там же. — Д. 3906. — Л. 19.
42. Там же. — Л. 9—11.
43. Там же. — Л. 16.
44. Там же. — Л. 2—2 об.
45. Там же. — Д. 3827. — Л. 1—2.
46. Там же. — Л. 7.

47. Там же. — Л. 30.
48. Там же. — Д. 1561.
49. Там же. — Л. 15—16.
50. Там же. — Д. 2767. — Л. 10—11.
51. Там же. — Д. 64. — Л. 26.
52. Там же. — Д. 2389. — Л. 61—70.
53. Там же. — Д. 3485. — Л. 7—9.
54. Там же. — Л. 15.
55. Там же. — Д. 1833. — Л. 6.
56. Там же. — Д. 1017.
57. Там же. — Д. 1546.
58. Там же. — Д. 2485.
59. Там же. — Д. 3087.
60. Там же. — Д. 3726.
61. Там же. — Д. 48.
62. Там же. — Д. 1391.
63. Там же. — Д. 179.
64. Там же. — Д. 1767.
65. Там же. — Д. 2001.

Артикул паступіў у рэдакцыю 15.04.2014

Я. С. Мальчэўскі,
 вядучы спецыяліст аддзела аўтаматызацыі
 ўпраўлення аўтаматызацыі і патэнтавай дакументацыі
 Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці,
 аспірант гістарычнага факультэта БДУ,
 магістр гістарычных навук;
 e-mail: jmalcheuski@tut.by

СІСТЭМА ПАТЭНТАВАЙ ДАКУМЕНТАЦЫІ Ў СКЛАДЗЕ НАВУКОВА-ТЭХНІЧНАЙ ДАКУМЕНТАЦЫІ

На фарміраванне эфектыўных механізмаў кіравання прамысловай уласнасцю ўплываюць многія фактары, сярод якіх не апошняю ролю адыгрывае арганізацыя працы з патэнтавай дакументацыяй Рэспублікі Беларусь. Патэнтавая дакументацыя змяшчае звесткі аб аб'ектах права прамысловай уласнасці (далей — АПУ), з'яўляючыся адной з найбольш рэпрэзентатыўных крыніц інфармацыі аб перадавых навукова-тэхнічных і мастацка-канструктарскіх распрацоўках. Арганізацыя працы з патэнтавай дакументацыяй з'яўляецца важным фактарам пры фарміраванні эфектыўных механізмаў кіравання інтэлектуальнай уласнасцю як на ўзроўні арганізацыі, так і краіны ў цэлым.

Сярод прац айчынных і замежных спецыялістаў, якія ў той ці іншай ступені закранаюць пытанні стварэння і арганізацыі працы з патэнтавай дакументацыяй па тэматыцы можна вылучыць дзве асноўныя групы. Першая група прадстаўлена працамі па агульных пытаннях прававой аховы прамысловай уласнасці і яе асобных аб'ектаў, афармленню іх дзяржаўнай рэгістрацыі (В. У. Арлова, А. А. Горадаў, В. Ю. Джэрмакян, Д. У. Іванова, У. Я. Кітайскі, С. С. Лосеў, Т. У. Маеўская, Ю. В. Нечапурэнка, В. У. Рачкоўскі, С. А. Сударькаў, Н. Б. Суханава, В. Ф. Чыгір і інш.). У даследаваннях іншых аўтараў (другая група) патэнтавая дакументацыя разглядаецца як рэсурс навукова-тэхнічнай інфармацыі і адлюстроўваюцца пытанні яе арганізацыі, захоўвання і выкарыстання ў рамках сістэмы патэнтава-інфармацыйнага забеспячэння навукова-тэхнічнай і гандлёва-прамысловай сфер эканомікі (А. М. Бераснеў, В. В. Васільчанка, А. П. Калеснікаў, В. А. Касап, Л. Р. Кравец, І. В. Крылоў, В. І. Кудашоў, Н. І. Сафронава, Ю. У. Харук і інш.).

Традыцыйна навукоўцамі патэнтавая дакументацыя разглядаецца як від навукова-тэхнічнай дакументацыі [1, с. 17; 2, с. 56; 3, с. 22; 4, с. 133]. Прыналежнасць патэнтавай дакументацыі да сістэмы навукова-тэхнічнай дакументацыі нарматыўна замацавана Правіламі работы з навукова-тэхнічнай дакументацыяй у арганізацыях Рэспублікі Беларусь, зацверджанымі пастановай Камітэта па архівах і справаходству пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 6 лістапада 2003 г. № 38 (далей — Правілы НТД) і Правіламі работы з навукова-тэхнічнай дакументацыяй у дзяржаўных архівах Рэспублікі Беларусь, зацверджанымі пастановай Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь ад 14 сакавіка 2007 г. № 14 [5; 6]. Пры гэтым у названых нарматыўных актах не даецца нарматыўнага азначэння паняцця «навукова-тэхнічная дакумента-

цыя» і не раскрываюцца крытэрыі прыналежнасці дакументаў да яе. Сутнасць навукова-тэхнічнай дакументацыі абмяжоўваецца простым пералічэннем відаў навукова-тэхнічнай дакументацыі.

В. Д. Ярошкінай пад патэнтавай дакументацыяй разумеецца сукупнасць дакументаў, якія змяшчаюць звесткі аб выніках навукова-тэхнічных даследаванняў і праектна-канструктарскіх распрацоўках, заяўленых або прызнаных адкрыццямі, вынаходствамі, прамысловымі ўзорамі, карыснымі мадэлямі, а таксама звесткі аб ахове правоў вынаходнікаў, патэнтаўладальнікаў, уладальнікаў дыпламаў на адкрыцці і пасведчанняў аб рэгістрацыі прамысловых узораў, карысных мадэляў і таварных знакаў (знакаў абслугоўвання) [2, с. 55]. Дадзенае азначэнне замацавана і ў Метадычных рэкамендацыях «Экспертыза каштоўнасці і адбор на дзяржаўнае захоўванне патэнтавай дакументацыі» Усерасійскага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы 1994 г. (далей — Метадычныя рэкамендацыі 1994), якія былі распрацаваны пад кіраўніцтвам названага аўтара [7, с. 5—6].

Для В. І. Кудашова патэнтавы дакумент — гэта афіцыйна публікуемы і непублікуемы дакумент, які змяшчае звесткі аб выніках навукова-даследчых, праектна-канструктарскіх і іншых падобных прац, заяўленых ці прызнаных вынаходствамі, прамысловымі ўзорамі, карыснымі мадэлямі, гатункамі раслін, а таксама звесткі аб ахове правоў вынаходнікаў, патэнтаўладальнікаў, уладальнікаў сведчанняў аб рэгістрацыі таварных знакаў, знакаў абслугоўвання, найменняў месцаў паходжання тавараў. А патэнтавая дакументацыя ў сваю чаргу ўяўляе сабой сукупнасць патэнтавых дакументаў [4, с. 130].

Падобным чынам патэнтавая дакументацыя вызначаецца ў Правілах НТД. Паводле падpunkту 21.1 Правілаў НТД патэнтавая дакументацыя — гэта «сукупнасць апублікаваных і неапублікаваных тэкставых і графічных дакументаў і выманяў з іх, якія змяшчаюць звесткі аб выніках даследаванняў, распрацовак, якія былі заяўлены ці прызнаны вынаходствамі, карыснымі мадэлямі, прамысловымі ўзорамі, таварнымі знакамі (знакамі абслугоўвання), гатункамі раслін, тапалогіямі інтэгральных мікрасхем, а таксама аб ахове правоў вынаходнікаў, патэнтаўладальнікаў і ўладальнікаў сведчанняў аб рэгістрацыі АПУ».

Трэба адзначыць, што ў дадзеных азначэннях закладзена ўнутраная супярэчнасць. З аднаго боку, сутнасць патэнтавай дакументацыі раскрываецца праз вызначэнне сферы дзейнасці, у якой утвараюцца адпаведныя дакументы, і абмяжоўваецца вынікамі даследаванняў і распрацовак, з другога, змяшчае звесткі аб АПУ, якія звычайна не з'яўляюцца названымі вынікамі (у большай ступені таварныя знакі і знакі абслугоўвання, найменні месцаў паходжання, у меншай ступені прамысловыя ўзоры). На наш погляд, у разглядаемых азначэннях патэнтавая дакументацыя не характарызуецца як цэласная сістэма, што з'яўляецца сур'ёзным недахопам і не дазваляе адназначна вызначыць склад і змест патэнтавай дакументацыі.

Цікавы, але даволі спрэчны падыход да вызначэння сутнасці патэнтавай дакументацыі прапанаваны расійскімі дакументазнаўцамі М. М. Куняевым, Д. М. Уралавым і А. Г. Фабрычнавым. Гэтыя даследчыкі разглядаюць патэнтавую дакументацыю як самастойную сістэму, якая не з'яўляецца складовай часткай навукова-тэхнічнай дакументацыі. З іх пункту гледжання, сістэма патэнтавай дакументацыі — гэта сістэма дакументацыі, закліканая абараніць немаёмасныя правы ўладальнікаў на інтэлектуальную ўласнасць, у якую ўваходзяць тры асноўныя падсістэмы: у галіне навукова-тэхнічных ведаў, галіне ідэнтыфікацыі месцаў паходжання тавараў або паслуг і галіне стварэння і выкарыстання навуковых і творчых аб'ектаў [8, с. 61].

Агульнадзяржаўным класіфікатарам Рэспублікі Беларусь «Уніфікаваныя дакументы» прадугледжваецца распрацоўка ўніфікаванай сістэмы дакументацыі па вынаходствах і адкрыццях [9, с. 8]. Аднак адкрыцці не ўваходзяць у склад сістэмы прамысловай уласнасці ў цяперашні час і таму не рэгіструюцца. У той жа час удасканаленне нацыянальнай патэнтавай сістэмы, на наш погляд, прадугледжвае неабходнасць стварэння эфектыўнай сістэмы дакументацыйнага забеспячэння афармлення дзяржаўнай рэгістрацыі ўсяго комплексу АПУ, не абмяжоўваючыся толькі вынаходствамі. Варта адзначыць, што думка аб неабходнасці распрацоўкі ўніфікаванай сістэмы дакументацыі, якая павінна ўключаць дакументы па ўсіх відах аховаздольных навукова-тэхнічных дасягненняў, выказвалася яшчэ ў савецкі час І. В. Крыловым [10, с. 24—25].

Паводле Дзяржаўнага стандарту Рэспублікі Беларусь СТБ 6.10.1-95 «Уніфікаваныя сістэмы дакументацыі Рэспублікі Беларусь. Асноўныя палажэнні» сістэма дакументацыі — гэта сукупнасць узаемазвязаных дакументаў, якія ўжываюцца ў вызначанай сферы дзейнасці [11, с. 3]. У дадзеным азначэнні ў якасці ўніверсальнага крытэрыю вылучэння асобных сістэм дакументацыі і вызначэння іх меж прапануецца сфера дзейнасці. Пры гэтым сфера дзейнасці — даволі ўмоўнае паняцце. Звычайна пад ім разумеюць арганізаваную сукупнасць напрамкаў праявы грамадскай актыўнасці.

На наш погляд, у адносінах да патэнтавай дакументацыі ў якасці ўніверсальнага крытэрыю сістэмы дакументацыі больш мэтазгодна разглядаць агульную сацыяльна-эканамічную задачу (функцыю) усіх яе кампанентаў. «Прадуктыўнасць» дадзенага падыходу падкрэсліваецца вядомым савецкім і расійскім дакументазнаўцам А. М. Сокавай. Як слушна адзначае гэты аўтар, спецыфіка дакументнай сістэмы залежыць ад той грамадскай функцыі, якую яна абслугоўвае, і складаецца ў працэсе гістарычнага развіцця. Пры гэтым з'яўленне сістэм дакументацыі абумоўлена з'яўленнем функцыі грамадства [12, с. 7].

Менавіта ў адзінстве задачы выяўляецца прынцып пабудовы ўзаемасувязей паміж кампанентамі сістэмы дакументацыі. Агульная задача забяспечвае цэласнасць і ўстойлівасць развіцця сістэмы. З нашага пункту гледжання, у сістэме патэнтавай дакументацыі знаходзіць адлюстраванне функцыя афармлення прававой аховы прамысловай уласнасці, што ўключае ўлік, сведчанне і апавяшчэн-

не аб выключных правах на АПУ. З улікам гэтага, каб вызначыць склад сістэмы патэнтавай дакументацыі, спачатку неабходна вызначыць склад і прыроду сістэмы права прамысловай уласнасці.

Паняцце «прамысловая ўласнасць» традыцыйна ўжываецца ў міжнароднай і нацыянальнай сістэмах заканадаўства. Тэрмін «прамысловая ўласнасць» запазычаны з французскага заканадаўства XIX ст., якое разглядала права на вынаходства, роўна як і права на таварны знак, як адмысловы від уласнасці [13]. Легальнае замацаванне тэрміна «прамысловая ўласнасць» здабыў у выніку заключэння 20 сакавіка 1883 г. Парыжскай канвенцыі па ахове прамысловай уласнасці (далей — Парыжская канвенцыя).

Трэба адзначыць, што канвенцыяй не даецца нарматыўнага азначэння гэтага паняцця, а толькі вызначаецца склад прамысловай уласнасці. Паводле артыкула 1 Парыжскай канвенцыі аб'ектамі аховы прамысловай уласнасці з'яўляюцца патэнты на вынаходствы, карысныя мадэлі, прамысловыя ўзоры, таварныя знакі, знакі абслугоўвання, фірменныя найменні і ўказанні паходжання ці наймення месца паходжання, а таксама спыненне недобрасумленнай канкурэнцыі. Таксама адзначаецца, што прамысловая ўласнасць разумеецца ў самым шырокім сэнсе і распаўсюджваецца не толькі на прамысловасць і гандаль, але і на іншыя галіны вытворчасці [14]. Аднак з вызначэннем пашыранага семантычнага значэння паняцця «прамысловай уласнасці» фактычна прызнаецца яго неадпаведнасць сістэме аб'ектаў, якую яно вызначае. Як следства, заканадаўцы некаторых краін (напрыклад, Расійская Федэрацыя, Армения) адмовіліся ад нарматыўнага замацавання гэтага тэрміна.

Няма азначэння прамысловай уласнасці і ў беларускім заканадаўстве. Як і ў Парыжскай канвенцыі, прававая сутнасць гэтага паняцця раскрываецца праз аб'екты, якія ўваходзяць у яго склад. Разгляд артыкула 980 Грамадзянскага кодэкса Рэспублікі Беларусь (далей — ГК) дазваляе вылучыць дзве катэгорыі аб'ектаў інтэлектуальнай уласнасці: 1) вынікі інтэлектуальнай дзейнасці; 2) сродкі індывідуалізацыі ўдзельнікаў грамадзянскага абароту, тавараў, работ або паслуг. Паводле артыкула 998 ГК да аб'ектаў прамысловай уласнасці адносяцца як вынікі інтэлектуальнай дзейнасці, так і сродкі індывідуалізацыі: 1. Вынаходствы; 2. Карысныя мадэлі; 3. Прамысловыя ўзоры; 4. Селекцыйныя дасягненні; 5. Тапалогіі інтэгральных мікрасхем; 6. Нераскрытая інфармацыя, у тым ліку сакрэты вытворчасці (ноу-хау); 7. Фірменныя найменні; 8. Таварныя знакі і знакі абслугоўвання; 9. Геаграфічныя ўказанні [15].

Да прыняцця ГК склад прамысловай уласнасці вызначаўся выключна нормамі Парыжскай канвенцыі. Так, Палажэнне «Аб службовых аб'ектах прамысловай уласнасці», зацверджанае пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 23.12.1998 г. № 1957, да службовых АПУ не адносіць службовыя татункі раслін і службовыя тапалогіі інтэгральных мікрасхем, якія не згадваюцца ў Парыжскай канвенцыі [16]. Справа ў тым, што дадзенае Палажэнне было зацверджана раней уступлення ў сілу ГК, дзе вызначаецца новы склад. Шмат у

якіх краінах гатункі раслін і (радзей) тапалогіі інтэгральных мікрасхем не аб'ядноўваюцца ў адну групу з класічнымі АПУ па Парыжскай канвенцыі і разглядаюцца як нетрадыцыйныя аб'екты інтэлектуальнай уласнасці (напрыклад, Арменія, Венгрыя, Літва, Польшча, Расійская Федэрацыя, Эстонія і інш.).

А. А. Горадаў вызначае прамысловую ўласнасць як гістарычнае паняцце, якое пазначае сістэму адносін, што складваюцца ў сувязі з прыналежнасцю нематэрыяльных выгад, існуючых у форме тэхнічных, мастацка-канструктарскіх і біялагічных рашэнняў, пазначэнняў, якія індывідуалізуюць удзельнікаў грамадзянскага абарачэння і вырабленую імі прадукцыю. Аднак па меркаванні гэтага аўтара, прамысловая ўласнасць прадстаўлена шэрагам адасобленых інстытутаў (інстытут патэнтавага заканадаўства, інстытут заканадаўства аб сродках індывідуалізацыі, інстытут заканадаўства аб недобрасумленнай канкурэнцыі) і адзінага права прамысловай уласнасці як юрыдычнага інстытута, закліканага апасродкаваць эканамічныя адносіны прамысловай уласнасці, у дзённым заканадаўстве не існуе. [13]. Паводле вядомага беларускага цывіліста В. Ф. Чыгіра, нормы права, якія рэгулююць адносіны па стварэнні і выкарыстанні АПУ, складаюць асобны інстытут права прамысловай уласнасці падгаліны інтэлектуальнай уласнасці галіны грамадзянскага права [17]. Т. В. Маеўская лічыць, што аб'яднанне асобных аб'ектаў інтэлектуальнай уласнасці ў інстытут прамысловай уласнасці тлумачыцца іх сувяззю з выключнымі правамі, што рэалізуюцца ў сферы вытворчасці, гандлёвага звароту, аказання паслуг [18].

Аналіз палажэнняў Парыжскай канвенцыі і ГК дазваляе зрабіць выснову, што паняцце «прамысловая ўласнасць» з'яўляецца зборным і аб'ядноўвае шэраг разнапланавых відаў вынікаў інтэлектуальнай дзейнасці і сродкаў індывідуалізацыі. Акрамя разнастайных вынікаў інтэлектуальнай дзейнасці, такіх як вынаходствы, карысныя мадэлі, прамысловыя ўзоры, селекцыйныя дасягненні, тапалогіі інтэгральных мікрасхем, ноу-хау, у сістэму прамысловай уласнасці ўваходзяць прыраўнаня да іх сродкі індывідуалізацыі ўдзельнікаў грамадзянскага абароту, тавараў і паслуг: фірменныя найменні, таварныя знакі і знакі абслугоўвання, геаграфічныя ўказанні. Аднак, нягледзячы на разнастайнасць АПУ, як для вынікаў інтэлектуальнай дзейнасці, так і для сродкаў індывідуалізацыі дзейнічае адзіны рэжым прававой аховы. У дачыненні да АПУ (акрамя аб'ектаў ноу-хау) у заканадаўстве замацаваны рэгістрацыйны прынцып аховы [19, с. 363]. У адпаведнасці з гэтым прынцыпам выключнае права на той ці іншы аховаздольны вынік інтэлектуальнай дзейнасці або сродкаў індывідуалізацыі ўзнікае толькі пры ўмове дзяржаўнай рэгістрацыі і выдачы ахоўнага дакумента, які пацвярджае правы на адпаведны АПУ.

Неабходна адзначыць, што рэалізацыя рэгістрацыйнага прынцыпу аховы АПУ шмат у чым абспрацоўвае на паняцце прыярытэту. Прыярытэт АПУ — гэта першыноўнасць ў часе, устаноўленае паводле заканадаўства. Паводле беларускага заканадаўства прыярытэт можа ўстанаўлівацца па даце падачы заяўкі або па даце больш ранняй, чым дата падачы заяўкі [20—24].

Рэгістрацыйны прынцып шмат у чым абумовіў з'яўленне так званага «тэрытарыяльнага характару» дзеяння выключных правоў на АПУ [18]. Тэрытарыяльны прынцып выяўляецца ў незалежнасці прававой аховы ідэнтычных АПУ і адпаведных ахоўных дакументаў у розных краінах. Нягледзячы на тое што прыняцце Парыжскай канвенцыі было выклікана неабходнасцю пераадолення дадзенага абмежавання [25], менавіта ў гэтым асноватворным дагаворы ў галіне прамысловай уласнасці тэрытарыяльны прынцып быў нарматыўна замацаваны на міжнародным узроўні. Артыкулам 4 bis Парыжскай канвенцыі ўстаноўлена, што патэнты, заяўкі на якія пададзены ў розных краінах-удзельніцах канвенцыі грамадзянамі гэтых краін, з'яўляюцца незалежнымі ад патэнтаў, атрыманых на тое ж вынаходства ў іншых краінах [14].

З улікам адзначанага, права прамысловай уласнасці можна вызначыць як сукупнасць прававых нормаў, якія ўтвараюць асобны рэжым прававога рэгулявання адносін з нагоды стварэння і выкарыстання вынікаў інтэлектуальнай дзейнасці і сродкаў індывідуалізацыі (разам з рэжымамі аўтарскага права і нераскрытай інфармацыі). Суцаснае адрозненне паміж рэжымамі інтэлектуальнай уласнасці выяўляецца на этапе ўзнікнення выключных правоў на вынікі інтэлектуальнай дзейнасці і сродкі індывідуалізацыі. Калі для аб'ектаў аўтарскага права этап стварэння і ўзнікнення права супадае, а для забеспячэння прававой аховы аб'ектаў нераскрытай інфармацыі з'яўляецца дастатковым прыняцце мер па іх засакрэчванні, галоўнай умовай узнікнення права прамысловай уласнасці з'яўляецца дзяржаўная рэгістрацыя аховаздольнага выніку інтэлектуальнай дзейнасці або сродкаў індывідуалізацыі і выдача ахоўнага дакумента.

На фірменныя найменні рэжым прамысловай уласнасці распаўсюджваецца часткова. Артыкулам 8 Парыжскай канвенцыі прадугледжана, што фірменнае найменне ахоўваецца ва ўсіх краінах-удзельніцах канвенцыі без абавязковай падачы заяўкі або рэгістрацыі і незалежна ад таго, ці з'яўляецца яно часткай таварнага знаку [14]. У Рэспубліцы Беларусь фірменныя найменні юрыдычных асоб вызначаюцца зацвярджэннем іх статутаў і рэгіструюцца шляхам уключэння ў Адзіны дзяржаўны рэгістр юрыдычных асоб і індывідуальных прадпрыемстваў падчас працэсу рэгістрацыі адпаведных юрыдычных асоб [15]. Адмысловыя дакументы па рэгістрацыі фірменных найменняў пры гэтым не ўтвараюцца.

Такім чынам, у поўнай ступені рэгістрацыйны прынцып рэалізуецца ў дачыненні да сямі відаў АПУ: 1. Вынаходствы; 2. Карысныя мадэлі; 3. Прамысловыя ўзоры; 4. Гатункі раслін; 5. Тапалогіі інтэгральных мікрасхем; 6. Таварныя знакі і знакі абслугоўвання; 7. Геаграфічныя ўказанні.

Структураўтваральнымі кампанентамі сістэмы патэнтавай дакументацыі, якія адначасова з'яўляюцца яе падсістэмамі і адностроўваюць асноўныя этапы дакументавання афармлення дзяржаўнай рэгістрацыі АПУ, з'яўляюцца: 1) заяўкі на АПУ і дакументы па іх разглядзе; 2) дакументаваная інфармацыя дзяржаў-

ных рэстраў АПУ і дакументы па занясенні змен і дадаткаў у дзяржаўныя рэестры; 3) ахоўныя дакументы на АПУ і афіцыйныя выданні патэнтавага органа.

Неабходна адзначыць, што пранікненне ў сістэму патэнтавай дакументацыі дакументаў іншых сістэм дакументацыі, у тым ліку сістэм навукова-тэхнічнай дакументацыі, не назіраецца, што дазваляе казаць аб унікальнасці складу патэнтавай дакументацыі.

Аналіз зместу заявак на АПУ і дакументаў па іх разглядзе дазваляе нам зрабіць наступныя высновы. Большасць дакументаў спраў па заяўках на вынаходствы, карысныя мадэлі, гатункі раслін, тапалогіі інтэгральных мікрасхем змяшчае звесткі аб адпаведных навукова-тэхнічных распрацоўках. Заяўкі на прамысловыя ўзоры, таварныя знакі і знакі абслугоўвання, найменні месцаў паходжання тавараў навукова-тэхнічнай інфармацыі не змяшчаюць, што абумоўлена прыродай дадзеных АПУ. Пры гэтым эмерджэнтнай уласцівасцю для ўсіх відаў заявак з’яўляецца спалучэнне прававой і навукова-тэхнічнай інфармацыі для вынаходстваў, карысных мадэляў, гатункаў раслін, тапалогіі інтэгральных мікрасхем, прававой і знакава-графічнай інфармацыі нетэхнічнага характару для прамысловых узораў, таварных знакаў і знакаў абслугоўвання, найменняў месцаў паходжання тавара, ні адна з якіх, з нашага пункту гледжання, не дамінуе.

Паслядоўнасць этапаў працэсу афармлення дзяржаўнай рэгістрацыі АПУ, падчас якога ўтвараюцца патэнтавыя дакументы, спараджае пераёмнасць інфармацыі ў дадзеных дакументах. Спалучэнне прававой і навукова-тэхнічнай інфармацыі, прававой і знакава-графічнай інфармацыі нетэхнічнага характару для адпаведных АПУ з’яўляецца характэрным не толькі для заявак на АПУ і дакументаў па іх разглядзе, але і для другасных патэнтавых дакументаў, ствараемых на іх аснове (дзяржаўныя рэестры АПУ і дакументы па занясенні ў іх змен і дадаткаў; ахоўныя дакументы і афіцыйныя выданні патэнтавага органа).

У працэсе даследавання выяўлена, што лучнасць прававой і навукова-тэхнічнай інфармацыі, прававой і знакава-графічнай інфармацыі нетэхнічнага характару патэнтавых дакументаў абумоўлена іх узаемазалежнасцю падчас рэалізацыі прававой функцыі патэнтавай дакументацыі, што выяўляецца ў матываваным жаданні атрымаць выключныя правы на АПУ, неабходнасці сведчаня выключных правоў, аўтарства, прыярытэту АПУ і вызначэння аб’ёму прававой аховы АПУ. Прававая інфармацыя заяўкі змяшчае хадайніцтва аб рэалізацыі права юрыдычнай ці фізічнай асобы на атрыманне выключных правоў на аховазодольны вынік інтэлектуальнай дзейнасці (сродак індывідуалізацыі), ахоўнага дакумента і запісу ў дзяржаўным рэестры АПУ — звесткі аб выключных правах на АПУ, а афіцыйнага выдання — апавяшчэнне грамадскасці аб дадзеных правах, без чаго іх рэалізацыя з’яўляецца немагчымай. У сваю чаргу аб’ём прававой аховы (заяўленага) АПУ вызначаецца навукова-тэхнічнай і знакава-графічнай інфармацыяй нетэхнічнага характару заявак, дзяржаўных рэестраў, ахоўных дакументаў і афіцыйных выданняў.

Намі ўстаноўлена, што агульная колькасць патэнтавых дакументаў з навукова-тэхнічнай інфармацыі значна ніжэй колькасці дакументаў патэнтавых дакументаў, якія не змяшчаюць навукова-тэхнічнай інфармацыі. Так, мы можам бачыць, што колькасць заявак толькі на таварныя знакі і знакі абслугоўвання без уліку заявак на найменні месцаў паходжання тавараў і прамысловыя ўзоры перавышае колькасць заявак на ўсе АПУ навукова-тэхнічнага характару разам узятыя (Дадатак). Адпаведныя суадносіны назіраюцца і для другасных патэнтавых дакументаў: запісаў дзяржаўных рэестраў АПУ, ахоўных дакументаў і афіцыйных выданняў.

Зробленыя высновы дазваляюць сцвярджаць, што сістэма патэнтавай дакументацыі з’яўляецца спецыяльнай сістэмай дакументацыі функцыянальнага тыпу з унікальным складам дакументаў (г. зн., што ступень пранікнення ў сістэму патэнтавай дакументацыі іншых сістэм дакументацыі мінімальна) і комплексным характарам інфармацыі, што абумоўлена неабходнасцю рэалізацыі шэрагу сацыяльна-эканамічных функцый. Нягледзячы на тое што патэнтавая дакументацыя фармальна аднесена да сістэмы навукова-тэхнічнай дакументацыі, некаторыя віды патэнтавых дакументаў зусім не змяшчаюць навукова-тэхнічнай інфармацыі. Пры гэтым агульная колькасць дакументаў дадзеных відаў значна перавышае колькасць патэнтавых дакументаў з навукова-тэхнічнай інфармацыі. Дамінуючая роля прававой функцыі сярод іншых функцый сістэмы патэнтавай дакументацыі, унікальны склад і комплексны характар інфармацыі дакументаў патрабуе перагляду месца сістэмы ў складзе навукова-тэхнічнай дакументацыі.

Дадатак

Падача заявак на аб’екты прамысловай уласнасці ў Рэспубліцы Беларусь (1993—2012 гг.)*

Від АПУ	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Вынаходствы	1494	1688	1039	1059	1162	1209	1189	1198	1144	1130	1259
Карысныя мадэлі	—	—	—	—	—	73	141	210	315	422	551
Прамысловыя ўзоры	62	56	66	93	126	106	88	95	64	76	121
Таварныя знакі і знакі абслугоўвання	1724	2419	1809	2107	2262	2070	1880	2275	2782	2574	2852
Гатункі раслін	—	—	—	49	30	3	9	8	27	6	9
Тапалогіі інтэгральных мікрасхем	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—
Найменні месцаў паходжання тавараў	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1

* Складзена па даных гадавых справаздач патэнтавага органа Рэспублікі Беларусь за 1993—2012 гг.

Від АПУ	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	1993—2012
Вынаходствы	1265	1340	1377	1662	1730	1926	1933	1871	1871	28 546
Карысныя мадэлі	655	853	901	940	967	1119	1090	1090	1188	10 515
Прамысловыя ўзоры	196	197	241	247	232	249	240	311	320	3186
Таварныя знакі і знакі абслугоўвання	3437	3556	4396	5075	4721	4773	5346	5097	5729	66 884
Гатункі раслін	12	33	14	55	32	59	20	59	47	472
Тапалогіі інтэгральных мікрасхем	—	2	2	6	2	8	20	13	61	118
Найменні месцаў паходжання тавараў	—	1	—	—	—	—	—	4	—	7

Рэгістрацыя аб'ектаў прамысловай уласнасці і выдача ахоўных дакументаў у Рэспубліцы Беларусь (1993—2012 гг.)

Від АПУ	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Вынаходствы	237	405	633	409	483	656	550	537	529	691	1030
Карысныя мадэлі	—	—	—	—	—	25	96	138	264	339	484
Прамысловыя ўзоры	4	11	47	78	25	56	41	143	104	86	43
Таварныя знакі і знакі абслугоўвання	3202	189	359	1690	2219	2160	1920	1500	1490	1675	1925
Гатункі раслін	—	—	—	—	—	—	34	22	6	12	14
Тапалогіі інтэгральных мікрасхем	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—
Найменні месцаў паходжання тавараў	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Від АПУ	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	1993—2012
Вынаходствы	861	955	1130	1379	1252	1297	1222	1474	1291	17 021
Карысныя мадэлі	540	731	830	859	860	965	1012	952	1006	9101
Прамысловыя ўзоры	171	204	239	193	197	230	202	252	338	2664
Таварныя знакі і знакі абслугоўвання	2040	1800	2130	2110	2460	2550	3300	2870	4530	42 120
Гатункі раслін	10	24	11	45	28	42	32	38	26	344
Тапалогіі інтэгральных мікрасхем	—	1	3	5	1	8	16	10	58	106
Найменні месцаў паходжання тавараў	1	—	1	—	—	—	—	3	1	6

* Складзена па даных дзяржаўных рэстраў аб'ектаў прамысловай уласнасці Рэспублікі Беларусь за 1993—2012 гг.

Літаратура і крыніцы

- Ерошкіна, О. Д. Патентная документация в СССР и экспертиза ценности: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук: 05.25.02 / О. Д. Ерошкіна: ВНИИДАД. — М., 1988. — 22 с.
- Ерошкіна, О. Д. Патентная документация и ее развитие / О. Д. Ерошкіна // Закономерности формирования и эволюции делопроизводственных процессов и систем документации в России. Сборник статей / Комитет по делам архивов при Правительстве РФ, ВНИИДАД. — М., 1992. — С. 51—70.
- Кулешов, С. Г. Управлінське документознавство: Навчальний посібник. — Київ: ДАКККІМ, 2003. — 62 с.
- Кудашов, В. И. Управление интеллектуальной собственностью / В. И. Кудашов. — Минск: ИВЦ Минфина, 2007. — 360 с.
- Правила работы с научно-технической документацией в организациях Республики Беларусь (утв. постановлением Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 06.11.2003 г. № 38) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
- Правила работы с научно-технической документацией в государственных архивах Республики Беларусь (утв. постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 14.03.2007 № 14) // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
- Экспертиза ценности и отбор на государственное хранение патентной документации. Методические рекомендации. — М.: ГАС РФ ВНИИДАД, 1994. — 109 с.
- Куняев, Н. Н. Документоведение: учебник / Н. Н. Куняев, Д. Н. Уралов, А. Г. Фабричный; под ред. проф. Н. Н. Куняева. — М.: Логос, 2012. — 352 с.
- Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 010-95. «Унифицированные документы». — Минск: Белстандарт, 1997. — 15 с.
- Крылов, И. В. Становление и развитие системы документации по изобретениям и патентных исследований в СССР: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук: 05.25.02 / И. В. Крылов. — М.: ВНИИДАД, 1986. — 26 с.
- Государственный стандарт классификатор Республики Беларусь СТБ 6.10.1-95. «Унифицированные системы документации Республики Беларусь. Основные положения». — Минск: Белстандарт, 2002. — 16 с.
- Сокова, А. Н. Понятие вида в документоведении (документная систематика) // Дело-производство. — 2002. — № 3. — С. 7—12.
- Городов, О. А. Понятие промышленной собственности и краткая история развития законодательства зарубежных стран в сфере правовой охраны ее объектов [Электронный ресурс] / Юридическая Россия. — М., 2005. — Режим доступа: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1181836>. — Дата доступа: 12.02.2014.
- Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
- Гражданский кодекс Республики Беларусь // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.

16. Положение о служебных объектах промышленной собственности (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23.12.1998 № 1957 // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
17. Чигир, В. Ф. Право промышленной собственности // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
18. Маевская, Т. В. Товарный знак (знак обслуживания) как объект промышленной собственности // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
19. Судариков, С. А. Интеллектуальная собственность / С. А. Судариков. — М.: Издательство деловой и учебной литературы, 2007. — 800 с.
20. Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 16.12.2002 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
21. Закон Республики Беларусь «О патентах на сорта растений» от 13.04.1995 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
22. Закон Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 05.02.1993 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
23. Закон Республики Беларусь «О географических указаниях» от 17.07.2002 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
24. Закон Республики Беларусь «О правовой охране топологий интегральных микросхем» от 07.12.1998 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
25. Иванова, Д. В. Международные стандарты в области охраны права промышленной собственности и их применение в законодательстве Республики Беларусь // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.

Артикул наступіў у рэдакцыю 27.08.2014

А. А. Макиенко,
*старший научный сотрудник
отдела источников новейшей истории Украины
Института украинской археологии
и историчковедения имени М. С. Грушевского
Национальной академии наук Украины,
кандидат исторических наук;
e-mail: olex.makienko@gmail.com*

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В УКРАИНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ст.)

Позитивные изменения в культурно-хозяйственной жизни регионов Российской империи во второй половине XIX — начале XX ст. стали возможными благодаря разноплановой деятельности органов земского самоуправления. Высокая продуктивность работы земских учреждений — результат удачного сочетания эффективной системы организации управления, надежного финансового фундамента и подвижнической работы тысяч земских работников. Во многом определяющую роль в осуществлении управленческих функций в системе земского самоуправления сыграла рациональная постановка документационного обеспечения управления. Впечатляющее документальное наследие земств — наглядное подтверждение развитости их делопроизводственных и архивных традиций.

Изучение истории земствоведческих исследований свидетельствует о существующей недооценке таких важных сфер управленческой деятельности земств, как делопроизводство и архивное дело. Вопросы организации управления в системе земских учреждений интересовали историков значительно меньше, чем последствия их практической работы для развития культурно-хозяйственной и общественной жизни провинции. Это в полной мере относится к современной украинской историографии, ознаменовавшейся целым рядом монографических трудов по истории земств в отдельных регионах Украины [1—5]. Земская делопроизводственная практика нашла отражение преимущественно в единичных публикациях ученых-документоведов [6—7]. Впрочем, затронутые ими частные вопросы организации земского документооборота не позволяют сформировать целостное представление о системе документационного обеспечения управления в земствах.

В данной статье выясняется устройство земской службы делопроизводства, ее роли в организации документационного обеспечения работы земств, а также особенности делопроизводственной практики в земских учреждениях Украины во второй половине XIX — начале XX ст.

Земская реформа 1864 г. ознаменовала начало нового этапа в развитии территориальной самоорганизации населения Российской империи. Создаваемые в регионах губернские и уездные земские учреждения даже с существ-

венно урезанными имперской администрацией правами становились реальной альтернативой старой системе бюрократического управления. Принципы всеословности, выборности, гласности, открытости в работе земств способствовали преобразованию традиционных «присутственных мест» в средоточие местной общественно-политической жизни.

Законодательство предполагало существование в структуре земства собрания как распорядительного органа и управы как исполнительного органа. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» в редакциях 1864 и 1890 гг. определяло базовые основы деятельности земств — порядок формирования и состав земских собраний и управ, их обязанности и полномочия. Решение вопросов внутреннего обустройства и организации управления было отнесено преимущественно к компетенции самих земских учреждений. Разработка и принятие нормативных документов, регламентирующих функционирование управленческого аппарата земств, стало важнейшим заданием новоизбранных земских деятелей.

И земские собрания, и земские управы, будучи по своей природе коллегиальными органами, в своей деятельности не могли не ориентироваться на практический опыт организации работы существующих «присутственных мест», что определяло порядок и процедуру решения надлежащих вопросов.

Гласные земских собраний собирались на заседания в режиме очередных (ежегодных) и внеочередных сессий, происходивших под председательством губернских и уездных предводителей дворянства. Собрание могло формировать рабочие органы — постоянные и временные комиссии — для детальной разработки вопросов повестки дня. Ответственность за реализацию принятых собранием решений возлагалась на земскую управу, которая регулярно представляла на рассмотрение гласным отчеты и доклады о состоянии и перспективах развития земского хозяйства. От выводов земского собрания зависели дальнейшие сметные ассигнования на содержание управленческого аппарата земства, а при необходимости — соответствующие организационные и кадровые решения.

Постоянными компонентами в структуре земской управы являлись присутствие и канцелярия. Присутствие как коллегиальный орган в составе председателя и членов управы осуществляло общее руководство работой управы, а канцелярия контролировала выполнение решений присутствия. Со временем для координации служебной деятельности вольнонаемного персонала земства — учителей, врачей, агрономов, ветеринаров, техников, статистиков, страховых агентов и др. — при управах создаются специализированные подразделения (отделения, бюро, столы). Важную роль в реализации стратегии земского хозяйствования играли созываемые при управах совещательные органы — экономические советы, школьные, санитарные, статистические и другие комиссии, а также земские съезды и совещания по актуальным вопросам деятельности земств.

Успешность функционирования аппарата земств непосредственно зависела от наличия развитой службы делопроизводства, занимавшейся организацией, руководством, координацией и реализацией работ по документационному обеспечению управления. Рациональная постановка делопроизводства способствовала росту эффективности земской деятельности. Поэтому вопросы обустройства канцелярий земских учреждений, а также усовершенствования их делопроизводственных функций всегда беспокоили деятелей земского самоуправления.

Немедленное формирование службы делопроизводства в системе земских учреждений предполагали сами нормативные акты земской реформы 1864 г. По «Положению» 1864 г. обязанности документирования хода заседаний земского собрания возлагались на избранного из числа гласных секретаря [8, с. 7]. Постановления земских собраний подобно другим коллегиальным органам должны были фиксироваться в специальных журналах заседания, скрепленных подписями председателя и секретаря собрания, членов земской управы и всех земских гласных [8, с. 12].

Процедуру оформления журналов заседаний более детально регламентировали разработанные некоторыми земствами внутренние правила о порядке проведения земских собраний [9, с. 12; 10, с. 22—28; 11, с. 46; 12, с. 1179—1180]. Составленные секретарем собрания проекты журналов зачитывались и после необходимой правки подписывались в начале каждого последующего заседания. Иногда к ним в письменной форме прилагались особые мнения гласных с обсуждением определенных решений собрания или действий председательствующего. Копии журналов немедленно направлялись на рассмотрение губернатора, а в отдельных случаях — и министра внутренних дел. После закрытия сессии земского собрания оригиналы журналов передавались на хранение в канцелярию земской управы, где осуществлялась их систематизация по хронологическому признаку. Черновые материалы после оформления журналов, как правило, не сохранялись.

Существенной новацией в процессе документирования работы земских собраний как присутственных мест стала практика стенографической записи хода заседаний. Для детального воссоздания земских дебатов уже на первых сессиях земских собраний принимались решения о приглашении стенографов [10, с. 18—19; 11, с. 48; 12, с. 58]. Расшифрованные стенографом записи после редактирования секретарем собрания становились основой для составления стенографического отчета о заседании земского собрания, что, по мнению гласных, должно было служить повышению уровня открытости и прозрачности их работы. Кроме того, стенографические записи использовались для проверки правильности ведения журналов собрания.

Не располагая собственным штатом канцеляристов, земские собрания в осуществлении делопроизводственных функций использовали служебный аппарат земских управ. Главным центром документационного обеспечения

деятельности земских учреждений стала канцелярия земской управы. «Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях» (1864) рассматривали ее создание в качестве одного из первоначальных действий новообразованной земской управы [13, с. 477]. Согласно «Положению» (1864) функционирование канцелярии управы ставилось в зависимость от решений самих земских учреждений: земское собрание определяло средства на ее содержание, а управа — порядок формирования и состав [8, с. 8]. За время функционирования земств происходили значительные изменения в структуре и составе земских канцелярий.

На ранних этапах истории земства вследствие неразвитости управленческого аппарата и незначительности объемов документооборота весь комплекс делопроизводственных функций выполнялся служащими общих канцелярий земских управ. Их внутренняя структура была простой, а штат персонала — довольно малочисленным. К примеру, в 1870 г. штатный состав канцелярии Херсонской губернской земской управы предполагал наличие должностей секретаря, бухгалтера с помощником, трех делопроизводителей, регистратора, постоянных и временных писарей (до 14 человек), корректора, архивариуса, а также архитектора и топографа [14, с. 25]. В канцеляриях уездных управ работали секретарь, бухгалтер, регистратор, один-два делопроизводителя, три-пять писарей и техник [14, с. 25—28]. Должностные обязанности канцелярских служащих определялись инструкциями, утвержденными постановлениями присутствия управы, а в некоторых случаях — и земских собраний.

Ключевой фигурой делопроизводственной службы земства являлся секретарь управы — фактический руководитель земского управленческого аппарата. Его кандидатура подбиралась лично председателем управы и утверждалась в должности постановлением общего присутствия управы. Секретарь осуществлял контроль за организацией работы канцелярских служащих, обеспечивал надзор за правильностью постановки делопроизводственных процессов в земстве. Среди важнейших обязанностей секретаря — документационное сопровождение вопросов для рассмотрения присутствия управы, ведение и хранение журналов заседаний присутствия, а также подготовка и скрепление официальных документов от имени земской управы, отслеживание движения кассовых ордеров и расчетных листов и т. д. В случае необходимости именно секретарю поручалось осуществление ревизии канцелярий других земских учреждений (больниц, приютов, училищ и т. д.). Под его непосредственным заведыванием находились также архив и библиотека управы [9, с. 195—196]. Источники подтверждают, что даже временное отсутствие секретаря приводило к существенной дезорганизации работы аппарата земской управы [15, с. 47—48].

Не менее важные функции в системе земского делопроизводства принадлежали бухгалтеру управы. На него была возложена ответственность за документирование бухгалтерского учета в земском хозяйстве. Бухгалтер осуществ-

лял регулярное ведение журналов денежных операций («настошных реестров»), доходно-расходных, расчетных и других бухгалтерских книг, составление раскладки земского налога, сметы земских доходов и расходов, оформление и проверку кассовых счетов, подготовку отчетной документации о движении земских средств, а также курировал переписку по всем предметам счетоводства с казенной палатой, казначействами и другими учреждениями [9, с. 201]. При осуществлении операций по счетоводству он опирался на штат счетчиков. Учитывая объем работы и уровень служебной ответственности земских бухгалтеров и одновременно дефицит квалифицированных бухгалтерских кадров, понятной становится практика их поощрения высокими должностными окладами, нередко превышающими денежное содержание секретаря управы.

Следующим звеном в служебной иерархии канцелярии земской управы была должность делопроизводителя (столоначальника). Делопроизводители обеспечивали документационное сопровождение отдельных направлений работы земства — народного образования, охраны здоровья, продовольственного дела, строительства, страхования и др. Их кандидатуры предлагались членами управы, курирующими отдельные направления земского хозяйства, и утверждались постановлением присутствия управы. К обязанностям делопроизводителя относилось получение в регистратуре присланной корреспонденции для доклада соответствующему члену управы, а после его резолюции — подготовка черновика ответа (проекта решения), распределение работы среди писарей, надзор за правильностью и аккуратностью переписывания бумаг, оформление и хранение дел с дальнейшей их передачей в архив. Делопроизводители предоставляли секретарю управы необходимую документацию для доклада разных вопросов на заседаниях присутствия управы [9, с. 197—198]. Дополнительные обязанности делопроизводителя определялись спецификой направления работы земства, которое он документально сопровождал [9, с. 198—200].

В непосредственном подчинении делопроизводителей находился штат постоянных и временных писарей. Кроме переписывания представляемых делопроизводителем бумаг, они могли осуществлять несложный поиск и извлечение необходимой документной информации, а также несли дежурство в канцелярии управы [9, с. 202—203]. С конца XIX ст. вследствие активного внедрения в работу земских канцелярий машинописной техники начинается постепенное сокращение объема рукописных работ. К началу Первой мировой войны традиционные переписчики были практически полностью вытеснены машинистками [15, с. 61].

Самостоятельное место в структуре делопроизводственной службы занимала должность регистратора. Он отвечал за исправное ведение реестров (журналов) входящих и исходящих бумаг в канцелярии управы. Зарегистрированные им входящие документы передавались для решения конкретным делопроизводителям в соответствии с их содержанием и назначением, а вхо-

дящие — для отправки адресатам [9, с. 201—202]. Нередко к этому добавлялись обязанности земского архивариуса.

Рассмотрим существующий в земских управах порядок организации документооборота на примере инструкции по делопроизводству Полтавской губернской земской управы (1881). Все входящие в управу пакеты документов принимались и фиксировались в книге поступлений дежурным канцеляристом с последующей передачей в общее присутствие. Извлеченные и проверенные секретарем по книге документы под роспись направлялись регистратору для записи во входящий реестр. Отсюда все документы распределялись между соответствующими делопроизводителями, которые после их записи в настольные реестры докладывали конкретным членам присутствия их содержание в сопровождении необходимых справок и выписок. Во исполнение резолюции присутствия или отдельного члена управы изготовлялся исходящий документ. Документы, ставшие предметом рассмотрения общего присутствия, обязательно прилагались секретарем к журналу заседаний, скрепляемого подписями председателя, членов присутствия и секретаря управы. Принятые постановления вносились в книги постановлений управы отдельно по каждому делопроизводству за подписью курирующего его члена присутствия. Исходящие документы, проверенные и подписанные делопроизводителями, передавались на подпись членам присутствия, а от них — регистратору для внесения в исходящий реестр и рассылки по месту назначения. Делопроизводители делали соответствующие отметки об исполнении в настольных реестрах, а по итогам месяца отчитывались перед секретарем о движении документов, состоявшихся распоряжениях и действиях по их выполнению [17, с. 3].

В конце XIX — начале XX ст. усложнение структуры управ в процессе развития земского хозяйства обусловило усложнение организации делопроизводственной службы. Выделение специализированных отделов, бюро, столов в условиях существенного роста объемов документооборота (до 100—120 тысяч документов в год для губернских управ и 30—40 тысяч документов для уездных управ) способствовало формированию новых делопроизводственных подразделений с многочисленным штатом канцелярских служащих. Наибольшая делопроизводственная активность наблюдалась в отделах управы, где осуществлялось документирование бухгалтерского и статистического учета, страховых операций. Так, в течение 1913 г. служебный персонал страхового отдела Черниговской губернской земской управы в составе заведующего канцелярии, бухгалтера, делопроизводителя, четырех старших и четырех младших его помощников, семи старших и семи младших конторщиков, машиниста обработали более 43 тыс. документов, — гораздо больше, чем все остальные отделы вместе взятые [18, с. 325—326, 329]. Функции общего контроля за делопроизводственной деятельностью в управе перешли к распорядительному (секретарскому) отделу. Его сотрудники осуществляли взаимодействие между делопроизводителями других подразделений управы,

готовили отчеты и доклады о деятельности управы, редактировали журналы заседаний земской управы и собрания, организовывали отношения управы с административной властью, другими государственными и общественными учреждениями. В ведении секретаря по-прежнему оставались общая регистрация, архив и библиотека управы. Таким образом, результатом развития системы управления земским хозяйством стали прогрессирующие децентрализационные процессы в организации делопроизводственной деятельности.

Важной особенностью земского делопроизводства явилось широкое внедрение практики публикации основных делопроизводственных документов. Законодательство не требовало от земств обязательного обнародования их внутренней документации. Однако земские деятели рассматривали издательскую работу в качестве неотъемлемого атрибута гласности, открытости и прозрачности функционирования земских учреждений. В комплексе земских изданий доминирующие позиции традиционно занимали публикации протокольной, отчетной и сметной документации — основных видов управленческих документов, определяющих организацию и содержание земской деятельности. Тираж изданий земской документации не отличался массовостью вследствие внедренного министерством внутренних дел принципа лимитирования объемов печатной продукции по численности деятелей конкретного земства [19, с. 223—224]. Впрочем, многие земства на территории Украины решили данную проблему через создание периодических изданий, на страницах которых центральное место всегда отводилось материалам земского делопроизводства [20, с. 219].

Стремление к рациональной постановке документационного обеспечения земств стимулировало активные поиски в области нормативно-методического обеспечения делопроизводства. Они были нацелены на выработку оптимальных организационных форм делопроизводства, структуры службы делопроизводства, правил документирования, технологий работы с документами. Ориентиром для земцев служили законодательные положения, регулирующие порядок документирования управленческой деятельности в местных государственных учреждениях Российской империи («Учреждение губернских правлений» 1845 г.), а также последние по времени практические рекомендации по организации делопроизводства («Делопроизводство» М. Варадинова). Уже в конце 1860-х — начале 1870-х гг. земскими управами были подготовлены и приняты первые нормативные документы, призванные установить порядок делопроизводства. Их общая черта — отсутствие системности в подходах к организации земского делопроизводства. В одних случаях приоритет принадлежал детальной регламентации правил документооборота в управе [10, с. 129—130], в других — определению должностных обязанностей сотрудников делопроизводственной службы [21, с. 56—57]. Нередко разработанные инструкции касались лишь специальных систем документирования (в частности, документирования бухгалтерского учета) [9, с. 101—159]. Стимулами для дальнейших настоячи-

вых поисков служили регулярные обвинения исполнительных органов земств в чрезмерной бюрократизации управления, увлечении канцеляризмом. Более совершенным образцом нормирования деятельности земской службы делопроизводства можно считать «Инструкцию о порядке производства дел в Полтавской губернской земской управе, а также об ответственности подчиненных управе лиц по личным их служебным обязанностям» (1881), в которой были органично соединены вопросы организации документооборота в управе, установления порядка работы канцелярских служащих и определения их должностной ответственности [17]. Анализ сохранившихся инструктивно-методических документов убедительно доказывает, что дефицит унифицированных подходов в деле установления правил создания и оформления основных управленческих документов можно считать наиболее слабой стороной нормотворчества в области земского делопроизводства. Земства в разных регионах Украины были вынуждены самостоятельно выработать оптимальные варианты постановки делопроизводственной деятельности.

Изучение опыта организации документационного обеспечения в земствах создает предпосылки для более адекватного понимания особенностей функционирования управленческих механизмов в системе земского самоуправления, позволяет выявить малоизвестные процессы формирования документального наследия земских учреждений. Делопроизводственная практика земских учреждений способствовала обогащению традиций отечественного делопроизводства.

Источники и литература

1. Лохматова, А. Катеринославське земство / А. Лохматова. — Запоріжжя, 1999. — 197 с.
2. Студьонова, Л. Чернігівське повітове земство. Сторінки історії / Л. Студьонова. — Ніжин, 2003. — 88 с.
3. Огієнко, О. Земства Правобережної України 1904—1917 років: досвід соціально-економічної та культурно-просвітницької діяльності / О. Огієнко. — Житомир, 2006. — 144 с.
4. Редькіна, О. А. Земства Лівобережної та Південної України як органи місцевого самоврядування та осередки ліберального руху в другій половині XIX — початку XX століття / О. А. Редькіна. — К., 2008. — 192 с.
5. Завальнюк, О. М., Стецюк, В. Б. Земства Поділля в добу Української революції 1917—1920 рр. / О. М. Завальнюк, В. Б. Стецюк. — Кам'янець-Подільський, 2009. — 220 с.
6. Емышева, Е. М. Организация и документирование выборов в земские учреждения / Е. М. Емышева // Делопроизводство. — 1998. — № 1. — С. 101—103.
7. Емышева, Е. М. Регламентация переписки правительственных и земских учреждений XIX в. / Е. М. Емышева // Делопроизводство. — 2001. — № 2. — С. 103—105.
8. Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1867. — Т. XXXIX (1864 г.). — Отд. 1. — С. 1—14.
9. Свод постановлений Харьковского губернского земства за годы с 1865 по 1883. — Харьков, 1883. — Т. 1. — VI+190+292 с.

10. Систематический свод постановлений и распоряжений Полтавского губернского земства за первые шесть трехлетий (с 1865 по 1882 г. вкл.). — Полтава, 1885. — Вып. 1. — XXIII+769 с.
11. Свод постановлений Черниговского губернского земского собрания 1883—1899 годов с кратким сводом постановлений за время с 1865-го по 1882 г. — Чернигов, 1902. — Вып. 1. — XV+619 с.
12. Систематический свод постановлений Екатеринославского губернского земского собрания. 1866—1913 гг. — Екатеринослав, 1914. — Т. 1. — XXX+1182 с.
13. Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1867. — Т. XXXIX (1864 г.). — Отд. 1. — С. 469—481.
14. Штат губернской и уездных земских управ Херсонской губернии с 1865 по 1875 год // Приложения к отчету Херсонской губернской земской управы о девятилетней деятельности земских учреждений Херсонской губернии. 1865—1874. — Херсон, 1875. — С. 25—28.
15. Об учреждении должности секретаря в Винницкой земской управе // Доклады четвертому очередному Винницкому уездному земскому собранию. — Винница, 1914. — С. 47—48.
16. Об утверждении штатов служащих в Винницкой земской управе // Доклады четвертому очередному Винницкому уездному земскому собранию. — Винница, 1914. — С. 57—62.
17. Инструкция о порядке производства дел в Полтавской губернской земской управе, а также об ответственности подчиненных управе лиц по личным их служебным обязанностям // Систематический свод постановлений и распоряжений Полтавского губернского земства за первые шесть трехлетий (с 1865 по 1882 г. вкл.): Приложение. — Полтава, 1887. — С. 3—5.
18. Отчет Черниговской губернской земской управы за 1913 год. — Чернигов, 1915. — XXXII+337 с.
19. Сборник правительственных распоряжений, по делам до земских учреждений относящимся. — СПб., 1872. — Т. 1. — XXXIII+344 с.
20. Макієнко, О. А. Видавнича діяльність земств в Україні (друга половина XIX — початок XX ст.) / О. А. Макієнко // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті: Зб. наук. праць. — Дніпропетровськ, 2012. — Вип. 10. — С. 212—223.
21. Свод постановлений Елисаветградского уездного земства за 1865—1894 гг. — Елисаветград, 1895. — 13+XXI+897 с.

Артыкул надруковано у редакції 12.03.2014

С. С. Злобин,

*аспирант кафедры источниковедения
исторического факультета БГУ
e-mail: ZlobinSSSS@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ: ТРАКТОВКА ШКОЛЫ «ИССЛЕДОВАНИЯ УГНЕТЕНИЯ»

В современной индийской историографии актуальным является вопрос о развитии исторических знаний в свете проблемы идентичности. Часто первый вопрос, с которым сталкивается историк, принимаясь за свой труд, — «кто я?» Но не всегда ответ дается в положительном качестве, т. е. в плане того, что история помогает осознать свое место в этом мире. Многие исследователи рассматривают историю как одну из практик навязывания, искажения или замалчивания позиции того, идентичность кого описывается, и колониализм представляет собой место и время появления практики «негативной» истории. Ярким примером такой трактовки является исследовательская группа «Исследования угнетения» [7—13; 16—18].

Стоит отметить, что и в белорусской гуманитаристике имеются упоминания о данной группе [2, с. 598], а более широкое направление постколониализма, в которое входит группа «Исследования угнетения», не раз становилось объектом пристального изучения, в особенности, Игоря Бобкова [1; 2] и авторов журнала «Перекрестки» [5]. Это является следствием возрастающего интереса белорусских ученых к актуальному вопросу идентичности, что подталкивает их к заимствованиям современных способов исследования данной проблемы [3; 4]. Историк Ольга Шутова вообще говорит о том, что отечественные исследователи просто обязаны в условиях сегодняшней науки применять достижения постколониализма в своих работах [6, с. 87].

Группа «Исследования угнетения» (Subaltern Studies Group (далее — SSG) возникла в 1980-х гг. с целью, ни много, ни мало, создания нового исторического нарратива Южной Азии. Предшественники обвинялись в предвзятом, «элитарном» отношении к индийцам. Этому противопоставлялась специфическая «история снизу», которая должна была быть написана по образцу марксистской социальной истории, активно развивавшейся в Европе. Первым за воплощение этого проекта взялся духовный отец SSG Ранаджит Гуа. За основу Гуа взял теоретические выкладки выдающегося мыслителя левого движения и борца с фашизмом Антонио Грамши [12, р. 1—17]. В «Тюремных тетрадах» Грамши попытался отойти от «сталинистской» методологии, в рамках которой развитие общества рассматривалось через призму политических и экономических процессов, и сосредоточиться на анализе того, как господствующие классы посредством различных культурных институтов и форм (гендер, раса, религия, семья, личность и т. д.) правят угнетенными (угнетенный — это любой субъект, оказывающийся за пределами господствующей структуры власти). Данную практику осуществления власти Грамши назвал гегемонией [19, р. 189—210].

Гуа внес некоторые корректировки в эту методологию. Он указал на необходимость учитывать при исследовании сознания широких крестьянских масс в колониальной Индии то обстоятельство, что они были полностью исключены из политической жизни страны, являясь объектом колониальной власти. Таковую общественно-политическую ситуацию Гуа обозначил как доминирование без гегемонии (dominance without hegemony) [11, р. 100]. Если гегемония является прямым управлением идентичностью «подчиненного» по средствам прочерчивания границ его жизненного пространства через манипулирование такими культурными явлениями, как секс, безумие, забота о себе и т. д., то доминирование является осуществлением внешнего контроля, а в культурной сфере царят искусственно сконструированные формы и дискурсивные обороты, навязывающие некую иную идентичность, которая абсолютно чужда угнетаемому. Именно через призму этой новой идентичности в рамках SSG рассматривалось развитие колониальной (британской) и т. н. национальной историографии, предопределяемое грузом колониального завоевания [7—9; 13; 18].

Анализируя труды британских историков, Гуа отмечает, что первые колониальные «истории» мало обращали внимания на то, как исторические практики влияют на туземцев. Они просто удовлетворяли желание Ост-Индийской компании получить необходимую информацию о состоянии сельского хозяйства, права собственности, величине возможного налога, а главное, о законах и традициях, регулировавших отношения между крестьянами, землевладельцами и государством. Так возникла политическая история с упором на «перечисление» правивших династий, что делалось с целью проследить отношение между властью и собственностью (например, «История Хиндустана» Александра Доу); политэкономическая история, в которой большое внимание уделялось производственным отношениям и проблеме продуктивности как на общеиндийском, так и локальном уровне [11, р. 160—161].

Однако после появления одного из самых значительных трудов колониальной Индии — «История Британской Индии» Джеймса Милля — началось конструирование новой идентичности для индийца. Историческое знание стало рассматриваться не просто как «помощник» колониальной администрации, но также и как важный мировоззренческий компонент, помогающий оценить положение британцев относительно индийцев, а индийцев относительно британцев. У колониальных властей появилось осознание необходимости «образовать» индийца, воспитать в нем человека новой цивилизации. Но непременным условием конструирования нового индийца было усвоение того, что разрыв между колониальной и до-колониальной Индией является основополагающим в историческом развитии страны [11, р. 156—176].

Отсюда берет начало существование специфической исторической дистанции между колонизаторами и туземцами, красной нитью прошедшего через всю историографию эпохи колониализма. В чем суть этого исторического разрыва? Во-первых, следует исходить из того, что колониализм пред-

ставляет собой не просто этап, период. С ним связываются понятия «современности», «развитости», радикальной новизны. Его главной характеристикой является абсолютный разрыв с прошлым, с той социальной и культурной структурой, которую колонизаторы находили в современных им туземцах, и которая явно представляла собой низшую ступень развития. Дебаты могли идти только вокруг того, как назвать эту структуру. Джеймс Милль говорил об абсолютной дикости [15]; Джеймс Тод указывал на феодальные черты [21]. В любом случае они понимали, что между колониализмом и предшествующим ему периодом существует разрыв.

Целью исторического описания вовсе не было исследование истории Индии, а описание «части истории Британской империи» [11, р. 85]. Причем части этнической, религиозной, но никак не политической — до политики она просто не доросла. Ни религиозные, ни кастовые, ни лингвистические группы не являлись политическими единицами, несмотря на то что в некоторых случаях они играли определенную роль в политической жизни, как, например, при крестьянских восстаниях, а оставались культурологическими объектами [11, р. 89—95].

По мнению SSG, появление т. н. национальной школы историографии не внесло каких-либо изменений в историографию эпохи колониализма, хотя национальные историки с самого начала свою главную задачу видели в написании некой «правдивой», более «истинной» истории Индии, в противовес тому, как писали британцы. SSG говорит, что национальная историография унаследовала необходимость разрыва между колониализмом и до-колониализмом по причине сохранения колониального типа отношения между элитой и подчиненными — доминирование без гегемонии. Историки не допускали голоса угнетенного, трактуя историческое развитие все с тех же элитарных позиций [11, р. 98]. Это касается структуры текста, в котором одни элементы применялись для описания «современности», а другие для более низкого состояния общества. Именно так в работе историка проступал рационализм, прогрессизм и эволюционизм.

Данная структура устанавливалась практикой описания развития нации как исторического объекта. Как указывает Парта Чаттерджи, вопреки широко распространенному мнению, что национализм всегда локален, он не чинил преград на пути развертывания международного капитализма-империализма и не предоставлял альтернативы для колониальной системы знания. Скорее, национализм выступал неким пособником в деле распространения империализма, которое проходило не слишком гладко из-за локальных барьеров, возникавших по причине особенностей населения. Конфликт между империализмом, расширявшимся из метрополии, и разнообразием населения разрешался ассимиляцией политической жизни в рамках единого гомогенного государства-нации [9, р. 168]. Поэтому в процессе развития исторических знаний основное внимание концентрировалось на описании триады — гражданское общество—

нация—государство, а все, что было связано со структурами родства или с религией, исключалось из нее. Только самое современное общество может быть охарактеризовано при помощи таких категорий, как борьба за независимость, построение нового государства, обретение либеральных свобод. Все, что было «до» «современности» подлежало исследованию этнографа или религиоведа и представляло собой местные особенности населения.

Такой исторический дискурс применяли не только историки. Его можно найти повсюду, где разговор заходил о нации. Здесь исследователи SSG раскрывают междисциплинарный характер проблемы идентичности. Признание исторической пропасти между до-колониализмом и колониализмом структурировало также литературные и философские труды. Парта Чаттерджи обращается к великому Джавахарлалу Неру. В его текстах при помощи истории интересным образом интерпретируется отсталость Индии от Британии. По мнению Неру, развитость и собственно модерн, конечно же, не являлись уникальными чертами европейской цивилизации. Британия не репрезентирует собой абсолютного настоящего, а Индия — прошлого. Скорее Неру абсолютизирует эти категории, лишая их какого-либо контекста. Развитый, кем бы он ни был, — всегда современный, а отсталый — живет прошлым. И колониальная Индия является отсталой не потому что индийская цивилизация отстала как таковая, а потому что на данном этапе Британия смогла найти в себе силы идти в ногу с законами модерна и удержаться в современности, а Индия, в чем не в последнюю очередь виноват колониализм, никак не может перейти к росту, оставаясь в прошлом [9, р. 137].

Литератор, философ, историк Судипта Кавирадж, анализируя творчество одного из наиболее выдающихся вдохновителей возрождения Бенгалии, а может и всей Индии Банким Чандра Чаттопадхья, подчеркивает то, что Банким работал в колониальной системе знания, что делало его представителем «несчастливого сознания», скованным необходимостью использовать европейское письмо для выражения своей идентичности. В текстах Банкима четко видна структурная разграниченность традиционного и современного. Его герои живут в новом модерновом мире, а не в мире вечного вселенского порядка. Герой сам творит свои условия и свою жизнь. Но в то же самое время он, воплощающий рожденный эпохой европейского романтизма образ страдающего скитальца, — например, Комолаканто из одноименного произведения (1875 г.) — не может найти себе места в новом мире. Ничего не может его успокоить, он не такой целостный, как герои Тагора, которые живут своей страной, возвышенной любовью к женщине. Комолаканто живет в некоем расколоте состоянии, он живет только смехом. Кавирадж говорит, что так происходит потому, что для него нет места в истории. Он, его смех отражает этот разрыв между традицией и современностью [13, р. 158—168].

Следует отметить, что даже если исследователь и не признает того, что использование разделения на эпохи традиционализма и современности вело

деятелей национального возрождения к описанию Индии как отсталой, он все равно вынужден подчеркивать, что структура колониализм — до-колониализм оставалась базовой в их трудах. Так Дипеш Чакрабарти, рассматривая творчество Рабиндраната Тагора, акцентирует внимание на том, как великий бенгальский поэт вносил разнообразие в стандартный европейский национальный дискурс, совмещая описания Индии как сохраняющей свою традиционность и как вынужденной существовать в эпоху модерна [8, p. 149—151]. Но, не видя ничего принижающего Индию в описании ее традиционности, Чакрабарти в то же время говорит, что выделить специфику Индии другим путем, чем совмещением этих двух структур письма, не представлялось возможным [8, p. 19].

Наиболее оригинальная трактовка понятия «угнетенного» и, следовательно, развития исторического знания в эпоху колониализма в SSG появилась в конце 1980-х гг. под влиянием Гаятри Чакраворти Спивак. Следует отметить, что понятие «угнетенного» довольно быстро распространилось по миру, и теперь встречается в самых разнообразных трудах о колониализме и постколониализме. Сейчас трудно сказать, с какой школой оно ассоциируется в большей степени: с SSG или с одноименной школой в Латинской Америке [14; 20]. Чуть ли не каждый исследователь вкладывает в него свой оригинальный смысл, однако общую линию проследить можно. И линия эта во многом прочерчена в работах Г. Ч. Спивак.

Во-первых, трактовка собственно колониализма изменилась — он окончательно стал «современным». Это уже однозначно определенная форма письма, общественного сознания, ментальности, стереотипов. Оказаться в колониализме можно в любой момент, когда признаешь существование базовых оппозиций: развитый—неразвитый, цивилизованный—отсталый, новое время—средневековье и т. д. И именно в этот момент кто-то становится угнетенным. Угнетенного следует искать повсюду, вычленять при анализе любой культурной или лингвистической формы, будь то крестьянские восстания времен хронологического колониализма или современный академический дискурс.

Угнетенным может оказаться не только индеец. Г. Ч. Спивак подчеркивает, что угнетенный — это тот, кого можно только описать, но сам он никогда не высказывается со своей стороны. И проблема колониальной историографии не в том, что в исторических произведениях обосновывается концепция исторической отсталости Южной Азии. Проблема в том, что при описании любого объекта кто-то оказывается угнетенным в силу хотя бы того, что всегда присутствует объект описания.

Например, как объект рассматривалась (и рассматривается) туземная женщина, вокруг которой конструируется юридический и социально-нравственный дискурс. При колониализме шли долгие дебаты, правилен ли и возможен ли обряд сати (обряд самосожжения вдов)? Колонизаторы, руководствуясь формулой «белый мужчина спасает женщину от коричневого туземца» при помощи либеральных теорий, стремились описать все страдания и лишения женщины в

истории. Защитники же традиционных порядков, наоборот, доказывали органичность для индийского общества этого обряда и говорили, что это проявление даже не обязанности, а воли вдовы — взойти на погребальный костер мужа [18, p. 287, 293]. В этом дискурсе угнетенный, который замалчивается колониальной историографией, — это и женщина, и индийская женщина, и жена раджпута, жертвующая собой в последней битве. Как прекрасно описывали обряд джаухар, когда раджпутские женщины, видя, что их мужья непременно проиграны битву, совершали самосожжение! Но все, что есть женщина в этой историографии, — это ее культурная особенность, т. е. самосожжение. Спивак говорит о том, что колониальная историография представляла собой одну из стратегий замалчивания как такового, а не замалчивания только индийца.

В рамках SSG исследователи при анализе развития исторического знания в период колониализма сосредотачиваются, в основном, на проблеме идентичности. Для них важно то, каким образом при помощи исторического письма для индийца конструировалось его жизненное пространство. Они не говорят о том, что колониальные историки, как британцы, так и индийцы сознательно искажали некую действительность или попросту ввали. Основным объектом исследования являются стереотипы исторического описания, которые предопределяли структуру знаний о прошлом. Внимание исследователей сосредоточено не на историке и его идеях, а на структуре его дискурса, всех тех языковых, семиотических элементах, которыми он пользовался в своей работе. Эти стереотипы принуждали историка видеть два разных мира. Мир, в котором живет угнетенный (индеец, женщина, крестьянин), — мир примитивный, наполненный религиозными стереотипами и суевериями, основанный на системах родства, племенных структурах. И мир современный, либеральный, наполненный по-настоящему зрелыми категориями — политика, юриспруденция, нация, — требующий рывка от мира примитивизма, перехода на более высокую степень развития.

Казалось бы, очевидно, что колониальная историография была стереотипной и всячески принижающей не-Британию. Однако теоретические построения группы «Исследования угнетения» тем и ценны, что помогают обнаружить эти стереотипы даже там, где этого никак нельзя ожидать. Ведь очень часто современные историки продолжают использовать унаследованные от прошлого концепции (феодализм — капитализм), не задумываясь над тем, что самим фактом обращения к ним они ставят себя в позицию колонизатора, лишаящего угнетенного права голоса.

Литература

1. Бабкоў, І. Адам Клакоцкі і ягоныя цэні / І. Бабкоў. — Мінск: БАС, 2001. — 107 с.
2. Бобков, И. Постколониальные исследования / И. Бобков // Постмодернизм. Энциклопедия / редкол.: А. А. Грицанов (гл. ред.) [и др.]. — Мінск: Интерпрессервис, 2001. — С. 598—599.

3. Володина, Т. История как инструмент борьбы за идентичность пограничья. Деятельность Виленского учебного округа в 1860-е гг. / Т. Володина // Перекрестки. — 2007. — № 1—2. — С. 17—26.
4. Казакевич, А. Великое княжество Литовское как идеологическая реальность / А. Казакевич // Перекрестки. — 2008. — № 1. — С. 61—80.
5. Перекрестки: научный ежеквартальный журнал [Электронный ресурс]. — Европейский гуманитарный университет. — Режим доступа: <http://ru.ehu.lt/publishers/publications>. — Дата доступа: 01.10.2010, 12.00. — 01.03.2011, 12.00.
6. Шутова, О. Вопрос об идентичности и Другом в (пост)современной историографии / О. Шутова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэдактары) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2007. — С. 81—88.
7. After Colonialism: Imperial Histories and Postcolonial Displacements / ed. by G. Prakash. — Princeton University Press, 1994. — 336 p.
8. Chakrabarty, D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference / D. Chakrabarty. — Princeton University Press, 2000. — 336 p.
9. Chatterjee, P. Nationalist Thought and the Colonialism / P. Chatterjee. — Tokyo: Zed Books, 1989. — 94 p.
10. Chatterjee, P. The Nation and Its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories / P. Chatterjee. — Princeton University Press, 1994. — 296 p.
11. Guha, R. Dominance without Hegemony: History and Power in Colonial India / R. Guha. — Harvard University Press, 1998. — 134 p.
12. Guha, R. Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India / R. Guha. — Delhi: Oxford University Press, 1983. — 376 p.
13. Kaviraj, S. The Unhappy Consciousness: Bankimchandra Chattopadhyay and the Formation of Nationalist Discourse in India / S. Kaviraj [Electronic resource]. — Oxford University Press, 1995. — 194 p.
14. Mignolo, W. Local Histories / Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking / W. Mignolo. — Princeton University Press, 2000. — 371 p.
15. Mill, J. The History of British India: in 10 vol. / J. Mill. — London: James Madden, 1848.
16. Reading Subaltern Studies. Critical History, Contested Meaning and the Globalization of South Asia / ed. by D. Ludden. — Anthem Press, 2002. — 442 p.
17. Selected Subaltern Studies / ed. by R. Guha, G. C. Spivak. — Oxford University Press, 1988. — 434 p.
18. Spivak, G. C. A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present / G. C. Spivak. — Harvard University Press, 1999. — 464 p.
19. The Antonio Gramsci Reader: Selected Writings, 1916—1935 / ed. by D. Forgacs. — New York University Press, 2000.
20. The Latin American Subaltern Studies Reader / ed. by I. Rodriguez. — Duke University Press, 2001. — 459 p.
21. Tod, J. Annals and Antiquities of Rajasthan or the Central and Western Rajpoot States of India: in 3 vol. / J. Tod. — London: Smith, Elder, 1829.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15.09.2014

А. Ж. Лукасян,

главный археограф

Государственного архива Гродненской области;

e-mail: grodnooblarhiv@tut.by

К 70-ЛЕТИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Государство, как и человек, не может существовать в настоящем и строить благоприятное для жизни будущее без своего прошлого, без своей истории. Во все времена человечество стремилось сохранить историю и передать память будущим поколениям. Именно поэтому роль архивов в государстве неоспорима. Здесь по крупицам собрана вся история. Богатейшие документальные источники по истории Беларуси располагаются в архивах нашей республики и представляют историческую ценность для нас. Они рассказывают нам об истории городов, о событиях, происходивших в них. Ни одно значимое исследование не проводится без обращения к архивным источникам. Архив — связующее звено с нашим прошлым.

В 2014 г. Государственному архиву Гродненской области исполняется 70 лет. После освобождения Гродно от немецкой оккупации одновременно с образованием Гродненской области был создан наш архив. Точная дата создания архива не известна, однако согласно решению исполнительного комитета Гродненского городского Совета депутатов трудящихся № 74 от 28 сентября 1944 г. областному архиву г. Гродно было предоставлено каменное здание бывшей немецкой кирхи (памятник архитектуры конца XIX в.), находившейся в центральной части г. Гродно. Согласно первому паспорту, составленному в 1944 г., в архиве числилось 20 документальных фондов — 11 тыс. ед. хр. Многие из поступивших в архив дел были в виде россыпи. Архивисты проделали огромную работу, собрав сохранившиеся документы и определив их фондовую принадлежность. Первыми документами, поступившими в архив на хранение, стали фонды периодов немецкой оккупации и вхождения Беларуси в состав Польши. В частности, «Гродненский уездный комиссар», «Гродненский бургомистр», «Гродненская биржа труда», «Гродненское городское управление», «Гродненский окружной суд» и др. Уже к 1945 г. в архиве хранилось 30 тыс. дел.

Решением исполнительного комитета Гродненского городского Совета народных депутатов № 1 от 4 января 1993 г. было сдано в эксплуатацию новое здание архива. Областной архив располагается в этом здании и в настоящее время. На сегодняшний день это самое крупное архивное учреждение области, на хранении в котором находятся 1 696 фондов в объеме 512 882 дел.

История Гродненщины представлена в этих документах с 1919 г. по настоящее время. Многие документы имеют особую ценность, и все они, бесспорно, являются достоянием национальной культуры и истории.

Наиболее ранние документы, хранящиеся в архиве, рассказывают о событиях 1920 г. и включают материалы первых органов Советской власти — военно-революционных комитетов.

Также большую ценность представляют документы, отражающие период вхождения Гродненщины в состав Польской Республики в 1921—1939 гг. Именно этому комплексу документов нанесен непоправимый ущерб в период Великой Отечественной войны. Тем не менее, сохранившиеся за 1919—1939 гг. документы, а их более 250 фондов, содержат сведения о состоянии народного образования, здравоохранения, дорожного, промышленного строительства до воссоединения Западной Беларуси с БССР и другие вопросы, характеризующие экономическое развитие региона в данный период.

Документы периода немецко-фашистской оккупации представлены трофейными фондами учреждений, организаций и предприятий, действовавших временно на оккупированной территории, и иллюстрируют политику немецких властей: массовое уничтожение мирного населения, создание гетто, концлагерей, вывоз населения на принудительные работы в Германию.

Самый большой массив документов архива — это документы советского и постсоветского периодов, основную часть которых составляют фонды органов государственной власти и управления, государственного и народного контроля, юстиции, суда и прокуратуры, отраслевые фонды промышленных предприятий, учреждений, организаций и т. д.

В архиве достаточно широко представлены фонды и коллекции документов личного происхождения. Так, архив располагает личными фондами ученых, писателей Гродненщины: академика А. О. Маковельского, писателя А. И. Карплюка, профессора Гродненского госуниверситета Я. Н. Мараша, олимпийской чемпионки О. В. Корбут и многих других известных деятелей белорусской культуры. Имеются также личные дела писателя Янки Брыля и поэтессы Бичель Дануты Ивановны, работавших в архиве в 1958—1960 гг.

За свою долгую историю архив Гродно прошел путь от обыкновенного хранилища документальных материалов до учреждения, осуществляющего исследовательскую, издательскую и публикационную деятельность. В последние годы издательская деятельность архива активизировалась. Об этом свидетельствуют изданные сборники документов: «Государственные архивы Гродненщины» (2002), «Гродненская область в документах и материалах (1944—1995)» (2004), «Гродненщина накануне и в годы Великой Отечественной войны» (2005), «Государственный архив Гродненской области: Путеводитель (1919—2000)» (2007), «Аўгустоўскі канал і яго наваколле (па дакументах Дзяржаўнага архіва Гродненскай вобласці)» (2011).

В мае 2005 г. архив принял участие в открытии мемориала Убитым Евреям в г. Берлине. Фонду «Памятники убитым евреям Европы» было предоставлено право безвозмездного, бессрочного, некоммерческого использования копии документа областного архива, включенного в экспозицию мемориала.

В V Национальной филателистической выставке «БелФИЛА-2006» Государственный архив Гродненской области был награжден дипломом и золотой медалью за коллекцию «Пошта Гродна ў перыяд 1921—1939 гг.».

В 2004 г. Гродненский архив принимал участие в международном проекте «Воссоздание исторической памяти Польши». Архивом был подготовлен перечень фондов, содержащих сведения по истории Польши и поляков за 1919—1944 гг.

В 2013 г. архив принял участие в международной программе «Саксонские мемориалы» в память жертв политического террора, которая осуществлялась в рамках соглашений с немецкой стороной. Архивом на договорной основе были предоставлены сведения о советских военнопленных, угнанных в Германию.

Документы архива востребованы широким кругом исследователей: историками, филологами, краеведами, представителями различных организаций и учреждений, а также студентами и исследователями из стран ближнего и дальнего зарубежья. Ежегодно областной архив организывает выставки архивных документов, проводит экскурсии, лекции, участвует в теле- и радиопередачах, публикует статьи в периодической печати.

В настоящее время архив имеет четыре отдела: отдел обеспечения сохранности документов и фондов, отдел информационно-поисковых систем, отдел делопроизводства, формирования национального архивного фонда и научно-технической обработки документов, отдел информации, публикации и использования документов. Также в областном архиве работает лаборатория, которая занимается ремонтом и реставрацией документов.

В век компьютерных технологий областной архив постоянно использует все его возможности. Гродненский областной архив представлен на веб-сайте «Архивы Беларуси». Архив регулярно направляет информацию о своей работе для размещения на сайт. Все кабинеты архива оснащены компьютерами. Каждый отдел работает в своем программном модуле, что позволяет вести более детальный учет проделанной работы. Сотрудники архива исполняют запросы, полученные не только по почте и на личном приеме, но и присланные по электронной почте. Постепенно проходят оцифровку документы, относящиеся к особо ценным. Как и пользователи читального зала, так и сами сотрудники могут воспользоваться уже оцифрованными документами. Создаются электронные базы данных, которые позволяют ускорить поиск необходимой информации.

Архив оснащен системой охраны, камерами видеонаблюдения, что позволяет еще надежнее оберегать документы, хранящиеся в архиве. В 2003 г. в архиве установлена автоматика вентиляционных установок на микропроцессорной технике, что позволяет поддерживать оптимальный режим хранения документов.

В архиве работает свыше 40 человек. Больше половины сотрудников имеют большой стаж и огромный опыт практической работы. Они являются высокопрофессиональными специалистами архивного дела, успешно консультируют пользователей архивной информацией, умело руководят молодыми специалистами. За 70 лет в архиве сменилось несколько поколений архивистов. С большим уважением гродненские архивисты вспоминают бывшего директора архива, заслуженного работника культуры БССР А. Н. Плещевенно, который бессменно руководил коллективом более 30 лет и внес неоценимый личный вклад в дело использования и популяризации документов архива. Значимый вклад в работу архива внесли и этим оставили о себе добрую память архивисты А. М. Спивачук, Г. Е. Ветошкина, В. З. Фомичева, С. П. Нерод. Много для обеспечения сохранности документов сделала С. А. Кондрашова, которая руководила архивом в течении 10 лет. На протяжении многих лет в облгосархиве активно и успешно трудятся Л. И. Юнина, С. И. Кравченко, Л. В. Кисель, И. М. Воронко, И. И. Койпишь, В. А. Иодчик и многие другие. За последние годы архив пополнился молодыми сотрудниками, многие из которых уже зарекомендовали себя с хорошей стороны.

Сегодня областной архив — это современное планомерно развивающееся учреждение, главной задачей которого является сохранность исторического и культурного наследия нашего края.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15.04.2014

С. М. Асіноўскі

главный редактор журнала «Архівы і прававодства»

e-mail: ais_mag@tut.by

ЖУРНАЛУ «АРХІВЫ І СПРАВАВОДСТВА» — 15 ЛЕТ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Весной этого года отметил свое пятидесятилетие научно-практический иллюстрированный журнал Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь «Архівы і прававодства».

«День рождения» отраслевого издания был определен не сразу, ибо несколько дат в его биографии претендовали на эту роль. Так, еще 7 апреля 1998 г. руководство тогдашнего Госкомархива приняло решение об учреждении этого журнала. 19 мая того же года Госкомпечати (ныне — Министерство информации) зарегистрировало его как периодическое издание, а 18 июня был назначен его главный редактор.

Однако только по прошествии пяти лет, в 2004 г. руководство отрасли и сотрудники редакции сошлись во мнении, что историю журнала будет справедливо исчислять с 5 марта 1999 г., когда главный редактор подписал в свет сигнальный экземпляр его первого номера.

Если принять во внимание, что архивной отрасли Республики Беларусь уже более 90 лет, то, по сравнению с ней, журнал, которому всего-то 15 лет от роду, образно говоря, доводится ей «правнуком». Тем не менее, несмотря на этот «подростковый» возраст, ведомственное издание уже достаточно прочно встало на ноги. Не хотелось бы вдаваться в пространные рассуждения для того чтобы подтвердить это. Поэтому приведем некоторые цифры и факты, которые достаточно красноречиво смогут охарактеризовать пятнадцатилетний (а на момент выпуска «Беларускага археаграфічнага штогодніка» и более длительный) путь журнала «Архівы і прававодства».

Итак, на сей момент нумерация на колонтитуле издания уже перевалила за 90. При благоприятном стечении обстоятельств не за горами выход в свет и сотого номера журнала. Общий тираж издания при этом приближается к 230 000 экземпляров. На его страницах уже опубликовано около 2300 статей по разным направлениям деятельности отрасли под рубриками «Событие», «Хроника», «Контакты», «Архивы», «Фонды», «Архивоведение», «Фототека», «Документы», «Делопроизводство», «Документоведение», «Геральдика», «Генеалогия», «Археотека», «Археография», «Юбилеи», «Даты», «Галерея», «Архіваліі», «Калейдоскоп», «Фразы» и др. Их авторами стали почти 250 специалистов архивного дела и делопроизводства из 35 городов Беларуси (Брест, Барановичи, Береза, Иваново, Кобрин, Пинск, Витебск, Глубокое, Орша, Полоцк, Поставы, Россоны, Толочин, Гомель, Жлобин, Мозырь, Наровля, Речица, Гродно, Василишки, Зельва, Лида, Новогрудок, Щучин, Минск, Борисов, Дзержинск, Заславль, Молодечно, Слуцк, Солигорск, Могилев, Бобруйск, Кричев, Хотимск), а также их зарубежные коллеги из Москвы,

Брянска, Нижнего Новгорода (Россия), Киева (Украина), Астаны (Казахстан), Бишкека (Кыргызстан), Пярну (Эстония), Берна (Швейцария). Специалисты архивного дела и делопроизводства из десятков организаций страны получили на страницах журнала ответы на почти 400 отправленных в редакцию вопросов, касающихся их профессиональной деятельности.

На страницах журнала мы познакомили наших читателей с опытом работы, поведали о буднях и праздниках практически всех республиканских, областных и зональных государственных архивов Беларуси. Кроме того, мы рассказали им о структуре и особенностях работы десятков архивов ближних и дальних стран: Австралии, Австрии, Азербайджана, Ватикана, Великобритании, Венгрии, Германии, Грузии, Казахстана, КНДР, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Польши, России, Румынии, Словении, США, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины, Франции, Чехии, Швейцарии, Эстонии.

За эти годы читатели нашего издания стали «участниками» четырех конгрессов Международного совета архивов, проходивших в Севилье (Испания), Вене (Австрия), Куала-Лумпуре (Таиланд) и Брисбене (Австралия). Вместе с членами белорусских делегаций они «побывали» на международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, семинарах, презентациях, встречах архивистов в Москве, Брянске, Великом Новгороде, Нижнем Новгороде, Пушкинских Горах, Санкт-Петербурге, Смоленске (Россия), Киеве, Львове, Одессе, Трускавце, Ужгороде (Украина), Варшаве, Белостоке, Торунь, Щецине, Эльблонге (Польша), Берлине, Бад-Арользене, Кобленце, Фрайбурге (Германия), Вильнюсе, Каунасе (Литва), Риге (Латвия), Ташкенте, Самарканде (Узбекистан), Бишкеке, Чолпон-Ате (Кыргызстан), Любляне, Липице (Словения), Граце (Австрия), Братиславе (Словакия), Триесте (Италия), Будапеште (Венгрия).

За полтора десятка лет работы сформировался авторский актив журнала. Безусловно, мы не можем назвать всех наших авторов (их число, как уже упоминалось выше, приближается к 250), но просто обязаны назвать тех, кто наиболее плодотворно сотрудничал и сотрудничает с отраслевым изданием. Это А. Е. Рыбаков, Э. Н. Давыдова, Т. И. Седяревич, М. Ф. Шумейко, В. Л. Носевич, А. Н. Сукач, А. В. Запартько, Т. В. Кекелева, С. В. Жумарь, М. М. Елинская (Минск), А. Г. Карапузова (Брест), Е. М. Бондарева (Витебск), Н. А. Боровик (Глубокое), Е. Н. Жебрун (Гродно), Н. Ю. Абрамова, З. А. Александрович (Гомель), Г. А. Дударева (Жлобин), Т. Л. Рахманько (Дзержинск), И. Л. Сапсалева (Могилев). Огромное спасибо им и их коллегам из Департамента, архивов, научных учреждений, отделов по архивам и делопроизводству облисполкомов за публикации в журнале, которые пропагандировали передовой опыт работы и благодаря которым читатели журнала имели представление о том, чем живет, какие задачи решает, чем полезна стране и обществу архивная отрасль Республики Беларусь.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 04.06.2014

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

О. П. Гинзбург,

председатель Союза архивистов Украины;
e-mail: ohinzburh_sau@ukr.net

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРТИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ УКРАИНЫ КАК ПРИМЕР СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ В НАЧАЛЕ 90-х гг. XX ст.

Одним из последствий горбачевской перестройки для общественно-политической жизни СССР стало возникновение многопартийной системы. Правовая основа для ее формирования была заложена в марте 1990 г. решением III внеочередного съезда народных депутатов СССР об отмене VI статьи Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС. Параллельно с Центром становление многопартийной системы происходило также в союзных республиках, в том числе в УССР.

Так, 29 сентября 1990 г. Президиум Верховного Совета УССР принял постановление «О порядке регистрации общественных объединений», которое предусматривало механизм юридического оформления политических партий. В октябре 1990 г. Верховный Совет УССР отменил VI статью Конституции СССР о руководящей роли Коммунистической партии Украины (КПУ). В республике стали появляться партии различного политического направления. Среди них: Украинская национальная партия (УНП), Украинская республиканская партия (УРП), Украинская христианско-демократическая партия (УХДП), Украинская народно-демократическая партия (УНДП), Социал-демократическая партия Украины (СДПУ), Партия зеленых Украины (ПЗУ), Либерально-демократическая партия Украины (ЛДПУ), Демократическая партия Украины (ДемПУ) и др. [2, с. 128, 130].

Одной из политических партий, организованных в Украине в годы перестройки, является Партия демократического возрождения Украины (ПДВУ). Она была создана 1 декабря 1990 г. членами Демократической платформы в КПУ. Выступала за превращение Украины в демократическое независимое государство с эффективной рыночной экономикой и социальной защищенностью граждан. Среди членов ПДВУ были народные депутаты Верховного Совета УССР В. Б. Гринев, А. И. Емец, В. Ф. Мещеряков, Т. С. Стецькив, В. Ф. Филенко [2, с. 128], ученые А. Ф. Базилюк, М. В. Попович, В. Е. Хмелько, И. Р. Юхновский.

В 1992 г. ПДВУ выступила одним из инициаторов создания общественно-политического объединения «Новая Украина», в состав которого, кроме нее, вошли Объединенная социал-демократическая партия Украины (ОСДПУ), Конституционно-демократическая партия (КДП), СДПУ, ЛДПУ и отдельные организации ПЗУ. В 1993 г. вследствие внутривнутрипартийного конф-

ликта между сторонниками сближения с Россией и сторонниками сближения с Западом в рядах ПДВУ произошел раскол. В результате из партии вышли несколько ее членов, в том числе В. Б. Гринев. На выборах 1994 г. ПДВУ провела в Верховный Совет Украины 4 своих представителей.

28 января 1995 г. ПДВУ и Трудовой конгресс Украины (ТКУ) создали политический блок ТКУ-ПДВУ, который стал стержнем переживающей кризис «Новой Украины». 24 февраля 1996 г. ПДВУ вместе с ТКУ и другими организациями объединилась в Народно-демократическую партию (НДП) и прекратила свое существование.

Важное значение для изучения процесса формирования многопартийной системы в Украине имеют документы Центрального Комитета КПУ, которые хранятся в фондах Центрального государственного архива общественных объединений (ЦГАОО) Украины. Они дают представление о становлении и организационном оформлении украинских политических партий, их программных положениях, взаимоотношениях с республиканским партийным руководством, другими политическими партиями и организациями.

Одним из таких документов является информация отдела ЦК КПУ по связям с Советами, политическими и общественными организациями «Об учредительном съезде Партии демократического возрождения Украины» Центральному Комитету Компартии Украины от 4 декабря 1990 г. [1, л. 185—188]. В ней содержатся данные о месте и времени проведения учредительного съезда ПДВУ, количестве делегатов, которые приняли участие в его работе, их социальном составе и представительстве по областям.

В документе также вкратце рассмотрена политическая идеология ПДВУ, проанализировано отношение ее лидеров к КПУ, другим политическим силам, среди которых названы ОСДПУ, СДПУ, УРП, Союз независимой украинской молодежи, Либерально-демократический союз, отмечено участие партии в создаваемом антикоммунистическом блоке «Демократическая Украина».

Кроме того, в информации сказано о встрече представителей ПДВУ, Республиканской партии России и Объединенной демократической партии Белоруссии, которая состоялась во время работы съезда, а также о создании оргкомитета по подготовке и созыву демократического конгресса для обсуждения вопросов о будущем устройстве суверенных государств и об основании Демократического Интернационала.

Среди членов ПДВУ, избранных съездом председателями и сопредседателями ее руководящих органов (координационный, информационный, научный, контрольно-арбитражный советы), названы А. Ф. Базилук, В. Б. Гринев, А. И. Емец, М. В. Попович, В. Ф. Филенко, В. Е. Хмелько и др.

В конце информации содержится прогноз об ожидаемом значительном оживлении агитационно-пропагандистской деятельности местных лидеров ПДВУ для привлечения бывших и «перетягивания» к себе нынешних членов КПСС.

Другим документом, который проливает свет на вопросы, касающиеся политической идеологии ПДВУ, является Декларация, принятая на ее учредительном съезде [1, л. 189—192]. Главное место в ней отведено рассмотрению и обоснованию цели и задач новообразованной «парламентской партии демократического типа» [1, л. 189]. Кроме того, в документе содержится краткое пояснение причин ее создания.

Целью деятельности ПДВУ в Декларации объявлено «демократическое возрождение Украины, формирование политических и правовых условий для свободы социального творчества людей на нашей земле» [1, л. 192]. Задачей названо «способствование превращению Украины в демократическое независимое государство с эффективной рыночной экономикой и социальной защищенностью граждан» [1, л. 192].

В Декларации также обосновано стремление организаторов ПДВУ к «равноценному сочетанию в политике партии принципов свободы, справедливости и солидарности» [1, л. 191]. Подчеркнуто готовность «сотрудничать со всеми, кто стремится к той же цели и не присваивает себе «право» на насилие ради ее достижения» [1, л. 192]. Заявлено о намерении «действовать исключительно мирными, ненасильственными методами, путем последовательных реформ, проводимых через законные органы власти» [1, л. 192].

Таким образом, упомянутые документы будут интересны для исследователей прежде всего тем, что позволяют ответить на вопрос о взаимоотношении республиканского партийного руководства и ПДВУ. Кроме того, они дают представление о цели и задачах новообразованной партии, как их видели ее организаторы и трактовали руководители ЦК КПУ.

Оба документа — листы формата А4, заполненные машинописным текстом, — хранятся в фонде 1 «Центральный Комитет Компартии Украины» ЦГАОО Украины.

Ниже подаются оригинальные тексты документов на украинском языке, а также их перевод на русский язык, сделанный автором для удобства работы с ними русскоязычных исследователей.

При публикации документов были сохранены все их грамматические, орфографические и стилистические особенности.

№ 1

Отчет заведующего отделом ЦК Компартии Украины по связям с Советами, политическими и общественными организациями А. Смоляникова об учредительном съезде Партии демократического возрождения Украины за 4 декабря 1990 г.

ЦК КОМПАРТІЇ УКРАЇНИ

Про установчий з'їзд Партії демократичного відродження України

З'їзд Партії демократичного відродження України (попередня робоча назва Українська партія демократичної згоди) відбувся у м. Києві 1—2 грудня

ц. р. 320 делегатів представляли 2340 членів партії. Найчисельнішими були делегації м. Києва (52 чоловіки), областей: Луганської (42), Донецької (39), Харківської (32), Дніпропетровської (22), Запорізької (17), Львівської (17 чоловік). Не були представлені Житомирська і Закарпатська області.

Соціальний склад делегатів: 61 (16,3%) робітник, 208 (55,5%) службовців, 55 (14,7%) наукових працівників (54 — доктори і кандидати наук). П'яту частину учасників з'їзду склали депутати Рад різних рівнів: 1 народний депутат СРСР, 18 народних депутатів УРСР, 58 депутатів місцевих Рад. Членами Руху визнали себе 43 делегати, соціал-демократичної асоціації — 7.

З'їзд розглянув питання про Декларацію і назву партії (доповідачі В. Хмелько і М. Попович), про Статут партії (доповідач А. Покроєв), заслухав доповіді про Програмні принципи партії (В. Алексєєв), про тези до Програми партії (В. Хмелько).

З'їзд прийняв Декларацію і Статут партії, звернення до народу України, «Заяву відносно провокаційної акції «представників» 3-х південних областей 12 листопада 1990 р. в м. Києві» (під нею підписались і представники Запорізької області), резолюцію «Про проект Союзного договору», постанову про заснування ПДВУ, резолюцію в підтримку «Солідарних профспілок», «Заяву ПДВУ про ситуацію, що склалася навколо народного депутата УРСР С. Хмари» і телеграму з цього приводу на адресу Верховної Ради УРСР (автор — народний депутат УРСР Мещеряков).

«Програмні тези» не обговорювались, їх винесено на загальнопартійну дискусію.

Особливістю ПДВУ є її формування на базі «Демократичної платформи в Компартії України». Три чверті нинішнього складу партії — колишні члени КПРС. Це люди з соціал-демократичними і ліберальними поглядами, що по суті вже зараз заклало основи для фракційності у партії. Таку можливість передбачає і Статут ПДВУ, проголошуючи право вільного об'єднання у фракції.

Світоглядні орієнтири, стратегічні і тактичні розрахунки ПДВУ торують шляхи не тільки до коаліції з іншими партіями соціал-демократичного і ліберально-демократичного спрямування, а й можливого об'єднання з ними, що не виключають лідери новоствореної організації. Нині йдеться не лише про створення центристського блоку (ПДВУ, Соціал-демократична партія України, Об'єднана соціал-демократична партія України, Ліберально-демократична спілка), а й про участь ПДВУ в створеному антикомуністичному блоці «Демократична Україна». І це притому, що фундатори партії заявляють: ПДВУ буде не комуністичною, але й не антикомуністичною організацією.

Політична нерозбірливість лідерів партії виявилась і під час з'їзду. Заявлялось про можливість співпраці з Українською республіканською партією, Спілкою незалежної української молоді (до речі, Л. Лук'яненко надіслав вітальну телеграму учасникам з'їзду), про те, «що екстремізм в якій-то мірі треба цінувати, він прикриває нас» (О. Ємець).

Відношення до Компартії України найбільш характерно проявлялось через аналіз сучасної політичної ситуації в республіці. Вона однозначно трактувалась як різке зсування вправо, як наступ реакції. Наголошувалось, що відбувається змикання вкрай правих, реакційних сил з Центром. В. Філенко заявив, що Компартію України підтримують номенклатура, люмпенізовані елементи, значна частина російськомовного населення. В. Гриньов зазначив: «Я не вірю, що ми на шляху реалізації соціалізму досягнемо будь-чого в країні. Необхідно стати на шлях приватної власності. Я принциповий супротивник соціалістичного вибору».

ПДВУ, подібно іншим новоствореним партіям, намагається спертися на всі прошарки суспільства, подає себе як партія загальнонаціональних інтересів, громадянської злагоди.

Прикметним є відхід лідерів демплатформи від обстоюваного ними раніше територіального принципу побудови партії. Аргументація проста: первинні організації необхідно створювати «на противагу первинним організаціям КПРС, які не бажають йти з підприємств».

Найближчі завдання ПДВУ зводяться до того, щоб активізувати роботу по створенню структур, налагодити більш тісні зв'язки на місцях, організувати випуск інформаційних бюлетенів, об'єднувати організації так, як це вже зроблено в Миколаєві і Донецьку, надати активності фракціям у Радах. Нові якості, як підкреслювалось, повинна набути фракція у Верховній Раді УРСР.

Зі слів В. Філенка, фракція у Верховній Раді буде налічувати понад 20 депутатів і, входячи в «Народну Раду з певною автономією», кардинально міняти свої відносини з нею не буде.

На з'їзді виступив І. Юхновський. Він обґрунтував відомі тези про економічну і політичну децентралізацію Союзу, закликав по суті до прощення бандерівщини, покласти край минулому, вистояти правдою проти наступу партократії. Офіційно заявив про свій вихід із лав КПРС. Зазначив, що він залишиться безпартійним, але буде закликати інших до вступу в ПДВУ.

Під час роботи з'їзду відбулася зустріч представників Партії демократичного відродження України, Республіканської партії Росії (співголова В. Лисенко) і Об'єднаної демократичної партії Білорусії. Був створений оргкомітет по підготовці і скликанню демократичного конгресу (орієнтовно 26—27 січня 1991 р. в Харкові), щоб обговорити питання про майбутній устрій суверенних держав і про заснування Демократичного Інтернаціоналу.

З'їзд обрав:

1. співголів Координаційної ради (В. Філенко, О. Ємець, М. Попович, В. Гриньов, С. Лилик, О. Базилук, В. Хмелько);
2. Координаційну раду у складі 29 чоловік;
3. Наукову раду із 17 чоловік (співголови М. Попович і В. Хмелько);
4. Інформаційну раду у складі 16 чоловік (голова О. Тертичний, заступник Ю. Чеховий);

5. Контрольно-арбітражну раду із 17 чоловік (голова С. Підгорний, заступник В. Новодворський).

На з'їзді були акредитовані представники 38 редакцій газет, телебачення і радіо («Известия», «Радянська Україна», «Комсомольская правда», Рухінформ, Укрінформ, радіо «Свобода», Бі-бі-сі тощо).

По завершенню з'їзду відбулася прес-конференція.

Наступний з'їзд передбачається провести через 3—6 місяців.

Слід очікувати значного поживлення агітаційно-пропагандистської діяльності місцевих лідерів ПДВУ, насамперед для залучення колишніх і «перетягування» до себе нинішніх членів КПРС.

Документи додаються.

Подається в порядку інформації.

Вважали б за необхідне надіслати інформацію в обкоми та Київський міськком Компартії України.

Зав. відділом ЦК Компартії України
по зв'язках з Радами, політичними
і громадськими організаціями
«4» грудня 1990 року

О. Смолянников

Перевод

№ 1

ЦК КОМПАРТИИ УКРИНЫ

Об учредительном съезде

Партии демократического возрождения Украины

Съезд Партии демократического возрождения Украины (предварительное рабочее название Украинская партия демократического согласия) состоялся в г. Киеве 1—2 декабря т. г. 320 делегатов представляли 2340 членов партии. Самыми многочисленными были делегации г. Киева (52 человека), областей: Луганской (42), Донецкой (39), Харьковской (32), Днепропетровской (22), Запорожской (17), Львовской (17 человек). Не были представлены Житомирская и Закарпатская области.

Социальный состав делегатов: 61 (16,3%) рабочий, 208 (55,5%) служащих, 55 (14,7%) научных работников (54 — доктора и кандидаты наук). Пяту часть участников съезда составляли депутаты Советов различных уровней: 1 народный депутат СССР, 18 народных депутатов УССР, 58 депутатов местных Советов. Членами Движения признали себя 43 делегата, социал-демократической ассоциации — 7.

Съезд рассмотрел вопросы о Декларации и названии партии (докладчик В. Хмелько и М. Попович), об Уставе партии (докладчик А. Покроев), заслушал доклады о Программных принципах партии (В. Алексеев), о тезисах к Программе партии (В. Хмелько).

Съезд принял Декларацию и Устав партии, обращение к народу Украины, «Заявление относительно провокационной акции «представителей» 3-х южных областей 12 ноября 1990 г. в г. Киеве» (под ним подписались и представители Запорожской области), резолюцию «О проекте Союзного договора», постановление об учреждении ПДВУ, резолюцию в поддержку «Солидарных профсоюзов», «Заявление ПДВУ о ситуации, сложившейся вокруг народного депутата УССР С. Хмары» и телеграмму по этому поводу в адрес Верховного Совета УССР (автор — народный депутат СССР Мещеряков).

«Программные тезисы» не обсуждались, они вынесены на общепартийную дискуссию.

Особенностью ПДВУ является ее формирование на базе «Демократической платформы в Компартии Украины». Три четверти нынешнего состава партии — бывшие члены КПСС. Это люди с социал-демократическими и либеральными взглядами, что по сути уже сейчас заложило основы для фракционности в партии. Такую возможность предусматривает и Устав ПДВУ, провозглашая право свободного объединения во фракции.

Мировоззренческие ориентиры, стратегические и тактические расчеты ПДВУ прокладывают пути не только к коалиции с другими партиями социал-демократического и либерально-демократического направления, но и возможному объединению с ними, что не исключают лидеры новообразованной организации. Сейчас речь идет не только о создании центристского блока (ПДВУ, Социал-демократическая партия Украины, Объединенная социал-демократическая партия Украины, Либерально-демократический союз), но и об участии ПДВУ в создаваемом антикоммунистическом блоке «Демократическая Украина». И это притом, что основатели партии заявляют: ПДВУ будет не коммунистической, но и не антикоммунистической организацией.

Политическая неразборчивость лидеров партии проявилась и во время съезда. Заявлялось о возможности сотрудничества с Украинской республиканской партией, Союзом независимой украинской молодежи (кстати, Л. Лукьяненко направил поздравительную телеграмму участникам съезда), о том, «что экстремизм в какой-то степени надо ценить, он прикрывает нас» (А. Емец).

Отношение к Компартии Украины наиболее характерно проявлялось через анализ современной политической ситуации в республике. Она однозначно трактовалась как резкое сдвигание вправо, как наступление реакции. Отмечалось, что происходит смыкание крайне правых, реакционных сил с Центром. В. Филенко заявил, что Компатию Украины поддерживают номенклатура, люмпенизированные элементы, значительная часть русскоязычного населения. В. Гринев отметил: «Я не верю, что мы на пути реализации социализма достигнем чего-либо в стране. Необходимо стать на путь частной собственности. Я принципиальный противник социалистического выбора».

ПДВУ, подобно другим новообразованным партиям, пытается опереться на все слои общества, подает себя как партия общенациональных интересов, гражданского согласия.

Примечателен уход лидеров демплатформы от отстаиваемого ими ранее территориального принципа построения партии. Аргументация проста: первичные организации необходимо создавать «в противовес первичным организациям КПСС, не желающим идти с предприятий».

Ближайшие задачи ПДВУ сводятся к тому, чтобы активизировать работу по созданию структур, наладить более тесные связи на местах, организовать выпуск информационных бюллетеней, объединить организации так, как это уже сделано в Николаеве и Донецке, придать активности фракциям в Советах. Новое качество, как подчеркивалось, должна приобрести фракция в Верховном Совете УССР.

Со слов В. Филенко, фракция в Верховном Совете будет насчитывать более 20 депутатов и, входя в «Народный Совет с определенной автономией», кардинально менять свои отношения с ним не будет.

На съезде выступил И. Юхновский. Он обосновывал известные тезисы об экономической и политической децентрализации Союза, призвал по сути к прощению бандеровщины, положить конец прошлому, выстоять правдой против наступления партократии. Официально заявил о своем выходе из рядов КПСС. Отметил, что он останется беспартийным, но будет призывать других к вступлению в ПДВУ.

Во время работы съезда состоялась встреча представителей Партии демократического возрождения Украины, Республиканской партии России (сопредседатель В. Лысенко) и Объединенной демократической партии Беларуси. Был создан оргкомитет по подготовке и созыву демократического конгресса (ориентировочно 26—27 января 1991 г. в Харькове), чтобы обсудить вопросы о будущем устройстве суверенных государств и об учреждении Демократического Интернационала.

Съезд избрал:

1. 7 сопредседателей Координационного совета (В. Филенко, А. Емец, М. Попович, В. Гринев, С. Лилик, А. Базилук, В. Хмелько);
2. Координационный совет в составе 29 человек;
3. Научный совет из 17 человек (сопредседатели М. Попович и В. Хмелько);
4. Информационный совет в составе 16 человек (председатель А. Тертичный, заместитель Ю. Чеховой);
5. Контрольно-арбитражный совет из 17 человек (председатель С. Подгорный, заместитель В. Новодворский).

На съезде были аккредитованные представители 38 редакций газет, телевидения и радио («Известия», «Советская Украина», «Комсомольская правда», Рухинформ, Укринформ, радио «Свобода», Би-би-си и т. д.).

По завершении съезда состоялась пресс-конференция.

Следующий съезд предполагается провести через 3—6 месяцев.

Следует ожидать значительного оживления агитационно-пропагандистской деятельности местных лидеров ПДВУ, прежде всего для привлечения бывших и «перетягивания» к себе нынешних членов КПСС.

Документы прилагаются.

Подается в порядке информации.

Считали бы необходимым направить информацию в обкомы и Киевский горком Компартии Украины.

Зав. отделом ЦК Компартии Украины
по связям с Советами, политическими
и общественными организациями
«4» декабря 1990 года

А. Смолянников

ЦГАОУ Украины. — Ф. 1. — Оп. 32. — Д. 2768. — Л. 185—188.

№ 2

**Декларация Партии демократического возрождения Украины,
принятая на учредительном съезде партии, что состоялся в Киеве
1—2 декабря 1990 г.**

**ДЕКЛАРАЦІЯ
ПАРТІЇ ДЕМОКРАТИЧНОГО ВІДРОДЖЕННЯ УКРАЇНИ**

До свободи, справедливості і солідарності шляхом
рівноправності, ненасильства і толерантності

Талановитий і працьовитий народ України, маючи сприятливі природні умови, ледве животіє за європейськими мірками — живе нижче рівня бідності. Існуюча економічна система придушує будь-яку зацікавленість у результативності й її ефективній організації, породжує екологічні катастрофи.

Причина нашої кризи — все ще не ліквідоване монополюбно-командне становище номенклатури державної партії в усіх ключових органах політичної та економічної влади. Саме тоталітарна влада номенклатури, яка виросла з насильства і систематичної фальсифікації всієї масової інформації про країну і світ, привела Україну на грань катастрофи.

Вихід із цього скрутного становища — **в заміні держпартійного самодержавства правовою демократією.**

Але демократія починається тільки тоді, коли народ дістає можливість **вільно** вибирати між різними політичними програмами, які **вільно** розробляють і поширюють **вільно** створювані громадські об'єднання.

Отже, щоб стати демократичною, Україні необхідна реальна багатопартійність.

Виходячи з цього, ми — делегати Установчого з'їзду Партії демократичного відродження України створюємо парламентську партію демократичного типу — без монополістичного централізму на основі принципів суверенності

членів партії, вільного утворення ними своїх об'єднань, включаючи фракції, верховенства цих організацій над органами, котрі вони обирають, поліцентричності самоорганізації і самоврядування.

Ми організуємо партію для того, щоб, об'єднавшись, дістати змогу краще захищати **громадянські і політичні** права — свої і всіх людей, які живуть на Україні;

— захищати пріоритетність прав людини перед правами будь-якої соціальної чи національної спільноти і пріоритетність прав народу перед правами держави;

— захищати право народу України перебудувати свою державу — і її відносини з іншими державами — відповідно до своїх інтересів і поважаючи права інших народів;

— захищати право народу України і кожної людини, котра живе на її землі, самостійно розпоряджатися своєю долею.

Бо без захищеності громадянських і політичних прав ні людина, ні народ не можуть бути дійсно вільними.

А саме **свобода** дозволяє і особистості, і суспільству розвиватися.

Ми створюємо партію для того, щоб, сподіваючись на підтримку виборців, дієво захищати **економічні і соціальні** права громадян. Насамперед — усунути політичні перешкоди зростанню добробуту народу України і соціальної захищеності кожної людини, ліквідувавши панування державної власності і сформувавши правові умови для беззаборонного розвитку всіх форм власності, в яких не використовується позаекономічний примус, і для вільної економічної діяльності всіх громадян:

— свободи об'єднання для бажаючих працювати та організувати свою працю спільно;

— свободи підприємництва для бажаючих вести власне діло;

— свободи вибору умов праці для бажаючих найнятися на роботу і не брати на себе обов'язок щодо її організації.

Тому що без економічної свободи ще жодному народу не вдалося стати багатим, або без багатства забезпечити соціальну захищеність кожної людини. Тієї, яка тільки і робить реальним існування в суспільстві дійової справедливості.

А саме **справедливість** дає змогу і суспільству, й особистості здобувати моральність.

Ми об'єднуємось в партію для того, щоб у рамках можливостей парламентської системи брати участь у створенні правових і політичних умов піднесення на Україні рівня цивілізованості та культури. Насамперед:

— умов цивілізованого розв'язання суперечностей між інтересами різних соціальних груп, подолання войовничості й безкомпромісності, встановлення громадянського миру і злагоди;

— відродження і розвитку української культури, вільного розвитку на нашій землі всіх інших культур;

— захищеності прав особистості, свободи її совісті і віросповідання, світогляду і духовної творчості.

Оскільки без духовної свободи і суверенності особистості не виростає людська гідність. Та, яка тільки й робить можливою не просто класову чи національну, а загальну, власне **людську** солідарність.

А саме людська солідарність спонукає людей, будучи вільними, поводитися справедливо.

Направляючи творчу енергію **свободи** за орієнтирами **справедливості, людська солідарність** надає суспільному розвитку моральної спрямованості.

І тому ми прагнемо до рівноцінного поєднання в політиці нашої партії принципів свободи, справедливості і солідарності.

Ми хочемо сприяти нашій республіці не тільки розвивати всі свої сили і здібності, а й розвивати їх морально.

За законами гуманізму.

За законами совісті і правди.

За законами істини, добра і краси.

Шляхом, який веде до піднесення моралі суспільства, до примноження взаємодопомоги між людьми, до становлення людського братерства.

МИ СТВОРИМО ПАРТІЮ, ЯКА Б ОБ'ЄДНАЛА НА ЗЕМЛІ УКРАЇНИ ТИХ, ХТО:

— ВІДКИДАЮЧИ НАСИЛЬСТВО І НЕНАВИСТЬ,

— ВИЗНАЮЧИ РІВНОПРАВНІСТЬ ЛЮДЕЙ, НЕЗАЛЕЖНО ВІД ЇХ ВИРУВАНЬ, СОЦІАЛЬНОЇ, НАЦІОНАЛЬНОЇ ЧИ ІНШОЇ ПРИНАЛЕЖНОСТІ,

— ВИЯВЛЯЮЧИ ТЕРПИМІСТЬ ДО ІНШИХ ДУМОК, ПОЧУТТІВ І ВІРИ,

ПРАГНЕ ДО УТВЕРДЖЕННЯ В НАШОМУ ЖИТТІ СВОБОДИ, СПРАВЕДЛИВОСТІ І СОЛІДАРНОСТІ.

Ми усвідомлюємо, що політиці, яка не підпорядковує себе вимогам моральності, нерідко легше взяти гору в боротьбі за владу. Але її вік — недовгий, а пам'ять про неї — прокляття.

Ми усвідомлюємо, що шляхів піднесення людяності — безліч, і не претендуємо на знання найбільш правильного.

Ми готові співробітничати з усіма, хто прагне тієї ж мети і не привласнює собі «право» на насильство заради її досягнення.

Ми маємо намір діяти виключно мирними, ненасильницькими методами, шляхом послідовних реформ, що проводяться через законні органи влади.

Наше завдання — в союзі з іншими демократичними силами — сприяти перетворенню України на демократичну незалежну державу з ефективною ринковою економікою і соціальною захищеністю громадян.

Ми прагнемо зробити Україну країною:

— суверенність якої визнається світовим співтовариством;

— народовладдя в якій забезпечує дотримання міжнародно визнаних громадянських і політичних прав людини;

— економічний розвиток якої забезпечує реалізацію основних економічних, соціальних і культурних прав громадян.

Ми не ставимо собі за мету «будівництво» якогось задалегідь сконструйованого суспільства.

Наша мета — демократичне відродження України, формування політичних і правових умов для свободи соціальної творчості людей на нашій землі.

Ми вважаємо, що такі умови може забезпечити в громадянському суспільстві **гуманістична** демократія — правова демократія:

— яка виходить із самоцінності людського життя і неприпустимості аморальності правових установлень;

— яка ґрунтується на принципах ненасильства і терпимості, суверенності особистості і пріоритетності загальнолюдських цінностей, невідчужуваності прав людини і прав меншості;

— і яка захищає свободу для кожного при рівноправності всіх і справедливості для кожного при солідарності всіх.

Тих, хто поділяє ці цілі та цінності, ми закликаємо об'єднуватися, заради піднесення в нашому житті, у всіх наших стосунках і відносинах **діяльної людяності**.

Перевод

№ 2

ДЕКЛАРАЦІЯ

ПАРТИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ УКРАИНЫ

К свободе, справедливости и солидарности путем равноправия, ненасилия и толерантности

Талантливый и трудолюбивый народ Украины, имея благоприятные природные условия, прозябает по европейским меркам — живет ниже уровня бедности. Существующая экономическая система подавляет любую заинтересованность в результативности и в ее эффективной организации, порождает экологические катастрофы.

Причина нашего кризиса — все еще не ликвидированное монополюско-командное положение номенклатуры государственной партии во всех ключевых органах политической и экономической власти. Именно тоталитарная власть номенклатуры, которая выросла из насилия и систематической фальсификации всей массовой информации о стране и мире, привела Украину на грань катастрофы.

Выход из этого затруднительного положения — **в замене госпартийного самодержавия правовой демократией**.

Но демократия начинается только тогда, когда народ получает возможность **свободно** выбирать между различными политическими программами,

которые **свободно** разрабатывают и распространяют **свободно** создаваемые общественные объединения.

Итак, чтобы стать демократической, Украине необходима реальная многопартийность.

Исходя из этого, мы — делегаты Учредительного съезда Партии демократического возрождения Украины создаем парламентскую партию демократического типа — без монополистического централизма на основе принципов суверенности членов партии, свободного образования ими своих объединений, включая фракции, верховенства этих организаций над органами, которые они выбирают, полицентричности самоорганизации и самоуправления.

Мы организуем партию для того, чтобы, объединившись, получить возможность лучше защищать **гражданские и политические** права — свои и всех людей, которые живут в Украине;

— защищать приоритетность прав человека перед правами любого социального или национального сообщества и приоритетность прав народа перед правами государства;

— защищать право народа Украины перестраивать свое государство — и его отношения с другими государствами — в соответствии со своими интересами и уважая права других народов;

— защищать право народа Украины и каждого человека, живущего на ее земле, самостоятельно распоряжаться своей судьбой.

Ибо без защищенности гражданских и политических прав ни человек, ни народ не могут быть действительно свободными.

А именно **свобода** позволяет и личности, и обществу развиваться.

Мы создаем партию для того, чтобы, надеясь на поддержку избирателей, действительно защищать **экономические и социальные** права граждан. Прежде всего — устранить политические препятствия росту благосостояния народа Украины и социальной защищенности каждого человека, ликвидировав господство государственной собственности и сформировав правовые условия для беспрепятственного развития всех форм собственности, в которых не используется внеэкономическое принуждение, и для свободной экономической деятельности всех граждан:

— свободы объединения для желающих работать и организовывать свой труд совместно;

— свободы предпринимательства для желающих вести собственное дело;

— свободы выбора условий труда для желающих наняться на работу и не брать на себя обязанность по ее организации.

Потому что без экономической свободы еще ни одному народу не удалось стать богатым, или без богатства обеспечить социальную защищенность каждого человека. Той, которая только и делает реальным существование в обществе действенной справедливости.

А именно **справедливость** позволяет и обществу, и личности приобретать нравственность.

Мы объединяемся в партию для того, чтобы в рамках возможностей парламентской системы принимать участие в создании правовых и политических условий подъема в Украине уровня цивилизованности и культуры. Прежде всего:

— условий цивилизованного разрешения противоречий между интересами различных социальных групп, преодоления воинственности и бескомпромиссности, установления гражданского мира и согласия;

— возрождения и развития украинской культуры, свободного развития на нашей земле всех других культур;

— защищенности прав личности, свободы ее совести и вероисповедания, мировоззрения и духовного творчества.

Поскольку без духовной свободы и суверенности личности не вырастает человеческое достоинство. То, которое только и делает возможным не просто классовую или национальную, а общую, собственно **человеческую** солидарность.

А именно человеческая солидарность побуждает людей, будучи свободными, вести себя справедливо.

Направляя творческую энергию **свободы** по ориентирам **справедливости, человеческая солидарность** придает общественному развитию нравственную направленность.

И поэтому мы стремимся к равноценному сочетанию в политике нашей партии принципов свободы, справедливости и солидарности.

Мы хотим способствовать нашей республике не только развивать все свои силы и способности, но и развивать их морально.

По законам гуманизма.

По законам совести и правды.

По законам истины, добра и красоты.

Путем, который ведет к подъему нравственности общества, к приумножению взаимопомощи между людьми, к становлению человеческого братства.

МЫ СОЗДАЕМ ПАРТИЮ, КОТОРАЯ БЫ ОБЪЕДИНИЛА НА ЗЕМЛЕ УКРАИНЫ ТЕХ, КТО:

— ОТВЕРГАЯ НАСИЛИЕ И НЕНАВИСТЬ,

— ПРИЗНАВАЯ РАВНОПРАВИЕ ЛЮДЕЙ, НЕЗАВИСИМО ОТ ИХ ВЕРОВАНИЙ, СОЦИАЛЬНОЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛИ ДРУГОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ,

— ПРОЯВЛЯЯ ТЕРПИМОСТЬ К ДРУГИМ МЫСЛЯМ, ЧУВСТВАМ И ВЕРЕ,

СТРЕМИТСЯ К УТВЕРЖДЕНИЮ В НАШЕЙ ЖИЗНИ СВОБОДЫ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И СОЛИДАРНОСТИ.

Мы осознаем, что политике, которая не подчиняет себя требованиям нравственности, нередко легче одержать верх в борьбе за власть. Но ее возраст — недолгий, а память о ней — проклятие.

Мы осознаем, что путей подъема человечности — множество, и не претендуем на знание наиболее правильного.

Мы готовы сотрудничать со всеми, кто стремится к той же цели и не присваивает себе «право» на насилие ради ее достижения.

Мы намерены действовать исключительно мирными, ненасильственными методами, путем последовательных реформ, проводимых через законные органы власти.

Наша задача — в союзе с другими демократическими силами — способствовать превращению Украины в демократическое независимое государство с эффективной рыночной экономикой и социальной защищенностью граждан.

Мы стремимся сделать Украину страной:

— суверенность которой признается мировым сообществом;

— народовластие в которой обеспечивает соблюдение международно признанных гражданских и политических прав человека;

— экономическое развитие которой обеспечивает реализацию основных экономических, социальных и культурных прав граждан.

Мы не ставим себе целью «строительство» какого-то заранее сконструированного общества.

Наша цель — демократическое возрождение Украины, формирование политических и правовых условий для свободы социального творчества людей на нашей земле.

Мы считаем, что такие условия может обеспечить в гражданском обществе **гуманистическая** демократия — правовая демократия:

— которая исходит из самоценности человеческой жизни и недопустимости аморальности правовых установлений;

— которая основывается на принципах ненасилия и терпимости, суверенности личности и приоритетности общечеловеческих ценностей, неотчуждаемости прав человека и прав меньшинства;

— и которая защищает свободу для каждого при равноправии всех и справедливость для каждого при солидарности всех.

Тех, кто разделяет эти цели и ценности, мы призываем объединяться, ради подъема в нашей жизни, во всех наших отношениях и отношениях **деятельной человечности**.

ЦГАОО Украины. — Ф. 1. — Оп. 32. — Д. 2768. — Л. 189—192.

Источники и литература

1. ЦГАОО Украины — Ф. 1. — Оп. 32. — Д. 2768.
2. Гай-Нижник, П. П. Виникнення перших політичних партій в УРСР, утворення Народного Руху України та його позиція щодо Союзного договору (1989—1991 рр.) // Гілея. — 2012. — № 57. — С. 127—133.

Артыкул наступіть у редакцію 20.06.2014

В. С. Пазднякоў,

загадчык аддзела археаграфіі

*Беларускага навукова-даследчага інстытута
дакументазнаўства і архіўнай справы;*

e-mail: vpmiensk@gmail.com

КЛЕЦКАЯ ШЛЯХТА XVI—XVII стст. (СПІСЬ)

Клецкая шляхта як асобная група пануючага стану Вялікага Княства Літоўскага — гэта не проста тая шляхта, што жыла ў ваколіцах старажытнага Клецка. У гістарычным разуменні гэта феадальназалежная шляхта, якая знаходзілася ў падпарадкаванні ўладальнікаў Клецка. На працягу сваёй доўгай гісторыі Клецк шмат разоў мяняў уласнікаў. З сярэдзіны XV ст. гэта была велікакняжацкая ўласнасць, дзе сядзелі намеснікі вялікага князя ВКЛ Казіміра. Каля 1492 г. (паводле дапушчэння Ф. І. Леантовіча [1, с. 147], з якім можна пагадзіцца) Казімір падараваў Клецк разам з Давыд-Гарадком і Рагачовам князю Івану Васевічу Яраславічу, выхадцу з Расіі, сыну серпухаўска-бароўскага князя. Падараванне было пацверджана ў 1499 г. новым вялікім князем Аляксандрам [2, с. 6—7 (вторая пагинация)]. І. В. Яраславіч памёр у 1507 г., яго апошняя грамата датавана 24 красавіка [3, с. 348—349], а ўжо 14 ліпеня 1507 г. Клецкам распараджаўся яго сын Фёдар [4, с. 555]. Фёдар Іванавіч Яраславіч да гэтага часу ўжо быў уладальнікам Пінска. Пераход у яго рукі бацькавай спадчыны, у тым ліку Клецка, быў абстаўлены спецыяльнай дамовай, заключанай з вярхоўнай уладай у 1508—1509 гг. [2, с. 24—25]. Вялікі князь Жыгімонт Стары ўзяў пад абарону кн. Фёдара і яго жонку Алену і гарантаваў недатактыльнасць іх зямельных уладанняў (меліся на ўвазе прэтэндэнты з боку іх сваякоў), а Фёдар з княгіняй завяшччалі Жыгімонту ўсе свае княствы. Алена памерла ў 1518 г., а Ф. І. Яраславіч — паміж жніўнем 1520 г. і 23 лютага 1522 г. [2, с. 27—28].

Яшчэ пры жыцці апошняга Яраславіча, у 1519 г., Жыгімонт Стары падараваў Клецк, Пінск і Давыд-Гарадок сваёй жонцы Боне. Гэтыя ўладанні павінны былі перайсці да яе пасля смерці Ф. І. Яраславіча [5, с. 50]. Гарады з адпаведнымі валасцямі (княствамі) перадаваліся Боне з тым аб'ёмам правоў і паўнамоцтваў, якія мелі князі Яраславічы, у тым ліку, трэба думаць, і з правам надзяляць землямі мясцовых і пабочных баяр. Канчатковая перадача Боне Клецкага княства была аформлена толькі ў 1523 г. Бона гаспадарыла на Палессі вельмі доўга, пакуль у 1556 г. назаўсёды не з'ехала ў родную Італію.

Яшчэ пры жыцці Боны, 1 лістапада 1551 г., вялікі князь Жыгімонт Аўгуст падараваў Клецк і Давыд-Гарадок канцлеру ВКЛ, ваяводзе віленскаму і маршalkу земскаму Мікалаю Радзівілу Чорнаму. Зноў жа, гэтыя княствы мусілі атрымаць новага гаспадара толькі пасля смерці папярэдняга (або ад'езду Боны за мяжу). Паўторнае падараванне Клецка і Давыд-Гарадка Радзівілу адбылося ў 1558 г. [6, с. 771—772], і толькі з гэтага часу можна казаць пра шматвекавое гаспадаранне Радзівілаў на Клецчыне. Даравальнай граматай 1558 г. Жыгімонт Аўгуст даваў М. Радзівілу і феадальную ўладу над тамтэйшым баярствам: канц-

лер атрымліваў маенткі «с местами и волостями, с именьями бояр-шляхты и со всем правом и волостью, по тому, яко тые замки Клецко и Городок князь Федор Ярославович и Фалимичи князь Василей Сангушкович и по них к рукам королевое ее милости и великое княгини Боны держано». Цікава, што палажэння пра баяр-шляхту ў акце дарэння 1551 г. яшчэ не было. Тады ж, у 1558 г., Жыгімонт Аўгуст накіраваў адмысловы ліст да клецкага баярства, мяшчан і «ўсялякага тытулу людзям», у якім інфармаваў насельніцтва пра канчатковы пераход Клецчыны ў рукі М. Радзівіла і загадваў, каб выконвалі павіннасці новаму ўладальніку так, як раней рабілі гэта Ф. І. Яраславічу і Боне [7, арк. 1].

Клецкае княства (павет, панства — тэрміналогія часам мянялася) адметнае тым, што ў архівах захавалася пэўная колькасць спісаў яго шляхты, якая выступала на вайну як адзін атрад. У некаторых выпадках спісы ўтрымліваюць інфармацыю пра зямельныя ўладанні шляхты, на падставе чаго можна меркаваць пра яе заможнасць. Іншыя дакументы распавядаюць пра яе адносіны з уладальнікамі Клецка і цэнтральнай уладай. Склаўся цікавы комплекс дакументаў, які асвятляе жыццё шляхецкага стану адной з тэрытарыяльных адзінак дзяржавы.

Першы спіс клецкай шляхты (баярства) быў складзены падчас агульнадзяржаўнага попіса ваеннаабавязанага насельніцтва ВКЛ у 1528 г. [20, с. 152]. У загалюку спіса стаіць слова «баярь», але адразу ў тэксце дакумента яны атасамліваюцца са шляхтай. Дакумент даўно і добра вядомы даследчыкам. Прыгледзімся да яго больш уважліва.

На першы радок у спісе пастаўлены баярын Фёдар Шчэпа, хоць больш за яго і за ўсіх астатніх выстаўляў коней (чатыры) баярын Далмат Андрэвіч. Фёдар Пятровіч Шчэпа належаў да важнага палескага роду. Акрамя двух коней з клецкіх маенткаў, ён ставіў у войска яшчэ трох коней з пінскіх. Шчэпа быў членам рады кн. Ф. І. Яраславіча. Ад князя ў 1503 г. Ф. П. Шчэпа атрымаў чатырох служэбнікаў і двух даннікаў у Велісніцы, Варачэвічах, Мерчычах, Іванічах, Моталі, а клецкія маенткі яму дасталіся ад І. В. Яраславіча [2, с. 115].

Добрыя адносіны князёў Яраславічаў да Шчэпаў знайшлі водгук у мастацтве. Пінскі поп-разьбяр Ананія стварыў некалькі маленькіх драўляных абразкоў — сапраўдных шэдэўраў прыкладнага мастацтва. На адным з іх выразаны надпіс: «Дана бысть княземъ Федоромъ Ивановичемъ Ярославича Федору Ивановичу Щепиноу. Робиль погъ Ананиа» [8, с. 214]. Мяркую, што тут Ф. П. Шчэпа названы Фёдарам Іванавічам памылкова, майстар перанёс на яго імя па бацьку князя Ф. І. Яраславіча. У 1528 г., калі склаўся першы спіс клецкай шляхты, князь ужо не жыў, але Шчэпа, пэўна, з-за былога высокага становішча захаваў за сабой першы радок у клецкай іерархіі.

Другі радок у спісе 1528 г. займае баярын Далмат Андрэвіч. Нават на падставе апублікаваных дакументаў можна прасачыць вытокі роду Далматаў і пазнейшыя іх лёсы, калі яны набылі сенатарскую годнасць пад прозвішчам Ісайкоўскія (нячасты выпадак у беларускай генеалогіі).

Пра выгокі роду распаўядае ліст вялікага князя Жыгімонта Старога 1523 г., якім ён пацвердзіў ліст кн. Ф. І. Яраславіча 1508 г. Аказваецца, яшчэ ў канцы XV ст. ці пачатку XVI ст. кн. І. В. Яраславіч падараваў двор Цапра ў Клецкім княстве баярыну Андрэю Мікуліну [3, с. 360—362]. Гэта першы вядомы прадстаўнік роду. Ад яго маёнтак Цапра перайшоў да сыноў Івана і Далмата. Пры першым пацвярджэнні права на валоданне Цапрай у 1508 г. Іван ужо не жывіў, так што, па сутнасці, лісты 1508 і 1523 г. былі выдадзены Далмату Андрэевічу як старэйшаму ў родзе. У самога Далмата Андрэевіча дзяцей не было, затое ў Івана былі сыны Матфей і Андрэй. Як малалетнія, яны ўпамінаюцца ў велікакняжакім лісце 1508 г., згадваюцца лістом 1523 г. У спісе клецкіх баяр 1528 г. яны пастаўлены адразу пасля Далмата Андрэевіча. Матфей Іванавіч і Андрэй Іванавіч выстаўлялі ў войска па два вершнікі (столькі разам, колькі іх дзядзька Далмат адзін, відавочна, што Далмат і Іван падзялілі бацькаву спадчыну пароўну). Цікава, што асабовае імя Далмат у далейшым замацавалася ў родзе як прозвішча, відаць, таму што ў пачатку XVI ст. Далмат быў апекуном малалетніх Іванавічаў і іх заступнікам перад вярхоўнай уладай.

Пяты радок у спісе клецкіх баяр 1528 г. займае нейкі Міхайла Шарapaў, які ставіў у войска двух вершнікаў. Выказана меркаванне, што яго продкі прыехалі ў ВКЛ з Маскоўскага вялікага княства і паходзілі з баярскага роду Нетшычаў [9, с. 63]. Захавалася грамата, выдадзеная кн. Ф. І. Яраславічам у 1507 г. М. Шарapaу («Міхайло Шерап Дмитреевич») на маёнтак Сухлічы (гэта было пацвярджэнне старой даніны кн. В. І. Яраславіча), на чатырох чалавек у сяле Кашманчычах і інш. [9, с. 63—64]. Двух вершнікаў ставіў і Фёдар Татарын (гэта не татарын па нацыянальнасці, бо спіс клецкіх служэбных татараў змешчаны пасля баяр — гэты спіс разгледжаны мной у асобнай працы [10]). Астатнія клецкія баяры ў 1528 г. выстаўлялі па адным вершніку. Такіх было 19 чалавек. Яшчэ 10 баяр, самыя незаможныя, ставіліся ў войска асабіста.

У попісе войска ВКЛ 1528 г., акрамя «клецкага спіса», ёсць і пералік баяр, якія ішлі на вайну над харугвай Новагародскага павета. Сярод апошніх нямала тых, хто жывіў зусім побач з Клецкам. Але яны не трапілі ў спіс клецкіх баяр, бо, пэўна, атрымалі свае маёнткі непасрэдна ад вялікага князя. Яны лічыліся не клецкімі, а новагародскімі баярамі. Сярод іх Івашка Зубкавіч [20, с. 65]. Яго бацьку Андрэю Ілінічу Зубку (баярыну слупкай княгіні Настасі) маёнтак дастаўся ад вялікага князя Жыгімонта Старога. Цяпер гэтыя землі — вёска Зубкі Клецкага р-на. Раней гэта было ўладанне нейкага кн. Івана Юр'евіча, які збег з князямі Глінскімі ў 1508 г. у Маскву, а яшчэ раней — кн. Ф. І. Яраславіча [12, с. 178]. Новагародскім баярынам лічыўся і Юшка Маствіловіч [20, с. 66]. Яго продку Андрушку Маствіловічу яшчэ недзе паміж 1440 і 1458 гг. вялікі князь Казімір падараваў сяло пад Клецкам [13, стб. 61]. Такіх баяр, якія валодалі землямі пад Клецкам, але лічыліся новагародскай шляхтай, у попісе 1528 г., паводле маіх падлікаў, каля 16 (лічба ўмоўная). Зразумела,

што іх землі лічыліся тэрыторыяй Новагародскага павета, і часам такія маёнткі былі акружаны з усіх бакоў землямі Клецкага княства.

На прывілей вялікага князя Жыгімонта Аўгуста 1551 г. пра перадачу Клецкага княства М. Радзівілу Чорнаму вялікая княгіня Бона адказала правядзеннем у княстве валочнай памеры (1552—1555 гг.). Захавалася дакументацыя гэтага мерапрыемства, у тым ліку запісы пра абмен зямлёю з клецкімі баярамі [14]. З гэтай дакументацыі я выбраў прозвішчы баяр, пра якіх пазначана, што яны «клецкія зямiane». Да гэтага спіса далучаны баяры, пра якіх, паводле ўскосных сведчанняў, можна меркаваць, што яны таксама «клецкія» (яны пазначаны пыгальнікам). Такім чынам, усяго набралася 42 асобы «клецкіх зямлян». Трэба меркаваць, што ў атрыманым спісе большасць асоб — гэта сыны баяр са спіса 1528 г., аднак сустракаюцца і ўжо вядомыя імёны. Напрыклад, у спіс 1552—1555 гг. трапілі двое Далматаў. Андрэй Іванавіч Далмат, пэўна, ідэнтычны Андрэю Іванавічу з попіса 1528 г., а Багдан Мацвеевіч Далмат, канешне, сын Матфея Іванавіча з попіса 1528 г. Але ў спісе 1552—1555 гг. з'явіліся і зусім новыя асобы. Сярод такіх Себасц'ян Дыбоўскі. У пазнейшых актах ён названы спраўцам Гаралзенскага староства, гэта значыць, быў каралеўскім дваранінам. А тое, што ён апынуўся сярод «клецкіх зямлян» сведчыць пра тое, што атрымаў ад Боны на нейкіх умовах пэўныя клецкія землі. Увогуле падчас правядзення валочнай памеры 1552—1555 гг. Бона сутыкнулася з тым, што землі клецкага баярства вельмі часта ляжалі маленькімі лапікамі ў асяроддзі яе непасрэдных уладанняў. У большасці гэтая цераспалосіца была ліквідавана, наўняны населеныя пункты ўзбудынены, але і пасля размежавання зямель уладанні некаторых баяр з цяжкасцю лакалізуюцца на сучаснай карце. Ад прозвішчаў некаторых баяр узялі найменні сучасныя вёскі. Напрыклад, ад Івана Малаеда паходзіць назва в. Малаеды, ад Войны Пахабавіча — в. Пахабаўшчына Нясвіжскага р-на. Дарэчы, яшчэ ў 1551 г. Іван Ляневіч Малаед атрымаў пацвярджэнне Боны прывілея яе старасты; за атрыманых земляў баярын быў павінен «земли нашео Пузиновское од людей и бояр своятицких боронити» [15, с. 689].

Клецкіх баяр Бона абараняла ад празмернага ціску сваіх ураднікаў. Калі ў 1548 г. клецкі падстараста пачаў рассялаць да клецкіх баяр судовыя позовы з уласнай волі, «никоторые з них выламовали и одказовали» станавіцца перад судом, і ў гэтым іх падтрымала Бона [15, с. 690]. Яна ж стала іх заступніцай ад уціску клецкіх старасты і падстарасты, калі тыя захацелі павялічыць баярскія павіннасці. Клячане выслаілі да Боны дэлегацыю з двух баяр. Вялікая княгіня пісала свайму старасту: «Так же теж жаловали нам, иж ты сам и вранник твой клецки и иншые служебники твое не водлух статуту прав земских на них ... вижовое и децковое берет», і загадала спыніць такую практыку [15, с. 690].

Пасля пераходу Клецкага княства ў 1558 г. да М. Радзівіла Чорнага мясцовае баярства ішло на вайну над яго харугвай і камандаваннем. Менавіта пагэтам мы не сустракаем пералік клецкіх баяр у попісах войска ВКЛ 1565 і 1567 гг., там дадзены толькі агульныя лічбы ваяроў, якіх выстаўляў князь.

Гэты прагал дазваляе запоўніць спіс клецкай шляхты 1563 г., што быў складзены радзівілаўскімі ўраднікамі. У ім 32 прозвішчы. Упершыню даны назвы маёнткаў, якімі валодалі некаторыя клецкія шляхціцы.

На першы радок складальнікамі гэтага дакумента пастаўлены кн. Пётр Пузына, які з «пустога» маёнтка Глодаўшчына ставіў у войска аднаго вершніка. Пётр Цімафеевіч Пузына вядомы з 1547 г., калі ён быў падкаморым канцлера ВКЛ і ваяводы віленскага Яна Глябовіча [16, s. 406]. Апошні памёр у 1549 г., пасля чаго П. Ц. Пузына перайшоў на службу да новага канцлера ВКЛ і ваяводы віленскага М. Радзівіла Чорнага і атрымаў ад яго, як служэбнік, у 1560 г. Глодаўшчыну пад Клецкам [7, арк. 9]. Гэтым маёнткам П. Ц. Пузына валодаў і ў 1575 г. [17, арк. 45, 126, 127]. Але асноўныя зямельныя ўладанні Пузыны ляжалі ў іншых рэгіёнах дзяржавы.

На другое месца ў спісе 1563 г. пастаўлены ўжо ўпамянута Себасцьян Дыбоўскі. Названы ягоныя зямельныя ўладанні, з-за якіх ён трапіў у васалы Радзівіла Чорнага: маёнтакі над р. Цапра і ў Ракаве. Раней С. Дыбоўскі меў яшчэ людзей у с. Казманчычы Клецкага павета, аднак тых людзей перасяліў у с. Быхаўшчына Нясвіжскага павета (цяпер вёскі Вялікая Быхаўшчына і Малая Быхаўшчына Нясвіжскага р-на). Раней за гэтых людзей ён плаціў серабшчыну (ваенны падатак) у Клецк.

Марцін Валадковіч ставіў у войска вершніка «з маёнтка апекі» Шчэснага Іванавіча ў Дунайчыцах. Гэтыя дзве асобы вядомы ў спісе 1552—1555 гг., але паходжанне іх не ўстаноўлена. У 1563 г. Марцін Валадковіч таксама трымаў у заставе землі Казака Пішчыкавіча і Маркі Пішчыкавіча.

Валенты Чарнкоўскі трымаў маёнтак на Лукаўцы пасля жонкі Шчэпы і выстаўляў у войска аднаго вершніка. Неназваная па імені ўдава Шчэпы — пэўна, жонка сына Ф. І. Шчэпы са спіса 1528 г. Маёнтак на Лукаўцы — відаць, землі сучаснай в. Лукаўцы, зусім побач з Клецкам. В. Чарнкоўскі ўжо сустракаўся ў спісе 1552—1555 гг. Са сваіх маёнткаў ён выстаўляў у 1565 і 1567 гг. пад новагародскую харугву па адным вершніку. Ён жа прыгадваецца ва ўспамінах першага беларускага мемуарыста Фёдара Еўлашоўскага: «Октобра 31, року 90, умар сосед и приятель мой, человек барзо добрый (беатус вир), пан Валентый Чарковский» [18, с. 55].

Далей у спісе 1563 г. запісаны Сцяпан Чанавіцкі. Ён трымаў маёнтак, які з дазволу князя быў узяты ад плябанскага двара ў Астроўчыцах (цяпер в. Астроўчыцы Клецкага р-на). Крыху ніжэй пазначаны іншыя яго маёнкі: ад яго падчарыц Багушовен (дочкі баярына Богуша Міхайлавіча са спіса 1528 г.?) і, як застава, ад Войны, а таксама маёнтак сваёй жонкі, які мае перадаць дзесям пасля дасягнення імі паўналецця.

Зноў адзначаны Андрэй і Багдан Далматы, Апанас Радзівонавіч, Война Пахабавіч, Война Грычынавіч і іншыя асобы, якія вядомы паводле спіса 1552—1555 гг. Война Грычынавіч даў прозвішча вядомаму роду Войнаў-Грычыновічаў. Асноўныя маёнкі гэты баярын меў у Пінскім Палессі, некато-

рыя з іх дасталіся яму ад бацькі Матфея Грычыны [2, с. 114]. А вось як у яго апынуліся землі на р. Туча (цяпер в. Туча Клецкага р-на) — невядома. У спісе 1563 г. ёсць і новыя, невядомыя раней прозвішчы. Адзначаны Барташ Чыж — прадстаўнік даволі вядомага ў наступныя стагоддзі роду.

У 1565 г. памёр уладальнік Клецкага княства М. Радзівіл Чорны. Яго малалетнія сыны яшчэ былі не ў стане ўзяць у свае рукі шматлікія маёнкі бацькі па ўсім ВКЛ, таму зямельныя ўладанні князя перайшлі пад кіраўніцтва апекуноў. Безумоўна, гэта дазволіла ў пэўнай ступені згуртавацца клецкай шляхце ў барацьбе за сваю даўнюю мару: пазбавіцца ад апекі сваіх паноў і быць падсуднымі не клецкаму замкаваму суду Радзівілаў, а павятоваму суду ў Новагародку і ісці на вайну не ў складзе радзівілаўскай харугвы, а пад харугвай Новагародскага павета. Іншымі словамі, калі не поўнаасцо пазбавіцца ад феадальнай залежнасці ад Радзівілаў, то ад значнай яе часткі. На Гарадзенскім сойме 1566—1567 гг. гэтае пытанне было ўзнята дпутатамі Новагародскага павета «за сваю братыю, зямлян клецкіх». Аднак вялікі князь Жыгімонт Аўгуст толькі даў магчымасць клецкай (і давыд-гарадоцкай) шляхце паклікаць апекуноў дзяцей М. Радзівіла Чорнага на гаспадарскі суд і там прадставіць прывілеі на свае правы [6, с. 771—772]. Аднак хутка шляхта дамаглася свайго ў межах усяго ВКЛ. Акт Люблінскай уніі 1569 г. адмяніў палажэнне Статута ВКЛ 1566 г., згодна з якім князі і паны харуговыя хадзілі на вайну на чале ўласных атрадаў сваёй шляхты.

Але зямля, якую трымалі шляхціцы, заставалася ўласнасцю іх сеньёраў. Падраслі сыны Радзівіла Чорнага. Згодна з сямейным падзелам, Клецкае княства перайшло да Альбрэхта Радзівіла, але яшчэ ў 1577 г. чарговы спіс клецкай шляхты быў складзены па загаду старэйшага сына Радзівіла Чорнага, Мікалая Крыштафа (Сіроткі), апекуна малодшых братоў. У гэтым спісе ўжо не адзначана, колькі вершнікаў шляхта ставіла ў войска, бо за гэта яна адказвала ўжо перад дзяржаўнымі ўраднікамі, затое пазначана, як многа зямлі яна мела (у валоках). Для гэтага была праведзена «валочная памора» зямлі клецкай шляхты, якую ажыццявіў «валочнік» Марцін Тхарніцкі.

На першым месцы ў спісе 1577 г. значыцца ўжо вядомы Себасцьян Дыбоўскі з 90 валокамі зямлі. Яго асноўныя ўладанні былі ў сяле Сухлічы (цяпер вёска ў Клецкім р-не). Марцін Валадковіч у Дунайчыцах трымаў 42 валокі. У Аўгуштына Чарнкоўскага аказаўся маёнтак Глодаўшчына (13,5 валокі), які ў 1563 г. трымаў кн. П. Ц. Пузына. На якой падставе адбыўся такі пераход, таго складальнік спіса не ведаў, што добрасумленна і адзначыў. Зноў сустракаем Валентыя Чарнкоўскага з 24 валокамі зямлі. Крыху далей у спісе ёсць Далматы, уладальнікі Цапры (146 валок). Гэта самы вялікі маёнтак у спісе, але ў яго быў не адзін уладальнік. У папярэднім спісе трымальнікамі гэтых зямель пазначаны Андрэй і Багдан Далматы, а цяпер — Канстанцін Далмат і яго братанічы Дамаскінавічы (?) Далматы. Вялікім маёнткам было Малеват (цяпер вёска ў Нясвіжскім р-не) шляхціцаў Радзівонавічаў, усяго 63,5 валокі. Але і яно ў 1577 г. было раздроблена паміж родзічамі. Заможнымі шляхціцамі былі Канс-

танцін Залівака (31 валока), Война Пахабавіч (26 валок), Каспар Гудзьеўскі (20 валок), Мацей Крышпылоўскі (26 валок). У астатніх рэдка калі зямлі было больш за дзясятка валок. Незразумелы ў спісе запіс «зямяне ў Астроўчыцах». Пад ім запісаны толькі Сцяпан Чанавіцкі, які атрымаў у гэтым кутку ад М. Радзівіла Чорнага чатыры службы людзей, і сам прыкупіў зямлі, разам меў на 1577 г. 9 валок. Усяго, паводле падлікаў складальніка спіса, у клецкай шляхты было 894 валокі 18 маргоў зямлі. Вярхоўнымі ўладальнікамі гэтых валок лічылі сябе Радзівілы, што лішні раз і павінен быў пацвердзіць спіс 1577 г.

Дамогшыся права ісці на вайну не пад часам князёў Радзівілаў, а ў складзе харугвы Новагародскага павета, клецкая шляхта павяля барацьбу за вызваленне ад прысудаў Радзівілаў. Некаторым гэта ўдавалася, і яны, як казалі Радзівілы, былі «выпушчаны ў павет».

Наступны спіс клецкай шляхты паходзіць з 1626 г. Тут у большасці дзеці і ўнукі асоб са спіса 1577 г. На першае месца ў новым спісе пастаўлены Далматы з 72 валокамі зямлі (палова маёнтка, якім ён быў у 1577 г.). Тут жа пазначана, што манахі Цаперскага манастыра маюць 6 валок, з якімі «выпушчаны» ў Новагародскі павет. У 1618 г. Канстанцін Багданавіч Далмат-Цаперскі з жонкай Ганнай Юркоўскай заснаваў у сваім маёнтку праваслаўны манастыр пры Узвіжанскай царкве (тая была збудавана яшчэ яго бацькам Багданам Матфеевічам Далматам) і перадаў яму колькі зямлі [19, с. 107—113].

Наступныя радкі ў спісе 1626 г. займаюць шляхціцы, якіх не было раней сярод клецкай шляхты. Відца, гэта новыя на Клецьчыне сем'і, якія пачалі трымаць землі вымершых ці перасяліўшыхся родаў. Некаторую пераемнасць можна ўстанавіць. Так, у 1626 г. Войцех Каморскі ў «водрубе» Грызловіцкім меў 19 валок. Пэўна, тут маецца на ўвазе Апанас Грызловіч, які меў гэтыя 19 валок у 1577 г. і ставіў у войска аднаго верхніка ў 1563 г. Следам пазначаны Адам Гудзьеўскі, які меў 30 валок на Рыбаўшчыне пад Малевам і на Мазолеўшчыне. У спісе 1577 г. знаходзім яго бацьку (?) Каспера Гудзьеўскага, які, сапраўды, купіў 10 валок у Грышкі Косціча Мазалі і ўзяў у заставу маёнтка Рыбаўшчыну (пэўна, у баярына Ісаі Рыбы са спісаў 1550—1560-х гг. ці яго нашчадкаў).

Некаторыя клецкія шляхецкія роды па-старому трымалі свае маёнткі. Так, наступным у спісе 1626 г. пазначаны род Радзівонавічаў, якія мелі 63 валокі. Прыкладна такія ўладанні былі ў іх у 1577 г. Аляксандр Залівака з 31 валокай са спіса 1626 г. — нашчадак Канстанціна Залівакі са спіса 1577 г. і г. д.

У спісе 1626 г. побач з імёнамі некаторых шляхціцаў пазначана, што яны «выпушчаны» ў Новагародскі павет, гэта значыць, вызвалены з-пад прысуду клецкага замкавага суда Радзівілаў, а таксама ад абавязкаў на карысць Радзівілаў. Спіс адметны тым, што ў ім упершыню пазначаны тыя абавязкі, аднак у даволі агульнай форме: «Па загаду Яго Княскай Мосці на вайну самім ехаць альбо початы выпраўляць. Замак Клецкі паводле даўняга звычайна напраўляць і зноў будаваць. Паборы і іншыя павіннасці да Клецкага замка аддаваць». Што датычыць радзівілаўскага загаду ісці на вайну, то гэта рэмінісцэнцыя

сеньёрыяльных правоў, якія мелі ўладальнікі Клецка да Люблінскай уніі 1569 г. Астатнія правы князёў грунтаваліся на іх вярхоўнай уласнасці на клецкія землі, што захавалася і пасля заключэння уніі.

Спіс клецкай шляхты з інвентара Клецкага княства 1645 г. захавалася часткова, можа, крыху больш як напалову. Яго параўнанне са спісам 1626 г. паказвае, што шляхецкія роды ў асноўным захавалі свае ўладанні. Парадак пералічэння родаў таксама ў асноўным стары. На першым месцы зноў Далматы з маёнткам Цапра, але цяпер у іх 54 валокі замест ранейшых 72. Астроўчыцкая шляхта зноў абагульнена, у яе па-ранейшым 188 валок. Астатнія даныя спіса прыкладна адпавядаюць звесткам спіса 1626 г.

Наступны спіс клецкай шляхты, 1652 г., захавалася поўнасцю. У гэтым годзе М. К. Радзівіл выдаў фундуш Клецкаму касцёлу Св. Тройцы, дзе вызначыў памеры «пакардоўшчыны» на карысць касцёла. Парадак шляхецкіх прозвішчаў у спісе ўяўляецца даволі выпадковым. На першым месцы значыцца Альбрэхт Булгарын з 15 валокамі зямлі ў Заельнай (цяпер вёска Заельная Клецкага р-на). Пэўна, менавіта гэтым маёнткам валодала ў 1645 г. удава Сялявы з дзецьмі. Некаторыя з іншых прозвішчаў і маёнткаў поўнасцю адпавядаюць запісам спіса 1645 г., але некаторыя землі змянілі ўладальнікаў. Складальнікі спіса 1652 г. палічылі патрэбным вылучыць у асобныя радкі 69 зямельных уладанняў. Некаторыя з іх належалі адной асобе, некаторыя — некалькім, але ў цэлым відавочнае драбненне маёнткаў. Упершыню з'явіліся маёнткі менш за валокі. Магчыма, у некаторых з гэтых выпадкаў мы маем справу з распісанай па радках астроўчыцкай шляхтай.

Спіс 1652 г. быў апошнім з рэстраў клецкай шляхты. Пасля гэтага складанне падобных спісаў спынілася.

СПІСЫ КЛЕЦКАЙ ШЛЯХТЫ

№ 1

Рэстр клецкіх баяр 1528 г.

Рэстр знаходзіцца ў попісе войск ВКЛ 1528 г. (Метрыка ВКЛ, кн. 1 публічных спраў), які захоўваецца ў Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў у Маскве (фонд 389, вопіс 1, справа 523, лісты 211 адв.—212). Попіс 1528 г. выдаваўся некалькі разоў [11; 20; 28]. Друкуецца паводле беларускага выдання [20, с. 152].

Рейстр баяр клецкіх.

По тому жь писань яко и иншая шляхта.

Федор Щепя 2 кони.

Долмать Аньдреевичь 4 кони.

Матфеи Ивановичь 2 кони.

Аньдреи Ивановичь 2 кони.

Михаилло Шараповь 2 кони.

Олехно Радивоновичь кон.

Радивонова вдова кон.

Данилова Радивонович кон.

Григор Пищикович кон.
 Левько Пищикович кон.
 Иванъ Волокит кон.
 Яцко Волокитичъ кон.
 Богушь Михаиллович кон.
 Михаило Гридичъ Логвиновича кон.
 Брать его Богданъ кон.
 Ортюхъ Сеничъ кон.
 Воин Сеничъ кон.
 Сенинина кон.
 Кирикъ Аньдреевич кон.
 Костя Мозалевич кон.
 Костя Борисович кон.
 Василей Похабович кон.
 Федор Татаринъ 2 кони.
 Сеньчило кон.
 Гризловичи кон.

То бояре и татаре клецкии, што людеи не мають.
 Миколскии сам ку служ(бе).
 Кмига Сачкевич сам.
 Сидор Борисович сам.
 Васко Бусакович сам.
 Яцко Горбунович сам.
 Хома сам.
 Еля сам.
 Васко Дашкович сам.
 Матфей Березька сам.
 Кмига, бояринъ, сам.

№ 2

Зямяне Клецкага павета паводле інвентара 1552—1555 гг.

«Рэстр памеры зямлі на валокі» (фактычна інвентар) Клецкага павета (княства) каралевы польскай і вялікай княгіні літоўскай Боны быў складзены ў 1552—1555 гг. Захоўваўся ў Пінскім падкаморскім судзе, потым у Віленскім цэнтральным архіве старажытных актаў (кніга № 13315 паводле нумарацыі М. І. Гарбачэўскага). Цяперашняе месцазнаходжанне не ўстаноўлена. Апублікаваны К. І. Сніткам [14]. Прозвішчы клецкіх зямлян друкуюцца паводле гэтага выдання. З-за таго, што дакумент захаван не цалкам, гэты спіс можа быць няпоўным. Пытальнікам пазначаны асобы, аднясенне якіх да клецкіх зямлян нягэўнае.

Alexendr Iwanowicz Dubiczki.
 Andrey Janowicz Mostwielo.
 Andrey Thatharynowicz (?).
 Andrzej Iwanowicz Dolmat.

Bogdan Jelycz (Jelye).
 Bogdan Maczwieyewicz Dolmat.
 Chwiedor Beroska (?).
 Czyisko Szawycz.
 Danylo Hrodzieczky.
 Hreory Pysczik.
 Iszay Rybycz (?).
 Iwan Maloyed.
 Jwan Daszkowycz (?).
 Jwan Kyelbasza.
 Kierikowa, wdowa.
 Koszcza Iwanowicz.
 Koszcza Borisowicz.
 Liewko Szienczilowicz Agnus (Agnus Zyenczelyewycz).
 Maczhey Piothraszewicz.
 Marcin Wolothkiewicz.
 Marczyn Szusch.
 Marya Hignathowa, wdowa po Kmyczye Radziwonowiczu (?).
 Maryna Barthoszowa, wdowa.
 Maryna Gloszkowska (?).
 Mychalo Daszkowycz (?).
 Ochrenka Czywynska, wdowa (?).
 Oponas Radzywonowicz.
 Pawel Iwanowycz Dubiczki.
 Szczepan Borzobohathy.
 Szczepan Lyubyenyczycz (?).
 Szczesney Iwanowicz.
 Szczesny Pysczyk (?).
 Szebestyan Dibowski.
 Szidor Borisowicz.
 Szyemyon Korecz.
 Walyenthy Czamkowsky.
 Woyna Hryczynowicz.
 Woyna Pochabowycz (?).
 Zacharya Waiszieliewicz.
 Zanko Wolczkowicz (Wolkowicz) (?).
 Zdan Radzywonowicz.
 Zdan Waiszieliewicz.

№ 3

Спіс клецкай шляхты 1563 г.

Спіс знаходзіцца ў інвентары Клецкага княства 1563 г., складзеным Геранімам Макавецкім. Інвентар знаходзіцца ў архіве Радзівілаў, цяперашняе месцазнаходжанне не

ўстаноўлена. Захавалася дзве копіі спіса. Першая, XVII ст., знаходзіцца ў Літоўскім дзяржаўным гістарычным архіве ў Вільнюсе [21, арк. 5—5 адв.]. Другая дайшла ў складзе рукапіснай кнігі, складзенай у 1834 г. Ігнаціем Багданоўскім, з апісаннем гісторыі Клецкай ардынацыі; захоўваецца ў Варшаве ў Галоўным архіве старажытных актаў [22], мікрафільм — у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі [23]. Першая копія ўтрымлівае шматлікія выдавочныя памылкі, спіс друкуецца паводле другой копіі.

Зіеміаніе і шляхта замку клецкага.

Імienia tych ziemian zadnego nie sa mierzone, ale kazde s tych wedle starych granic i uzywania zostawion iest.

Kniaz Piotr Puzyna, imienia puste Głodowczyzna, z tego stawi konia 1.

Pan Sebestyan Dybowski, ten ma imienie nad Cepra reka i w Rakowie, a co miał w siele Kosmanczycach kiedy, ti ludzie powiatu kleckiego oyczyce zniósł do siola Bichowczyzny, ktore siolo ma w powiecie Nowogrodzkim, wszakoz przed sie z tych ludzi oddawa sierapczyzna do Klecka, a ziemia tego siola sa odgraniczone przy ziemiach Suchlickich od gruntow Bichowskich, z tego imienia stawi koni 2.

Pan Marcin Wołodkowicz z imienia opieki Szczesnego Iwanowicza w Dunajczycach kon 1.

Pan Walenty Czarnkowski po zenie Szczepowey w imienie na Łukawcu kon 1.

Pan Szczepan Czanowski z imienia ktore ma z łaski Jegomsci odieto od dwora plebanskiego w Ostrowczycach stawi konia 1.

Pan Andrzej Dołmat z imienia jego na Cepyri koni 3.

Pan Bohdan Dołmat z imienia jego na Cepyri koni 3.

Opanas Hriszłowicz konia 1.

Pan Opanas Radziwonicz konia 1.

Pani Kmicina Rodziwonowiczowa z imienia na Malewie kon 1.

Pani Kmicina Radziwonowiczowa na Łukawcu kon 1.

Pan Zdan Olechnowicz kon 1.

Pan Woyna Pochabowicz kon 1.

Pan Konstancy Zaliwaka kon 1.

Bortosz Czyz kon 1.

Agnus Sienczyłowicz kon 1.

Woyna Hryczynowicz na Tuczy kon 1.

Pan Szczepan Czanowicki z imienia pasierzbic swoich Boguszuwien kon 1.

Pan Szczepan Czanowicki z imienia zastawnego od Woyny stawi konia 1.

Pan Szczepan Łohwinowicz stawi konia 1.

Pan Chryztop Łohwinowicz stawi konia 1.

Pan Chwiedor Arciuchowicz stawi konia 1.

Pan Szczesny Sarnacki z imienia zastawnego stawi konia 1.

Pan Chwiedor Ostrowczycki konia 1.

Pan Michayło Łohwinowicz kon 1.

Pan Kmita Łohwinowicz konia 1.

Pan Bohdan Łohwinowicz kon 1.

Hrehory Piszczykowicz kon 1.

Kozak Piszczykowicz co dzierży w zastawie P. Marcin Wołodkowicz kon 1.

Marko Piszczykowicz co dzierży w zastawie P. Marcin Wołodkowicz kon 1.

Bohdan Jelia kon 1.

Zdan Wasilewicz kon 1.

Iszczon Ryba kon 1.

Marcin Janowicz kon 1.

Szczapszczyn Szczonowski z imienia ktore takoz ma po zenie swoiey do lat dzieci swoich kon 1.

Hryszko Wasiliewicz kon 1.

Szczepan Timochwieiewicz kon 1.

Iwan Waskiewicz kon 1.

Iwana Małoieda dzieci konia 1.

Pantaleon a Zdan Woyny konia 1.

Wacław Wirowski kon 1.

Chwiedor Pukiel kon 1.

Pan Hryszko Koszczyc kon 1.

Macwiew Harbun kon 1.

Pan Wołodko Koszczyc kon 1.

Harasim Ciwinski kon 1.

Apanas Sankiewicz kon 1.

Pan Swidor Bieroza kon 1.

Pantaleon, Zdan, Jakub Woynowie koni 3.

Pankiewicz kon 1.

Marianna Głaskowska z dozywotniego imienia kon 1.

Tych ziem ktore sa pod szlachto wielkosci gruntow ani granic zadnego nie opisywano, iz ich ziemie nie sa morgowane, ale wszyscy po staremu sa zastawieni, a gdzie komu odznacza co wzieto, tedy sie w registerze odmian opisane naydzie.

№ 4

Спіс клецкай шляхты 1577 г.

Спіс у выглядзе асобнага дакумента ўключаны ў інвентар Клецкага княства, які ўмоўна датуецца 1577 г. Дакумент захоўваецца ў Варшаве ў Галоўным архіве старажытных актаў [24], мікрафільм — у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі [25, арк. 97—103]. Дакумент мае шматлікія механічныя пашкоджанні, якія прывялі да страт тэксту, што пазначана прамымі дужкамі [...]. Аднак чытанне некаторых такіх месцаў магчыма аднавіць па сэнсе, у гэтых выпадках у прамых дужках змешчаны адпаведны тэкст.

[Mor]gowanie gruntow imion ziemian kleckich.

W roku 1577 msca augusta 25 dnia z roskazania oswiecone^o kxiazencia a P. Pana Mikołaiia Chryzstophu Radziwiła na Olyce i Nieswiżu xiążencia, hrabi [na] Szydłowcu i Miru, marszałka nadworne^o Wielkiego Xięstwa Litewskie^o, służebnik je^o msci Marcin Tchomicki włocznik pomorgowawszy grunty wszyckich ziemian kleckich wedlie to^o opisania te wiadomość wedlie te^o reiestru do xiąg tych kleckich oddał.

[Sebetyan Dybowski ... w sie]lie Suchliczach, drugi odrub w końcu włok siekierskich między ścianą pana Oponasa Hryzłowicza z ścianą Bayracza Tatarzyna w końcu gruntów bychowskich. Trzeci odrub wedle siola Cyckiewicz o granice panów Hurynów X. Stuckie^o i o granicę pana Kowalskiego nazywający siolo i lias Rakowo, które^o wszystkie^o gruntu suchlickiego^o namorgowano włok 90.

Pan Marcin Wołodkiewicz, ymienie Dunayczyrze, które^o szęść pierwu opieką trzymał po niejakim Szczęsnym Iwanowiczu.

Tamże trzymał szęść Hrehory Piszczykowicz.

Tamże trzymał szęść Kozak Piszczykowicz.

Tamże trzymał szęść Marko Piszczykowicz.

Ty wszystkie szęści teras trzyma pan Marcin Wołodkiewicz, iedny opiekalnym, drugie zastawnym prawem, okrom Hrihorowey Piszczykowey, która ma włok 9. Te^o imienia namorgowano okrom błoth włok 42.

[...] W tym odrubie Dunayczyckim miał mieszczą[nin] Marcin Suszcz smat gruntu morgow 17, co mie[...], być pod kroliem. To przykupił pan Marcin Wołodkowicz.

Pan Awgustn Czarkowski, ymienie puste Głodowszczyzna, to imienie dano było Xiędzu Piotru Puzynie do łaski, które teras pan Awgustyn Czarkowski nie wiem za którym prawem trzyma, które^o imienia jest włok 13/15.

Pan Walięnty Czarkowski, imienie na Łukawcu, s które^o namorgowano włok 24.

Pan Oponas Hryzłowicz, które^o imienia namorgo[wano] włok 19.

[...] włok 10.

Pan Maciey Adamczycki, które^o imienia namorgowano włok 8/15.

Pan Jan Toczycki, ymienie nabyte od Macieia Horbuna, które^o namorgowano włok 6/25.

Panowie Dołmatowie, ymienie na Ceprze. To imienie na dwie szęści rozdzielone, alie lezy po roznych miescach między gruntami ziemian kroliewskich. Jedne połowicę te^o imienia dzierzy Pan Konsta[nt]yn Dołmath, a drugą połowicę dzierzą bra[ta]niczy ie^o Domaskinowiczy Dołmatowie, te^o wsz[ckiego imie]nia Ceperskie^o wymorgowano okrom błoth włok 146.

Pan Piotrowski, ymienie po niebożczyku Agnusowiczu Sienciłowiczu, które po zenie trzyma doliach dziecinnych, te^o imienia namorgowano okrom liasu spolne^o z ziemiany kroliewskimi włok 20.

Panowie Radziwonowiczy, to imienie ich na Maliewie rozdzielone iesth na troie.

Jedną część trzyma pan Opanasowicz Radziwonowicz sam Krysztoph.

Drugą część trzyma pan Zdan Oliechnowicz Radziwonowicz.

Trzecią rozdzielili sobie na troie Panowie Kmiciczy Radziwonowiczy, pan Roman, pan Iwan i trzeci brath ich młodszy. Ktorego wszystkiego gruntu ich namorgowano okrom błoth i mszaryn włok 63/15.

Pan Roman Kmicicz Radziwonowicz, który miał przed tym dworzec na Łukawcu, który odiythy iest od nie^o na zamkową potrzebę, a dana mu othmiana gruntowi ziemian klieckich Sankiewiczow. Tego gruntu wszystkiego iego za dworzec Łukawiecki danego wymorgowano włok 4/18.

Pan Konstantyn Zaliwaka, które^o gruntu ie^o po roznych miescach okrom błoth włok 31.

Pan Woyna Pochabowicz, które^o gruntu wymorgowano po roznych miescach okrom błoth włok 26.

[...] włok 7/18.

Pan Korcewicz, ktorego gruntu wymorgowano włok 8/20.

Pan Szczepan Łubienczycz, które^o gruntu wymorgowano włok 5.

Pan Daszkiewicz, ktorego gruntu wymorgowano włok 5/10.

Panowie Małoiędowiczy, ktorych gruntu wymorgow[ano] włok 10/15.

[...] włok 14.

Panowie Pankiewicz, ktorych gruntow namorgowano włok 10/15.

Pan Jachim Cywinski, które^o gruntow namorgowano włok 4.

Panowie Sankowicz, ktorych gruntow namorgowano włok 6/15.

[Pa]n Hryszko Koszcz Mozol, to imienie od nie^o kupił [pan] Kasper Gudzieiewski, które^o wymorgowano włok 10.

Pan Kasper Gudzieiewski, imienie Rybowski[szczyzna] on swymi pieniędzmi okupił, ktorego^o wymorgow[ano], to imienie pan Kasper Gudzieiewski w zastawie trzyma, włok 20.

Pan Zdan Wasiliewicz klucznik, ktorego^o wymorgowano włok 3/15.

Pan Woyna Hryczynowicz, imienie dworzec na Tuczy, który iako powiedaia zastawnym prawem ieszcze ociec zony trzyma, ktorego dworca gruntu wymorgowano z dambrowami włok 12.

Pan Pontalion a Zdan Woynowie, ktorych gruntu wymorgowano włok 12.

[...] włok 12.

Pan Maciey Kryszyłowski, ktorego gruntu wymorgowano włok 25.

Pan Chwiedor Beroska, ktorego gruntu wymorgowano włok 3.

Pan Wołodzka Koszcz z bracią, ktorych gruntow wymorgowano włok 4/15.

Pan Waclaw Wirowski, ktorego gruntu namorgowano włok 15.

Pan Jakub na Łani [...] polia włok 4, liasu włok 3, czyni włok 7.

Pan Hryszko Heyżycz, ktorego^o gruntu wymorgowano włok 2/12.

Ziemia w Ostrowczyczach.

Pan Szczepan Czenowicki. Temu był sławney pamięci Je^o Mosc pan wojewoda wilenski dał w Ostrowczyczach między gruntami ziemianskimi cztery służby ludzi, a k temu miał nieco zakupnych gruntow, ktorych wszystkiego gruntu iego pod tymi ludzmi, które od sławney pamięci Je^o Msci ma i z nieco wymorgowano okrom liasow zgodny[ch] na przerobki włok 9.

Suma sumarum wszystkich gruntow zgodnych pod ziemiany kleckimi okrom puszczy i bloth podał włoczник wyszey mianowany do te^o reiestru włok 894/18.

№ 5

Спіс клецкіх зямляў 1626 г.

Спіс клецкіх зямляў, гэта значыць, залежнай ад Радзівілаў шляхты, што валодала землямі, змешчаны ў інвентары Клецкага княства 1626 г. [26, арк. 78—79]. Асобны спіс, пэўна, XVII ст. захоўваецца ў Літоўскім дзяржаўным гістарычным архіве [21, арк. 2—2 адв.]. Друкуецца па мінскім спісе.

PP. ziemianie kleccy z maietnosciami swemi.

PP. Dołmatowie w ymieniu Ceprze gruntu maią włk 72, a czemcy do cerkwie Ceperskiej maią włk 6, z ktoremi wypuszczone są w powiat.

PP. Ostrowczyccy w swym obrębie w Ostrowczykach maią gruntu pasznego z lasami włk 188. Ale Pan Adam Mogilnicki z swoją częścią wypuszczony w powiat.

R. Sielawa w swym obrębie Zajelenskim ma gruntu włk 15.

PP. Kryniccy na Łani maią gruntu włk 7.

Pan Jan Agnus ma gruntow poroznie w Sokolatyczach włk 20.

PP. Wołodzkowie Koscicy w powiat wypuszczeni maią w swym obrębie nad błotem Bałwanskim gruntu włk 4 morgi 15.

P. Woyciech Komorski w obrębie Hrizłowickim ma włk 19.

P. Adam Gudzieiewski wypuszczony w powiat na Rybowskiem pod Malewem na Mozolewsczynie ma gruntu włk 30.

PP. Radziwonowiczy w obrębie swym Ponachidzickim maią gruntu sredniego włk 63. Ku temu PP. Romanowiczy maią na Sankowszczyźnie włk 4 morgi 18.

Ale P. Alexandra Kamienskigo dwie cząstki w powiat wypuszon.

P. Alexander Zaliwaka na Olchowce ma gruntu włk 31.

PP. Czarkowscy Awgustynowicze Głodowszcze maią gruntu włk 13 morgi 15.

PP. Stanisław Michnowicz w powiat wypuszczony, na Łukawcu włk 24.

P. Korzec w swym obrębie trzyma gruntu włk 8 morgi 20.

P. Korcowa z woytem malewskim w swym obrębie maią włk 8 morgi 20.

PP. Lubienscy y P. Ciwinski na Pukłowszczyźnie maią gruntu włk.

PP. Daszkiewiczze maią gruntu włk 5 morg 10.

P. Jan Onbut ma gruntu włk 2.

PP. Małojedowie maią gruntu włk 1 morgi 5.

P. Stanisław Tareykowski w swym obrębie Tareykach ma włk 14.

PP. Pankiewiczzy maią gruntu włk 10 morgi 15.

PT. Sankiewiczzy maią gruntu włk 6 morgi 15.

PP.

P. Zoromski w Sinowce ma gruntu włk 12.

PP. Skumin, Woyszycki, Benedyktowiczy y Słonezewscy maią gruntu włk 12.

Heyzowszczyna z P. Sarnackim włk 2 morgi 12.

P. Pniewska w Bobaiewiczach ma gruntu włk 6.

PP. Brzozki w Ciecierowcu maią gruntu włk 3.

P. Bohdan Witucki w Ceprze ma gruntu włk 2.

Dworzec niebozczyka Woyny Pochaba w Malewie z łaski XJoMci trzyma xiądz pleban klecki włk 29.

P. Piotr Pukinski w powiat wypuszczony imienie Suchlicze trzyma włk 107.

Przeorowski trzyma folwark z gruntami wwierzch stawu Krasnego, tego gruntu z zasciankami włk 4.

Wszytkich gruntow pod ziemiany X Jego Mci kleckimi z folwarkiem pleban-skim czyni włok*.

Powinnosc ziemian kleckich. Za rozkazaniem X Je Mci na woynie samym iahac albo poczty wyprawowac. Zamek Klecki według dawnego zwyczaju naprawowac y znowu budowac. Pobory y insze powinności do zamku Kleckiego oddawac.

№ 6

Спіс клецкіх зямляў 1645 г.

Спіс клецкіх зямляў (шляхціцаў, што валодалі зямлямі) змешчаны ў інвентары Клецкага княства 1645 г. [27, арк. 166 адв.]. Канца дакумента няма. З-за пашкоджанняў аркуша маюцца шматлікія лакуны.

PP. ziemianie kleccy s maietnosciami swemi.

Dołmatowie w ymieniu Ceprze gruntu maią włok 54.

W obrębie Ostrowczyckym pod folwarkiem Je^o Xzcey Mcy Ostrowczyckim y co dzierż ziemianie ostrowczyccy gruntu paszne^o z lasami włok 188.

Sielawina wdowa z diecni swemi w obrębie Zaelenskim ma gruntu włok 15.

Krynicky ma gruntu włok 7.

P. Tupik Agnusowską po roznie w Sokolatyczach dzierży trzy części, a do dworu Suchlickiego^o czwarta część, wszytkie^o te^o gruntu Agnusowskie^o włok 20.

Wołodzkowie Koscicy nad błotem Bałwanskim gruntu dzierżą dzierżą włok 4/15.

Zalewaczyna bywsza, a terazniejsza Zahorska na Olchowce ma gruntu włok 31.

Panowie Czarkowscy Augustynowicowie Hołodowszczyzną maią gruntu włok 13/15.

Pod folwarkiem Je^o Xzcey Mcy Łukawcem włok 24.

[Kor]cowie w swym obrębie trzymają grun[tu] włok] 8/20.

P. Chrostowsky w swym obrębie Swicieze [...]włok [8].

Łubiensky, Jaszkiewicowie y Ciwinsky [...] maią gruntu włok 5/10.

P. Chrostowsky w swym obrębye [...] gruntu włok 14.

Pankiewiczzy maią gruntu włok [...].

Sankiewiczzy maią gruntu włok [...].

P. Bielsky ma gruntu w[łok ...].

Skumin, Woyszycky, Benedyk[t ...] maią gruntu włok 12.

Heyzowszczyna tę [...].

* У мінскім спісе лічбы няма, у вільнюскім пастаўлена: 734/25.

№ 7

Спіс кляцкіх зямляў 1652 г.

Гэты спіс кляцкіх зямляў (шляхціцаў, што валодалі зямлёй) быў складзены ў сувязі з фундушам кн. Міхала Караля Радзівіла Кляцкаму фарнаму касцёлу (выдадзены 2 студзеня 1652 г.). Князь вызначыў, што з яго ўладанняў, у тым ліку з зямель залежнай ад яго шляхты, штогод на касцёл павінна было ісці па карцу жыта гандлёвай кляцкай меры з кожнай валокі. Аднак для некаторых паноў было зроблена выключэнне — яны павінны былі плаціць грошы. Спіс захаваўся ў складзе «фундушавога інвентара» ў копіях 1762 г. [29, арк. 13 адв.—14 адв.] і, пэўна, XVII ст. [21, арк. 3—4 адв.]. Друкуецца па мінскім спісе, некаторыя важныя розначытання прыведзены па вільнюскім.

Panowie ziemianie klieccy z poddanemi y maiętnosciami swemi. Naprzod
Pan Albrycht Bulharyn z maiętnosci Zaielney włok pietnascie.
Pan Woyciech Krynicki z Kozłowskim włok siedm.
Pan Jan Tupik ze czterech* części Agnusowszczyzny włok dwadziescia.
Panowie Wołodzkowie Koszczyccy^{**} nad błotem Bałwanskim włok cztery.
Pan Andrzej Nomicki z maiętnosci Komorskiego włok szesnascie.
Pan Michał Zawistowski z Szczepowszczyzny włok dwadziescia.
Pan Alexander Strzeczon w Onoszkowiczach Jacynowskich włok pięć.
Panowie Kamienscy Radywonowiccy w obrębie swym Ponachydyckim włok dwadziescia y trzy.
Panowie Kmitowicy Romanowiczy na Sankowszczyznie włok cztery,
Pan Alexander Borodziec na Zaliwakowszczyznie włok trzydziescie y jedna.
Pan Augustyn y Michał Czarkowscy na Holdowszczyznie włok puł czternasty.
Pani Chrostowska wdowa z Tereykow włok czternascie.
Taz w Swieczu włok osm.
Taz z gruntu Piotra Korca włok cztery.
Taz z Puzynowszczyzny od Leniewiczzy nabytey włok pięć.
Pan Mathyasz Korzec włok cztery.
Panowie Cywinski, Cichinski, Lubienka z Puklewszczyzny włok dziesięć.
Panowie Daszkowiczowie włok pięć.
Pan Jakub Rymsha z Ambutowszczyzny włok dwie.
Tenze z Kmitowszczyzny płaci groszy czterdziescie litewskich.
Pan Alexander Wołk z Drozdow włoka jedna.
Tenze z Cepry pieniądźmi paci kop pułtory litewskich.
Pani Bohdanowa Dołmatowa z gruntu swego paci groszy 45 litewskich.
Pan Stanisław Pacul z Rzędzkowszczyzny groszy czterdziescie pięć litewskich.
Poddani moi klieccy ktorzy część Agnusowszczyzny trzymaia włok dwie.
Pan Jerzy Łuczykowicz w Agnusowszczyznie włok trzy.
Pan Waleryan Kamienski z Małojedowszczyzny włok dwie.
Pani Małojedowa Woyniczowa wdowa włok pułtory.

* У вільнюскім спісе: z trzech.

** Слова Koszczyccy дадзена па водле вільнюскага спіса, у мінскім яно адсутнічае.

Pan Maciey Daszkowski włok dwie.
Panowie Puzynowscy włok szesc.
Pan Hrehory Leniewicz z Kmitowszczyzny płaci groszy czterdziescie litewskich.
Tenze z gruntu oyczystego y z poddanym włok szesc.
Pan Iwan Kozłowski popowicz z gruntu Leniewiczowskiego w Kamionce włok dwie.
Pan Albrycht Kmita z gruntu oyczystego y nieboszczyka Pana Andrzeja Kmity płaci sto groszy litewskich .
Pan Heliasz Suszczewicz z bracią w Ostrowczycach włoki puł.
Pan Jan Zdanowicz z gruntu nieboszczyka Pana Andrzeja Kmity płaci groszy dwadziescia litewskich.
Tenze po Panu Mokoskim płaci groszy dwadziescia litewskich.
Panowie Sankiewiczowie włok szesc, z Rybowszczyzny płacą kop trzy groszy litewskich, a zyta korcy dziesięć.
Panowie Bierozkowie włok trzy.
Pan Adam Nareysza włok dwie.
Pan Samuel Bielski z Jurowszczyzny włok dwanascie.
Tenze z Puciatowszczyzny włok pułtory.
Tenze z Meleszkowszczyzny y Słoncewsczyzny puł pięty.
Pani Hrehorowa Skrybina włoka jedna.
Pan Hieronim Sawoniewicz włoka jedna.
Tenze a Krupsczyzny trzy czwieri włoki.
Pani Daniłowa Słoncewska włok dwie.
Pan Malcher Słoncewski włok dwie.
Pan Mikołay Jacynicz tak z gruntow dwomych jako y od poddanych w dzierzeniu czerncow ceperskich będących włok cztery.
Pan Mikołay Głoskowski z Panem Waleryanem Szmoniewskim włoka jedna.
Pan Cimophy Sudnik włoka jedna.
Pan Adam Songayło z gruntem Paniey Korewickiey puł włoki.
Pan Jan Nietecki z alternatą z Panią Niegałową bywszą Janową Songayłową włoka jedna.
Pan Mikołay Nietecki włoka jedna.
Pan Jan Kaczkowski z gruntu Krzysztofowskiego włoki puł.
Tenze z gruntu Pani Korewickiey włoki pułtory.
Pan Basyli Derozynski wozny z gruntu Krzysztofowskiego włoki puł.
Pan Mikołay Bernacki z gruntu Krzysztofowskiego włoka jedna.
Pan Jan Krzysztofowicz włoka jedna.
Pan Woyciech Krynicki z zastawnego gruntu Krzysztofowskiego włoka jedna.
Pan Alexander Sasimowicz włok cztery.
Tenze z zastawnego gruntu Krzysztofowskiego włok pułtory.

* Перад наступнымі прозвішчамі ў вільнюскім спісе заглавак: Ostrowczycka szlachta.

Pan Adam Jachimowicz Hussakowski włoka jedna.
 Pan Jan Puzyniewski pod Jakszycami włok szesc.
 Pan Stanisław Dybowski z gruntu Suszczewiczowskiego włok pułtory.
 Pan Wyszomierski włoki puł.
 Pan Iwan Hrytwinski włoki trzec.
 Pan Kamienski jenerał z gruntu po nieboszczyku Hrytwinskim włoki trzec.

Крыніцы і літаратура

1. Леонтович, Ф. И. Очерки истории литовско-русского права: Образование территории Литовского государства / Ф. И. Леонтович. — СПб., 1894. — 393, XI с.
2. Грушевский, А. С. Пинское Полесье XIV—XVI вв.: Исторические очерки / А. С. Грушевский. — Киев, 1903. — 194, IV с.
3. Ревизия пуц и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, составленная старостою мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем, в 1552 г. — Вильна, 1867. — V, 382 с.
4. Русская историческая библиотека. — СПб., 1903. — Т. 20: Литовская Метрика. Т. 1. — VII, 50 с., 1566 стб., 258, IV с.
5. Описание рукописного отделения Виленской Публичной Библиотеки. — Вильна, 1898. — Вып. 3. — XXIV, 159 с.
6. Любавский, М. Литовско-Русский сейм / М. Любавский. — М., 1900. — [1], 850, 232, LXXII с.
7. НГАБ. — Ф. 694. — Воп. 7. — Спр. 985.
8. Плешанова, И. И. Два резных деревянных образца в собрании Русского музея / И. И. Плешанова // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1979. — Л.: Наука, 1980. — С. 209—217.
9. Пудалов, Б. М. Жалованная грамота князя Федора Ивановича Ярославича 1507 года / Б. М. Пудалов // Русский дипломатарий. — М.: Археографический центр, 1998. — Вып. 3. — С. 62—64.
10. Пазднякоў, В. Татары Клецкага княства XVI ст. / В. Пазднякоў // Першая міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы». — Мінск, 1994. — Ч. 1. — С. 111—122.
11. Русская историческая библиотека. — Юрьев, 1914. — Т. 30: Литовская Метрика. Отд. 1—2. Ч. 3. Книги Публичных Дел. Т. 1. — IV, 30 с., 896 стб., 44, [2] с.
12. Pietkiewicz, K. Metryka Litewska — księga wpisów za lata 1516—1518 / K. Pietkiewicz // Litvano-Slavica Posnaniensia. — Poznań, 1995. — Т. 6. — S. 159—199.
13. Русская историческая библиотека. — СПб., 1910. — Т. 27: Литовская Метрика. Отд. 1. Ч. 1. Книги записей. Т. 1. — IX, 38 с., 872 стб., 150, [2], II с.
14. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552—1555 гг. — Вильна, 1884. — XXXII, 714 с., ил.
15. Sienkiewicz, W. Bojarzy-szlachta i ziemianie w dobrach prywatnych w Wielkim Księstwie Litewskim w pierwszej połowie XVI wieku / W. Sienkiewicz // Zapiski Historyczne. — 1984. — Z. 4. — S. 31—65.
16. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. — Warszawa, 1895. — XXV, 698 s.
17. НГАБ. — Ф. КМФ-5. — Воп. 1. — Спр. 1687.

18. Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст. — Мінск: Навука і тэхніка, 1983. — 175 с.
19. Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. — Вильно, 1843. — Ч. 2. — 208 с.
20. Перепис войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года: Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга публічных спраў 1/ Падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч; уступны артыкул Г. Я. Галенчанкі. — Мінск: Беларус. навука, 2003. — 444 с.
21. Lietuvos valstybes istorijos archyvas. — Ф. 1280. — Воп. 2. — Спр. 240.
22. Archiwum Główne Akt Dawnych. — Archiwum Radziwiłłów. — Dział XXV. — Nr 1688.
23. НГАБ. — Ф. КМФ-5. — Воп. 1. — Спр. 1688.
24. Archiwum Główne Akt Dawnych. — Archiwum Radziwiłłów. — Dział XXV. — Nr 1687.
25. НГАБ. — Ф. КМФ-5. — Воп. 1. — Спр. 1687.
26. Там жа. — Ф. 694. — Воп. 2. — Спр. 3135.
27. Там жа. — Спр. 1913.
28. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 523 (1528). Viešųjų reikalų knyga 1 / Parengė A. Baliulis, A. Dubonis. — Vilnius: LI, 2006. — 278 p.
29. НГАБ. — Ф. 694. — Воп. 4. — Спр. 1410.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 08.09.2014

РЭЦЭНЗІІ

Н. У. Сліж,

дацэнт кафедры грамадскага і міжнароднага права
Гродзенскага філіяла «БІП—інстытут правазнаўства»,
кандыдат гістарычных навук

НОВАЕ ВЫДАННЕ БЕЛАРУСКІХ ТАСТАМЕНТАЎ

Рэцэнзія на выданне: *Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / А. Ф. Аляксандрава, В. У. Бабкова, І. М. Бобер; Нац. гіст. архіў Беларусі. — Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2012. — 736 с.*

Выданне «Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі...» з'яўляецца важным даробкам Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. Над ім вялася праца супрацоўнікамі архіва ў апошнія гады. Выданне вылучаецца добрым дызайнам, наяўнасцю ілюстрацый. Абраны для выдання фармат дазваляе без напружання азнаёміцца з дакументамі.

Кніга складаецца з прадмовы, 116 дакументаў, навукова-даведачнага апарату (скароты, асабовы і геаграфічны паказальнікі, тлумачальны слоўнік), ілюстрацый. Навукова-даведачны апарат з'яўляецца неабходным у падобных выданнях, асабліва тлумачальны слоўнік, калі дакументы адносяцца да такога старажытнага перыяду.

Тастаменты адносяцца да прыватна-прававых дакументаў, якія найбольшым чынам прадстаўляюць гісторыю асобы. Для гістарычнай навукі прадстаўляюць важнасць як вывучэнне гэтых крыніц, так і іх публікацыя. На гэта звернута ўвага ў прадмове да выдання (с. 16—24).

Усе дакументы адносяцца да другой паловы XVI ст. Яны паходзяць з розных рэгіёнаў: Берасцейскі, Віцебскі, Менскі, Слоніўскі, Навагародскі паветы і Магілёў. Дакументы пададзены ў храналагічным парадку ў адпаведнасці з мясцовасцямі і судамі (гродскі, земскі, магістрат).

Са 116 дакументаў 104 — шляхецкія, 12 — мяшчанскія. Мяшчанскія дакументы ўзяты з магілёўскага магістрата (9), іншыя патрапілі з гродскіх ці земскіх судаў. Па прычыне дрэннага стану не было надрукавана 15 дакументаў. Упершыню друкуюцца 111 дакументаў (с. 27, 29).

Дакументы надрукаваны на старабеларускай (110) і старапольскай мовах (6) (польская мова XVI ст.). Наяўнасць большасці крыніц на старабеларускай мове паказвае, што дзяржаўная мова ВКЛ была вельмі распаўсюджана і ўжывалася ў судовай сістэме. Пры друку тастаментаў на старабеларускай мове былі захаваны старажытныя літары, што, канечне, значна ўскладніла працу з дакументамі.

Тастаменты пададзены да друку з наступнымі звесткамі. Перад кожным дакументам утрымліваецца інфармацыя пра дату і месца напісання тастамента, імя і прозвішча завяшчальніка / завяшчальніцы, дату актыкацыі, месца захоўвання дакумента, папярэднія публікацыі (калі мелі месца). Да кожнага

тастамента змешчаны заўвагі адносна друку крыніцы. Біяграфічных даных пра завяшчальнікаў / завяшчальніц не прыводзіцца.

Пры тым, што дадзенае выданне — гэта падзея ў беларускай гістарыяграфіі, тым не менш яно мае шэраг недахопаў і памылак.

У прадмове прадстаўлена даволі агульная характарыстыка тастаментаў як дакументаў, заканадаўства аб тастаментах, гістарыяграфіі. Больш звернута ўвага на асаблівасці надрукаваных дакументаў і правільны друку. Непрааналізаваны фармуляры дакументаў і іх змест. Коротка адзначана пра наяўнасць у дакументах звестак пра веравызнанне, месца пахавання завяшчальнікаў і завяшчальніц, іх сацыяльны статус. Адзначана, што амаль не сустракаецца ахвяраванняў на храмы, што было ўласціва для шляхты ў пазнейшыя часы. Аднак з гэтай тэмай нельга пагадзіцца. Фундацыі на храмы ў той час рабілі як правіла заможныя асобы. У большай ступені ахвяраванні залежалі ад стану заможнасці, а павятовай шляхта, якая дамінуе ў дадзеным выданні, не вызначалася багаццямі.

Пра розніцу тастаментаў шляхты і мяшчан адзначана, што апошнія больш лаканічныя і сціслыя па зместу (с. 29). Аднак істотнай розніцай было тое, што мяшчане не толькі пісалі тастаменты, але і вызнавалі сваю апошнюю волю перад урадам, і такі дакумент меў прававую моц. Ураднікі ў вуснай форме перадавалі волю перад магістратам. У такім выпадку ў дакументах адсутнічалі подпісы сведак і пячаткі (с. 146—148, 262—278). Такая форма выкладання апошняй волі практычна ўжо адсутнічала ў шляхецкім асяроддзі, а ў мяшчанскім была актуальная і ў XVII ст.

Тастаменты маюць непасрэднае дачыненне да сямейнага права, шлюбных стасункаў. У іх часта сустракаецца інфармацыя пра вылучэнне пасагу дочкам, пацвярджэнне вена жонцы. Таму ў тлумачальным слоўніку прыведзена тэрміналогія па сямейнаму праву. Але яна ўтрымлівае істотную бльгачыню ў паняццях *выправа*, *пасаг*, *внесеньне*. *Выправа* — частка ўнясення, якая складалася з рухомах рэчаў (с. 659). *Внесеньне* — пасаг у сучасным разуменні, складаўся з пасагу і выправы. *Пасаг* — частка ўнясення, грошы і каштоўныя рэчы (с. 667). Тры гэтыя вызначэнні скажаюць сам сэнс тэрмінаў.

Пасаг вылучаўся дзяўчыне з ¼ уладанняў бацькі (Статут 1529 г., р. 4, арт. 7; Статут 1566 г., р. 5, арт. 1; Статут 1588 г., р. 5, арт. 1). У апошнім Статуце адзначана: «*пасаг, то есть гроши готовые, золото, серебро, перья, камень дорогий, совети шацуючы, а иную выправу — шаты и всякие уберы, и хусты белые, кони, колыбки и вси иншыи речы рухомые*». Гэта азначала, што пасаг складаўся з грошай і рухомах рэчаў, а таксама вызначэнне паказвала тоеснасць тэрмінаў *пасаг* і *выправа*.

Пасаг, выправа і ўнясенне азначаюць адно і тое ж, адрозніваліся толькі тым, адносна каго яны ўжываліся: *выправа* — для бацькоў, *сваякоў* і апеку-

* Напрыклад, багатыя ахвяраванні былі ў тастаменце І. Гарнастая (1555). Гл.: Сліж, Н. Сям'я Івана Гарнастая, падскарбія ВКЛ // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. — № 38. — Беласток, 2012. — С. 7—46.

ноў, *пасас* — для самой дзяўчыны, *унысенне* — для сям’і мужа. Прычым гэта добра ілюструюць нават самі тастаменты ў дадзеным выданні (с. 324, 405, 448, 465, 512, 520, 536, 542, 544). Часам у дакументах *пасас* адносіўся да грошай, а *выправа* — да рухомых рэчаў*.

Паводле таго ж тлумачальнага слоўніка *вдовий столец* разумеецца як стан удаўства. Але па статутах ВКЛ удовіным стольцам лічылася $\frac{1}{3}$ маёмасці мужа, на якой шляхціц было запісана вена. Пасля смерці мужа яна мела права пражываць на гэтай частцы і валодаць ёй да выплаты грошай**. Напрыклад, у артыкулах статутаў 1566 г. (р. 5, арт. 15) і 1588 г. (р. 5, арт. 16) аб удаве напісана: «... на вдовьемъ столцу толко на третей части зостати».

Нягледзячы на згаданыя хібы, «Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі...» — гэта важнае выданне для даследчыкаў, якія займаюцца не толькі прыватна-прававымі дакументамі, але і сямейнымі стасункамі, гендэрнай гісторыяй, юрыдычнай практыкай ВКЛ, штодзённасцю шляхты і мяшчан.

Варта адзначыць, што друкаванне крыніц з судовых кніжак не менш актуальна, чым саміх судовых кніжак перыяду ВКЛ. І на перспектыву ёсць сэнс падумаць пра праграму іх выдання ці перавядзення ў лічбавы фармат, што будзе значным унёскам у вывучэнне гісторыі нашай краіны.

* Любавский, М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. — М., 1892. — С. 573; Лазутка, С., Валиконите, И. Имущественное положение женщины (матери, жены, дочери, сестры) привилегированного сословия по I Литовскому Статуту // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. История. — XVI. — Вып. 2. — Вильнюс, 1976. — С. 84—87.

** Пра вяноўныя запісы і вена ў юрыдычнай практыцы ВКЛ гл.: Сліж, Н. Вяноўныя запісы ў слонімскай земскай кнізе за 1575 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы юбілейн. навук.-практ. канф., прысвечанай 70-годдзю Нац. гіст. архіва Беларусі (Мінск, 8 ліп. 2008 г.) / уклад. З.Л. Яцкевіч; навук. рэд. У.І. Адамушка. — Мінск, 2008. — С. 135—150; Яе ж. Вяноўныя запісы ў кнізе гарадзенскага земскага суда за 1578—1579 гг. // Гарадзенскі палімпсест. — 2009. — Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыццё. XV—XXст. / Пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. — Гародня, 2009. — С. 65—74; Яе ж. Вена і вяноўны запіс у прававой практыцы ВКЛ // Вялікае княства Літоўскае і суседзі. Права. Вайна. Дыпламатыя. — Мінск, 2012. — С. 136—150.

ПОСТАЦІ

О. В. Бірукова

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АСИ ИСАЕВНЫ КАРПАЧЕВОЙ

Есть люди, даже мимолетная встреча с которыми запоминается надолго, если не на всю жизнь. Именно таким человеком явилась для меня Ася Исаевна Карпачева. Несмотря на непродолжительный, около двух лет, период совместной работы, эта неординарная женщина оставила яркий след не только в моей, но и, думаю, в жизни архивистов республики. Именно она умела так красиво сказать о профессии архивиста, об архивах, что даже посторонний человек не мог остаться равнодушным к сказанному ею. А как она читала лекции на курсах повышения квалификации, которые в 70—80-е гг. организовывал и проводил Главархив БССР. Время, казалось, летело незаметно, а слушать Асю Исаевну хотелось еще и еще. Высокий профессионализм, умение красиво и заинтересованно сказать о, казалось бы, обыденных вещах, выделяло А. И. Карпачеву среди архивистов Беларуси. Ее вклад в развитие архивного дела в Беларуси, в подготовку и переподготовку архивных кадров просто неоценим. Именующиеся сегодня у нее награды — медаль «Ветеран труда» и «Отличник архивного дела» — это только маленькая дань ее заслугам.

Родилась Ася Исаевна Карпачева в 1924 г. в г. Нежин Черниговской области в семье служащего. В августе 1941 г. вместе с семьей эвакуировалась в город Кзыл-Орда Казахской ССР, где в 1942 г. поступила в педагогический институт и окончила 2 курса исторического факультета. В 1944 г. приехала в г. Минск, где поступила на 3-й курс исторического факультета Белорусского государственного университета, который окончила в 1946 г. С этого же года судьба навсегда связала А. И. Карпачеву с архивами.

Свою трудовую деятельность она начала в должности старшего научного сотрудника отдела использования Архивного управления МВД БССР, через год переведена на эту же должность в отдел комплектования. В 1951 г. поступила на заочное отделение Московского государственного историко-архивного института, по окончании которого в 1958 г. ей была присвоена квалификация «историк-архивист».

В 1954 г. А. И. Карпачева была переведена в организационно-методический отдел, в котором работала до выхода на пенсию: вначале в должности старшего научного сотрудника, затем старшего методиста, а в феврале 1980 г. она была назначена на должность временно исполняющего обязанности начальника этого отдела. В апреле 1981 г. А. И. Карпачева была уволена из Главархива БССР в связи с выходом на пенсию.

Как отмечает в своих воспоминаниях Ася Исаевна, «работать было интересно. Я с удовольствием вспоминаю годы работы в Главархиве БССР. Особенно памятливы первые годы работы, вероятно, потому, что мы были тогда молоды и радовались тому, что остались живы после такой страшной войны. Мы участвовали во всех общественных мероприятиях, расчищали улицы города и площадки для восстановления и строительства домов, стадиона «Динамо», ходили на избирательные участки и проводили там работу с населением, участвовали в лыжных кроссах, ездили в колхозы на уборку урожая, вместе отмечали праздники, устраивали походы в кино и театры. Конечно, были и тяжелые времена, не хватало самого необходимого, оклады были маленькие, но мы верили в будущее. Теперь иногда не верится, что все это было».

Уже находясь на заслуженном отдыхе, Ася Исаевна постоянно интересовалась «архивными новостями». Иногда я звонила ей, когда была необходимость получить консультацию по тому или иному вопросу, иногда она звонила мне. Меня всегда удивляло то, что даже по прошествии довольно длительного времени, она помнит обо всех

людях, работавших не только в Главархиве, но и в архивах республики, а во время наших нечастых встреч всегда с интересом рассказывала о различных эпизодах своей «архивной жизни». И даже перед отъездом на постоянное жительство в Израиль, она с болью и слезами на глазах вспоминала всех, кто был с нею рядом.

Мы также не забываем Асю Исаевну. Постоянно поздравляем с праздниками и днями рождения, переписываемся, иногда созваниваемся. Она и сегодня интересуется жизнью архивистов, судьбой архивов, а, главное, всегда с любовью вспоминает людей, с которыми когда-то работала.

—◇—

О. А. Ледовская

К 70-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ ЕВДОКИМОВИЧА ЗАБОЛОТНОГО

Исполнилось 70 лет Алексею Евдокимовичу Заболотному. Он родился 20 марта 1944 г. в д. Славное Мстиславского района Могилевской области. После окончания средней школы стал студентом Белорусской сельскохозяйственной академии в г. Горки. Учеба была прервана службой в рядах Советской Армии, которая проходила в Группе советских войск в Германии. В 1966 г. продолжил учебу в академии, которую закончил в 1970 г. по специальности «механизация сельского хозяйства» и по декабрь 1972 г. работал на Смоленском ремонтно-механическом заводе начальником технического отдела.

С 1973 г. жизнь А. Е. Заболотного связана с партийной и государственной деятельностью. Его приглашают на работу в Смоленский районный комитет Коммунистической партии Белоруссии (КПБ), сначала инструктором, затем следует назначение на должность заведующего промышленно-транспортным отделом. С 1980 по 1982 г. — учеба в Минской высшей партийной школе. В 1982 г. — перевод на работу в Минский областной комитет КПБ инструктором отдела организационно-партийной работы.

В 1983 г. Алексей Евдокимович избирается вторым секретарем Смоленского районного комитета КПБ, а с 1984 по 1992 г. работает председателем Смоленского районного исполнительного комитета. Дальнейшая трудовая деятельность проходит в Минске в должности начальника инспекции Контрольной палаты Республики Беларусь по Минской области. В 1996 г. Алексей Евдокимович назначается заместителем председателя Минского областного исполнительного комитета, в 1998 г. — заведующим отделом по архивам и делопроизводству Минского областного исполнительного комитета.

В апреле 2000 г. А. Е. Заболотный избирается председателем Белорусского республиканского комитета профсоюза работников государственных учреждений. Под его руководством в 2001 г. профсоюз был награжден Почетной грамотой Национального собрания Республики Беларусь «За значительный вклад в формирование и реализацию социальной политики Республики Беларусь и активную деятельность по обеспечению прав и свобод граждан».

В руководство архивной отрасли Алексей Евдокимович пришел, имея большой жизненный и руководящий опыт, а также практические знания непосредственно в сфере архивного дела, которые были приобретены во время работы в Минском областном исполнительном комитете. Последнее обстоятельство также сыграло свою роль при назначении А. Е. Заболотного в апреле 2002 г. на должность первого заместителя председателя Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь (с 2005 г. — Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь).

Под непосредственным руководством Алексея Евдокимовича осуществлялись реконструкция здания Зонального государственного архива в г. Орше (бывшего Тринитарского монастыря), перепрофилирование площадей для Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Брестской области, зональных государственных архивов в Борисове, Молодечно и Речице, включение в Государственную инвестиционную программу и начало реконструкции здания для Национального исторического архива Беларуси в Гродно. Эта работа крайне важна: требуется много усилий, чтобы получить финансирование под эти дорогостоящие мероприятия, наладить контакты и найти взаимопонимание с руководителями всех уровней от министра и председателя исполкома до директора проектного института. Все это прекрасно получалось у Алексея Евдокимовича, который успешно применял свой опыт организационной работы, владение теорией и практикой управления.

Особое внимание уделял А. Е. Заболотный развитию материально-технической базы архивных учреждений с целью создания благоприятных условий для обеспечения сохранности архивных документов. Во время его работы укрепилась техническая база Центральной лаборатории микрофильмирования и реставрации документов Национального архивного фонда Республики Беларусь, выполнены значительные объемы ремонтно-восстановительных работ, архивы оснащены средствами пожаротушения, пожарной и охранной сигнализацией. Проведена комплексная работа по внедрению автоматизированных технологий в деятельность государственных архивов, были разработаны автоматизированные информационные системы для Департамента по архивам и делопроизводству и государственных архивов. Наряду с разработкой специального программного обеспечения улучшилась техническая база для его использования.

За свой труд на благо архивного дела А. Е. Заболотный награжден нагрудным знаком Министерства юстиции Республики Беларусь «За адзнаку» II степени, нагрудным знаком Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь «Ганаровы архівіст Беларусі», занесен в Книгу почета Министерства юстиции Республики Беларусь.

Хочется отдать должное А. Е. Заболотному как мудрому руководителю: он всегда уделял внимание моральному климату в коллективе, умел расположить людей. Алексея Евдокимовича отличали такт, выдержка, спокойствие, уважительное отношение к подчиненным. Мы вспоминаем его личное обаяние и благожелательность, умение найти выход из сложных ситуаций.

Сегодня Алексей Евдокимович на заслуженном отдыхе, ведет активную общественную жизнь, является заместителем председателя Смоленского районного Совета ветеранов.

Он не прерывает связей с архивистами, всегда интересуется жизнью архивной отрасли: как завершились те или иные проекты, какие проблемы стоят перед отраслью. В свою очередь, мы всегда рады встречам и общению с Алексеем Евдокимовичем. Его тепло вспоминают также и российские архивисты.

С юбилеем Вас, уважаемый Алексей Евдокимович! Здоровья, неиссякаемой энергии, благополучия!

—◇—

О. К. Тетерник

К 70-ЛЕТИЮ ГАЛИНЫ ИВАНОВНЫ ШОСТАК

В марте 2014 г. отпраздновала свой 70-летний юбилей выдающийся архивист, опытный специалист в области изучения документального наследия деятелей архитектуры и науки Галина Ивановна Шостак. Проработав в архивной отрасли более 45 лет, она обладает богатейшим опытом архивной работы.

Родилась Галина Ивановна 12 марта 1944 г. в д. Поляниновичи Быховского района Могилевской области. В 1968 г. окончила исторический факультет Белорусского государственного университета по специальности историк.

Архивный стаж Галины Ивановны начинается с 1968 г., когда она была принята на должность старшего хранителя фондов отдела фондов в Центральный государственный исторический архив БССР в г. Минске. В августе 1975 г. переведена в Центральный государственный архив научно-технической документации БССР на должность начальника отдела хранения и научно-справочного аппарата. С октября 1979 г. по 2002 г. работала заведующим отделом обеспечения сохранности, информационно-поисковых систем и научного использования документов. Являлась членом Белорусского республиканского совета по охране памятников истории и культуры. С 1992 г. по 1996 г. занимала должность заместителя директора архива.

Даже после выхода на пенсию Галина Ивановна продолжает трудиться на архивной ниве в качестве ведущего научного сотрудника отдела обеспечения сохранности и учета документов. С 2006 г. переведена в отдел информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий.

Ее заслуги перед архивной отраслью были по достоинству оценены руководством. За свою работу Г. И. Шостак награждена Почетной грамотой Верховного Совета БССР (1988), Почетной грамотой Главного архивного управления при Совете Министров БССР (1978), медалью «Ветеран труда» (1984), нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі» (2004). Неоднократно награждалась грамотами, благодарностями и премиями за успехи в работе и многолетнюю, добросовестную работу Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь.

Галина Ивановна является одним из составителей «Путеводителя по белорусскому государственному архиву научно-технической документации» (1998), «Правил работы с научно-технической документацией в учреждениях, организациях и на предприятиях Республики Беларусь» (2004), автором многочисленных публикаций и обзоров по документам архива.

По своей натуре энергичная, инициативная и активная Галина Ивановна всегда в гуще архивных событий, она была знакома со многими архитекторами и по собственной инициативе стала собирать личные архивы известных архитекторов, конструкторов и ученых. И успешно делает это по сей день.

Цитата из интервью Г. И. Шостак в газете «Рэспубліка»: «Сейчас у нас уже более пятидесяти личных фондов. В Беларуси было лишь два Народных архитектора СССР — Владимир Король и Георгий Заборский, архивы одного и другого у нас есть. С Г. В. Заборским я была лично знакома, он жил на ул. Немига. К счастью, этот человек понимал значимость своей работы и скрупулезно собирал и хранил все свои эскизы, рисунки, фотографии. Он передал нам уникальные, бесценные документы».

Благодаря активной жизненной позиции Г. И. Шостак из года в год ведет переговоры с известными деятелями архитектуры и науки или их родственниками, в личной бесе-

де объясняет ценность и значение сохранения документов для истории. Благодаря Галине Ивановне в архиве хранятся личные документы И. Г. Лангбарда, В. А. Короля, В. И. Аникина, В. М. Волчека, А. П. Воинова, Г. В. Заборского, Л. Н. Погорелова, Г. В. Сысоева, Е. К. Дятлова, Б. Л. Шапошника, Б. В. Кита, Л. А. Борисоглебского и др. Эти документы постоянно в работе, они очень востребованы. На их основе пишут различные работы, снимают документальные фильмы, сюжеты, готовятся выставки.

Дорогая Галина Ивановна! Коллектив Белорусского архива научно-технической документации от всей души поздравляет Вас с юбилеем! Здоровья Вам, бодрости, счастья и достатка на долгие годы!

— ♦ —

У. Г. Кулажанка

РУПІЛВАЯ ЗАХАВАЛЬНІЦА АРХІЎНАЙ СПАДЧЫНЫ

(да юбілею дырэктара Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва Ганны Вячаславаўны Запартыкі)

20 кастрычніка 2014 г. калектыву Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва адзначае юбілей свайго шматгадовага кіраўніка — Ганны Вячаславаўны Запартыкі.

Больш за тры з паловай дзесяцігоддзі яна кожную раніцу першая з усіх супрацоўнікаў пераступае парог архіва... А ўпершыню выпускніца філалагічнага факультэта БДУ трапіла ў архіў у 1978 г. і адразу акунула ў працу, якая захапіла яе на ўсё жыццё. З першых дзён, спачатку на пасадзе малодшага навуковага супрацоўніка, потым — вядучага архівіста, вядучага навуковага супрацоўніка аддзела ведамасных архіваў, камплектавання і экспертывы каштоўнасці архіва-музея, Ганна Вячаславаўна ўзрастае як высокакваліфікаваны спецыяліст, руплівы і скрупулёзны даследчык. Як супрацоўнік архіва яна здзейсніла навуковае апісанне фондаў вядомых дзеячаў беларускай літаратуры і мастацтва Яўгена Васілёнка, Рыгора Няхая, Льва Лейтмана, Барыса Платонава і Ірыны Ждановіч. Вялікая праца была праведзена з арганізацыямі — крыніцамі камплектавання архіва-музея.

З 1993 г. Ганна Вячаславаўна — дырэктар Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва. За гады яе самаадданай працы на пасадзе кіраўніка галоўнага архіва-васховішча дакументаў па літаратуры і мастацтве Беларусі фонды папоўніліся шматлікімі асабістымі архівамі вядомых і малавядомых вучоных, літаратараў, музыкантаў. Пад яе кіраўніцтвам супрацоўнікамі інтэнсіўна вядуцца навукова-тэхнічная апрацоўка, каталогізацыя, паляпшаюцца ўмовы захавання дакументаў. Значная і разнастайная работа праведзена па выкарыстанні фондаў, папулярывацыі новых ведаў па літаратуры і мастацтве.

Цікавая дзялянка — праца з фондамі асабістага паходжання. Ганна Вячаславаўна часта сама вяла перамовы, ездзіла да ўладальнікаў дакументальных збораў па гарадах і вёсках Беларусі, а таксама ў Расію, Украіну, Польшчу. Нярэдка «на ўласных плячах» дастаўляла ў архіў аб'ёмныя пакункі з дакументамі і матэрыяламі. Дзякуючы Ганне Вячаславаўне БДАМЛІМ ледзь не адзіны дзяржаўны архіў Беларусі, які апошнія дзесяцігоддзі актыўна камплектуецца дакументамі беларускага паходжання з-за межаў Беларусі. У вінку на дзяржаўнае захаванне паступілі ўнікальныя дакументы вядомых пісьменнікаў — Максіма Гарэцкага, Адама Бабарэкі, Янкі Лучыны, Адама Гурьновіча, Сакрата Яновіча і інш.

Сёння Ганна Вячаславаўна — адна з найбольш дасведчаных і аўтарытэтных знаўцаў крыніц па гісторыі беларускай літаратуры. Яна падтрымлівае творчыя кантакты з многімі навуковымі і культурнымі ўстановамі, карыстаецца аўтарытэтам не толькі

сярод архівістаў, але і сярод музейшчыкаў, бібліятэкараў, творчай інтэлігенцыі. Яна актыўна ўдзельнічае ў культурным жыцці краіны, пастаянна падтрымлівае сувязі з вядомымі дзеячамі беларускай літаратуры, мастацтва і гуманітарнай навукі.

Ганна Вячаславаўна актыўны ўдзельнік навуковых канферэнцый, семінараў, «круглых сталюў», сустрэч, прысвечаных розным старонкам гісторыі культуры Беларусі. Яе даклады і паведамленні заўсёды насычаны архіўнымі адкрыццямі і новымі гістарычнымі і літаратуразнаўчымі ведамі. Акрамя таго, яна ініцыявала правядзенне ў БДАМЛІМ дзвюх уласных архівазнаўчых канферэнцый: «Узвышайся чытанні» і «Архіўныя чытанні», у якіх ужо шмат гадоў прымаюць удзел многія вядучыя навукоўцы — гісторыкі і філолагі Беларусі і замежжа.

Ганна Вячаславаўна — аўтар шматлікіх артыкулаў, нарысаў, дакументальных публікацый, укладальнік архіўных даведнікаў і метадычных зборнікаў. Сярод іншага можна адзначыць яе работу над унікальным выданнем збору твораў Адама Бабарэкі ў 2 тамах і збору твораў Якуба Брайцава.

Ганна Вячаславаўна адносіцца да тых кіраўнікоў-практыкаў, якія дакладна, ва ўсіх тонкасцях ведаюць напрамкі дзейнасці падначаленай арганізацыі. Яна не толькі выдатна ведае склад фондаў архіва-музея, але дасканала валодае метадыкай і тэхналогіяй архіўнай працы. Умее натхніць і арганізаваць калектыв, служыць прыкладам у працаздольнасці і адказнасці. За ўсё гэта калегі лічаць Ганну Вячаславаўну не проста кіраўніком, а сапраўднай руцлівай гаспадыняй архіва.

Ганна Вячаславаўна шчодро перадае свой вопыт і веды новым пакаленням архівістаў, з 1996 г. яна выкладае на гісторыка-архіўным аддзяленні БДУ.

За шматгадовую і плённую працу Ганна Вячаславаўна была ўзнагароджана медалём Францыска Скарыны і знакам «Ганаровы архівіст Беларусі», а таксама шматлікімі Ганаровымі граматамі і падзякамі.

Супрацоўнікі БДАМЛІМ ганарацца тым, што працуюць побач і супольна з яркім, таленавітым і адданым свайму прызначэнню чалавекам.

Усе мы, калегі і сябры, шчыра віншуем Ганну Вячаславаўну з юбілеем! Жадаем ёй і надалей натхнення, бадзёрасці духу, а таксама новых архіўных адкрыццяў і цікавых знаходак!

— ◇ —

Г. Я. Голенченко, Л. С. Иванова

Е. М. КАРПАЧЕВ — ИСТОРИК, АРХИВИСТ

(к 100-летию со дня рождения)

В 2014 г. исполнилось бы 100 лет белорусскому историку, архивисту Ефрему Моисеевичу Карпачеву. Немного осталось людей, работавших с Ефремом Моисеевичем. Нам посчастливилось на протяжении многих лет работать и общаться с этим интересным и разносторонним исследователем, на редкость интеллигентным и доброжелательным человеком.

Ефрем (Афроим) Моисеевич Карпачев родился 27 июня (по новому стилю 10 июля) 1914 г. в г. Трубчевск Орловской губернии (ныне Брянская обл. в России) в семье местного ремесленника. После окончания школы учился в ФЗУ сначала в Бежецке, потом в Воронеже. Окончив ФЗУ в 1932 г., год работал токарем на паровозно-ремонтном заводе им. Дзержинского в Воронеже. В 1933 г. поступил на исторический факультет недавно созданного Воронежского педагогического института, где некоторое время (1934—1935 гг.) преподавал находящийся в ссылке В. И. Пичета. Окончив университет в

1937 г. (с оценками «отлично» по всем предметам, кроме экономической географии), Карпачев поступил в аспирантуру при Московском историко-архивном институте. В аспирантуре успешно работал над кандидатской диссертацией «Торговое и ремесленное население Московского государства в первой половине XVII в. по пятине 142 года». Но закончить и защитить диссертацию не успел. В 1940 г. НКВД СССР (в ведении которого тогда находились архивные учреждения) Карпачев был направлен на работу в Вильнюс на должность зам. директора ЦГА Литовской ССР. С началом войны, в октябре 1941 г., был мобилизован в Советскую Армию, служил в отдельном запасном полку связи рядовым, зам. политрука и командиром отделения. В декабре 1945 г. был демобилизован.

Во время войны были утеряны все подготовленные Е. М. Карпачевым материалы к диссертации, о чем он сообщил своему научному руководителю, профессору МГИИАИ Павлу Петровичу Смирнову. В письме из Москвы от 20 апреля 1943 г. Смирнов писал Карпачеву: «Я уже строил самые мрачные предположения относительно Вашей судьбы, и Ваше письмо меня успокоило и обрадовало. Вы живы и здоровы, а что касается диссертации, так Вы ведь молоды. И когда стихнет немецкая гроза, то опять ее напишете. С Вашей усидчивостью и способностями это несомненно» [1].

Об этом наставнике Карпачева стоит сказать особо. Профессор Смирнов, выпускник, а затем преподаватель Киевского университета, был учеником М. В. Довнар-Запольского. В 1920-х и 1930-х гг. арестовывался органами, но избежал страшной участи других репрессированных, был освобожден из заключения. С 1938 г. — профессор историко-архивного института в Москве. Когда в октябре 1941 г., во время наступления немецких войск многие сотрудники института во главе с дирекцией выехали из Москвы, Смирнов был назначен и. о. директора и смог сохранить не только учебный процесс, но и решать бытовые проблемы сотрудников и студентов. Его работы были посвящены истории русского города XVII в., за свою монографию «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.» он в 1943 г. был удостоен Сталинской премии, которую полностью передал в Фонд обороны. Об этом Смирнов сообщал в письме к Карпачеву, шуточно подписываясь «Ваш учитель и лауреат» [2].

Еще в армии Ефрем Моисеевич задумывался о возвращении к научной деятельности. Но в январе 1946 г. главным архивным управлением он был направлен в Минск директором Центрального архива Октябрьской революции и строительства БССР. В переписке с профессором Смирновым обсуждалась возможность изменения темы диссертации. Но Ефрем Моисеевич, несмотря на огромную загруженность на основной работе, сумел написать диссертацию по прежней теме и успешно защитил ее в Московском историко-архивном институте в 1948 г. В отзывах на диссертацию отмечалось глубокое исследование на основе статистической обработки данных пятинных росписей 1634 г., всесторонняя характеристика городов как торгово-промышленных центров, участие в их деятельности различных разрядов городского населения. Не избежал Карпачев и комплиментарных упреков в излишней скрупулезности проработки материалов.

Во время работы Е. М. Карпачева в ЦГАОР была проведена колоссальная работа по приведению в порядок всего комплекса документов. К 1952 г. документы были разобраны по фондам, систематизированы, составлен научно-справочный аппарат. В апреле 1952 г. по просьбе Карпачева, в связи с его работой по совместительству в Институте истории АН БССР, он был переведен на должность заместителя директора архива.

С 1953 г. Е. М. Карпачев окончательно перешел на работу в Институт истории. В 1959 г., когда был создан сектор истории Белоруссии эпохи феодализма, стал заведующим этого сектора, в 1963 г. в связи с объединением секторов, перешел на должность старшего

научного сотрудника. В эти годы Ефрем Моисеевич много и плодотворно работал. Он был одним из составителей и редакторов сборников документов: «Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.)» (т. 3, 1953), «Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии» (т. 4, 1954), «Белоруссия в эпоху феодализма» (т. 1, 1959 и т. 2, 1960), «Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII—XVIII вв. Владение Сморгонь» (1977) и др. Он также участвовал в написании коллективных работ «Гісторыя Беларускай ССР» (т. 1, 1972), «История Минска» (1967), «Полоцк. Исторический очерк» (1962). Основной темой исследования Карпачева было социально-экономическое развитие городов Беларуси в XVII—XVIII вв. Он публикует в отечественных и зарубежных сборниках серьезные, обстоятельные статьи, посвященные развитию мануфактуры, городскому землевладению и ремеслу, демографическим проблемам, генезису капитализма в Беларуси, участвует в научной дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории». Опираясь на социальную источниковедческую базу, он пришел к новаторскому по тем временам выводу о социально-экономическом подъеме городов Беларуси в середине XVIII в., определенном их упадке после разделов Речи Посполитой и присоединения к России и последующем развитии в новых условиях. В 1970 г. в Институте истории АН БССР Карпачев защитил докторскую диссертацию «Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв.». К сожалению, занятость в многочисленных коллективных работах, иногда и руководство ими, не позволило Карпачеву завершить работу по изданию своей монографии.

Весьма ощутимым было участие Е. М. Карпачева в научной деятельности отдела истории досоветского периода, который занимался исследованием сложных проблем истории от древнейших времен до образования БССР, в 1970—80-х гг. стал одним из ведущих в Институте истории. Ефрем Моисеевич всегда прислушивался к мнению коллег, не занимался закусными комбинациями, тщательно читал и комментировал научные тексты сотрудников. Важно отметить при этом его принципиальное отношение к объективной оценке источниковедческой и методологической основе работ.

В течение многих лет он руководил группой сотрудников, участвовавших в подготовке коллективной монографии по истории Беларуси XIII—XVI вв. в составе Великого Княжества Литовского. Работа эта писалась в условиях идеологической партийной монополии. Отойти от канонических шаблонов того времени было сложно, особенно в тех аспектах работы, где освещалась эволюция земель Беларуси в составе ВКЛ. Тем не менее, в монографии было показано, что в конце XV—XVI в. возрастает определенная интеграция шляхты и части мещанства в некоторые общегосударственные процессы ВКЛ. Первая обобщающая работа подобного плана получила как негативные, так и позитивные отзывы и многократно дорабатывалась. Никто из рецензентов, однако, не предложил своей целостной концепции истории Беларуси этого периода. Работа не была издана, но многие ее материалы использовались последующими поколениями исследователей. Можно отметить, что до настоящего времени нет ни одной обобщающей монографии по этой теме, написанной с учетом новых источников и исследований.

Основная нагрузка по работе с авторами, редактированию текстов, ответам рецензентам легла на плечи Е. М. Карпачева. Не помним случая, чтобы он во время этой сложной работы когда-либо сорвался или выказал раздражение. Наоборот, после совместного редактирования одного, весьма сложного текста, они с Зиновием Юльевичем Копыским лихо сплясали прямо в отделе.

Выйдя на пенсию в 1979 г., Е. М. Карпачев до 1985 г. оставался в Институте истории на должности научного консультанта. Он продолжал работать над подготовкой к изданию работы «Белоруссия в XIII—XVI вв.», руководил подготовкой аспирантов. Ефрем Моисеевич был не только одним из ведущих исследователей социально-экономической истории Беларуси, но и прекрасным организатором научного процесса. Он был интересным собеседником, мягким, добрым, душевным и порядочным человеком, органически не способным на некрасивые поступки. Был очень галантен с дамами. У него была идеальная семья. После смерти Ефрема Моисеевича в 1988 г. один из коллег, который был в отъезде и не смог присутствовать на похоронах, написал его вдове Асе Исаевне: «Жаль, что не проводил в последний путь Ефрема Моисеевича, самого симпатичного и человеческого человека, который встречался мне из людей старшего поколения» [3].

Источники

1. НАРБ. — Ф. 598. — Оп. 1. — Д. 166. — Л. 2.
2. Там же.
3. Там же. — Д. 16. — Л. 6.

О. В. Бірукова

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ КОМАРОВОЙ

С Татьяной Владимировной Комаровой я проработала совсем немного — чуть более года. Но она запомнилась надолго — официальная, строгая, знающая свое дело до мельчайших деталей. А, может быть, мне, тогда еще молодому сотруднику Главархива БССР, она казалась чересчур строгой. И только спустя много лет, уже после смерти Татьяны Владимировны, я поняла, что ошибалась, потому что люди, близко знавшие ее, характеризовали ее как человека доброго, искреннего, чересчур заботливого о своих родных и близких. И все же в памяти архивистов она осталась как высочайший профессионал в своем деле, умелый организатор, человек, всей душой болеющий за архивное дело.

Татьяна Владимировна Комарова (урожденная Скобинская) родилась в 1924 году в г. Ленинграде в семье служащих. В 1926 г. семья переехала в г. Узловая Московской области, где проживала до 1941 г. Затем была эвакуация в пос. Новороссийский Актюбинской области Казахской ССР, где в июне 1943 г. Т. В. Комарова окончила среднюю школу. В сентябре 1944 г. Татьяна Владимировна поступает в Московский историко-архивный институт МВД СССР, который окончила в 1948 г.

По окончании института Т. В. Комарова была направлена в распоряжение Архивного управления МВД БССР, где была назначена на должность старшего научного сотрудника Архивного отдела УМВД по Минской области, с последующим переводом в 1949 г. в Государственный архив Минской области на должность старшего научного сотрудника, затем начальника отдела дореволюционных фондов архива. В 1951 г. Комарова Т. В. назначается начальником Минского областного государственного архива, а в марте 1957 г. переведена на должность начальника организационно-методического отдела Архивного управления МВД БССР (с 1 марта 1960 г. — Архивное управление при Совете Министров БССР). Являлась членом коллегии Главархива БССР. В должности начальника отдела организационно-методического и научно-справочного аппарата Татьяна Владимировна работала вплоть до выхода на пенсию в 1980 г. После

выхода на пенсию некоторое время работала в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства БССР.

За заслуги в сфере архивного дела награждена двумя Почетными грамотами Верховного Совета БССР (в 1968 и 1978 гг.), орденом Трудового Красного Знамени (1971 г.).

Умерла Татьяна Владимировна Комарова в феврале 1997 г. В день ее похорон у нас проходила итоговая коллегия, которых на счету Татьяны Владимировны был не один десяток. На этой коллегии архивисты вспоминали человека, вся жизнь которого была посвящена архивному делу, который не просто делал свое дело, а делал это с любовью, потому что пришел в архивную отрасль по призванию. И «след» в архивной отрасли она тоже оставила яркий.

— ◇ —

Т. А. Шевченко, Е. А. Стуканова

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕДЫ ФИЛИППОВНЫ ЛЕМЕШ

Говоря о ЦГАОР БССР, вспоминаешь плеяду тех архивистов, кто стоял у истоков архива. Это Ю. И. Анейчик, А. В. Воробьев, Г. Н. Дешковец, Ю. Е. Клионская, К. М. Плехотникова. В одном ряду с ними и Леда Филипповна Лемеш. В жизни этого человека были разные моменты: были и радости, были и горести.

Леда Филипповна родилась 25 августа 1924 г. в д. Ленино Слуцкого района Минской области в семье служащих. В 1930 г. с родителями она переезжает в Туркменистан. В 1942 г. закончила школу в г. Ашхабаде. Поступив в 1945 г. в Ашхабадский педагогический институт им. А. М. Горького на факультет языка и литературы, в августе Л. Ф. Лемеш пришла работать на должность старшего научного сотрудника в Центральный госархив НКВД Туркменской ССР (позже — Центральный госархив фотофонокинодокументов Туркменской ССР). Параллельно вечерами она продолжала учиться в институте, который закончила в 1948 г.

Произошедшее в г. Ашхабаде в 1948 г. землетрясение принесло в жизнь Леды Филипповны большое горе — погиб ее единственный сын. Тем не менее, как видно из служебной аттестации, сохранившейся в личном деле, после землетрясения старший научный сотрудник Л. Ф. Лемеш «принимала активное участие по перевозке документальных материалов из разрушенного здания в подвальное помещение. Была ответственной по строительству временного барака».

За исполнительность, дисциплинированность, инициативность, усидчивость и деловые качества в работе в октябре 1950 г. Л. Ф. Лемеш была назначена начальником Центрального госархива фотофонокинодокументов Туркменской ССР. Как свидетельствует текст аттестационной характеристики, Леда Филипповна была «в работе исполнительна, однако мало требовательна и не строга к подчиненному аппарату», что говорит о ней как о трудолюбивом и доброжелательном человеке.

За годы работы начальником данного архива Л. Ф. Лемеш вместе с сотрудниками проделала большую работу по упорядочению фотодокументов после землетрясения и восстановлению учетно-справочного аппарата архива. В этот период она неоднократно являлась организатором выставок фотодокументов по вопросам промышленности, сельского хозяйства, культуры и искусства, в том числе принимала активное участие в организации выставки, посвященной 40-летию архивного строительства СССР.

Леда Филипповна многое успевала — кроме работы в архиве всегда принимала активное участие в общественной жизни коллектива — была членом редакционной коллегии стенной газеты и казначеем местного комитета.

В 1960 г., в связи с болезнью матери, Леда Филипповна вернулась на Родину — в Беларусь. Поначалу ей сложно было найти работу. Свои прошения она направляла и в Брест, и в Могилев. Вскоре ей предложили должность научного сотрудника в Могилевском областном архиве. Она продолжала искать работу поближе к родным, которые проживали в г. Руденске. И вот, в сентябре 1960 г., она была принята на должность научного сотрудника ЦГАОР БССР.

В 1965 г. ее назначили начальником нового отдела фондов, учета и научно-справочного аппарата, а в начале 1970 г. она стала заместителем директора ЦГАОР. В этот период в архиве на базе предметно-тематического каталога создаются систематический и именной каталоги, проводится работа по усовершенствованию описей.

Любовь и уважение к людям, коллегам по работе и большое желание передать им хоть часть своего огромного багажа знаний стали базовой основой для роста Л. Ф. Лемеш как архивиста и руководителя. Она умело составляла аналитические справки, разрабатывала памятки и другие методические пособия. Леда Филипповна участвовала во многих научных конференциях, она — автор ряда статей в периодических изданиях.

Находясь всегда в гуще архивных событий, принимала активное участие во всех делах архива. Сотрудники избрали ее профоргом, она была членом редколлегии стенгазеты «Историк-архивист».

На базе ЦГАОР БССР, как ведущего республиканского архива, проводились курсы повышения квалификации. Опыт и знания Леды Филипповны пригодились и здесь.

За время своей деятельности в ЦГАОР Л. Ф. Лемеш с удовольствием руководила стажировкой молодых специалистов и производственной практикой студентов Белорусского государственного университета.

Закономерно, что в октябре 1978 г. она была назначена директором ЦГАОР БССР.

Где бы не работала Леда Филипповна, коллеги и руководство всегда отмечали ее трудолюбие, добросовестное отношение к работе, доброжелательность, готовность помочь. Неоднократно Леде Филипповне были объявлены благодарности. В подтверждение этому в личном деле Леды Филипповны можно увидеть ряд характеристик и ходатайств о поощрении за хорошую работу и активное участие в общественной жизни, в частности, — письмо начальника отдела А. В. Воробьева и заместителя начальника ЦГАОР БССР Н. И. Каминского о поощрении. В 1970 г. Л. Ф. Лемеш награждена медалью за доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Постановлением Коллегии Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Президиума ЦК Профсоюза работников госучреждений от 21 июля 1972 г. № 6 Л. Ф. Лемеш награждена Почетной грамотой. В 1977 г. за многолетнюю и плодотворную работу в архивных учреждениях республики и в связи с 50-летием ЦГАОР БССР — Почетной грамотой Верховного Совета БССР.

Леда Филипповна также обладала способностью тонко чувствовать людей, определять их способности. Многие из тех, кто работал с Ледой Филипповной, остались так же, как и она, на всю свою жизнь преданными архиву.

Передав штурвал управления архивом в надежные руки своего ученика В. Д. Семенова, в 1982 г. Л. Ф. Лемеш ушла на заслуженный отдых. Но в праздники и в будни Леда Филипповна часто приходила в архив, чтобы поделиться накопленным опытом, пообщаться с архивистами, поздравить коллег с юбилеями.

Источники и литература

1. НАРБ. — Ф. 250. — Оп. 4. — Д. 225.

- Архівісты Беларусі: Біябібліяграфічны даведнік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2006. — С. 143.
- Наша история. Национальный архив Республики Беларусь. 1927—2007 гг. — Мінск: НАРБ, 2007. — С. 18—19, 109.

— ◇ —

М. Ф. Шумейка

ИСТОРИК — АРХЕОГРАФ — АРХИВИСТ

(к 80-летию со дня рождения Е. Ф. Шорохова (1934—2014))

Именно так — «Историк — археограф — архивист» — назвал свою статью, открывавшую первый номер начавшего издаваться с 1923 г. в Москве органа Центрархива России — журнала «Архивное дело» выдающийся русский историк, член-корреспондент Российской академии наук С. В. Рождественский. Автор изложил в ней своего рода декларацию о необходимости сотрудничества представителей трех этих профессий, которых, по его мнению, объединяет общий объект приложения — неизданные тексты, хранящиеся преимущественно в архивах.

Е. Ф. Шорохов, 80-летие со дня рождения которого архивно-археографическая общественность республики отметила 24 сентября нынешнего года, без сомнения, обладал всеми этими профессиональными качествами, однако к ним, на наш взгляд, следует еще добавить и документоведение, которым юбиляр «увлекся», перейдя в 1975 г. с должности начальника научно-издательского отдела Главархива Беларуси в аппарат Правительства БССР. Делопроизводством он будет заниматься, возглавляя в 1994—1995 гг. общий отдел Аппарата Кабинета Министров Республики Беларусь, работая затем начальником Управления делопроизводства и оргтехники Администрации Президента Республики Беларусь и возглавляя до выхода на заслуженный отдых в 2000 г. канцелярию Администрации Главы государства.

Автору настоящей статьи не довелось работать с Евгением Федоровичем в одних учреждениях, хотя, разумеется, он не один раз общался с ним во время различных мероприятий, посвященных юбилеям архивной службы Беларуси и др. Бывая в Москве и выступая на различных научных конференциях, организуемых нашей общей с ним *alma mater* — Историко-архивным институтом, каждый раз получал вопросы о Шорохове и поручения передать ему приветы от однокашников. Среди последних — профессора ИАИ РГГУ Э. Г. Истомина, А. И. Комиссаренко и др. Собирался это сделать при очередной встрече, но... увы, 6 июля 2014 г. Евгения Федоровича не стало...

Коль скоро мы заговорили об истоках профессиональной и научной деятельности Е. Ф. Шорохова, не могу не сослаться и еще на один показательный факт из его биографии. К 50-летию Историко-архивного института (1980 г.) по инициативе доцента кафедры археологии Д. М. Эпштейн был подготовлен сборник документов и материалов о полувековом пути, пройденном этим единственным на то время в СССР высшим учебным заведением, готовившим кадры историков-архивистов, археографов, документоведов [1]. Обратившись к именному указателю сборника, встретил там и фамилию Е. Ф. Шорохова, сопровождавшуюся следующей справкой: «*выпускник МГИАИ, начальник ГАУ при СМ БССР*» [выделено мною. — *М. Ш.*]. Показалась не случайной эта фактологическая ошибка (среди руководящих должностей Евгения Федоровича в системе архивной службы — заведывание Лабораторией по реставрации и микрофотокопированию документов при АУ при СМ БССР и упоминавшимся выше научно-издательским отделом): авторитет и известность Шорохова в архивных кругах были на-

столько высоки, что составители сборника ни на минуту не сомневались, что именно он должен был возглавлять государственную архивную службу Беларуси!

Во введении к сборнику имя Е. Ф. Шорохова также называется среди сотен выпускников МГИАИ конца 1950-х гг., прочно связавших свою жизнь с архивным делом. Среди последних — директора центральных общесоюзных архивов М. И. Автократова, О. А. Буданов, О. Н. Тягунов, В. В. Цаплин; руководящие работники и ведущие специалисты Главархива СССР Б. Н. Богатов, Т. Н. Долгорукова, А. В. Елпатьевский, В. М. Мамонов, Л. И. Панин; руководители и сотрудники ВНИИДАД В. Н. Автократов, Д. Д. Голованов, А. Н. Сокова, Н. М. Шепукова и др.

Имя Шорохова фигурирует и в документе об участии студентов МГИАИ в третьем трудовом семестре летом 1956 г. Из воспоминаний Р. А. Окуновой следует, что он работал в совхозе «Ермаковский» Красноярского края в составе бригады, возглавляемой ею совместно с А. И. Комиссаренко и был награжден за свой ударный труд Почетной грамотой.

Но, разумеется, главная заслуга Е. Ф. Шорохова состоит в том, что он, повторяя слова очерка о нем в биобиблиографическом справочнике, «унёс весьма значный вклад в развитии архивной службы, справедливо, публикацией документальных материалов у Беларуси» [2].

Выпускник Историко-архивного института 1957 г., Евгений Федорович вместе с супругой Диней Леонидовной (к сожалению, она очень рано ушла из жизни) стал наряду с А. В. и Т. А. Воробьевыми, Ю. А. и А. В. Капицами одним из представителей белорусских архивных династий, действительно внесших существенный вклад в развитие архивного дела и делопроизводства, архивоведения, археологии, документоведения [3].

Приехав в 1957 г. по распределению в Минск на должность ст. науч. сотрудника Лаборатории по реставрации и микрофотокопированию документальных материалов Архивного управления МВД БССР, Е. Ф. Шорохов вскоре занимает должность руководителя Лаборатории, оставаясь в ней до 1962 г. Его вводят в состав редакционной коллегии издающегося с 1956 г. Информационного бюллетеня АУ МВД БССР, а в 1962 г. он становится редактором этого ведомственного издания, преобразованного к этому времени в Научно-информационный бюллетень АУ при СМ БССР. Именно здесь, на его страницах, была помещена едва ли не первая публикация Шорохова — рецензия, а точнее — аннотация на изданный АН СССР сборник работ его московских коллег — о реставрации и консервации документов и книг [4].

Забегая вперед, заметим, что к рецензиям на документальные издания как форме научной археографической продукции Е. Ф. Шорохов будет прибегать и позже, возглавив в 1963 г. отдел научного использования документов и информации АУ при СМ БССР, а с 1969 г. — научно-издательский отдел Главархива республики.

Активный «археографический период» профессиональной деятельности Е. Ф. Шорохова продолжался до 1975 г., когда он перешел на работу в Аппарат Правительства Беларуси (и там он не оставит занятий своей любимой археографией, хотя, разумеется, и не сможет уделять ей столько же внимания, как это было до 1975 г.). Как известно, именно на эти годы приходится своеобразный пик развития практической энциклопедической деятельности в республике, как, впрочем, и во всем бывшем Союзе ССР, что впоследствии дало основание историографам говорить о некоем «золотом веке археографии». Разумеется, последняя не могла не находиться тогда под сильнейшим идеологическим, политическим влиянием, которое в свою очередь испытывал и Шорохов, обеспечивавший подготовку и реализацию архивами Беларуси самостоятельно или в кооперации с академическими и иными учреждениями археографических проектов. Это заметно по тональности его

выступлений на различных научных форумах, совещаниях, характере статей, начиная с их названий [5]. И тем не менее даже в таких условиях «археографической и архивной несвободы», сопровождавшей наступавшие после непродолжительной «оттепели» идеологические заморозки, Евгений Федорович брался за разработку таких архивно-археографических сюжетов, за которые до него не осмеливались взяться его предшественники. Мы имеем в виду его статьи о репрессированном в 1930-е гг. первом руководителе Центрархива Беларуси Д. Ф. Жилуновиче [6]; внесшем в начале 1920-х гг. значительный вклад в становление системы архивных органов и учреждений Беларуси первом ректоре БГУ В. И. Пичете, арестованном в 1930 г. по так называемому «академическому делу» [7]; Первой всебелорусской конференции архивных работников 1924 г., большинство участников которой были репрессированы в 1930-е гг. [8], и др.

Анализируя археографическую деятельность Е. Ф. Шорохова, нельзя не отметить ее многоаспектного характера: он одновременно выступает и как исследователь истории белорусской археографии, и в то же время практик-археограф [9], сочетая при этом практическую деятельность с теоретическими изысканиями в археографической сфере. Интерес Шорохова к изучению истории белорусской археографии, на наш взгляд, во многом был обусловлен начатой в 1970 г. по инициативе сектора археографии ВНИИДАД работой по созданию обобщающего труда по истории археографической деятельности в союзных республиках. С учетом ведомственного характера общесоюзного НИИ было решено ограничиться анализом археографической деятельности только архивных учреждений и придать работе форму очерка.

В 1973—1975 гг. в сектор были представлены очерки и обзоры публикационной деятельности архивных учреждений всех союзных республик, сведенные в общий труд под названием «Археографическая деятельность архивных учреждений союзных республик (1918—1975 гг.)», увидевший свет в 1979 г. в составе 10-го тома Трудов ВНИИДАД Беларуси в коллективе авторов представлял Е. Ф. Шорохов. По оценке руководителя проекта О. Ф. Козлова, возглавлявшего сектор археографии: «Наиболее удачными оказались очерки по истории археографии в Белорусской ССР (подг. Е. Ф. Шорохов) и об археографической деятельности архивных учреждений Казахской ССР (подг. Н. П. Калита)» [10].

И, действительно, обращаясь к белорусскому сегменту общесоюзного очерка, нельзя не заметить, насколько профессионально и глубоко аргументированно автор подошел к исполнению возложенной на него ответственной задачи. В очерке он едва ли не впервые публично поведал об истории обнаруженного весной 1919 г. в Могилеве архива царской Ставки и попытках могилевских «археографов» по аналогии с их петроградскими коллегами (матросом Балтфлота Н. Г. Маркиным, бывшим секретарем наркоминдела советской России Л. Д. Троцким) издать входившие в состав архива документы. При этом Е. Ф. Шорохов справедливо увязывал оказавшиеся неудавшимися попытки могилевчан напечатать «разоблачительные» (читай обличительные) документы последнего российского императора и членов его семьи с реализованными в конце 1917 — начале 1918 г. «маркинскими» сборниками секретных документов из архива бывшего МИД России [11]. Здесь же Шорохов вторично обращает внимание исследователей на материалы состоявшейся в мае 1924 г. в Минске архивной конференции как важнейший источник для изучения истории архивного дела и археографии в Беларуси. Заметим, что во многом благодаря его наблюдениям и соображениям в части, касавшейся материалов конференции, они будут так изданы, заслужив позитивный отзыв со стороны достаточно сдержанного [12] в оценках научной продукции коллег Е. Ф. Шорохова [13].

Участие Е. Ф. Шорохова в работе по созданию общесоюзного очерка об археографической деятельности стимулировало его к продолжению углубленного изучения археографии не только в ее историческом, но и теоретическом аспектах. На это обстоятельство обратил внимание упоминавшийся выше О. Ф. Козлов, особо выделивший «историографический» доклад Шорохова на Республиканской конференции по археографии (Минск, 1976 г.), напечатанный в форме статьи в материалах конференции. В ней прежде всего заслуживает внимания предложенная автором схема классификации историографических источников, включающая четыре основные группы: работы историографического характера; по истории и организации архивного дела; по истории публикации документов, теории и методике археографии; рецензии на археографические издания и на работы по истории публикации документов, теории и методике археографии [14]. Эта схема, принятая многими историками и археографами, включая и автора настоящей статьи, не только дает возможность учета многообразия историографических источников, но прежде всего связывает археографию предметом своего исследования с собственно историографией, архивоведением и источниковедением, т. е. теми научными дисциплинами, с которыми она наиболее тесно взаимодействует.

Своего рода квинтэссенцией научных изысканий Е. Ф. Шорохова в области археографии стало его участие в общесоюзной дискуссии по теоретическим проблемам археографии, развернувшейся на страницах журнала «Советские архивы» в 1970-е гг. Дискуссия возникла в связи с изданием в 1974 г. заведующим кафедрой археографии Московского историко-архивного института проф. М. С. Селезевым, отличавшимся крайне догматическими взглядами, учебного пособия «Теория и методика советской археографии». В ней приняли участие такие известные российские и украинские источниковеды и археографы, как М. А. Варшавчик, О. Ф. Козлов, Л. Н. Пушкарев, М. Н. Черноморский, В. А. Черных, С. О. Шмидт, С. А. Яковлев и др. Дискуссионная статья Е. Ф. Шорохова под названием «О некоторых вопросах теории советской археографии» была напечатана в четвертом номере журнала за 1976 год, когда ее автор формально уже не был связан с архивными учреждениями Беларуси, но от этого она не становится менее привлекательной по оригинальности изложенных в ней автором выводов и наблюдений. Заметим, что ей предшествовала напечатанная тремя годами ранее в этом же журнале статья, обратившая на себя внимание редакции, которая сочла необходимым сопроводить ее публикацию следующим комментарием: «В статье Е. Ф. Шорохова поднят ряд существенных вопросов о публикационной работе белорусских архивистов и также некоторые методические вопросы археографии. Ряд утверждений автора носит дискуссионный характер. Редакция приглашает читателей высказаться по затронутым в статье вопросам» [15].

Возвращаясь к статье Евгения Федоровича 1976 г., отметим, что автор ее совершенно оправданно повысил статус археографии, переведя ее из категории «вспомогательных исторических дисциплин», какой считали археографо многие коллеги Шорохова, в разряд научных дисциплин, изучающих и разрабатывающих теорию, методiku и историю подготовки документальных изданий [16]. Однако, с другой стороны, он вольно или невольно поддержал позицию в целом критикуемого им М. С. Селезнева, сторонника узкого толкования археографии как научной дисциплины, занимающейся лишь разработкой приемов и методов публикации исторических источников и не склонного признавать за эдичной деятельностью предлагаемого определения «практической археографии», позже укоренившегося в терминологическом словаре.

Справедливо полагая, что задачи археографии значительно шире, нежели обслуживание исторической науки, Е. Ф. Шорохов слишком большое внимание уделил изданию

документов в политических и идеологических целях. Действуя вполне обоснованно с точки зрения формальной логики, он ставил вопрос «Почему археография... не опирается в своих исследованиях на теорию и методику партийной пропаганды, педагогику, психологию, логику, библиографию, а только на исторические и смежные с ними научные дисциплины?» [17]. На это обстоятельство обратил внимание один из современных российских археографов, профессор Московского историко-архивного института Е. М. Добрушкин, не разделяя при этом взглядов белорусского археографа [18].

Кстати, этот же автор, ссылаясь на данную статью Шорохова, отмечал небрежности использования в научной литературе терминов «документ», «источник», «памятник», «текст» как синонимичных [19]. Данный пример свидетельствует, что Е. Ф. Шорохов занимался не только теоретическими проблемами в области археографии; его в одинаковой мере интересовали и волновали и вопросы терминоведческого характера, на которые современные исследователи лишь недавно начали обращать пристальное внимание.

Наша статья о Е. Ф. Шорохове, за время ее подготовки, к сожалению, приобретающая мемориальный оттенок, рискует превратиться в исследование о научной и практической деятельности этого безусловно неординарного человека, большого профессионала своего дела. Однако последнее — еще впереди, когда его личный архив будет передан на государственное хранение в НАРБ и станет после соответствующей научно-технической обработки объектом исследования историков, архивистов, археографов, документоведов. Не сомневаемся, что там обнаружится множество интересных документов и материалов, которые станут основой для проведения научных исследований по проблемам архивоведения, археографии, культурологии.

Источники и литература

1. Московский ордена Знак Почета государственный историко-архивный институт 1930—1980: Сборник документов и материалов. [Б. м.]: Пермское книжное издательство. 1984.
2. *Архівісты Беларусі: Бябібліягр. давед. / Склад. С. У. Жумар, М. Ф. Шумейка.* — Минск: БелНДДАС, 2006. С. 226. В связи с этим справочником не могу не отметить, как во время общения с Е. Ф. Шороховым в мае 2007 г. на юбилее Государственной архивной службы Беларуси пришлось выслушать от него ряд лестных отзывов в адрес этого издания. Евгений Федорович говорил, что идею подготовки подобного справочника он вынашивал давно и был очень рад, что она была реализована, хотя и без его участия. Нисколько не сомневаюсь, что все так и было.
3. Это обстоятельство отмечают авторы только что изданного пособия по архивоведению: *Дакументазнаўства: дапаможнік / А. М. Бяляўскі і інш; пад рэд. М. Ф. Шумейкі.* — Минск: БДУ, 2013. — С. 145.
4. Шорохов, Е. Ф. Ценное пособие // Научно-информационный бюллетень Архивного управления при Совете Министров БССР. — Минск, 1961. — № 10. — С. 49.
5. См., например: Шорохов, Е. Ф. Об использовании архивных документов в идеологической работе // Советские архивы. — 1969. — № 3; Он же. Использование документальных материалов в идеологической работе // Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР: Материалы научной конференции архивистов и историков, посвященной 50-летию архивного строительства в СССР. — Минск, 1971. — С. 33—47 и др.

6. Шорохов, Е. Ф. Тайна маленькой записки: О заведующем Центрархивом БССР Д. Ф. Жилуновиче // Неман. — 1966. — № 3. — С. 185—189; Он же. Первый заведующий Центрархивом БССР // Советские архивы. — 1973. — № 2. — С. 52—54.
7. Каминский, Н. И., Шорохов, Е. Ф. В. И. Пичета и архивное дело в Белоруссии // Советские архивы. — 1968. — № 2. — С. 42—44.
8. Шорохов, Е. Ф. Конференция белорусских архивистов в 1924 году // Неман. — 1965. — № 3. — С. 94—95.
9. Здесь своего рода образцом археографической продукции может служить составленный Е. Ф. Шороховым сборник законодательных и руководящих документов «Архивное дело в БССР (1918—1968)» (Минск: Польша, 1972). Его отличает полнота корпуса публикуемых документов (нам удалось обнаружить лишь один единственный нормативный правовой акт, обойденный вниманием Е. Ф.), четкость археографического оформления, объем и качественный уровень научно-справочного аппарата.
10. Козлов, О. Ф. Очерк археографической деятельности архивных учреждений союзных республик (из опыта подготовки) // Археографический ежегодник за 1983 год. — М., 1985. — С. 167.
11. Подр. об этом см.: Додонов, Б. Ф., Копылова, О. Н., Мироненко, С. В. Из истории публикации документов царской семьи в 1918—1920-е гг. // Отечественные архивы. — 2007. — № 1; Они же. История коллекции документов последнего российского императора и членов его семьи (Новоромановского архива) в 1917—1919 гг. // Отечественные архивы. — 2008. — № 6.
12. В этом нетрудно убедиться, обратившись к его рецензиям (опубликованным и титульным). См., напр.: Автократов, В. Н., Шорохов, Е. Ф. Рец. на кн.: Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. — М.: Наука, 1973. — 303 стр. — Тир. 1650 экз. // История СССР. — 1974. — № 4. Совсем не случайно именно Е. Ф. Шорохов наряду с такими взыскательными критиками, как М. Ф. Спиридонов, Л. М. Лыч и др. был приглашен в качестве рецензента первого комплексного исследования по истории архивного дела Беларуси. — Очерков истории архивного дела в Беларуси (XV в. — 1991 г.), увидевших свет в 1999 г.
13. Первая всебелорусская конференция архивных работников 12—15 мая 1924 г.: Док и мат. / Сост. М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 1999. Автор настоящей статьи вспоминает, как во время встречи с Е. Ф. Шороховым на юбилее архивной службы республики (в мае 2007 г.) последний с некоторой долей грусти (а м. б. зависти?), как нам показалось, высказался по поводу публикации материалов конференции и только что изданного библиографического справочника «Архівісты Беларусі» (Минск: БелНДДАС, 2006) примерно такими словами: «Вы реализовали то, что я давно задумывал сделать, но не сделал».
14. Шорохов, Е. Ф. Археографическая деятельность научных учреждений Белорусской ССР (к историографии вопроса) // Вопросы археографии в БССР (материалы Научной конференции архивных учреждений республики). — Минск: «Наука и техника», 1980. — С. 64.
15. Шорохов, Е. Ф. Об актуальных вопросах развития археографии в БССР // Советские архивы. — 1973. — № 5. — С. 18.
16. См.: Шорохов, Е. Ф. О некоторых вопросах теории советской археографии // Советские архивы. — 1976. — № 4. — С. 56.
17. Там же. — С. 55.

18. Добрушкін, Е. М. К вопросу о типологии публикаций документов в археографии // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов: Межвузовский сборник научных трудов. — М.: РГГУ, 1991. — С. 14.
19. Там же. — С. 17.

РЭЗІЮМЭ

Козак Кузьма Іванавіч. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны і яе шлях да вызвалення: гістарыяграфічны агляд.

У артыкуле зроблены агляд прац айчынных і замежных навукоўцаў аб Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Трацяк Алена Іванаўна. Дакументы Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў аб першым этапе вызвалення тэрыторыі БССР ад нямецка-фашысцкай акупацыі.

У дадзеным артыкуле ўдзелена ўвага кінасцюжэтам, якія адлюстроўваюць рух часцей Чырвонай Арміі да межаў Беларускай ССР і пачатак вызвалення Беларусі восенню 1943 г. і зімой 1944 г. На цяперашні час у фондах Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў знаходзіцца 9 адзінак захоўвання кінадакументаў, звязаных з гэтай тэмай. Гэта хранікальна-дакументальны матэрыял, адзняты савецкімі кінааператарамі М. Беравым, І. Вейняровічам, Д. Ібрагімавым, К. Піскаровым, У. Цеслюком, С. Школьнікавым і многімі іншымі ў часях Чырвонай Арміі і партызанскіх атрадах у вышэйадзначаны час. Франтавыя кінакадры з'яўляюцца ўнікальнымі сведкамі тых трагічных, але і гераічных падзей і дазваляюць нам, сучаснікам, стаць іх відавочцамі.

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч. Дзейнасць нямецкіх разведвальна-дыверсійных і шпіёнскіх школ на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны: гістарыяграфія праблемы.

Дадзены артыкул прысвечаны даследаванню гістарыяграфіі па праблеме дзейнасці на акупіраванай тэрыторыі Беларусі нямецкіх спецшкол, якія рыхтавалі агентаў для працы ў тыле Чырвонай Арміі і ў партызанскіх атрадах. Аўтар вылучае дасягненні ў даследаванні гэтага пытання, а таксама вызначае перспектывы і новыя накірункі ў вывучэнні дадзенай тэмы.

Кулажанка Уладзімір Генадзьевіч. Рэгістрацыйныя справы праваслаўных прыходаў у фондах упаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы (1944—1965 гг.): крыніцазнаўчы аспект.

У артыкуле разгледжана гісторыя фарміравання, захаванасць, склад, змест, а таксама інфармацыйны патэнцыял рэгістрацыйных спраў царкоўных прыходаў, якія адклаліся ў фондах упаўнаважаных па справах РПЦ. Дадзены від крыніц утрымлівае даволі значны аб'ём унікальных даных па гісторыі рэлігійнага жыцця беларускіх гарадоў і вёсак, царкоўных прыходаў, барацьбы за рэалізацыю права на свабоду веравызнання, а таксама каштоўныя біяграфічныя звесткі пра святарства і актыўных вернікаў за 1940—1960-я гады.

Вялікі Анатоль Фёдаравіч. Архівы заходніх абласцей БССР у 1939—1941 гг.

У артыкуле асветлена праца архіваў заходніх абласцей БССР у 1939—1941 гг.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Агляд гісторыка-архіўных сіл рэспублікі (да 90-годдзя Першай усебеларускай канферэнцыі архіўных працаўнікоў).

У артыкуле асветлена праца Першай усебеларускай канферэнцыі архіўных працаўнікоў 1924 г.

Рындзін Сяргей Мікалаевіч. Данысенні начальнікаў губернскіх жандарскіх упраўленняў як крыніца інфармацыі аб грамадска-палітычных настроях у беларускіх губернях (1915—1916 гг.).

У артыкуле абагульняецца змест штомесячных сакрэтных рапартаў начальнікаў Мінскага, Віцебскага, Віленскага і Магілёўскага губернскіх жандарскіх упраўленняў

(ГЖУ) губернартам і таварышу міністра ўнутраных спраў С.П. Бялецкаму. У сваіх рапартах начальнікі ГЖУ адзначалі ступень сацыяльнай стабільнасці ў прыфрантавых губернях. Для гэтага яны збіралі звесткі аб умовах жыцця мясцовага насельніцтва, аб настроях у грамадстве па прычыне сусветнай вайны, эфектыўнасці органаў мясцовай і цэнтральнай улады. Жандармерыя губерняў асабліва цікавілася адносінамі да вайны і ўлады паліякаў, яўрэяў, літоўцаў, якія пражывалі на прыфрантавай тэрыторыі. Разглядалася таксама дзейнасць у рэгіёне рэвалюцыйных партый. Жандарскае кіраўніцтва адзначала работу мясцовых улад, аналізавала ўзаемаадносіны розных этнічных і сацыяльных груп у беларускіх губернях. Шмат увагі звярталася на маёмасны стан насельніцтва.

Крывіцкі Міхаіл Аляксандравіч. Малавядомыя старонкі з гісторыі Першай сусветнай вайны ў Беларусі: летапіс нямецкіх авіяналётаў на Мінск (верасень 1915 г. — верасень 1916 г.).

Артыкул прысвечаны адной з малавядомых старонак гісторыі Першай сусветнай вайны ў Беларусі — нямецкім авіяналётам на Мінск у 1915—1916 гг. На падставе дакументаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі аўтар дэтальна адлюстроўвае наступствы паветраных нападаў для насельніцтва і інфраструктуры горада ў пазначаны перыяд. Зроблены высновы пра характар і галоўныя мэты бамбардзіровак, іх сувязь з вайсковымі аперацыямі на Заходнім фронце. Артыкул забяспечаны падрабязным навукова-даведачным апаратам, што дазваляе чытачу лепш арыентавацца ў гістарычных рэаліях Мінска перыяду Першай сусветнай вайны.

Бурачонак Аляксандр Вячаслававіч. Фарміраванне арганізацыйна-прававых асноў прамысловага прадпрыемальніцтва ў Беларусі ў канцы XVIII — пачатку XX ст.

Артыкул прысвечаны характарыстыцы арганізацыйна-прававых асноў прамысловага прадпрыемальніцтва на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII — пачатку XX ст. Аўтарам прааналізаваны змены ў прававым рэгуляванні арганізацыі прамысловага прадпрыемства і рэгламентацыі заснавання і функцыянавання прамысловых прадпрыемстваў. Паказана эвалюцыя заканадаўства ў сферы абароны інтэлектуальнай прамысловай уласнасці. Выяўлены асаблівасці ў праве землевалодання і землекарыстання на тэрыторыі Беларусі ў адносінах да прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей.

Антановіч Зінаіда Васільеўна. Асабісты склад вышэйшага кліру Магілёўскай рымска-каталіцкай архідыяцэзіі ў канцы XVIII — пачатку XX ст.

У артыкуле разглядаюцца перамяшчэнні вышэйшага рымска-каталіцкага кліру Магілёўскай архідыяцэзіі ў канцы XVIII — пачатку XX ст. Аднаўленне кадравага складу адбывалася пераважна пры змене арцыбіскупаў або адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення рымска-каталіцкай царквы ў Расійскай імперыі, калі на працягу двух—пяці год духавенства мела магчымасць змяніць некалькі пасадак. Перамяшчэнні тычыліся пераважна пасадак канонікаў капітула і асэсараў кансісторыі. Пры гэтым прадстаўнікі вышэйшага кліру маглі як займаць некалькі пасадак адначасова, так і пакідаць асобныя з іх вакантнымі, што звязана з напружанасцю працы ўстаноў і высокімі патрабаваннямі да кандыдатаў. Мінімальны і максімальны тэрмін працы не рэгламентаваўся.

Брэгер Герман Максімавіч, Лінская Ларыса Антонаўна. Архіў Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра (т. 2: дакументы 61—163 за 1749—1761 гг.).

Чарговая публікацыя дакументаў Архіва Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра за 1749—1761 гг. асвятляе гісторыю манастыроў і царкваў Слуцкай праваслаўнай архімандрыі, складанасці існавання праваслаўнай царквы ў ВКЛ у гэты перыяд, уза-

маадносіны святароў і іерархаў розных канфесій і свецкіх асоб, сацыяльна-эканамічную гісторыю паселішчаў рэгіёна.

Келер Вольга Барысаўна. Трансферт права сярэдневяковай Германіі на землі ВКЛ і Рэчы Паспалітай.

Пачынаючы з XIII ст. на землях, размешчаных на ўсход ад Германіі, распаўсюджваецца нямецкае сярэдневяковае права. Трансферт нямецкага права на землі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяды сярэдневякоўя і ранняга новага часу з’яўляўся працэсам глабальным, цывілізацыйным, мір-сістэмным. Складанымі далёкага глабальнага працэсу былі розныя цывілізацыі — заходнеўрапейская і ўсходнеўрапейская; розныя сістэмы — нямецкага права і права гістарычных рэгіёнаў, размешчаных да ўсходу ад Германіі. Далены артыкул прысвечаны разгляду розных элементаў нямецкага права на літоўскіх, беларускіх, украінскіх і рускіх землях ВКЛ і Рэчы Паспалітай.

Дзярновіч Кацярына Пятроўна. Станаўленне і развіццё гістарычнага дакументазнаўства ў Беларусі.

У артыкуле гістарычнае дакументазнаўства разглядаецца як адзін з накірункаў даследаванняў, якія праводзяцца ў рамках дакументазнаўства. Пры гэтым спачатку аналізуецца непасрэдна развіццё дакументазнаўства на фоне развіцця навукі ў цэлым. Адзначаецца, што дакументазнаўства ў Беларусі пачало развіццё толькі ва ўмовах існавання незалежнай рэспублікі. Потым аналізуецца сувязь гістарычнага дакументазнаўства з іншымі навукімі, вызначаецца яго поле даследавання і вылучаюцца этапы вывучэння справаводства ў Беларусі.

Бувіч Таццяна Уладзіміраўна. Асаблівасці класіфікацыі дакументаў у архівах абкамаў КПБ (на прыкладзе партархіва Віцебскага абкама Камуністычнай партыі Беларусі).

У артыкуле аналізуюцца асаблівасці класіфікацыі дакументаў пярвічных арганізацый КПБ і ЛКСМБ (на прыкладзе фондаў былога партархіва Віцебскага абкама КПБ) і абагульняецца вопыт работы ўстановаў «Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці» па інтэграцыі ў склад Нацыянальнага архіўнага фонду Рэспублікі Беларусь архіўных фондаў камітэтаў і пярвічных арганізацый, якія дзейнічалі ў 1918—1991 гг. на тэрыторыі Віцебскай вобласці ў сучасных граніцах.

Міхяёнак Таццяна Сяргеёўна. Дакументы Камісіі па ўстанаўленні персанальных пенсій пры Савеце Міністраў БССР як крыніца па гісторыі Беларусі.

У артыкуле даецца агляд складу і зместу новага фонду Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Дакументы Камісіі па ўстанаўленні персанальных пенсій пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь ўтварылі фонд № 1529, які паступіў на пастаяннае захоўванне ў архіў у 2014 г. Разнастайнасць дакументаў камісіі ўяўляе цікавасць для шырокага кола даследчыкаў гісторыі Беларусі.

Мальчэўскі Яўген Сяргеёвіч. Сістэма патэнтавай дакументацыі ў складзе навукова-тэхнічнай дакументацыі.

Артыкул прысвечаны даследаванню сістэмы патэнтавай дакументацыі ў складзе навукова-тэхнічнай дакументацыі. Аналізуюцца розныя падыходы да вызначэння сутнасці і месца патэнтавай дакументацыі. Характарызуюцца ўзаемасувязі паміж правам прамысловай уласнасці і сістэмай патэнтавай дакументацыі. Раскрываецца комплексны характар інфармацый патэнтавых дакументаў, якая ўяўляе непарыўнае спалучэнне прававой і навукова-тэхнічнай інфармацыі, прававой і знакава-графічнай інфармацыі не-

тэхнічнага характару. На аснове аналізу інфармацыйнага зместу пагэнтавай дакументацыі ставіцца пад сумненне яе месца ў складзе навукова-тэхнічнай дакументацыі.

Макіенка Аляксей Анатольевіч. Справаводная практыка земскіх устаноў ва Украіне (другая палова XIX — пачатак XX ст.).

У артыкуле ажыццёўлена спроба вызначэння ўпарадкавання земскай службы справаводства, яе ролі ў арганізацыі дакументацыйнага забеспячэння работы земстваў. Разгледжаны эвалюцыя структуры і кадравы склад службы справаводства. Ахарактарызаваны асноўныя інструкцыйна-метадычныя дакументы земстваў, якія забяспечвалі ўстанаўленне арганізацыйных формаў справаводства, структуры службы справаводства, правілаў дакументавання, тэхналогій працы з дакументамі. На канкрэтных прыкладах раскрыты асаблівасці справаводнай практыкі земскіх устаноў на тэрыторыі Украіны ў другой палове XIX — пачатку XX ст. Вывучэнне механізмаў стварэння дакументаў у розных земскіх установах дазволіла растлумачыць малавядомыя ў навуковых колах працэсы фарміравання дакументальнай спадчыны земстваў.

Злобін Сяргей Сяргеевіч. Гістарычныя веды ў каланіяльнай Індыі: трактоўка школы «Даследаванні прыгнёту».

У артыкуле разглядаецца, як у рамках школы «Даследаванні прыгнёту» трактуецца развіццё гістарычных ведаў у каланіяльнай Індыі. Паказана крытыка прац брытанскіх гісторыкаў, дзякуючы якім у індалогіі з'явілася прызнанне спецыфічнай гістарычнай дыстанцыі паміж каланіялізмам і да-каланіялізмам, якая служыла для абгрунтавання адсталасці Індыі і развіццё еўрапейскай цывілізацыі. Адменная ўвага надаецца разгляду адаптацыі дадзенай канцэпцыі гістарычнай дыстанцыі паміж каланіялізмам і да-каланіялізмам дзеячамі нацыянальнага адраджэння Індыі. Адзначаецца, што апазіцыя «адсталая Індыя — перадавая еўрапейская цывілізацыя» вызначала структуру не толькі для гістарычных, але і для філасофскіх і літаратурных твораў. Вылучаюцца таксама асаблівасці трактоўкі развіцця гістарычных ведаў у каланіяльнай Індыі на сучасным этапе, што шмат у чым прадвызначаецца новымі стратэгіямі разгляду феномена прыгнёту, зададзенымі Гаятры Чакраварці Співак.

Гукасян Ганна Жараеўна. Да 70-годдзя Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці.

Артыкул прысвечаны гісторыі стварэння і развіцця Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці. У дакументах архіва гісторыя краю прадстаўлена з 1919 г. і па сённяшні дзень.

Асіноўскі Святаслаў Маркавіч. Часопіс «Архівы і справаводства» — 15 гадоў: лічбы і факты.

У артыкуле змяшчаецца агляд зместу часопіса за 15 гадоў яго існавання.

Гінзбург Вольга Пятроўна. Узнікненне Партыі дэмакратычнага адраджэння Украіны як прыклад станаўлення многапартыйнай сістэмы Украіны ў пачатку 90-х гг. XX ст.

Публікуюцца дакументы аб арганізацыйным этапе стварэння Партыі дэмакратычнага адраджэння Украіны. Крыніцай інфармацыі выступаюць архіўныя дакументы аддзела Цэнтральнага Камітэта Камуністычнай партыі Украіны па сувязях з Саветамі, палітычнымі і грамадскімі арганізацыямі аб устаноўчым з'ездзе Партыі дэмакратычнага адраджэння Украіны, а таксама прынятая на ім Дэкларацыя. Указаныя дакументы захоўваюцца ў архіўным фондзе Цэнтральнага Камітэта Камуністычнай партыі Украіны Цэнтральнага дзяржаўнага архіва грамадскіх арганізацый Украіны і даюць магчымасць меркавання аб мэтах і задачах новаўтворанай партыі з пункту гледжання яе арганізатараў і кіраўнікоў ЦК КПУ.

Пазднякоў Валерый Сямёнавіч. Клецкая шляхта XVI—XVII стст. (спісы).

Публікуюцца спісы шляхты Клецкага княства 1528, 1552—1555, 1563, 1577, 1626, 1645, 1652 гг., якія складаліся дзяржаўнымі і прыватнымі ўладамі ў ваенных і фіскальных мэтах.

РЕЗЮМЕ

Козак Кузьма Иванович. Беларусь в годы Великой Отечественной войны и ее путь к освобождению: историографический обзор.

В статье сделан обзор трудов отечественных и зарубежных ученых о Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

Третьяк Елена Ивановна. Документы Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов о первом этапе освобождения территории БССР от немецко-фашистской оккупации.

В данной статье уделено внимание киносюжетам, запечатлевшим продвижение частей Красной Армии к границам Белорусской ССР и начало освобождения Беларуси осенью 1943 г. и зимой 1944 г. В настоящий момент в фондах Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов находится 9 единиц хранения кинодокументов, связанных с этой темой. Это хроникально-документальный материал, отснятый советскими кинооператорами М. Беровым, И. Вейнеровичем, Д. Ибрагимовым, К. Пискаревым, В. Цеслюком, С. Школьниковым и многими другими в частях Красной Армии и партизанских отрядах в обозначенный выше период. Фронтные кинокадры являются уникальным свидетельством тех трагических, но и героических событий и позволяют нам, современникам, стать их очевидцами.

Кулинок Святослав Валентинович. Деятельность немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы.

Данная статья посвящена исследованию историографии по проблеме деятельности на оккупированной территории Беларуси немецких спецшкол, готовивших агентов для работы в тылу Красной Армии и в партизанских отрядах. Автор выделяет достижения в изучении этого вопроса, а также определяет перспективы и новые направления в изучении данной темы.

Кулаженко Владимир Геннадьевич. Регистрационные дела православных приходов в фондах уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (1944—1965): источниковедческий аспект.

В статье рассмотрена история формирования, сохранность, состав, содержание, а также информационный потенциал регистрационных дел церковных приходов, которые отложились в фондах уполномоченных по делам РПЦ. Данный вид источников содержит довольно значительный объем уникальных данных по истории религиозной жизни белорусских городов и деревень, церковных приходов, борьбы за реализацию права на свободу вероисповедания, а также ценные биографические сведения о священстве и активных верующих за 1940—1960-е годы.

Великий Анатолий Федорович. Архивы западных областей БССР в 1939—1941 гг.

В статье освещена работа архивов западных областей БССР в 1939—1941 гг.

Шумейко Михаил Федорович. Смотр историко-архивных сил республики (к 90-летию Первой всебелорусской конференции архивных работников).

В статье освещена работа Первой всебелорусской конференции архивных работников 1924 г.

Рындин Сергей Николаевич. Донесения начальников губернских жандармских управлений как источник информации об общественно-политических настроениях в белорусских губерниях (1915—1916 гг.).

В статье обобщается содержание ежемесячных секретных рапортов начальников Минского, Витебского, Виленского и Могилевского губернских жандармских управлений (ГЖУ) губернаторам и товарищу министра внутренних дел С. П. Белецкому. В своих рапортах начальники ГЖУ оценивали степень социальной стабильности в прифронтовых губерниях. Для этого они собирали сведения об условиях жизни местного населения, о настроениях в обществе по поводу мировой войны, эффективности органов местной и центральной власти. Жандармерия губерний особенно интересовалась отношением к войне и правительству поляков, евреев, литовцев, проживавших на прифронтной территории. Рассматривалась также деятельность в регионе революционных партий. Жандармское руководство оценивало работу местных властей, анализировало взаимоотношения различных этнических и социальных групп в белорусских губерниях. Много внимания уделялось имущественному положению населения.

Кривицкий Михаил Александрович. Малоизвестные страницы из истории Первой мировой войны в Беларуси: летопись немецких авианалетов на Минск (сентябрь 1915 г. — сентябрь 1916 г.).

Статья посвящена одной из малоизвестных страниц истории Первой мировой войны в Беларуси — немецким авианалетам на Минск в 1915—1916 гг. На основе документов Национального исторического архива Беларуси автор детально отображает последствия воздушных нападений для населения и инфраструктуры города в указанный период. Сделаны выводы о характере и ключевых целях бомбардировок, их связи с военными операциями на Западном фронте. Статья снабжена подробным научно-справочным аппаратом, что позволяет читателю лучше ориентироваться в исторических реалиях Минска периода Первой мировой войны.

Бураченок Александр Вячеславович. Формирование организационно-правовых основ промышленного предпринимательства в Беларуси в конце XVIII — начале XX в.

Статья посвящена характеристике организационно-правовых основ промышленного предпринимательства на территории Беларуси в конце XVIII — начале XX в. Автором проанализированы изменения в правовом регулировании организации промышленного предпринимательства и регламентации учреждения и функционирования промышленных предприятий. Показана эволюция законодательства в сфере охраны интеллектуальной промышленной собственности. Выявлены особенности в праве землевладения и землепользования на территории Беларуси по отношению к представителям национальных меньшинств.

Антонович Зинаида Васильевна. Личный состав высшего клира Могилевской римско-католической архидиоцезии в конце XVIII — начале XX в.

В статье рассматриваются перемещения высшего римско-католического клира Могилевской архидиоцезии в конце XVIII — начале XX в. Обновление кадрового состава происходило преимущественно при смене архиепископов или административно-территориального деления римско-католической церкви в Российской империи, когда на протяжении двух—пяти лет духовенство имело возможность сменить несколько должностей. Перемещения касались преимущественно должностей каноников капитула и ассессоров консистории. При этом представители высшего клира могли как занимать несколько должностей одновременно, так и оставлять их вакантными, что связано

с напряженностью работы учреждений и высокими требованиями к кандидатам. Максимальный и минимальный срок службы не регламентировался.

Брегер Герман Максимович, Линская Лариса Антоновна. Архив Слуцкого Троицкого Свято-Троицкого монастыря (т. 2: документы 61—163 за 1749—1761 гг.).

Очередная публикация документов Архива Слуцкого Троицкого Свято-Троицкого монастыря за 1749—1761 гг. освещает историю монастырей и церковей Слуцкой православной архимандрии, проблемы деятельности православной церкви в ВКЛ в данный период, взаимоотношения священников и иерархов разных конфессий и светских лиц, социально-экономическую историю поселений региона.

Келлер Ольга Борисовна. Трансферт права средневековой Германии на земли ВКЛ и Речи Посполитой.

Начиная с XIII в. на землях, расположенных восточнее Германии, распространяется немецкое средневековое право. Трансферт немецкого права на земли Центральной и Восточной Европы в периоды средневековья и раннего нового времени являлся процессом глобальным, цивилизационным, мир-системным. Составными данного глобального процесса были различные цивилизации — западноевропейская и восточноевропейская; различные системы — немецкого права и права исторических регионов, расположенных к востоку от Германии. Данная статья посвящена рассмотрению различных элементов немецкого права на литовских, белорусских, украинских и русских землях ВКЛ и Речи Посполитой.

Дернович Екатерина Петровна. Становление и развитие исторического документоведения в Беларуси.

В статье историческое документоведение рассматривается как одно из направлений исследований, проводимых в рамках документоведения. При этом вначале анализируется непосредственно развитие документоведения на фоне развития науки в целом. Отмечается, что документоведение в Беларуси начало развиваться только в условиях существования независимой республики. Затем анализируется связь исторического документоведения с другими науками, определяется его поле исследования и выделяются этапы изучения делопроизводства в Беларуси.

Бувич Татьяна Владимировна. Особенности классификации документов в архивах обкомов КПБ (на примере партархива Витебского обкома Коммунистической партии Белоруссии).

В статье анализируются особенности классификации документов первичных организаций КПБ и ЛКСМБ (на примере фондов бывшего партархива Витебского обкома КПБ) и обобщается опыт работы учреждения «Государственный архив Витебской области» по интеграции в состав Национального архивного фонда Республики Беларусь архивных фондов комитетов и первичных организаций, действовавших в 1918—1991 гг. на территории Витебской области в современных границах.

Михеенок Татьяна Сергеевна. Документы Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете Министров БССР как источник по истории Беларуси.

В статье дается обзор состава и содержания нового фонда Национального архива Республики Беларусь. Документы Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете Министров Республики Беларусь образовали фонд № 1529, который поступил на постоянное хранение в архив в 2014 г. Многообразие документов комиссии представляет интерес для широкого круга исследователей истории Беларуси.

Мальчевский Евгений Сергеевич. Система патентной документации в составе научно-технической документации.

Статья посвящена исследованию системы патентной документации в составе научно-технической документации. Анализируются различные подходы к определению сущности и места патентной документации. Характеризуются взаимосвязи между правом промышленной собственности и системой патентной документации. Раскрывается комплексный характер информации патентных документов, которая представляет собой неразрывное сочетание правовой и научно-технической информации, правовой и знаково-графической информации нетехнического характера. На основе анализа информационного содержания патентной документации ставится под сомнение ее место в составе научно-технической документации.

Макиенко Алексей Анатольевич. Делопроизводственная практика земских учреждений в Украине (вторая половина XIX — начало XX ст.).

В статье осуществлена попытка определения устройства земской службы делопроизводства, ее роли в организации документационного обеспечения работы земств. Рассмотрены эволюция структуры и кадровый состав делопроизводственной службы. Охарактеризованы основные инструктивно-методические документы земств, обеспечивавшие установление организационных форм делопроизводства, структуры службы делопроизводства, правил документирования, технологий работы с документами. На конкретных примерах раскрыты особенности делопроизводственной практики земских учреждений на территории Украины во второй половине XIX — начале XX ст. Изучение механизмов документообразования в различных земских учреждениях позволило прояснить малоизвестные в научных кругах процессы формирования документального наследия земств.

Злобин Сергей Сергеевич. Исторические знания в колониальной Индии: трактовка школы «Исследования угнетения».

В статье рассматривается, как в рамках школы «Исследования угнетения» трактуется развитие исторических знаний в колониальной Индии. Показана критика трудов британских историков, благодаря которым в индологии появилось признание специфической исторической дистанции между колониализмом и до-колониализмом, служившей для обоснования отсталости Индии и развитости европейской цивилизации. Особое внимание уделяется рассмотрению адаптации данной концепции исторической дистанции между колониализмом и до-колониализмом деятелями национального возрождения Индии. Отмечается, что оппозиция «отсталая Индия — передовая европейская цивилизация» определяла структуру не только для исторических, но и для философских и литературных произведений. Выделяются также особенности трактовки развития исторических знаний в колониальной Индии на современном этапе, во многом предопределяемой новыми стратегиями рассмотрения феномена угнетения, заданными Гаятри Чакараворти Спивак.

Гукасян Анна Жораевна. К 70-летию Государственного архива Гродненской области.

Статья посвящена истории создания и развития Государственного архива Гродненской области. В документах архива история края представлена с 1919 г. и по настоящее время.

Асиновский Святослав Маркович. Журналу «Архивы і справоводства» — 15 лет: цифры и факты.

В статье содержится обзор содержания журнала за 15 лет его существования.

Гинзбург Ольга Петровна. Возникновение Партии демократического возрождения Украины как пример становления многопартийной системы Украины в начале 90-х гг. XX ст.

Публикуются документы об организационном этапе создания Партии демократического возрождения Украины. Источником информации выступают архивные документы отдела Центрального Комитета Коммунистической партии Украины по связям с Советами, политическими и общественными организациями об учредительном съезде Партии демократического возрождения Украины, а также принятая на нем Декларация. Указанные документы хранятся в архивном фонде Центрального Комитета Коммунистической партии Украины Центрального государственного архива общественных организаций Украины и предоставляют возможность суждения о целях и задачах новообразованной партии с точки зрения ее организаторов и руководителей ЦК КПУ.

Поздняков Валерий Семенович. Клецкая шляхта XVI—XVII вв. (списки).

Публикуются списки шляхты Клецкого княжества 1528, 1552—1555, 1563, 1577, 1626, 1645, 1652 гг., которые составлялись государственными и частновладельческими властями в военных и фискальных целях.

SUMMARY

Kuz'ma Kozak. Belarus During the Great Patriotic War and Its Path to Liberation: Historiographical Review.

The article provides an overview of the works of national and foreign scholars about Belarus during the Great Patriotic War.

Alena Tratsytsyak. Documents of the Belarusian State Archives of Film, Photo, Phono Documents on the First Phase of the Liberation from Nazi Occupation.

This article deals with the footages, depicting the advancement of the Red Army troops to the border of the BSSR and the beginning of the liberation of Belarus in autumn 1943 and winter 1944. There are 9 documentaries on this topic in the funds of Belarusian State Archives of Film, Photo, Phono Documents (BSAFPPD). They are documentaries, made by Soviet cameramen M. Berov, I. Venerovich, D. Ibragimov, K. Piscarev, V. Tsylyk, S. Shcolnikov and others, in Red Army units and partisan detachments. These footages are unique evidence of tragic and heroic events and let us become their eyewitnesses.

Svyatoslav Kulinok. Activity of German Reconnaissance, Sabotage and Spy Schools in the Occupied Territory of Belarus During World War II: Historiography of the Problem.

This article investigates the historiography of German special schools' activity, that prepared agents to work in the rear of the Red Army and partisan groups, in the occupied territory of Belarus. The author highlights the achievements in the study of this problem, and defines perspectives and new trends in the study of the topic.

Uladzimir Kulazhanka. Registration Files of Orthodox Parishes in the Archival Funds of Representatives of Council for the Russian Orthodox Church (1944—1965): the Source Aspect.

The article describes the history of the formation, preservation, composition, content, and information potential parish's registration files, which were deposited in the archival funds of Representatives of Council for the Russian Orthodox Church. This type of source contains quite a significant amount of unique data on the history of religious life Belarusian towns and villages, parishes, the struggle for the right to freedom of religion, and valuable biographical information about the priesthood and active congregation in 1940—1960's.

Anatol Vialiki. Archives of the Western Regions of the BSSR in 1939—1941.

The article covers the work of the archives of the western regions of the BSSR in 1939—1941.

Michail Shumeyka. Review of Historical and Archival Forces of the Republic. (On the 90th Anniversary of the First Nation-Wide Conference of Archivists).

The article covers the work of the first nation-wide conference of archivists 1924.

Siarhei Ryndzin. Reports of Chiefs of Provincial Gendamerie Administrations as a Source of Information on the Social and Political Attitudes in Belarusian Provinces (1915—1916).

The article summarizes the content of the monthly secret reports of the chiefs of Minsk, Vitebsk, Vilna and Mogilev provincial gendamerie administrations to governors and Deputy minister of internal affairs S. P. Beletski. Chiefs of gendamerie administrations evaluated the degree of social stability in the frontline provinces in his reports. To do this, they collected data on the living conditions of the local population, on the mood in the society about the World War I, on the effectiveness of local and central authorities. Provinc gendamerie particularly interested in the attitude of Poles, Jews, Lithuanians living in the frontal area to the war and the government. The activities in the region of the revolutionary parties was regarded too. Gendamerie chiefs assessed the

work of local authorities, analyzed the relationship between various ethnic and social groups in Belarusian provinces. Much attention was paid to property status of the population.

Michail Kryvitski. Unknown Pages of History of the WWI in Belarus: the Annals of German Air Raids on Minsk (September 1915—September 1916).

Article is devoted to one of little-known pages of history of World War I in Belarus — to the German air raids to Minsk in 1915—1916. On the basis of documents of National historical archives of Belarus the author in details displays consequences of air attacks for the population and city infrastructure during the specified period. Conclusions are drawn on character and the key purposes of bombings, their communication with military operations on the Western front. Article is supplied with detailed explanatory notes that allows the reader to be guided better in historical realities of Minsk of the period of World War I.

Aliaksandr Burachonak. Formation of Institutional and Legal Framework of Industrial Business in Belarus in the Late 18th — Early 20th Century.

The article is devoted to the institutional and legal framework of industrial enterprise in the territory of Belarus in the late 18th — early 20th century. The changes in legal regulation the organization of industrial entrepreneurship and the establishment and functioning of industrial enterprises are analyzed. Evolution of legislation in the sphere of intellectual activity of industrial property has been investigated. Author detected the features in the field of land tenure and land use on the territory of Belarus concerning to national minorities.

Zinaida Antonovich. Personnel of Higher Clergy in Mahilov' Roman Catholic Archdiocese Late 18th — Early 20th Century.

This article discusses moving higher Roman Catholic clergy in Mahilov' archdiocese late 18th — early 20th century. Update staffing occurred mainly when changing archbishops or administrative-territorial division of the Roman Catholic Church in the Russian Empire, when for two—five years clergy has been able to change a few positions. Were concerned primarily with a stirred canonry chapter and assessors consistory. At the same time representatives of the higher clergy could take as few posts at the same time and leave them vacant, due to the functioning capacity of institutions and high requirements for candidates. Maximum and minimum standing at the positions not regulated.

Herman Breger, Larisa Linskaya. The Archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk (v. 2: documents Nr. 61—163, c. 1749—1761).

The current publication of the documents (1749—1761) of the archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk reveals the history of the monasteries of the churches of the Slutsk Orthodox Archimandrite, the problems of the activities of Orthodox Church in the Grand Duchy of Lithuania during this period, relations between priests and bishops of various confessions and secular people, socio-economic history of towns and villages in the region.

Volha Keler. The Transfer of Medieval German Law to the Lands of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Since the beginning of the 13th century, medieval German law was spreading eastward from Germany. In the Medieval and Early Modern Times, the transfer of German law to the lands of Central and Eastern Europe was a global and civilizational process which included, from the one hand, various types of civilization, those of Western and Eastern Europe, and from the second hand, various systems of law, the German ones and those of the regions east of the Germany. This article examines the different elements of German law in the Lithuanian, Belarusian, Ukrainian and Russian regions of the Grand Duchy of Lithuanian and the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Ekaterina Dernovich. Formation and Development of the Historical Documentation Science in Belarus.

In the article historical documentation science is considered as one of the field of research of documentation science. In the first part author analyzed common development of documentation science. The second part of the article is devoted to concept of «historical documentation science» and stage of its development in Belarus.

Tatiana Buevich. Peculiarities of Classification of the Documents in the Party Archives of the Regional Committees of the Communist Party of Belarus (on the Example of the Funds of the Former Party Archives of Vitebsk Regional Committee of the Communist Party of Belarus).

This paper analyzes the characteristic of the peculiarities classification of the documents of the primary organizations of the Communist Party of Belarus and Komsomol (on the example of the funds of the former Party Archives of Vitebsk regional Committee of the Communist Party of Belarus) and summarizes the experience work of the institution of the «State Archives of Vitebsk region» on the integration of the archive funds of the committees and primary organizations which operated in 1918—1991 years on the territory of Vitebsk region in present borders into the National Archival Fund of the Republic of Belarus.

Tatyana Mikhiayonak. Documents of the Commission on the Establishment of Personal Pensions under the Council of Ministers of the BSSR as a Source for the History of Belarus.

The article discusses the composition and content of the new fund the National Archives of the Republic of Belarus. Documents Commission for personal pensions under the Council of Ministers formed the fund № 1529, which is adopted for permanent storage to the archive in 2014. Various documents of the Commission are of interest to a wide range of researchers in the history of Belarus.

Yauhen Malcheuski. Patent Documentation System as a Part of Scientific and Technical Documentation.

The article is dedicated to the study of the patent documentation system as a part of scientific and technical documentation. The different approaches to the determination of the nature and place of the patent documentation are analyzed. Within the framework of the study the correlations between the industrial property and patent documentation are characterized. The author reveals the complex nature of patent information, which is an inseparable combination of legal, scientific and technical information, legal and semantic-graphic information of non-technical nature. On the basis of analysis of the patent information content the place of the patent documentation system as a part of scientific and technical documentation is questioned.

Oleksij Makienko. Record Keeping of Zemstvo's Institutions in Ukraine (the Second Half of 19th — Beginning of 20th Century).

In the article made an attempt to identify the device of zemstvo service record keeping and its role in the organization of documentary maintenance work zemstvos. Consider the evolution of the structure and staffing of record keeping services. Describes the main instructional-methodical documents zemstvos, provide an established organizational forms of record keeping, office service structure, rules of documentation, technology of work with documents. With specific examples disclosed features record keeping practices zemstvo institutions in Ukraine in the second half of 19th — early 20th century. Studying the mechanisms document founding of various zemstvo institutions possible to clarify the little-known in the scientific community formation processes zemstvos documentary heritage.

Siarhej Zlobin. Historical Knowledge in Colonial India: interpretation within Subaltern Studies Group.

The article represents how the development of historical knowledge in colonial India is interpreted within Subaltern Studies Group. It displays the criticism of British historians works owing to which in South Asian Studies acknowledgement of specific justifying backwardness of India and maturity of European civilization historical distance between colonialism and pre-colonialism emerges. Special attention is paid to the adaptation of this historical distance conception by prominent nationalists. It's noted that the opposition «backward India — advanced European civilization» defined not only the structure of historical works, but philosophical and literary too. In the article it outlines also the specific features of contemporary interpretation of historical knowledge in colonial India that is deeply influenced by Gayatri Chakravorty Spivak with her definitions of subalternity phenomenon.

Hanna Hukasyan. On the 70th Anniversary of the State Archives of Grodno Region.

Article is dedicated to the history and development of the State Archives of Grodno Region. History of the region in the documents of the archive is presented since 1919 to the present time.

Sviataslaŭ Asinoŭski. 15 Years of the Journal *Archives and Records Management: Figures and Facts*.

The article provides an review of content of the magazine for 15 years of its existence.

Olga Hinzburh. The Emergence of the Party of Democratic Revival of Ukraine as an Example of Establishing a Multi-Party System in Ukraine in the Beginning of 90-s of 20th Century.

In the article are published the documents on the organizational stage of creating the Party of Democratic Revival of Ukraine. The source of information consists in the archival documents of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine on relations with the Soviets, political and social organizations on the founding congress of the Party of Democratic Revival of Ukraine, as well as the Declaration adopted by it. These documents are stored in the archival fund of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine of the Central State Archives of Public Organizations of Ukraine and provide an opportunity to judgments about the goals and objectives of the newly formed party in terms of its organizers and leaders of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine.

Valery Pazdniakou. Kleck Gentry in the 16—17th Centuries (Lists).

The paper is publication of Kleck duchy gentry lists dated from 1528, 1552—1555, 1563, 1577, 1626, 1645, 1652, which were compiled by state and privat authorities in the military and fiscal purposes.

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

«БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляе Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года паслявузаўскага навучання (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць персанальную адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю ўжо раней апублікаваных артыкулаў або артыкулаў, прынятых да друку іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з месца працы з рэкамендацыйнай артыкула да друку.
7. Дапускаецца замест выпіскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
8. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць вучоныя рады БелНДІДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
9. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрабуюцца.
10. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з прастаўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (не публікуюцца) і кантактныя тэлефоны (e-mail) для зваротнай сувязі чытачоў з аўтарам (публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
11. Артыкул забяспечваецца анатацыйнай на беларускай (рэзюмэ), рускай (рэзюме) і англійскай (summary) мовах памерам 100—150 слоў.
12. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.

13. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главой 5 Інструкцыі па афармленні дысертацыі і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).
14. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.
15. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за апублікаванне навуковых артыкулаў.

Рэдакцыйная калегія

*«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск,
arheograph@belniidat.by*

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

<i>К. И. Козак.</i> Беларусь в годы Великой Отечественной войны и ее путь к освобождению: историографический обзор	5
<i>Е. И. Третьяк.</i> Документы Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов о первом этапе освобождения территории БССР от немецко-фашистской оккупации	48
<i>С. В. Кулинок.</i> Деятельность немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы	57
<i>У. Г. Кулажанка.</i> Рэгістрацыйныя справы праваслаўных прыходаў у фондах упаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы (1944—1965 гг.): крыніцазнаўчы аспект	69
<i>А. Ф. Великий.</i> Архивы западных областей БССР в 1939—1941 гг.	75
<i>М. Ф. Шумейко.</i> Смотр историко-архивных сил республики (к 90-летию Первой всебелорусской конференции архивных работников)	83
<i>С. Н. Рындин.</i> Донесения начальников губернских жандармских управлений как источник информации об общественно-политических настроениях в белорусских губерниях (1915—1916 гг.)	100
<i>М. А. Кривицкий.</i> Малоизвестные страницы из истории Первой мировой войны в Беларуси: летопись немецких авианалетов на Минск (сентябрь 1915 г. — сентябрь 1916 г.)	108
<i>А. В. Бурачонак.</i> Фарміраванне арганізацыйна-прававых асноў прамысловага прадпрыемства ў Беларусі ў канцы XVIII — пачатку XX ст.	130
<i>З. В. Антановіч.</i> Асабісты склад вышэйшага кліру Магілёўскай рымска-каталіцкай архідыяцэзіі ў канцы XVIII — пачатку XX ст.	143
<i>Г. М. Брэгер, Л. А. Лінская.</i> Архіў Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра (т. 2: дакументы 61—163 за 1749—1761 гг.)	153
<i>О. Б. Келлер.</i> Трансферт права средневековой Германии на земли ВКЛ и Речи Посполитой	179
<i>Е. П. Дернович.</i> Становление и развитие исторического документоведения в Беларуси	195
<i>Т. В. Бувеч.</i> Особенности классификации документов в архивах обкомов КПБ (на примере партархива Витебского обкома Коммунистической партии Белоруссии)	206
<i>Т. С. Михеенок.</i> Документы Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете Министров БССР как источник по истории Беларуси	213
<i>Я. С. Мальчэўскі.</i> Сістэма патэнтавай дакументацыі ў складзе навукова-тэхнічнай дакументацыі	227

<i>А. А. Макиенко.</i> Делопроизводственная практика земских учреждений в Украине (вторая половина XIX — начало XX ст.).....	238
<i>С. С. Злобин.</i> Исторические знания в колониальной Индии: трактовка школы «Исследования угнетения».....	247
<i>А. Ж. Гукасян.</i> К 70-летию Государственного архива Гродненской области.....	254
<i>С. М. Асиновский.</i> Журналу «Архівы і справаводства» — 15 лет: цифры и факты.....	258

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

<i>О. П. Гинзбург.</i> Возникновение Партии демократического возрождения Украины как пример становления многопартийной системы Украины в начале 90-х гг. XX ст.	260
<i>В. С. Пазднякоў.</i> Клецкая шляхта XVI—XVII стст. (спісы).....	275

РЭЦЭНЗІІ

<i>Н. У. Сліж.</i> Новае выданне беларускіх тастаментаў.....	295
--	-----

ПОСТАЦІ

<i>О. В. Бирюкова.</i> К 90-летию со дня рождения Аси Исаевны Карпачевой.....	298
<i>О. А. Ледовская.</i> К 70-летию Алексея Евдокимовича Заболотного.....	299
<i>О. К. Тетерник.</i> К 70-летию Галины Ивановны Шостак.....	301
<i>У. Г. Кулажанка.</i> Руплівая захавальніца архіўнай спадчыны (да юбілею дырэктара Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва Ганны Вячаславаўны Запартыкі).....	302
<i>Г. Я. Голенченко, Л. С. Иванова.</i> Е. М. Карпачев — историк, архивист (к 100-летию со дня рождения).....	303
<i>О. В. Бирюкова.</i> К 90-летию со дня рождения Татьяны Владимировны Комаровой.....	306
<i>Т. А. Шевченко, Е. А. Стуканова.</i> К 90-летию со дня рождения Леды Филипповны Лемеш.....	307
<i>М. Ф. Шумейко.</i> Историк — археограф — архивист (к 80-летию со дня рождения Е. Ф. Шорохова (1934—2014).....	309

CONTENTS

ARTICLES

<i>K. Kozak.</i> Belarus During the Great Patriotic War and Its Path to Liberation: Historiographical Review.....	5
<i>A. Tratsiyyak.</i> Documents of the Belarusian State Archives of Film, Photo, Phono Documents on the First Phase of the Liberation from Nazi Occupation.....	47
<i>S. Kulynok.</i> Activity of German Reconnaissance, Sabotage and Spy Schools in the Occupied Territory of Belarus During World War II: Historiography of the Problem.....	56
<i>U. Kulazhanka.</i> Registration Files of Orthodox Parishes in the Archival Funds of Representatives of Council for the Russian Orthodox Church (1944—1965): the Source Aspect.....	68
<i>A. Vialiki.</i> Archives of the Western Regions of the BSSR in 1939—1941.....	74
<i>M. Shumeyka.</i> Review of Historical and Archival Forces of the Republic (on the 90 th Anniversary of the First Nation-Wide Conference of Archivists).....	82
<i>S. Ryndzin.</i> Reports of Chiefs of Provincial Gendarmerie Administrations as a Source of Information on the Social and Political Attitudes in Belarusian Provinces (1915—1916).....	99
<i>M. Kryvitski.</i> Unknown Pages of History of the WWI in Belarus: the Annals of German Air Raids on Minsk (September 1915—September 1916).....	107
<i>A. Burachonak.</i> Formation of Institutional and Legal Framework of Industrial Business in Belarus in the Late 18 th — Early 20 th Century.....	129
<i>Z. Antonovich.</i> Personnel of Higher Clergy in Mahilov' Roman Catholic Archdiocese Late 18 th — Early 20 th Century.....	142
<i>H. Breger, L. Linskaya.</i> The Archive of St. Trinity Monastery of Troychany in Slutsk (v. 2: documents Nr. 61—163, c. 1749—1761).....	152
<i>V. Keler.</i> The Transfer of Medieval German Law to the Lands of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth.....	178
<i>E. Dernovich.</i> Formation and Development of the Historical Documentation Science in Belarus.....	184
<i>T. Buevich.</i> Peculiarities of Classification of the Documents in the Party Archives of the Regional Committees of the Communist Party of Belarus (on the Example of the Funds of the Former Party Archives of Vitebsk Regional Committee of the Communist Party of Belarus).....	205
<i>T. Mikhiayonak.</i> Documents of the Commission on the Establishment of Personal Pensions under the Council of Ministers of the BSSR as a Source for the History of Belarus.....	212
<i>Y. Malcheiŭski.</i> Patent Documentation System as a Part of Scientific and Technical Documentation.....	226
<i>O. Makienko.</i> Record Keeping of Zemstvo's Institutions in Ukraine (the Second Half of 19 th — Beginning of 20 th Century).....	237

S. Zlobin. Historical Knowledge in Colonial India: interpretation within
Subaltern Studies Group 246
H. Hukasyan. On the 70th anniversary of the State Archives of Grodno Region ... 253
S. Asinoŭski. 15 Years of the Journal *Archives and Records Management*.
Figures and Facts..... 257

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

O. Hinzburh. The Emergence of the Party of Democratic Revival of Ukraine
as an Example of Establishing a Multi-Party System in Ukraine in the
Beginning of 90-s of 20th Century 259
V. Pazdniakou. Kleck Gentry in the 16—17th Centuries (Lists) 274

REVIEWS

N. Slizh. A New Edition of Belarusian Testaments 294

PERSONALITIES

V. Birukova. On the 90th Anniversary of Asya Isaevna Karpachova 297
V. Liedaŭskaya. On the 70th Anniversary of Alexei Yevdokimovich Zabolotny .. 298
V. Tsyatsiernik. On the 70th Anniversary of Galina Ivanovna Shostak 300
U. Kulazhanka. Zealous Guardian of the Archival Heritage (*for the
Anniversary of the Director of the Belarusian State Archives-Museum of
Literature and Art Hanna Vyachaslavauna Zapartyka*) 301
G. Galenchanka, L. Ivanova. E. M. Karpachev is the Historian, the Archivist
(*the 100th Anniversary of His Birth*) 302
V. Birukova. On the 90th Anniversary of Tatyana Vladimirovna Komarova 305
T. Shaichenka, A. Stukanava. On the 90th anniversary of Leda Filipovna
Lemesh 306
M. Shumeyka. Historian — Archaeographer — Archivist (*on the 80th
Anniversary of E. F. Shorohov (1934—2014)*) 308

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 15

Рэдактары: *Т. М. Мальцава, Т. В. Салавей, А. У. Хмялеўская*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванова*

Падпісана да друку 17.11.2014. Фармат 60×84¹/₁₆.
Папера «Гознак» 65 г/м². Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 19,53.
Улік.-выд. арк. 22,0. Тыраж 100 экз. Зак. 10.

Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДЦДАС).
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы і распаўсюджвальніка
друкаваных выданняў ад 24.03.2014. Нумар у Дзяржаўным рэестры выдаўцоў, вытворцаў і
распаўсюджвальнікаў друкаваных выданняў Рэспублікі Беларусь № 1/229.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.